UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01116140 3

MONOLIT COMPANY
6 East 97th Street
NEW YORK, N. Y.
U. S. A.

HRus
S6633p

Sokolov, Konstantin Nikolaevich

(К. Н. СОКОЛОВЪ)

ПРАВЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

Pravlenie Generala Denikina (iz Vospominany

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ)

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

MONOLIT COMPANY
6 East 97th Street
NEW YORK, N. Y.
U. S. A.

496751

7. 9. 49

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1921

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФІЯ, АКЦІОНЕРН. О-ВО
СОФІЯ — 1921

ОТЪ АВТОРА.

Читатель испытаетъ разочарованіе, если будетъ искать въ этой книжкѣ историческаго изслѣдованія о томъ періодѣ гражданской войны на югѣ Россіи, когда во главѣ противо-большевистскихъ силъ стоялъ генералъ Деникинъ. Какъ видно изъ надписи на обложкѣ, здѣсь просто воспроизведены въ нѣкоторомъ, весьма, впрочемъ, относительномъ порядкѣ отрывки изъ моихъ воспоминаній, записанныхъ мною лѣтомъ минувшаго года. Я записывалъ ихъ по памяти, не имѣя подъ рукой другихъ документовъ, кромѣ разрозненнаго экземпляра нашего Собранія Узаконеній и текста нѣсколькихъ рѣчей и заявленій генерала Деникина; они печатаются теперь безъ какихъ либо позднѣйшихъ дополненій. Въ моемъ изложеніи неизбѣжно должны быть поэтому ошибки, но я надѣюсь, что ихъ окажется не слишкомъ много. Я стоялъ достаточно близко къ правительству генерала Деникина, чтобы главные факты эпохи запечатлѣлись у меня въ памяти болѣе или менѣе точно.

Мой безхитростный разсказъ страдаетъ, конечно, неполнотой. Причиной тому, прежде всего, „внѣшній" его характеръ. Я разсказываю о томъ, что самъ видѣлъ и наблюдалъ, то есть по преимуществу о жизни нашего военно-политическаго центра, а не изслѣдую тѣхъ общественныхъ теченій, которыми въ конечномъ счетѣ опредѣлялись наши успѣхи и неудачи: многое здѣсь я вовсе опускаю, о многомъ упоминаю вскользь. Только въ послѣсловіи я позволилъ себѣ

сдѣлать нѣкоторыя обобщенія и попытался разобраться въ главнѣйшихъ изъ предъявляемыхъ намъ обвиненій. Другая причина неполноты моего изложенія коренится въ соображеніяхъ персональнаго порядка. Я старался писать обо всемъ по совѣсти, „не взирая на лица". Но — особенно восемь мѣсяцевъ тому назадъ — я не могъ не считаться съ тѣмъ, что многіе изъ упоминаемыхъ мною лицъ продолжаютъ такъ или иначе принимать участіе въ борьбѣ съ большевиками, а другіе остались подъ совѣтскою властью. Поэтому я часто пропускалъ интересные и характерные эпизоды или замѣнялъ отдѣльныя фамиліи произвольно выбранными буквами. Въ порядкѣ такой „самоцензуры" я увидѣлъ себя вынужденнымъ выбросить, напримѣръ, цѣликомъ главу о событіяхъ, разыгравшихся на Кубани въ концѣ октября и началѣ ноября 1919 года. Я рѣшаюсь думать, что въ моей книжкѣ есть только правда, но отлично знаю, что въ ней нѣтъ всей правды. Быть можетъ, она все же не лишена извѣстнаго интереса.

Форма непринужденнаго повѣствованія, въ которую сами собой вылились мои воспоминанія, заставила меня чаще и больше, чѣмъ мнѣ хотѣлось бы, говорить о себѣ. Я надѣюсь, читатель признаетъ, что и въ этихъ случаяхъ я старался быть совершенно искреннимъ и правдивымъ. Когда я говорю о „нашей политикѣ" или о „политикѣ генерала Деникина", я опять таки говорю о томъ, какъ лично я понимаю и понималъ эту политику. Я называю ее „нашей" потому, что, несмотря на иногда возникавшія у меня съ правительствомъ генерала Деникина разногласія, я, конечно, въ полной мѣрѣ несу отвѣтственность за нее.

Софія, мартъ 1921 года. **К. С.**

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

НА ДОНУ И НА КУБАНИ ВЪ 1917—1918 г. г.

Впервые судьба привела меня на берега тихаго Дона и вольной Кубани въ ноябрѣ 1917 года. Черезъ десять дней послѣ свержения Временнаго Правительства и разгона Предпарламента, въ субботу, 4 ноября я увезъ свою семью изъ краснаго Петрограда въ Анапу, небольшой приморскій городокъ Кубанской области, гдѣ уже образовалась цѣлая колонія столичныхъ бѣженцевъ. Въ то время еще можно было не безъ удобства ѣздить по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ вагонѣ международнаго общества, правда, безъ электричества, воды и бѣлья, мы за двое съ половиною сутокъ доѣхали до Ростова, и еще черезъ день пути, по желѣзной дорогѣ до ст. Тоннельной и оттуда на лошадяхъ, были въ Анапѣ.

За все наше путешествіе мы не замѣтили признаковъ той грозной калединской „контръ-революціи", которой пугали и сами пугались народные комиссары въ Петроградѣ. Генералъ Калединъ Харькова не бралъ, Воронежа не занималъ, на Москву наступать не думалъ, такъ что революціонный пролетаріатъ напрасно готовился рыть окопы вокругъ Первопрестольной. У донского атамана, какъ и у его кубанскаго коллеги, полковника А. П. Филимонова, было довольно своихъ домашнихъ хлопотъ. Донъ и Кубань вмѣстѣ со своимъ „младшимъ братомъ" Терекомъ не признали совѣтской власти и устраивали свои дѣла съ разсчетомъ до Учредительнаго Собранія — тогда все дѣлалось „до Учредительнаго Со-

бранія" — жить на „самостійныхъ" началахъ. Для этого имъ нужно было поладить такъ или иначе съ не-казачьей частью населенія, настроенной почти сплошь соціалистически и сильно подверженной большевистской агитаціи, завершить строительство своихъ выборныхъ установленій и, опираясь на нихъ, отразить натискъ большевизма „внутренняго" и „внѣшняго". Организацію казачьихъ областей предполагалось увѣнчать созданіемъ Юго-Восточнаго Союза казачьихъ войскъ, горныхъ племенъ Дагестана и даже вольныхъ народовъ степей. Довольно забавная конституція этого фантастическаго федеративнаго образованія была уже изготовлена. Союзное правительство должно было имѣть свою резиденцію въ Екатеринодарѣ.

Условія среды явно не благопріятствовали этой работѣ. Главная опора казачьихъ правительствъ — казачьи войсковыя части возвращались съ фронта съ большевистскими идеями и лозунгами. Солдаты же изъ иногороднихъ, дезертировавшіе одиночнымъ порядкомъ и цѣлыми группами, были поголовно большевики. Ихъ много шаталось у насъ по анапскому базару. Они „мутили" базарныхъ бабъ, и безъ того свыше всякой мѣры возбужденныхъ видомъ „шляпокъ" петроградскихъ и московскихъ барынь. „Выступленій" ждали всюду. Даже въ маленькой Анапѣ увѣренно говорили о неизбѣжности „Еремѣевской ночи". Но офицеры, проживавшіе въ санаторіи, были еще вооружены, и казачья власть была еще способна къ жестамъ энергіи и твердости. Въ Анапѣ намѣченный для выступленія день прошелъ спокойно. Въ Екатеринодарѣ въ ночь на 1 ноября казаки разоружили подозрительный по большевизму артиллерійскій дивизіонъ, пользовавшійся особыми симпатіями мѣстнаго „демократическаго" городского самоуправленія.

Изъ Анапы я проѣхалъ въ Ростовъ и пробылъ тамъ двѣ недѣли, съ 12 по 26 ноября. Я жилъ у В. Ф. Зеелера, виднаго ростовскаго адвоката и общественнаго дѣятеля, достойно и внушительно правившаго съ первыхъ дней революціи мѣстнымъ градоначальствомъ. У него проживалъ и П. Н.

Милюковъ, который только что вырвался изъ Москвы и немедленно принялся за составленіе своей книги о второй русской революціи.

„Контръ-революція“ на Дону давала уже себя чувствовать. Въ Новочеркасскѣ я видѣлъ генерала Алексѣева, чудомъ спасшагося отъ ареста въ день разгона Предпарламента. Въ очкахъ, въ синемъ пиджачномъ костюмѣ, онъ походилъ на захудалаго провинціальнаго интеллигента. Бывшій Верховный Главнокомандующій не терялъ даромъ времени. Онъ собиралъ вокругъ себя офицеровъ, юнкеровъ, студентовъ, кадетовъ и формировалъ изъ нихъ первые кадры Добровольческой Арміи. Тутъ же въ Новочеркасскѣ при участіи донскихъ нотаблей, во главѣ съ Н. Е. Парамоновымъ, шла организація „Экономическаго Совѣта при Войсковомъ Правительствѣ“. Гулялъ по улицамъ казачьей столицы монументальный М. В Родзянко. Пріѣзжалъ въ Ростовъ избранный въ Учредительное Собраніе по Харьковской губерніи А И. Шингаревъ. Онъ провелъ съ нами нѣсколько дней и уѣхалъ въ Петроградъ навстрѣчу аресту и смерти. Пріѣхалъ нашъ товарищъ по центральному комитету партіи народной свободы В. А. Степановъ, управлявшій при Временномъ Правительствѣ министерствомъ торговли и промышленности. Пріѣзжали или ожидались на Тихій Донъ и другіе „россійскіе“ люди. Но уже обозначалась линія „водораздѣла“ между „россійскими“ и „мѣстными“, казачьими группировками. „Россійскіе“ дѣятели ставили себѣ задачу освобожденія и возсозданія единой Россіи, они тяготѣли къ Добровольческой Арміи, которой Донъ давалъ только временный пріютъ. Донцы хлопотали о Донѣ. Они думали, что казачество откажется „завоевывать“ Россію, но сумѣетъ постоять за свободу и неприкосновенность родныхъ очаговъ.

Тѣмъ временемъ кругомъ сгущались тучи. Совѣтская власть постепенно овладѣвала Россіей. Пришли извѣстія о захватѣ ставки, о трагической гибели генерала Духонина и о началѣ переговоровъ съ нѣмцами. На ст. Прохладной солдаты убили терского атамана, М. А. Караулова. Гдѣ то на

линіи Владикавказской желѣзной дороги выгрузилась пришедшая съ фронта большевистски настроенная армейская дивизія. Въ самомъ Ростовѣ было неблагополучно. Большевики организовывали красную гвардію и открыто готовились къ захвату города. Казачьи части были ненадежны, и власти старались лавировать въ поискахъ пріемлемыхъ компромиссовъ. Представители городского самоуправленія, В. Ф. Зееллеръ, командующій войсками генералъ Потоцкій прилежно совѣщались съ большевистскимъ лидеромъ, — „работающимъ иглою" Рѣшетковымъ. Велась классическая для русской революціи игра на взаимное „разложеніе". Оптимисты говорили, что большевики разлагаются, что армейская дивизія уже разложилась. Пессимисты утверждали, что разлагаются казаки.

* * *

Въ Донской области происходили какъ разъ выборы въ Учредительное Собраніе, и мои партійные друзья привлекли меня къ участію въ предвыборной агитаціи. Въ субботу, 18 ноября я говорилъ на митингѣ въ Таганрогѣ. Я засталъ маленькій городъ въ тревогѣ.

На рейдѣ показались транспорты, пришедшіе изъ Крыма и явно большевистскіе. Обыватели опасались обстрѣла и вечеромъ пробирались по улицамъ крадучись, прижимаясь къ домамъ.

Возвращаясь послѣ собранія теплою лунною ночью, мы встрѣтили группу гласныхъ, шедшихъ изъ Городской Думы. Дума засѣдала, совѣты и комитеты засѣдали. Было рѣшено послать „делегацію" освѣдомиться о цѣли прибытія транспортовъ. Разсчетъ и здѣсь былъ, видимо, на „разложеніе"....

Мнѣ сначала не повѣрили, когда на другой день я разсказывалъ въ Ростовѣ о таганрогской сенсаціи. Но скоро фактъ прибытія транспортовъ подтвердился, были получены свѣдѣнія, что они движутся къ устьямъ Дона. Впрочемъ, никто ничего не опасался. Мѣры принимались. При входѣ въ

тирла должна была быть затоплена баржа, и, кромѣ того, отъ Азова должна была стрѣлять пушка.

Прошло два дня. Встрѣчаю на Большой Садовой гардемарина изъ бывшихъ моихъ студентовъ.

— Слышали, говоритъ, что большевики вошли въ Донъ?

— Какъ же такъ?

— Да такъ, вошли и ошвартовались неподалеку отъ моста.

— А баржа, а пушка?

Баржу, оказывается, затопить не удалось, и пушка не стрѣляла.

Но оптимисты не унывали. Матросы, успокаивали они, уже начали разлагаться, поѣхали даже съ казаками удить рыбу.

20 ноября я дѣлалъ въ помѣщеніи кинематографа „Солей" публичный докладъ о внѣшней политикѣ революціонной Россіи. Въ городѣ было неуютно и, когда публика расходилась, по улицамъ уже носились — предвѣстники всякаго большевистскаго выступленія — грузовые автомобили. Нѣтъ, большевики упорно отказывались разложиться.

Большевики не разложились, и въ ночь на воскресеніе, 26-го, открылись военныя дѣйствія. Генералъ Потоцкій рѣшилъ перейти въ наступленіе и послалъ къ кинематографу „Марсъ", гдѣ засѣдалъ совдепъ, свой автомобиль съ казаками для производства арестовъ. Въ возникшей перестрѣлкѣ былъ убитъ казачій офицеръ, автомобиль генерала Потоцкаго угнали. Нѣсколько часовъ спустя большевики заняли почту и телеграфъ.

Утромъ мы съ В. А. Степановымъ уѣхали въ Петроградъ на Учредительное Собраніе.

— Поторопитесь, — сказалъ по телефону начальникъ станціи, у котораго мы справлялись о кисловодскомъ скоромъ поѣздѣ, — вы попадете еще на вчерашній.

* * *

„Вчерашній“ поѣздъ отмѣнно доставилъ насъ до самаго Петрограда. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ сѣверу, вагонъ нашъ все пустѣлъ, а на душѣ у насъ становилось все веселѣе. Газеты были полны статей объ Учредительномъ Собраніи и предрекали неизбѣжное крушеніе большевизма. Выйдя въ часъ ночи съ 28-го на 29 ноября изъ Николаевскаго вокзала, мы увидѣли Знаменскую площадь, осѣненную знаменами, орифламами, хоругвями. Въ глаза бросались надписи: „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“ „— Долой насильниковъ — большевиковъ!“ Мы распрощались, преисполненные самыхъ радужныхъ надеждъ.

Вмѣстѣ съ утромъ настало разочарованіе. Оказалось, что демонстрація 28-го ноября въ честь Учредительнаго Собранія вышла „интеллигентской“ и потому мало внушительной, что въ тотъ же день на дому у гр. С. В. Паниной были арестованы Шингаревъ, Кокошкинъ и кн. Павелъ Долгоруковъ, и что центральный комитетъ нашей партіи объявленъ внѣ закона. У В. А. Степанова на разсвѣтѣ уже побывали „гости“. Онъ успѣлъ скрыться. Пришлось и мнѣ скрываться. Въ то время сыскъ у большевиковъ былъ еще въ кустарномъ состояніи, и прятаться было легко. Я перебрался на Васильевскій островъ и тамъ у добрыхъ знакомыхъ пережилъ недѣлю пьяныхъ погромовъ. Революціонныя войска Петрограда врывались въ винные погреба, якобы для ихъ уничтоженія, растаскивали бутылки съ виномъ и спиртомъ и тутъ же напивались до безчувствія. Новые „карательные“ отряды являлись съ броневиками и пулеметами выбивать ихъ и сами принимали участіе въ пьяномъ разгулѣ. На улицахъ стоялъ нестерпимый винный запахъ, то тутъ, то тамъ вспыхивали пожары, въ разныхъ углахъ города щелкали винтовки и такали пулеметы. Доведенные до отчаянія „буржуи“ уже мечтали о приходѣ нѣмцевъ.

7 декабря я уѣхалъ въ Москву, снова направляясь на Югъ. Въ Москвѣ мнѣ продали билетъ до Ростова „безъ ру-

чательства". Во время боевъ путь между Ростовомъ и Новочеркасскомъ былъ разобранъ и сквозное движеніе поѣздовъ только что налаживалось. Все, однако, обошлось благополучно. Совѣтская Россія и „контръ-революціонный" Донъ еще не открывали военныхъ дѣйствій и, набираясь силъ, подозрительно присматривались другъ къ другу.

Изъ краснаго Воронежа въ бѣлый Ростовъ можно было проѣхать безпрепятственно. Но начиная съ Черткова, наблюдались непривычные порядки. Нашъ вагонъ шелъ отъ Москвы до отказа набитый „товарищами". На границѣ Донской области они стали исчезать. Частью они „растворились въ населеніи", частью были переведены въ теплушки, прицѣпленныя къ хвосту поѣзда. Проживъ нѣсколько дней въ Ростовѣ, я къ Рождеству былъ у своихъ въ Анапѣ.

Въ это время положеніе выяснилось во всѣхъ подробностяхъ. Пути „казачьей" и „россійской" политики обозначились совершенно отчетливо. Алексѣевъ и присоединившійся къ нему Корниловъ дѣлали обще-русское дѣло, готовясь дать рѣшительный бой большевизму во имя единой, недѣлимой Россіи. Казаки сознательно замыкались въ тѣсномъ кругу своихъ мѣстныхъ интересовъ, льстя себя надеждой болѣе скромной формулировкой своихъ задачъ облегчить ихъ достиженіе. Обще-русскую конституціонную болѣзнь, угрожавшую распространиться на часть русскаго организма — казачьи области, они трактовали, какъ „внѣшнюю" опасность, которую будто бы можно было механически остановить у казачьихъ границъ. Однако, сравнительная сила „россійскаго" и „мѣстнаго" воинскаго начала была уже измѣрена при освобожденіи Ростова въ началѣ декабря. Въ бою за „казачій" Ростовъ большую роль сыграли „россійскіе" добровольцы генерала Алексѣева.

Между тѣмъ, и на Дону, и на Кубани организація казачьей власти продолжалась. И тамъ, и здѣсь состоялись съѣзды не-казачьяго, иногородняго населенія. Съѣзды эти обнаружили преобладаніе среди иногородныхъ крайнихъ теченій. Руководящую роль играли лѣвые соціалисты — рево-

люціонеры, а на Кубани фигурировалъ и традиціонный анархистъ изъ охранниковъ подъ псевдонимомъ (тоже традиція!) Рондо. Кубанскій съѣздъ раскололся, и послѣ этого было достигнуто соглашеніе о переустройствѣ органовъ краевой власти на началахъ „паритетнаго“ представительства казачьяго и не-казачьяго элемента. Въ началѣ января 1918 года пополненной иногородними Законодательной Радѣ представилось „объединенное“ казачье-иногороднее правительство во главѣ съ Л. Л. Бычемъ. На Дону къ Новому Году была проведена такая же реформа, и въ составъ войскового правительства „контръ-революціонера“ Каледина вошли махровые эсъ-эры. По этому поводу въ Новочеркасскѣ и въ Екатеринодарѣ было сказано много пышныхъ и пустыхъ фразъ. Но силы краевымъ правительствамъ отъ того не прибавилось. Соціалистическая демократія повисла на казачьихъ вождяхъ тяжелымъ грузомъ, стѣсняя свободу ихъ движеній и выдавливая изъ нихъ вынужденныя уступки своей „соглашательской“, полу-большевистской и четверть-большевистской идеологіи. Соціалисты ростовской Городской Думы показали себя во весь ростъ послѣ взятія Ростова Калединымъ. Вступленіе алексѣевско-калединскихъ войскъ спасло Думу отъ предрѣшеннаго большевиками разгона. Думская „демократія“ отблагодарила своихъ избавителей массой мелкихъ булавочныхъ уколовъ. Похороны убитыхъ на ростовскомъ фронтѣ большевиковъ она превратила въ безтактную и пошлую демонстрацію противъ военной „контръ-революціи“. Екатеринодарская Дума въ январѣ волновалась по поводу разоруженія артиллеристовъ въ ноябрѣ и требовала освобожденія арестованныхъ „товарищей“. Конечно, и кубанскіе, и донскіе „демократы“ тотчасъ же взяли подъ подозрѣніе добровольческія формированія. Лѣвое крыло объединеннаго донского Войскового Правительства добивалось „контроля“ надъ Добровольческой Арміей. Демократическая „общественность“ шла еще дальше и требовала роспуска Арміи или удаленія ея изъ предѣловъ Донской области. Да и въ собственно казачьей средѣ на первыя роли выдвинулись „лѣ-

вящіе" элементы. На Дону шумѣлъ талантливый демагогъ П. М. Агѣевъ, блеснувшій у насъ въ Предпарламентѣ ловко построенной и удачно сказанной рѣчью. На Кубани верховодили лидеры украинофильствующаго „Черноморья" — братья П. и И. Макаренки, С. Ф. Манжула, Н. С. Рябоволъ, Л. Л. Бычъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ нечего было и думать о „завоевательной" кампаніи вглубь Россіи. „Демократія" допускала по отношенію къ большевикамъ только „оборону".

Чего стоила такая оборонительная тактика, можно было видѣть въ Анапѣ, гдѣ процессъ захвата власти большевиками прошелъ передъ нами безпрепятственно и почти безболѣзненно. Началось это въ первыхъ числахъ января, одновременно съ образованіемъ въ Екатеринодарѣ объединеннаго правительства, которое должно было окончательно упрочить краевую власть. Въ анапскомъ курзалѣ состоялось народное собраніе, на которомъ одинъ изъ членовъ Законодательной Рады выяснялъ значеніе „великой реформы." Докладчику не удалось овладѣть „народомъ" и собраніе закончилось подъ дружные возгласы: „Да здравствуетъ Ленинъ, да здравствуетъ Троцкій!" Съ тѣхъ поръ „народъ" сталъ усиленно „митинговать". На митингахъ говорили вообще о буржуяхъ, жадно пьющихъ алую пролетарскую кровь, и, въ частности, о необходимости подѣлить городскіе „планы". „Народъ" все болѣе и болѣе утверждался въ рѣшеніи передать „всю власть совѣтамъ". Утвердиться въ этомъ ему очень помогли пріѣзжавшіе моремъ изъ сосѣдняго Новороссійска, гдѣ совѣтское правленіе давало уже свои сладостные плоды, инструкторы и агитаторы. Какъ водится въ такіе моменты, стала быстро падать эфемерная популярность соціалистическихъ „вождей народа" формаціи Временнаго Правительства. Какъ водится, „реальная сила" оказалась на сторонѣ большевиковъ. Казачья сотня держалась нейтрально, офицерскую санаторію какъ разъ во время прикрыли, и офицерство разъѣхалось, а солдаты — пулеметчики эвакуированной съ сѣвера пулеметной школы были, конечно, за совѣтскую

власть. Такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что когда въ одно прекрасное утро товарищъ Кострикинъ, городовой стараго режима и присяжный счетчикъ эпохи Временнаго Правительства, занялъ мѣстное казначейство и объявилъ себя комиссаромъ надъ нимъ, онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Казачья сотня покинула городъ. Я любовался ею, когда она медленно прослѣдовала мимо моихъ оконъ. Какіе прекрасные кони! Какіе эфектные всадники! Какъ хорошъ этотъ молодой офицеръ, высокій и прямой, въ своей черной буркѣ!

Анапа — единственный портъ Кубанской области, на Черномъ морѣ, и краевая власть, очевидно, не могла быть равнодушна къ захвату его большевиками. То, что она осталась молчаливой и бездѣятельной свидѣтельницей этого захвата, было лучшимъ доказательствомъ ея безсилія. Утопая въ морѣ демократической словесности, она увѣряла дипломатическимъ порядкомъ Черноморскую совѣтскую республику въ отсутствіи у нея наступательныхъ, захватныхъ намѣреній, а большевизмъ наступалъ на нее со всѣхъ сторонъ, увѣренно и смѣло, дѣйствуя здѣсь путемъ внутреннихъ взрывовъ, тамъ путемъ вооруженнаго натиска извнѣ. Только на „главномъ" направленіи по линіи Екатеринодаръ—Новороссійскъ казачья оборона, не безъ участія и содѣйствія добровольцевъ, протекала успѣшно. Находясь уже „подъ Кострикинымъ", мы читали въ газетахъ о неудачномъ для большевиковъ сраженіи 24 января у станціи Георгіе-Афипской, въ которомъ побѣдоноснымъ правительственнымъ отрядомъ командовалъ летчикъ, капитанъ Покровскій. Газеты были Новороссійскія и поэтому онѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ описывали подвиги убитаго въ этомъ бою предводителя красныхъ, юнкера Яковлева.

Въ январѣ 1918 года техника совѣтскаго строя была далека отъ совершенства, и совѣтская власть организовалась у насъ не сразу. Немало времени ушло на пререканія съ Думой, которая доказывала „ненужность" сформированія военно-революціоннаго комитета, и съ почтой, которая объ-

явила не то „нейтралитетъ", не то „экстерриторіальность". Но постепенно „новый режимъ" оформился, совѣтскія учрежденія конституировались, и для анапской буржуазіи, туземной и бѣженской, началась тошная, обидная и убогая канитель буржуазнаго бытія подъ большевистскимъ игомъ. Сказать по правдѣ, самъ по себѣ большевистскій режимъ въ Анапѣ оказался довольно мягкимъ. Люди почти сплошь „свои", опиравшіеся главнымъ образомъ на мѣстное мѣщанство съ его крѣпкимъ собственническимъ инстинктомъ, анапскіе большевики были сравнительно умѣренны и по части звѣрствъ и по части соціальныхъ опытовъ. Къ тому же мы были совершенно отрѣзаны отъ красныхъ центровъ, и нашимъ комиссарамъ оставалось до всего „доходить своимъ умомъ"; возникалъ даже проектъ снарядить экспедицію въ Петроградъ, чтобы вывезти оттуда всю совѣтскую премудрость. Но въ дѣлѣ установленія сношеній со столицей „буржуи" сумѣли опередить комиссаровъ. Уже въ декабрѣ многія обосновавшіяся въ Анапѣ петроградскія и московскія семьи очутились въ тяжеломъ положеніи. Въ январѣ, благодаря сокращенію и даже полному прекращенію выдачъ по текущимъ счетамъ и сберегательнымъ книжкамъ, положеніе это стало критическимъ. Уже начинались, вмѣстѣ съ распродажей вещей, попытки зарабатывать торговлей папиросами и спичками, службой офиціантами и кельнерами и другими принятыми въ Совѣтской Россіи видами „интеллигентнаго" труда. Болѣе подвижные люди обсуждали проекты, какъ бы пробиться въ Петроградъ съ обходомъ южнаго фронта гражданской войны. Въ общемъ, намѣчалось два маршрута. По первому надо было какъ-нибудь добраться до Новороссійска и тамъ втиснуться на одинъ изъ транспортовъ, на которыхъ „эвакуировались" въ порты Крыма войска Кавказскаго фронта; линія Севастополь — Москва, судя по всѣмъ признакамъ, была свободна. Послѣ многихъ колебаній у насъ составилась небольшая группа, — видный страховой дѣятель З. съ женой, петроградскій коммерсантъ С. и я — избравшая другой маршрутъ. Нашъ путь

лежалъ на Тамань-Керчь-Джанкой-Харьковъ-Москву. Трудности этого пути были многочисленны. Возчики не ручались, что довезутъ насъ до Тамани, никто не могъ сказать, удастся ли намъ переправиться черезъ Бугазъ (рукавъ Кубани, впадающій въ Черное море), не было свѣдѣній о движеніи пароходовъ по Керченскому проливу. Но ѣхать надо было, во что бы то ни стало. На нѣсколько дней мы сдѣлались популярнѣйшими людьми въ Анапѣ. Въ короткій срокъ знакомые и незнакомые нанесли намъ свыше восьмисотъ писемъ въ Москву и Петроградъ.

* * *

До сихъ поръ ясно помню, какъ утромъ въ четвергъ, 8 февраля, въ день нашего университетскаго праздника, мы вчетверомъ усѣлись на двухъ телѣгахъ и, въ метель и стужу, при жесточайшемъ нордъ-остѣ покатили вдоль моря.

До наступленія сумерокъ мы были въ станицѣ Благовѣщенской. Здѣсь анапскіе возчики насъ покинули. Казаки брались на другой день довезти насъ по косѣ до Бугаза; переправившись черезъ него на лодкахъ, надо было искать на хуторахъ новыхъ лошадей до Тамани. На „постоялѣ“ у казака Усатаго мы встрѣтили попутчиковъ — инженера К. съ дамой. Они ѣхали въ Ялту, и до Джанкоя намъ было по дорогѣ. Инженеръ К. оказался что называется рубаха-парень. Циничный и безцеремонный, неутомимый разсказчикъ скабрезныхъ анекдотовъ и „случаевъ изъ жизни“, онъ былъ въ путешествіи прекраснымъ товарищемъ. Прошлое его было неясно, но онъ легко находилъ выходъ изъ самыхъ сложныхъ ситуацій и геніально объяснялся со швейцарами, извозчиками, кондукторами и просто большевиками, вездѣ добывалъ и пріятно пилъ вино. За нѣсколько дней совмѣстнаго пути онъ, шутя и смѣясь, оказалъ намъ, множество мелкихъ услугъ.

Въ Тамани стоялъ дымъ коромысломъ. Какъ въ Анапу большевистская зараза импортировалась изъ Новороссійска,

такъ въ Тамань она проникала главнымъ образомъ изъ Керчи. Мы какъ разъ застали въ Тамани делегатовъ, прибывшихъ изъ за пролива организовывать совѣтскую власть и поднимать народъ на борьбу съ екатеринодарской „контръ — революціей". Среди делегатовъ было много дьявольскаго вида красавцевъ — матросовъ, обильно препоясанныхъ пулеметными лентами и увѣшанныхъ кинжалами и револьверами. Съ часу на часъ ожидали призывнаго набата. На церковной площади противъ памятника запорожцамъ, высадившимся въ 1792 году, намъ показали разгромленные дома двухъ братьевъ Толстопятъ, изъ которыхъ одинъ былъ при старомъ режимѣ атаманомъ отдѣла, а другой участковымъ начальникомъ. Наканунѣ Новаго Года они были убиты „возставшимъ народомъ". Подъ холоднымъ блескомъ луны, равнодушно сіявшей съ безоблачнаго зимняго неба, оба искалѣченныхъ дома сумрачно смотрѣли своими слѣпыми заколоченными окнами на занесенную снѣгомъ площадь.

Инженеръ К. устроилъ намъ и ночлегъ, и дешевый, вкусный столъ. Съ ближайшимъ пароходомъ мы уѣхали въ Керчь.

* * *

Въ Керчи мы впервые получили обрывки свѣдѣній о томъ, что дѣлалось на Божьемъ свѣтѣ. Свѣдѣнія эти были нерадостны. Большевики захватили разложившійся Донъ со всѣми его демократическими нововведеніями. Новочеркасскъ и Ростовъ пали. 9 февраля, наканунѣ паденія Ростова, Добровольческая Армія ушла въ задонскія степи. Трагично звучали и вѣсти съ сѣвера. Брестскіе переговоры между большевиками и нѣмцами прервались, и нѣмцы перешли въ общее наступленіе. Было очевидно, что, несмотря на отчаянные призывы совѣтскаго командованія, послѣдніе остатки арміи ринутся съ фронта и въ конецъ разстроятъ транспортъ. Кромѣ того, никто не зналъ, какія цѣли ставили себѣ нѣмцы и какъ далеко могло пойти ихъ продвиженіе. Нельзя было терять ни минуты и, пересаживаясь изъ вагона въ вагонъ,

простаивая часы въ коридорахъ, влѣзая и вылѣзая черезъ окна, мы добились своего и дотащились до Москвы. Здѣсь мы наткнулись на неожиданное запрещеніе въѣзда въ Петроградъ. Совѣтское начальство эзакуировалось или бѣжало въ Москву, доблестныя революціонныя войска, влача за собой награбленное добро, штурмовали петроградскій Николаевскій вокзалъ и тамъ штыковыми ударами захватывали отходившіе на Москву поѣзда. Совѣтской власти было не до „буржуевъ", почему то стремившихся въ Петроградъ. Но мой профессорскій паспортъ, не въ первый и не въ послѣдній разъ, помогъ мнѣ легко побороть всѣ препятствія. Въ концѣ концовъ, вѣдь я ѣхалъ читать лекціи, а большевизмъ всегда щеголялъ покровительствомъ наукамъ и искусствамъ. Меня пропустили.

Весною 1918 года Петроградъ перешелъ на состояніе политическихъ задворковъ. Центральныя совѣтскія учрежденія переѣхали въ Москву и туда естественно перемѣстился центръ политической жизни. Въ Москвѣ сосредоточились центральные комитеты продолжавшихъ еще работать политическихъ партій, тамъ возникли и развили свою дѣятельность тѣ междупартійныя организаціи — сначала правый и лѣвый „Центры", потомъ Правый Центръ, Національный Центръ и Союзъ Возрожденія — которымъ принадлежала руководящая роль въ политической борьбѣ послѣдующаго періода. Въ Москвѣ поселился дипломатическій представитель Германіи гр. Мирбахъ, вокругъ котораго тотчасъ же завязалась сложная сѣть всевозможныхъ интригъ и комбинацій. Союзные дипломаты, покинувъ Петроградъ, метнулись было въ Финляндію, потомъ забрались въ Вологду, но и у союзниковъ были въ Москвѣ свои консульскіе и иные агенты, державшіе одновременно связь и съ совѣтскою властью, и съ анти-большевистскими группировками. Наконецъ, въ Москвѣ посвященные люди получали информацію съ Юга и съ неимовѣрными трудностями и опасностями работали на Добровольческую Армію. Въ Москвѣ мнѣ пришлось узнать, что во второй половинѣ января мои

друзья слали мнѣ изъ Новочеркасска въ Анапу телеграммы, настойчиво вызывая меня на Донъ. Эти телеграммы были доставлены ко мнѣ на квартиру уже послѣ паденія Дона, къ счастью не вызвавъ никакихъ непріятностей для моей семьи.

Надо было избирать себѣ „родъ жизни", и я рѣшилъ, пока возможно, оставаться въ Петроградѣ, занимаясь профессурой и журналистикой. До лѣта это оказалось вполнѣ возможнымъ. Столица пустѣла, магазины одинъ за другимъ закрывались, обыватели съ утра до вечера рыскали въ поискахъ продуктовъ, но буржуазныя газеты выходили съ небольшими перерывами и занятія въ сохранявшихъ еще свою автономность высшихъ учебныхъ заведеніяхъ протекали сравнительно нормально. Я принималъ участіе въ редактированіи газеты „Рѣчь", читалъ лекціи и даже выступалъ на партійныхъ митингахъ. Какъ это ни странно звучитъ сейчасъ, весною 1918 года въ красномъ Петроградѣ не только выходила „Рѣчь", но и безпрепятственно устраивались кадетскія собранія, на которыхъ публично дебатировались брестскія соглашенія и германская „оріентація". По традиціи мы ознаменовали нѣсколькими митингами 27 апрѣля — день открытія первой Думы.

Съ Юга доходили до насъ отрывочныя извѣстія о событіяхъ на фронтѣ гражданской войны, о смерти генерала Корнилова подъ Екатеринодаромъ, о вступленіи генерала Деникина въ командованіе Добровольческой Арміей и о возвращеніи ея на поднявшійся противъ большевиковъ Донъ. На Юго-Востокѣ въ связи съ освобожденіемъ Дона, появленіемъ нѣмцевъ въ ростовско — таганрогскомъ районѣ и возрожденіемъ Добровольческой Арміи, создавалась, очевидно, совершенно новая конъюнктура, и я сталъ подумывать о поѣздкѣ на развѣдки. Къ тому же и личныя дѣла требовали моего пріѣзда въ Анапу.

Въ маѣ большевики закрыли „Рѣчь" за государственную измѣну, усмотрѣнную въ одной очень извилисто написанной передовой статьѣ по поводу гетманскаго переворота, и привлекли редакцію къ суду революціоннаго трибунала. Лек-

ціи и экзамены кончились и я могъ тронуться въ путь. Я имѣлъ твердое намѣреніе еще разъ вернуться въ Петроградъ, такъ какъ считалъ себя связаннымъ со своими товарищами по редакціи. Судьба распорядилась мною иначе.

* * *

Налегкѣ, съ однимъ дорожнымъ мѣшкомъ, въ спальномъ вагонѣ до Москвы, въ вагонѣ перваго класса до Курска, оттуда въ теплушкѣ до Прохоровки, потомъ на лошадяхъ до Бѣлгорода, а тамъ по желѣзной дорогѣ черезъ Харьковъ и Джанкой — такъ я доѣхалъ до Ѳеодосіи. Промелькнули и остались позади сторожевые посты „великорусскихъ" красноармейцевъ, мертвое пространство нейтральной зоны, нѣмецкіе патрули, охраняющіе державныя границы самостійной Украины, переполненный спекулянтами Харьковъ, гдѣ въ ресторанахъ я видѣлъ русскихъ офицеровъ, подающихъ нѣмецкимъ лейтенантамъ. Я у Чернаго моря и остается рѣшить, какъ перебросить свою особу на кавказское побережье, гдѣ, повидимому, все еще властвуютъ большевики.

Въ Крыму въ это время царила невѣроятная неразбериха. Въ Симферополѣ сидѣлъ командующій нѣмецкимъ оккупаціоннымъ корпусомъ, генералъ Кошъ. Нѣмецкій ставленникъ, генералъ русской службы, литовскій татаринъ Сулькевичъ формировалъ свое правительство. Протежируемая тѣми же нѣмцами Украина заявляла свои притязанія на Таврическую губернію. Крупный крымскій общественный дѣятель показывалъ мнѣ телеграммы, полученныя имъ одновременно отъ генерала Сулькевича, приглашавшаго его въ свое правительство, и отъ кіевскаго министра-президента, предлагавшаго ему свиданіе, чтобы обмѣняться „думками". Русскіе національные цвѣта находились подъ запретомъ и крымскія суда обязаны были плавать подъ буквою „Ц",—по морскому коду двѣ перекрещенныхъ красныхъ полосы на бѣломъ полѣ. Кромѣ того, нѣмцы вели еще очень замысловатую игру съ большевиками, требуя возвращенія въ Севастополь уведен-

ныхъ адмираломъ Саблинымъ въ Новороссійскъ военныхъ кораблей и угрожая оккупаціей этого послѣдняго русскаго порта. Нѣмецкія войска были уже высажены на Таманскомъ полуостровѣ и продѣлывали тамъ какія то таинственныя эволюціи.

Изъ Ѳеодосіи, гдѣ, несмотря ни на что, партіи готовились къ выборамъ въ Городскую Думу по закону Временнаго Правительства, я проѣхалъ въ Керчь, чтобы лучше оріентироваться въ положеніи. Тамъ мнѣ повстрѣчался знакомый анапскій винодѣлъ Х. и мы уговорились попытаться вмѣстѣ проѣхать въ Анапу. Потолкавшись въ порту и запасшись на всякій случай пропускомъ отъ нѣмецкаго коменданта, мы розыскали моторную лодку, которая собиралась въ Анапу. Но шкиперъ совсѣмъ терроризировалъ насъ разсказами объ опасностяхъ путешествія. По его словамъ, анапскіе красноармейцы обстрѣливали приближавшіяся суда, а иногда нападали на нихъ и грабили пассажировъ. Кромѣ того, остро стоялъ вопросъ о флагѣ. Нѣмцы не допускали плаванія подъ краснымъ флагомъ, а большевики не выносили трехцвѣтнаго. Шкипера прибѣгали къ компромиссу и подымали трехцвѣтный флагъ „сумасшедшимъ цвѣтомъ вверхъ". Все это намъ мало улыбалось, и мы на слѣдующее утро поѣхали на пароходѣ въ Тамань, чтобы узнать, нельзя ли добраться до Анапы сухимъ путемъ Тамъ насъ запугали еще больше. Мѣстный кафеджи продемонстрировалъ намъ анапскаго грека, только что перебѣжавшаго черезъ фронтъ. Изъ его разсказа явствовало, что въ Анапѣ творятся ужасы: все мужское населеніе мобилизовано, пришли китайцы съ очевидною цѣлью „дорѣзать" буржуевъ, впавшіе въ отчаяніе обыватели съ нетерпѣніемъ ждутъ нѣмцевъ Въ нѣмецкой комендатурѣ надъ нами только посмѣялись:

— Вы хотите въ Анапу? Но кто васъ пропуститъ черезъ фронтъ? Да и зачѣмъ вамъ спѣшить и рисковать? Мы не сегодня — завтра ожидаемъ приказа о наступленіи. Потерпите два-три дня, и вы вслѣдъ за соединеннымъ нѣмецко-казачьимъ отрядомъ торжественно въѣдете въ Анапу.

Мой спутникъ окончательно палъ духомъ и рѣшилъ поворачивать назадъ въ Евпаторію. Я предпочелъ остаться въ Тамани. На прощанье зашли въ казачій штабъ. Онъ помѣщался въ томъ самомъ домѣ, гдѣ въ февралѣ такъ хорошо устроилъ насъ инженеръ К. У входа встрѣчаемъ рослаго мужчину въ папахѣ, въ какой-то странной полу-военной, полу-гражданской формѣ, съ револьверомъ у пояса и съ шашкой на боку. Нѣсколько секундъ мы всматриваемся другъ въ друга:

— Вы профессоръ Соколовъ?

— Вы инженеръ К.?

Мы чуть не обнялись.

Проводивъ Х. на пароходъ, я отдалъ себя въ распоряженіе К., и онъ посвятилъ меня въ тайны Таманскаго полуострова.

* * *

Еще въ апрѣлѣ въ Таманскомъ отдѣлѣ вспыхнуло возстаніе, охватившее нѣсколько ближайшихъ къ Азовскому морю станицъ. Во главѣ возставшихъ сталъ полковникъ П. при начальникѣ штаба, полковникѣ Б. Послѣ первыхъ успѣховъ счастье измѣнило казакамъ и Таманская совѣтская армія начала тѣснить ихъ. Въ Керчи въ это время уже были нѣмцы. Казаки обратились къ нимъ за помощью. Нѣмцы заставили себя просить; сначала они дали орудія и снаряды, потомъ разрѣшили желающимъ идти за проливъ — такихъ добровольцевъ нашлось не много. Большевистскія войска все приближались къ Тамани, и вотъ, когда положеніе казаковъ сдѣлалось критическимъ, и они готовились эвакуироваться въ Керчь, въ проливѣ показался военный корабль и обстрѣлялъ большевиковъ перекиднымъ огнемъ, подъ прикрытіемъ котораго на таманскій берегъ высадились нѣмецкія войска. Въ короткій срокъ они вѣеромъ распространились по полуострову и заняли въ общемъ линію Кубани. Инженеръ К. съ восторгомъ разсказывалъ о превосходныхъ отношеніяхъ, установившихся между штабами, казачьимъ и

нѣмецкимъ, и обѣщалъ на ближайшіе же дни высадку новыхъ нѣмецкихъ войскъ и скорое продвиженіе къ Екатеринодару и Новороссійску.

О томъ, что произошло съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались въ Джанкоѣ, какимъ образомъ присталъ онъ къ казачье-нѣмецкимъ войскамъ и каковы были его виды на будущее, инженеръ К. выражался туманно. Онъ побывалъ въ Крыму, гдѣ большевики будто бы звѣрски убили его брата, и въ Анапѣ, откуда онъ дѣйствительно вывезъ свою семью. Но въ его путаныхъ разсказахъ мелькали еще странныя упоминанія о поѣздкѣ въ Одессу и даже въ Берлинъ. Въ данный моментъ онъ состоялъ „офицеромъ для связи" при нѣмецкомъ штабѣ, и по инженернымъ погонамъ VI класса казаки титуловали его „г-нъ полковникъ", а нѣмцы „Herr Oberst". Съ необыкновенной легкостью мысли К. устанавливалъ даже свою „кровную" близость къ Черноморскому казачеству. Въ японскую кампанію онъ служилъ вольноопредѣляющимся въ Амурскомъ казачьемъ полку, а вѣдь амурцы, какъ извѣстно, прямые потомки переселенцевъ запорожцевъ, что и даетъ поводъ украинскимъ имперіалистамъ претендовать на Дальне-Восточныя колоніи.

Инженеръ К. высказывался и о политикѣ. Онъ защищалъ германскую „оріентацію" и пропагандировалъ установленіе на Кубани съ помощью нѣмцевъ „твердой власти". Онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ „соціалистической" Рады и Краевого Правительства, „укрывшихся въ обозѣ Добровольческой Арміи", и теперь мнившихъ себя въ правѣ, сидя въ безопасности на Дону, диктовать свою волю таманскимъ повстанцамъ. Начальникъ штаба, полковникъ Б. какъ разъ уѣзжалъ черезъ Керчь и Ростовъ для доклада атаману и правительству и „выясненія отношеній". Но для К. эти отношенія были и такъ ясны. Онъ грозился, что арестуетъ правительственныхъ эмиссаровъ, которые уже прибыли на полуостровъ и „мутятъ" станичниковъ. А потомъ надо было только захватить Екатеринодаръ, низложить правительство, распустить Раду и передъ „нами" — К. уже любезно включалъ

меня въ свои политическія комбинаціи откроются самыя соблазнительныя перспективы.

Пока что, благодаря инженеру К., я еще разъ превосходно устроился въ Тамани. Онъ затащилъ меня въ домъ одного изъ убитыхъ братьевъ Толстопятъ и рекомендовалъ его вдовѣ, какъ „нашего" и очень „нужнаго" человѣка. Я тотчасъ прекратилъ этотъ глупый маскарадъ, и мы безъ труда поладили съ гостепріимной хозяйкой и ея сестрой — народной учительницей. Внутри домъ сохранился въ хорошемъ состояніи, и въ отведенной мнѣ гостинной жилось покойно и уютно.

Диковинныя вещи можно было наблюдать въ іюнѣ 1918 года изъ дома вдовы Толстопятъ.

Въ Троицыно воскресенье на площади было торжественное богослуженіе по лютеранскому обряду по случаю тридцатилѣтія со дня восшествія на престолъ императора Вильгельма, и у подножія памятника запорожцамъ пасторъ говорилъ приличную случаю проповѣдь.

А потомъ состоялась и обѣщанная инженеромъ К. высадка нѣмецкихъ подкрѣпленій. Опять надъ Таманью сіяла безстрастная луна. Беззвучно разрѣзая тихія воды пролива, медленно одна за другой подплывали къ пристани огромныя баржи, влекомыя буксирами. Съ нихъ выгружались на берегъ въ кажущемся безпорядкѣ люди, лошади, пушки, повозки, автомобили. Нѣсколько минутъ все это копошилось и громыхало. Но вотъ кто-то невидимый спрашивалъ по нѣмецки:

— Есть ли тамъ на верху достаточно мѣста, чтобы намъ развернуться?

Другой голосъ отвѣчалъ:

— Есть!

Слышались отрывочные гортанные звуки команды:

— Садись!

— Стройся!

И мимо насъ съ грохотомъ проѣзжали орудія и увѣренной поступью, отбивая тактъ тяжелыми сапогами, проходила на верхъ по крутому подъему пѣхота.

* * *

Я провелъ на Таманскомъ полуостровѣ, съ поѣздками въ Керчь, двѣ недѣли, и къ концу этого срока болѣе или менѣе разобрался въ томъ, что тамъ творилось. Внутреннія пружины нѣмецкой политики были глубоко скрыты не только отъ постороннихъ глазъ, но и отъ мѣстнаго нѣмецкаго начальства. Бригадный генералъ, переѣхавшій изъ Керчи въ Тамань и оттуда въ станицу Стебліевскую, доносилъ въ штабъ дивизіи въ Ѳеодосію. Черезъ Коша въ Симферополѣ и Эйхгорна въ Кіевѣ донесенія доходили до Берлина. Тамъ нажимались какія то кнопки, по незримымъ проводамъ пробѣгалъ обратный токъ и въ результатѣ нѣмцы, къ радости казачьяго штаба, подтягивали подкрѣпленія и двигались впередъ, или, къ ужасу казаковъ, останавливались и топтались на мѣстѣ. Конечно, казачьи „войска“ играли при нѣмцахъ роль простой декораціи. Казаки могли выставить ничтожную горсть плохо снаряженныхъ „людей“, и, кажется у нихъ, кромѣ „штаба“, только и были всего, что конная застава на Бугазѣ и небольшой отрядъ пластуновъ подъ Темрюкомъ. Казачье начальство тряслось на линейкахъ и въ какихъ то допотопныхъ балагулахъ, нѣмецкое раскатывало въ чудесныхъ автомобиляхъ. Потомки запорожцевъ въ сборной одеждѣ, вооруженные чѣмъ Богъ послалъ, смотрѣли совсѣмъ михрютками рядомъ съ молодцеватыми краснощекими, отъѣвшимися на русскихъ хлѣбахъ баварцами. Нѣмецкій генералъ, которому однажды представили группу казаковъ, махнулъ рукой и любезно посовѣтовалъ отпустить „этихъ парней“ на полевыя работы.

Не зная всѣхъ подробностей той игры, въ которой они были безвольными пѣшками, нѣмецкіе офицеры болтали много вздору, но были въ ихъ хвастливыхъ разсужденіяхъ и вполнѣ правдоподобныя указанія на существо нѣмецкаго плана. Всѣ они, конечно, твердо вѣрили, что къ осени Франція будетъ выведена изъ строя. Тогда настанетъ чередъ Англіи. А развѣ не Индія самое уязвимое мѣсто Британской Имперіи?

Значитъ, — „пойдемъ на Индію", „es geht nach Jndien". Въ благодарность за помощь кубанскіе казаки будутъ „итти вмѣстѣ", „mitgehen". Надо только выяснить позицію ихъ правительства и установить, захочетъ ли „mitgehen" Добровольческая Армія, которая, кажется, упорствуетъ въ нелѣпой вѣрности союзникамъ. И видя, что мои интересы, какъ и должно быть у великоросса, идутъ дальше освобожденія Екатеринодара, они иногда прибавляли: „Но мы поможемъ и вамъ освободить Петербургъ. Безъ насъ вы и на Сѣверѣ не обойдетесь."

Въ концѣ концовъ я понялъ, что за Кубань нѣмцы впредь до измѣненія общей обстановки не пойдутъ, и пребываніе на Таманскомъ полуостровѣ утратило для меня смыслъ. Мы очень недурно проводили время съ офицерами казачьяго штаба и съ инженеромъ К., ѣздили въ станицу Голубинскую подъ Темрюкъ, гдѣ предполагалась „крупная операція", купались въ Азовскомъ морѣ, пили на хуторахъ ароматный чай изъ лепестковъ розы, истребляли удивительную икру и вели обычные для русскихъ людей нескончаемые политическіе споры. Но, какъ ни хлопоталъ К., какъ ни носился изъ штаба въ штабъ, нѣмцы слегка пострѣливали по большевикамъ и не трогались съ мѣста. — „Вы должны согласиться, сказалъ мнѣ однажды разсудительный нѣмецкій офицеръ, что для дальнѣйшаго нашего наступленія отсутствуютъ необходимыя предположенія. Если бы большевики не вернули уведенныхъ судовъ, мы могли бы наступать, чтобы занять Новороссійскъ и обезпечить наши интересы. Но большевики подчинились. Если бы кубанское правительство провозгласило независимость края и, по примѣру Украины, просило нашей помощи, мы охотно протянули бы ему руку. Но кубанцы ведутъ себя уклончиво. Мы находимся здѣсь по просьбѣ возставшихъ таманскихъ казаковъ. Здѣсь наше положеніе правомѣрно и обосновано. Дальше мы итти не можемъ." Само по себѣ это разсужденіе звучало достаточно логично. По существу же серьезные бои на западномъ фронтѣ, запутанное положеніе на Украинѣ и операціи Добровольческой

Арміи, о началѣ которыхъ мы больше догадывались, чѣмъ знали, вполнѣ оправдывали сдержанность нѣмцевъ.

Убѣдившись, что сухимъ путемъ въ Анапу мнѣ не пробраться, я опять отправился въ Керчь съ твердымъ рѣшеніемъ ѣхать на первой же шхунѣ. Меня не хотѣли отпускать. Особенно горячился инженеръ К. Вѣдь охота же человѣку живьемъ даваться въ руки большевикамъ, когда черезъ недѣлю, самое позднее, Анапа будетъ взята и полковникъ Т., замѣнявшій полковника Б. въ должности начальника штаба, самъ анапскій домовладѣлецъ, уже назначенъ градоначальникомъ! Я настоялъ на своемъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, осенью, въ освобожденномъ Екатеринодарѣ я еще разъ встрѣтился съ моими таманскими знакомцами. Кубанское Краевое Правительство, возстановленное Добровольческой Арміей, сочло необходимымъ привлечь къ суду за мятежъ вождей таманскаго движенія, среди которыхъ были люди безспорно чистые и доблестные. Ихъ осудили не слишкомъ, впрочемъ, строго. Инженеръ К. скрылся. Кто онъ былъ? Нѣмецкій агентъ? Смѣлый авантюристъ? Просто компанейскій человѣкъ? Судите сами.

* * *

Мнѣ пришлось еще повозиться съ отъѣздомъ изъ Керчи. Несносные нѣмцы не давали пропусковъ, и въ портовой комендатурѣ намекали теперь на предстоящій дессантъ въ Анапѣ, для котораго будто бы реквизировались пловучія средства. Я провелъ въ унынiи нѣсколько дней, пока неожиданно не столкнулся на Приморскомъ бульварѣ съ моимъ родственникомъ, только что пріѣхавшимъ изъ Анапы. Онъ успокоилъ меня, изобразивъ анапское житье въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Моторно-парусная лодка, на которой онъ пріѣхалъ, скоро уходила въ обратный рейсъ. Утромъ въ воскресенье, 24 іюня, мы подошли къ анапскому молу. Насъ не обстрѣливали и не грабили. Встрѣтившій насъ комиссаръ, взглянувъ на мои профессорскіе документы, учтиво приподнялъ кэпку и только попросилъ „прописаться“.

Дѣйствительно, совѣтское правленіе въ Анапѣ до конца сохраняло характеръ благожелательной мягкости. Насчитывались всего двѣ „жертвы режима“, — начальникъ милиціи и учитель, которые были увезены большевиками въ Новороссійскъ и пропали безъ вѣсти. Въ общемъ дѣло ограничилось обысками и снятіемъ погонъ съ офицеровъ. Какъ то разъ отправили пачку „буржуевъ“ на фронтъ. Пришли китайцы и снова ушли сражаться „за родную Кубань“. Дѣлались попытки общей мобилизаціи. Но мобилизація никогда и никому въ Анапѣ не удавалась. Мобилизованные митинговали и отказывались „проливать братскую кровь“. Мѣстные богачи — винодѣлы находили, что совѣтская власть не хуже и не лучше всякой другой власти. Туго было только съ заработками и не хватало денежныхъ знаковъ.

Но съ середины іюля большевики стали обнаруживать признаки нараставшей нервности. Питаясь исключительно большевистской информаціей, мы не представляли себѣ истинныхъ размѣровъ успѣховъ Добровольческой Арміи. Но и большевистскія реляціи свидѣтельствовали о близости неизбѣжнаго конца. Послѣ неудачнаго для добровольцевъ боя подъ Выселками большевики сообщили, что генералъ Деникинъ убитъ и что начальникъ его штаба, генералъ Романовскій застрѣлился. А черезъ день совѣтская сводка отмѣчала: „Противникъ ведетъ яростныя атаки противъ ст. Тимошевской“. Потомъ стало извѣстно о паденіи Екатеринодара. Потомъ въ сѣверо-восточномъ направленіи послышалась канонада. Одни говорили, что идутъ добровольцы, другіе, — что то нѣмцы, опережая добровольцевъ, двинулись за Кубань. Было ясно одно: фронтъ Таманской арміи рухнулъ. Раньше чѣмъ бѣжать, товарищъ Сорокинъ сдѣлалъ послѣднее усиліе. 11 августа по городу была расклеена его телеграмма, предписывавшая въ воскресеніе 13-го, подъ угрозой двухмилліонной контрибуціи мобилизовать все способное носить оружіе мужское населеніе. Но уже въ субботу наши комиссары впали въ замѣшательство. Товарищъ Кострикинъ шмыгалъ въ шлемѣ „здрасте-прощайте!“ и съ

сверткомъ дорожныхъ вещей подъ мышкой. Вечеромъ на извозчикахъ провезли красныя знамена, турецкій барабанъ и мѣдные инструменты. Всю ночь по улицамъ длинной вереницей тянулись повозки съ раненными.

На утро, дѣйствительно, раздался набатъ. Но звали не на мобилизацію, а на „народное собраніе". Убѣдившись въ бѣгствѣ комиссаровъ, „народъ" возстановилъ Городскую Думу. Дума избрала временнаго голову и, конечно, объявила „нейтралитетъ". Еще черезъ день въ городъ вступилъ головной отрядъ добровольцевъ. Изъ Новороссійска на пароходѣ „Греза" съ оркестромъ музыки прибылъ начальникъ первой кубанской дивизіи, генералъ Покровскій. Его чествовали банкетомъ.

22 августа я уѣхалъ въ Екатеринодаръ. Въ Анапѣ жизнь вступила въ свои права. Недорѣзанные „буржуи" поваркивали на казачью власть и доказывали, что подъ большевиками „жилось лучше."

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗАЧАТКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

Къ этому времени усиліями Добровольческой Арміи были освобождены отъ большевистскаго владычества часть Ставропольской губерніи, большая часть Кубанской области и почти вся Черноморская губернія. Въ Кубанской области Армія возстановила власть Краевого Правительства, которое 28 февраля, наканунѣ занятія Екатеринодара большевиками, ушло въ походъ вмѣстѣ съ казачьей частью Законодательной Рады. Въ губерніяхъ же Ставропольской и Черноморской, командованіе Арміи функціи верховной власти приняло на себя. При занятіи Новороссійска по этому поводу былъ изданъ особый приказъ, въ Ставропольской губерніи дѣло обошлось безъ всякихъ декларацій. Жизнь требовала, чтобы какая-нибудь инстанція суверенно разбиралась въ томъ сложномъ переплетѣ юридическихъ и соціальныхъ отношеній, который получался на мѣстахъ послѣ упраздненія совѣтскихъ органовъ и отмѣны совѣтскаго законодательства, и политически неорганизованное, усталое и запуганное населеніе было радо признать въ качествѣ такой инстанціи командованіе Арміи — Освободительницы. Для командnаго же состава осуществленіе имъ гражданскихъ полномочій въ районѣ дѣйствія Арміи находило свое естественное объясненіе и оправданіе въ положеніи о полевомъ управленіи войскъ. Такъ, сами собой, подъ вліяніемъ реальныхъ нуждъ жизни и въ силу своеобразныхъ особенностей Добровольческой Арміи, какъ цѣлостнаго военно-политическаго организма, сложились на Юго-Востокѣ Россіи первоосновы временной еди-

ноличной верховной власти, то есть диктатуры. Раньше, чѣмъ было произнесено это страшное слово, командованіе Добровольческой Арміи уже распоряжалось казенными средствами, издавало административные акты и даже законодательствовало. Но если къ концу августа 1918 года была фактически на лицо, хотя и въ зачаточномъ состояніи, гражданская власть Добровольческой Арміи, то не было ни ясно сознанной и отчетливо формулированной конституціи этой власти, ни сколько-нибудь дифференцированныхъ органовъ ея. Командованіе Арміей и, связанныя съ нимъ согласно положенію о полевомъ управленіи войскъ гражданскія полномочія, перешли послѣ смерти генерала Корнилова, къ генералу Деникину. Высшую по преимуществу „внѣшнюю" политику и финансовое хозяйство Арміи вѣдалъ, по прежнему, генералъ Алексѣевъ. Дѣлалъ онъ это просто по праву ея творца, не нося даже никакого опредѣленнаго титула, и, повидимому, только 20 августа въ Екатеринодарѣ онъ издалъ свой первый приказъ въ качествѣ Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи. Живой примѣръ скромности и трудолюбія, генералъ Алексѣевъ долго выполнялъ свою огромную работу единолично, при содѣйствіи своего адъютанта.

Однако, тѣмъ же самымъ приказомъ № 1 онъ учредилъ должность Помощника Верховнаго Руководителя, на которую назначилъ недавно прибывшаго въ Армію генерала А. М. Драгомирова. Одновременно былъ образованъ Военно Политическій Отдѣлъ съ функціями канцеляріи при Верховномъ Руководителѣ. Конечно, на этомъ развитіе не могло остановиться. Если Добровольческая Армія, дѣйствительно, имѣла въ виду цѣли обще-государственныя, то ей нужно было создать при себѣ правильно организованное правительство, способное наладить гражданскую жизнь въ освобождаемыхъ отъ большевиковъ мѣстностяхъ, связаться съ возстанавливаемыми на мѣстахъ учрежденіями и, наконецъ, такъ или иначе размежеваться съ Кубанскою Краевой властью.

Всѣ эти вопросы только намѣчались къ обсужденію, когда я появился въ Екатеринодарѣ. Я встрѣтился тамъ съ

В. В. Шульгинымъ, выпускавшимъ уже свою „Россію“ и пользовавшимся большимъ уваженіемъ добровольческихъ вождей, а также съ В. А. Степановымъ, который только что пріѣхалъ изъ Москвы. В. А. Степановъ свелъ меня съ генераломъ Драгомировымъ, фактически, ввиду болѣзненнаго состоянія генерала Алексѣева, замѣщавшаго Верховнаго Руководителя. Утромъ генералъ Драгомировъ работалъ у генерала Алексѣева, занимавшаго нѣсколько комнатъ въ особнякѣ пивовара Ирзы на Екатерининской улицѣ, а вечеромъ его можно было видѣть въ его кабинетѣ при Военно-Политическомъ Отдѣлѣ на Графской, 29, въ домѣ, въ которомъ постепенно обосновалось нѣсколько учрежденій, связанныхъ съ Добровольческой Арміей. Бравый кавалерійскій генералъ, очень похожій на своего знаменитаго отца, произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка съ умомъ живымъ и яснымъ, быстро схватывающимъ самые разнообразные и неожиданные предметы. Мы условились съ нимъ о характерѣ той работы, которую я брался исполнить для Добровольческой Арміи, и онъ вполнѣ раздѣлилъ мои основныя „конституціонныя“ идеи.

Идеи эти, тщательно взвѣшенныя и провѣренныя въ многократныхъ дружескихъ бесѣдахъ съ В. А. Степановымъ, были очень просты. Внимательное наблюденіе надъ ходомъ русскаго революціоннаго процесса убѣдило меня, какъ и многихъ другихъ въ томъ, что окончательному установленію прочнаго гражданскаго правопорядка въ Россіи долженъ предшествовать болѣе или менѣе продолжительный періодъ борьбы сначала съ большевистскимъ режимомъ, затѣмъ съ порожденными этимъ режимомъ разрушеніями. Совѣтская власть вылилась въ форму диктатуры Ленина и Троцкаго. Этой диктатурѣ успѣшно противостоять и сломить ее въ вооруженной схваткѣ, могла бы повидимому только власть, столь же сконцентрированная и энергичная. Такую власть, какъ намъ казалось, была призвана выдѣлить изъ своей среды именно Добровольческая Армія, возникшая подъ знаменемъ вооруженной борьбы за возсозданіе Россіи, преем-

ственно связанная черезъ своихъ вождей со старой русской арміей и закрѣпившая свои права на центральную роль въ начинавшемся періодѣ русской исторіи неподражаемыми подвигами двухъ кубанскихъ походовъ.

Представлялось своевременнымъ это государственное призваніе Добровольческой Арміи осознать и декларировать, одновременно упорядочивъ ея отношенія къ возникшимъ на территоріи Россіи временнымъ quasi государственнымъ образованіямъ на началахъ, отвѣчающихъ ея обще-государственному характеру и ихъ областному, мѣстному значенію. Все это приводило къ мысли о цѣлесообразности составленія и обнародованія „гражданской конституціи" Добровольческой Арміи. А внѣшнимъ поводомъ для изданія такого учредительнаго акта должно было послужить открытіе въ началѣ сентября вновь избранной Кубанской Краевой Рады. Предполагалось, что въ первомъ засѣданіи Рады генералъ Деникинъ выступитъ съ программною рѣчью отъ имени Добровольческой Арміи, и В. А. Степановъ показывалъ мнѣ примѣрный конспектъ рѣчи, который имѣлось въ виду предложить вниманію Командующаго.

Наша работа наладилась не сразу. Я отпросился „въ отпускъ", такъ какъ мнѣ очень хотѣлось прежде чѣмъ обосноваться въ Екатеринодарѣ, съѣздить на самый короткій срокъ въ Петроградъ ликвидировать различныя свои обязательства. Но доѣхать мнѣ пришлось только до Харькова. Тамъ мои друзья признали мое путешествіе въ Петроградъ, гдѣ царствовалъ терроръ, безумнымъ предпріятіемъ и убѣдили меня повернуть обратно. За время моего отсутствія изъ Екатеринодара дѣло съ составленіемъ конституціи Добровольческой Арміи получило новую постановку. Въ виду крайней деликатности кубанскаго вопроса, было признано желательнымъ, чтобы конституціонный проектъ не исходилъ изъ официальныхъ сферъ командованія, а былъ предложенъ „заинтересованнымъ сторонамъ" общественными кругами. Такъ какъ открытіе Рады приближалось, то возникло предположеніе привлечь къ работѣ одного изъ южно-русскихъ про-

фессоровъ государственнаго права. По моемъ возвращеніи, составленіе конституціи было поручено В. А. Степанову и мнѣ. Тѣмъ временемъ кубанцы отложили открытіе Рады до конца сентября, и я могъ спокойно усѣсться за писаніе.

Генералъ Драгомировъ снабдилъ меня „матеріалами." Въ его письменномъ столѣ подъ замкомъ хранились немногочисленные нумерованные экземпляры „секретнаго" приложенія все къ тому же приказу Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи 20 августа 1918 года № 1. То было составленное по наброску В. В. Шульгина и утвержденное генераломъ Алексѣевымъ 18 августа „Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи при Верховномъ Руководителѣ Добровольческой Арміи". Документъ этотъ былъ весьма далекъ отъ совершенства въ смыслѣ государственно-правовой техники, какъ по содержанію, такъ и по изложенію. Но то обстоятельство, что уже существовало, хотя и на бумагѣ, высшее совѣщательное учрежденіе при добровольческомъ командованіи, представляло свои удобства. Опираясь на это положеніе, мнѣ было легче двигаться дальше среди хитросплетеній конституціонно-автономно-диктаторскаго права.

Ст. I Положенія 18 августа, изъ за которой все оно подлежало храненію въ строгой тайнѣ, гласила дословно:

— Особое Совѣщаніе имѣетъ цѣлью: а) Разработку всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ возстановленіемъ органовъ государственнаго управленія и самоуправленія въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется власть и вліяніе Добровольческой Арміи. б) Обсужденіе и подготовку временныхъ законопроектовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства, какъ мѣстнаго значенія по управленію областями, вошедшими въ сферу вліянія Добровольческой Арміи, такъ и въ широкомъ государственномъ масштабѣ по возсозданію великодержавной Россіи, въ прежнихъ ея предѣлахъ. в) Организацію сношеній со всѣми областями бывшей Россійской Имперіи для выясненія истиннаго положенія дѣлъ въ нихъ и для связи съ ихъ правительствами и политическими партіями для совмѣстной работы по возстановленію великодержавной Рос-

сіи. г) Организацію сношеній съ представителями державъ согласія, бывшихъ въ союзѣ съ нами, и выработку плановъ совмѣстныхъ дѣйсвій въ борьбѣ противъ коалиціи центральныхъ державъ. д) Выясненіе мѣстонахожденія и установленіе тѣсной связи со всѣми выдающимися дѣятелями по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а также съ наиболѣе видными представителями сбщественнаго и земскаго самоуправленія, торговли, промышленности и финансовъ для привлеченія ихъ въ нужную минуту къ самому широкому государственному строительству. е) Привлеченіе лицъ, упомянутыхъ въ п. д., къ разрѣшенію текущихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью".

Особое Совѣщаніе должно было состоять изъ одиннадцати отдѣловъ — государственнаго устройства, внутреннихъ дѣлъ, дипломатическо-агитаціоннаго, финансоваго, торговли и промышленности, продовольствія и снабженія, земледѣлія, путей сообщенія, юстиціи, народнаго просвѣщенія и контроля. По сравненію съ обычнымъ спискомъ министерствъ въ этомъ перечнѣ бросалось въ глаза отсутствіе военно-морского отдѣла и наличность особаго отдѣла „государственнаго устройства" и „агитаціоннаго" — придатка къ дипломатическому отдѣлу. Канцелярія Особаго Совѣщанія съ Освѣдомительнымъ Бюро должна была находиться въ завѣдываніи управляющаго дѣлами.

Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія Положеніе поименно назначало Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи, генерала Алексѣева, а его замѣстителями въ порядкѣ постепенности: командующаго Арміей, генерала Деникина, Помощника Верховнаго Руководителя, генерала Драгомирова и Помощника Командующаго Арміей, генерала Лукомскаго. Точно также въ составѣ членовъ Особаго Совѣщанія, наряду съ Управляющими Отдѣлами и Управляющимъ дѣлами, перечислялись поименно — генералы Деникинъ, Драгомировъ и Лукомскій и Начальникъ Штаба Арміи, генералъ Романовскій. Положеніе различало „большія" и „малыя" засѣданія Особаго Совѣщанія. „Большія засѣданія" созыва-

лись подъ личнымъ предсѣдательствомъ Верховнаго Руководителя „для разрѣшенія наиболѣе серьезныхъ вопросовъ общегосударственнаго значенія и для разсмотрѣнія сложныхъ законопроектовъ, затрагивающихъ интересы нѣсколькихъ вѣдомствъ". „Малыя засѣданія" назначались „для разрѣшенія въ спѣшномъ порядкѣ нетерпящихъ отлагательства вопросовъ текущей жизни, связанныхъ съ установленіемъ гражданскаго правопорядка въ мѣстностяхъ, занятыхъ Добровольческой Арміей. Созывались такія засѣданія Командующимъ Арміей подъ его предсѣдательствомъ и въ составѣ генерала Лукомскаго, генерала Романовскаго и тѣхъ Управляющихъ Отдѣлами, которыхъ призналъ бы необходимымъ пригласить предсѣдатель. Положеніе 18 августа очень сбивчиво устанавливало предѣлы полномочій Особаго Совѣщанія и двухъ его предсѣдателей. По своеобразной терминологіи ст. 18, „засѣданія" (!), какъ „малыя", такъ и „большія", имѣютъ исключительно совѣщательный характеръ, и принятыя на нихъ рѣшенія необязательны для Верховнаго Руководителя или для Командующаго Арміей, кои могутъ принять и самостоятельное рѣшеніе и дать ему силу закона". Еще болѣе усиливая эту путаницу понятій, Положеніе требовало, чтобы Управляющіе Отдѣлами докладывали на ближайшемъ „большомъ" засѣданіи о рѣшеніяхъ, принятыхъ на „малыхъ" засѣданіяхъ. Наконецъ, Положеніе въ двухъ словахъ характеризовало роль Управляющихъ Отдѣлами, намѣчая ихъ „министерскія" функціи. Оно предоставляло имъ право личнаго доклада у Верховнаго Руководителя и у Командующаго Арміей и право законодательной иниціативы.

* * *

Въ началѣ сентября, когда опредѣлилось мое „конституціонное" призваніе при Добровольческой Арміи, изъ трущобной гостиницы „Калуга", гдѣ я съ трудомъ нашелъ пристанище, перетащилъ меня къ себѣ на квартиру присяжный повѣренный П. М. Каплинъ, кадетъ, позднѣе покинувшій ряды нашей

партіи. П. М. Каплинъ занималъ замѣтное мѣсто среди казачьей интеллигенціи, въ качествѣ члена старой Законодательной Рады, продѣлалъ походъ и теперь снова прошелъ въ Краевую Раду по Кавказскому Отдѣлу. Ему, какъ юристу ,интересовавшемуся конституціоннымъ правомъ, краевое правительство поручило составить для Рады проектъ Временнаго Положенія объ управленіи Кубанскимъ Краемъ, и онъ прилежно компановалъ Кубанскую конституцію, вдохновляясь по преимуществу формулами конституціонныхъ законовъ Третьей Французской республики и пріуготовляя для Войскового Атамана покойное кресло безотвѣтственнаго и безличнаго главы парламентарнаго государства. Такъ, по случайному стеченію обстоятельствъ, въ одной и той же квартирѣ, на одномъ и томъ же письменномъ столѣ одновременно писались два столь разнородныхъ законодательныхъ акта, какъ либеральная парламентарная конституція Вольной Кубани и построенное на послѣдовательномъ проведеніи суроваго начала военной диктатуры „Временное Положеніе объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой Арміей."

Въ одномъ пунктѣ, впрочемъ, работа П. М. Каплина и моя работа естественно соприкасались. Кубань, въ лицѣ своихъ политическихъ вождей, мыслила себя — „до Учредительнаго Собранія" — суверенным государственнымъ образованіемъ и фактически была почти суверенна. Почти, но не совсѣмъ, потому что на ея территоріи имѣла свою резиденцію не подчиненная ей военная власть, которая, опираясь частью на положеніе о Полевомъ управленіи войскъ, частью просто на соображенія военной необходимости, вторгалась въ компетенцію кубанскихъ учрежденій. Кубань за все время правленія генерала Деникина ни разу не отреклась отъ своего „суверенитета". Командованіе Добровольческой Арміи, въ свою очередь, ни разу не отказалось отъ притязаній на военно политическое верховенство, черпая ихъ въ военномъ отношеніи изъ самаго существа командной власти, въ политическомъ — изъ идеи единой русской государственности. Это противорѣчіе успѣло сказаться цѣлымъ рядомъ недоразумѣній

уже въ первый „медовый“ мѣсяцъ пребыванія ставки Добровольческой Арміи въ Екатеринодарѣ. Въ дальнѣйшемъ недоразумѣнія только умножились бы, если бы коренное противорѣчіе оставалось не устраненнымъ. Попытку устранить его путемъ подведенія подъ военно — политическое преобладаніе добровольческаго командованія прочнаго юридическаго фундамента и предстояло мнѣ предпринять.

Такимъ образомъ моя задача распадалась на двѣ части. Я долженъ былъ, прежде всего, написать конституцію для областей, непосредственно подчиненныхъ „власти и вліянію Добровольческой Арміи“ и не имѣющихъ самостоятельной государственно-подобной физіономіи. Это было сравнительно легко. Провозгласить, что въ областяхъ, занимаемыхъ Добровольческой Арміей, вся полнота власти принадлежитъ ея Верховному Руководителю и сдѣлать отсюда немногіе простѣйшіе юридическіе выводы. Подтвердить незыблемость гражданскихъ свободъ и установить, какъ общій принципъ, сохраненіе въ силѣ законодательства Временнаго Правительства, за исключеніемъ того, что будетъ отмѣнено или измѣнено новой властью. Наконецъ, заимствовать изъ Положенія объ Особомъ Совѣщаніи нѣсколько основныхъ его постановленій, придавъ имъ только болѣе опредѣленный и обобщенный характеръ. Для всего этого, очевидно, не требовалось ни фантазіи, ни творчества, и всѣ охватывающіе эти темы „раздѣлы“ моего положенія написались скоро и гладко. Зато вторая часть работы — регулировка отношеній между Добровольческой Арміей и Кубанскимъ Краемъ оказалась хлопотливой.

Здѣсь приходилось считаться съ фактами. Во время перваго кубанскаго похода, при соединеніи кубанскаго правительственнаго отряда съ Добровольческой Арміей, начальствующими лицами обѣихъ сторонъ было подписано соглашеніе, смыслъ котораго заключался въ признаніи Добровольческой Арміей существующихъ кубанскихъ краевыхъ установленій. Если бы кубанскій „государственный“ строй не отлился уже въ довольно отчетливыя формы своеобразнаго

казачьяго парламентаризма, которому конституція П. М. Каплина должна была только дать законченное выраженіе, можно было бы сочинить довольно пріемлемую конструкцію. Власть Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи, дѣйствующая неограниченно въ областяхъ, непосредственно ему подчиненныхъ, и ограниченная наличностью автономныхъ установленій въ предѣлахъ Кубанскаго края, — это было бы не лучше и не хуже, скажемъ, конструкціи стараго русскаго порядка, когда неограниченный Императоръ Всероссійскій дѣйствовалъ, какъ конституціонный монархъ въ предѣлахъ автономнаго Великаго Княжества Финляндскаго. Кубанско-добровольческая обстановка была гораздо сложнѣе. Нечего было и думать о томъ, чтобы кубанцы допустили вмѣшательство добровольческаго командованія въ организацію ихъ краевого строя или хотя бы, и даже въ малѣйшей степени, въ функціонированіе ихъ учрежденій. Самое большее, о чемъ можно было говорить съ нѣкоторою надеждой на успѣхъ, это о дѣлежѣ компетенціи, при которомъ общегосударственныя дѣла были бы сосредоточены въ рукахъ добровольческаго командованія, а все остальное оставлялось бы въ свободномъ распоряженіи свободно организованныхъ кубанскихъ учрежденій. Желая выразить эту конструкцію и создать при томъ хотя бы видимость „октроированія“ Кубанскому краю его автономнаго устройства, я и пристроилъ къ моему Положенію особый раздѣлъ о Кубанскомъ Краѣ. Существенное его содержаніе было таково. Кубанскій Край во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства; къ предметамъ вѣдѣнія Кубанской Краевой власти принадлежатъ — перечень, очень щедрый, предметовъ „мѣстнаго“ значенія; къ предметамъ вѣдѣнія Кубанской Краевой власти не принадлежатъ — перечень, скорѣе ограничительный, предметовъ „общегосударственныхъ“; для завѣдыванія указанными дѣлами въ составѣ Кубанскаго Краевого Правительства могутъ быть образованы такія то вѣдомства; составленное на изложенныхъ основаніяхъ Положеніе объ управленіи Кубанскимъ

Краемъ утверждается Краевою Радою, — мнѣ хотѣлось сначала прибавить: и обнародывается (изъ за невозможности сказать утверждается) Верховнымъ Руководителемъ Добровольческой Арміи, но и отъ этой прибавки пришлось отказаться.

Однако, для меня было совершенно очевидно, что добровольно на такую конструкцію кубанцы не пойдутъ, и поэтому я постарался найти еще какую-нибудь схему, въ которой съ диктатурой сочеталось бы нѣчто отъ „федераціи" и „соглашенія". Послѣ ряда набросковъ, испробовавъ до восьми различныхъ, болѣе или менѣе откровенно безпомощныхъ варьянтовъ, я смастерилъ еще „Положеніе о Сѣверо-Кавказскомъ Союзѣ". Покоилась эта вторая конструкція на слѣдующей хитрой механикѣ. Положеніе объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой Арміей, утверждается безъ послѣдняго раздѣла „о Кубанскомъ Краѣ", исключительно для территоріи, непосредственно подчиненной Верховному Руководителю. Краевая Рада, съ своей стороны, даетъ Кубани конституцію по своему вкусу. Затѣмъ Добровольческая Армія и Кубань вступаютъ другъ съ другомъ въ соглашеніе объ образованіи Сѣверо-Кавказскаго Союза и объ объединеніи на его территоріи нѣкоторыхъ отраслей управленія. Эти отрасли — внѣшняя политика, военное дѣло, судъ, пути сообщенія и общіе финансы — передаются въ завѣдываніе Добровольческаго Командованія. Въ отношеніи ихъ полнота государственной власти признается за Верховнымъ Руководителемъ Добровольческой Арміи. Содѣйствіе ему по управленію общими дѣлами Союза возлагается на соотвѣтствующіе Отдѣлы Особаго при немъ Совѣщанія. Для сужденій общихъ по дѣламъ Союза учреждается созываемый Верховнымъ Руководителемъ Совѣтъ, изъ членовъ отъ Кубанскаго Края по избранію Рады, а отъ прочихъ областей по назначенію Верховнаго Руководителя изъ кандидатовъ, представляемыхъ органами мѣстнаго самоуправленія, когда они будутъ возстановлены. Наконецъ, конституція Сѣверо-Кавказскаго Союза предусматривала возможность присоеди-

ненія къ нему новыхъ областей. Области, пользующіяся автономнымъ устройствомъ, могли бы присоединяться по постановленію ихъ правомочныхъ органовъ; прочія области — распоряженіемъ Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи.

* * *

Составленные мною тексты подверглись повторному обсужденію въ Совѣщаніяхъ разнаго состава.

Я провелъ ихъ черезъ „общественные круги", которые, признавъ ихъ пріемлемыми, отдали предпочтеніе „Положенію объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой Арміей", какъ болѣе стройному. Потомъ мы обсуждали ихъ въ кабинетѣ у генерала Драгомирова при участіи генерала Лукомскаго, В. В. Шульгина и В. А. Степанова. Оба проекта были просмотрѣны статья за статьей и были одобрены съ нѣкоторыми редакціонными поправками. Благополучно прошли, какъ само собою разумѣющіяся, статьи, которыми я дорожилъ и за которыя, правду сказать, побаивался, — о гражданскомъ равноправіи и о сохраненіи силы за законодательствомъ по 25 октября 1917 года. Выборъ между конституціей чистой диктатуры и конституціей Сѣверо-Кавказскаго Союза было рѣшено предоставить высшей инстанціи.

Но особый интересъ представили довѣрительные переговоры, которые велись по поводу моихъ проектовъ съ нѣсколькими кубанскими дѣятелями. В. А. Степанову и мнѣ было поручено выяснить настроеніе „противной стороны" и для этого снестись съ тѣми изъ кубанцевъ, у которыхъ имѣлось основаніе предполагать сочувствіе намъ или, по крайней мѣрѣ, пониманіе нашихъ „объединительныхъ" плановъ, и которые могли бы своимъ авторитетомъ въ кубанскомъ станѣ помочь проведенію ихъ въ жизнь.

П. М. Каплинъ принялъ на себя функціи посредника, и у него на квартирѣ состоялись двѣ встрѣчи „уполномоченныхъ сторонъ". Отъ Добровольческой Арміи были мы съ В. А. Степановымъ, отъ кубанцевъ — Ф. С. Сушковъ, Д. Е.

Скобцовъ, Д. А. Филимоновъ, А. И. Литовкинъ и хозяинъ дома. Кубанцы, съ которыми насъ свелъ П. М. Каплинъ, были „линейцы", люди „русской" оріентаціи, чуждые черноморскаго украинофильства. Всѣ они, въ недавнемъ прошломъ просто русскіе интеллигенты — педагоги или адвокаты, были выдвинуты кубанскимъ областническимъ движеніемъ 1917 года на первыя роли въ краевой жизни. Ф. С. Сушковъ и Д. Е. Скобцовъ входили въ составъ правительства Л. Л Быча; первый управлялъ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, второй — вѣдомствомъ земледѣлія. Д. А. Филимоновъ, А. И. Литовкинъ и П. М. Каплинъ были членами Краевой Рады. Любопытенъ былъ партійный составъ участниковъ этихъ конспиративныхъ бесѣдъ. В. А. Степановъ, А. И. Литовкинъ, П. М. Каплинъ и я были кадеты. Ф. С. Сушковъ, Д. Е. Скобцовъ и Д. А. Филимоновъ представляли разные оттѣнки „россійской" соціалистической мысли. Повидимому, мы могли разговаривать съ надеждой понять другъ друга.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ В. А. Степанова я познакомилъ въ общихъ чертахъ собравшихся съ моими законопроектами. Непримиримой оппозиціи мы не встрѣтили. Помнится, только Д. А. Филимоновъ, и по партійной своей окраскѣ бывшій „лѣвѣе" своихъ коллегъ, высказался довольно рѣшительно противъ самаго принципа диктатуры, доказывая, что нѣтъ никакихъ причинъ отказывать и другимъ губерніямъ и областямъ Россіи въ томъ выборномъ устройствѣ, которое признавалось нами за Кубанью. Прочіе наши собесѣдники оказались настроенными болѣе терпимо. Они выразили готовность согласиться съ преобладаніемъ добровольческаго командованія, какъ носителя обще — государственной идеи, и съ соотвѣтствующимъ распредѣленіемъ предметовъ вѣдѣнія между нимъ и краевою властью. Но они рѣшительно склонились въ пользу конструкціи Сѣверо-Кавказскаго Союза. Никакое измѣненіе фактическаго status'a Кубани не представлялось имъ возможнымъ безъ участія ея полномочныхъ органовъ. При этомъ они не скрыли отъ насъ, что такъ уступчиво настроены они — линейцы, и

что со стороны ихъ „черноморскихъ“ коллегъ наши проекты встрѣтятъ совсѣмъ иное отношеніе. Впрочемъ, они обѣщали намъ свое содѣйствіе и выразили надежду, что при правильномъ веденіи дальнѣйшихъ переговоровъ успѣхъ вполнѣ вѣроятенъ. Быть можетъ, еще болѣе характерны, чѣмъ сужденія по существу моихъ законопроектовъ, были высказанныя въ связи съ ними мысли на „общія“ темы. Я впервые здѣсь въ лицѣ весьма умѣренныхъ и „русскихъ“ дѣятелей Кубани столкнулся съ представителями мѣстной „государственности“ и былъ пораженъ опредѣленностью и упорствомъ кубанской политической психологіи. Я укрѣпился въ убѣжденіи, что отъ правильнаго рѣшенія „проблемы власти“ на Кубани будетъ, въ значительной степени, зависѣть все дѣло Добровольческой Арміи.

Во второй половинѣ сентября мои законопроекты поступили на окончательное разсмотрѣніе высшей инстанціи. Болѣзненное состояніе генерала Алексѣева, который почти уже не вставалъ съ постели, не позволяло обременять его такими сложными и острыми вопросами, и наши послѣднія совѣщанія происходили на квартирѣ Командующаго Арміей, подъ личнымъ руководствомъ генерала Деникина. Кругъ участниковъ ихъ расширился привлеченіемъ начальника штаба Арміи, генерала Романовскаго и только что прибывшаго въ Екатеринодаръ А. А. Нератова, который былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ и при старомъ режимѣ, и при Временномъ Правительствѣ, и котораго уже и у насъ называли помощникомъ управляющаго дипломатическимъ отдѣломъ Особаго Совѣщанія.

Впечатлѣніе, которое я получилъ отъ перваго свиданія съ генераломъ Деникинымъ и которое я неоднократно имѣлъ случай провѣрить при многочисленныхъ послѣдующихъ встрѣчахъ съ нимъ, было впечатлѣніемъ неотразимаго обаянія. Наружность у наслѣдника Корнилова и Алексѣева самая заурядная. Ничего величественнаго. Ничего демоническаго. Просто русскій армейскій генералъ, съ наклонностью къ полнотѣ, съ большой голой головой, окаймленной бритыми

сѣдѣющими волосами, съ бородкой клинышкомъ и закрученными усами. Но прямо плѣнительна застѣнчивая суровость его неловкихъ, какъ будто связанныхъ, манеръ, и прямой, упрямый взглядъ, разрѣшающійся добродушной улыбкой и заразительнымъ смѣшкомъ. Говорятъ, что по первому впечатлѣнію можно судить о призваніи человѣка. Въ генералѣ Деникинѣ я увидѣлъ не Наполеона, не героя, не вождя, но просто честнаго, стойкаго и доблестнаго человѣка, одного изъ тѣхъ „добрыхъ" русскихъ людей, которые, если вѣрить Ключевскому, вывели Россію изъ Смутнаго Времени.

Командующій Арміей велъ наши совѣщанія просто, но твердо. Я читалъ статью за статьей, потомъ каждый говорилъ свое мнѣніе, генералъ Деникинъ задавалъ иногда отрывочные вопросы и прекращалъ пренія, если они затягивались, и говорившіе начинали повторяться, увѣренно вынося свое рѣшеніе. Мы разсматривали только „Временное Положеніе объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой Арміей", такъ какъ „Положеніе о Сѣверо-Кавказскомъ Союзѣ" генералъ Деникинъ забраковалъ сразу, не тратя лишнихъ словъ. Будущій диктаторъ предпочиталъ чистую форму диктатуры. Но избирая диктатуру по существу, онъ высказывался въ пользу самыхъ мягкихъ способовъ ея установленія. При началѣ нашихъ совѣщаній я кратко объяснилъ, какъ лично мнѣ рисовалось различіе между двумя моими проектами, и, указавъ, что высшее командованіе одно компетентно рѣшать, какимъ образомъ дѣйствовать дальше — властнымъ велѣніемъ или соглашеніемъ, отмѣтилъ, что, по моему, первому болѣе отвѣчаетъ чистая „конституція диктатуры", а второму конституція „Сѣверо-Кавказскаго Союза". Генералъ Деникинъ безъ колебаній заявилъ, что онъ допускаетъ только путь соглашенія. Но онъ не видѣлъ необходимой связи между этимъ своимъ взглядомъ и той или иной „конструкціей власти". Конечно, мы должны стремиться къ правильной конструкціи, которую даетъ первое Положеніе. Но мы не навяжемъ насильно, не предпишемъ ее Ку-

бани, а на ней „сговоримся“ съ кубанцами. Эта склонность генерала Деникина къ „чистой диктатурѣ“, покоящейся „на сговорѣ“, чрезвычайно примѣчательна для генерала Деникина. Ею объясняется многое въ дальнѣйшемъ развитіи нашихъ отношеній къ казачеству.

„Временное Положеніе объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой Арміей,“ не претерпѣло и на этотъ разъ сколько-нибудь серьезныхъ измѣненій, и дѣло ограничилось уточненіемъ и согласованіемъ нѣкоторыхъ его формулъ. Но во всѣхъ тѣхъ статьяхъ, гдѣ упоминалось о Верховномъ Руководителѣ, какъ о носителѣ полноты государственной власти, добавлялось въ скобкахъ—„Главнокомандующій Добровольческой Арміей.“ Дѣло въ томъ, что состояніе генерала Алексѣева ухудшалось, и наши генералы говорили о неизбѣжности близкой его кончины сътою простотой, которая понятна и умѣстна только у привычныхъ къ смерти военныхъ людей. Самъ собою сталъ вопросъ, какое званіе приметъ генералъ Деникинъ, когда послѣ смерти Верховнаго Руководителя онъ одинъ останется во главѣ Добровольческой Арміи. Предлагались и отвергались разные, болѣе или менѣе звучные титулы. Генералъ Деникинъ заявилъ, что онъ не приметъ никакого званія, кромѣ выражающаго военно-командный характеръ его власти. Сейчасъ онъ Командующій Добровольческой Арміей. Хорошо, повысившись въ рангѣ, онъ станетъ Главнокомандующимъ Добровольческой Арміей, — и больше ничего.

Генералъ Деникинъ жилъ тогда въ хорошенькомъ особнячкѣ Фотіади на Соборной улицѣ. Мы сходились у него къ семи часамъ вечера и расходились около десяти, оставляя Командующаго въ обществѣ начальника штаба, съ которымъ онъ продолжалъ еще заниматься до поздней ночи. Наши совѣщанія носили характеръ совершенной простоты и непринужденности. Командующій былъ со всѣми ровенъ и привѣтливъ. Выдѣлялось только его трогательно дружественное отношеніе къ генералу Романовскому. — „Мы съ Иваномъ Павловичемъ“..., часто попадалось въ разговорѣ Де-

никина. — „Мы съ Иваномъ Павловичемъ посовѣтовались,“ — „Мы съ Иваномъ Павловичемъ рѣшили“. Командующій произносилъ эти фразы съ особенною теплотой, я сказалъ бы даже, съ нѣжностью. Возвращаясь домой съ генераломъ Драгомировымъ, В. А. Степановымъ и В. В. Шульгинымъ — мы жили неподалеку другъ отъ друга — мы толковали о кубанской проблемѣ и намѣчали кандидатуры управляющихъ Отдѣлами. Иногда заходили выпить кофе и закусить въ „Роскошь“. Такъ съ восточною пышностью именовалась маленькая кофейня, ютившаяся въ деревянномъ домикѣ на Штабной. Просто тогда все было въ Екатеринодарѣ.

Однако, открытіе Краевой Рады приближалось, а мы только заканчивали разсмотрѣніе „конституціи“, на которой предстояло „сговариваться“ съ кубанцами. Военная обстановка давала и безъ того достаточно поводовъ, чтобы говорить о новой отсрочкѣ, и генералъ Деникинъ, посовѣтовавшись съ нами, подписалъ письмо къ войсковому атаману съ просьбой отложить открытіе Рады на двѣ недѣли.

Въ четвергъ 21 сентября „Временное Положеніе объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой Арміей,“ было одобрено въ цѣломъ. Въ субботу днемъ, идучи на вокзалъ, чтобы ѣхать въ Анапу, куда меня вызывали телеграммой, я встрѣтилъ на Екатерининской генерала Драгомирова, шедшаго отъ генерала Алексѣева.

— „По возвращеніи вы застанете у насъ большія перемѣны, сказалъ онъ мнѣ. Михаилъ Васильевичъ безнадеженъ“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ОРГАНИЗУЕТСЯ.

Домашнія дѣла задержали меня въ Анапѣ на цѣлый мѣсяцъ, и когда въ концѣ октября я вернулся въ Екатеринодаръ, то нашелъ механизмъ правительства при Добровольческой Арміи уже приведеннымъ въ движеніе.

Генералъ Алексѣевъ скончался 25 сентября. За смертью Верховнаго Руководителя въ средѣ командnаго состава произошли многочисленныя перемѣщенія. Генералъ Деникинъ принялъ званіе Главнокомандующаго Добровольческой Арміей. Генералы Драгомировъ и Лукомскій были назначены помощниками Главнокомандующаго, первый по политической, второй по военной части. На генерала Драгомирова было возложено предсѣдательствованіе въ Особомъ Совѣщаніи, генералъ Лукомскій былъ назначенъ управляющимъ вновь учрежденнымъ Военно Морскимъ Отдѣломъ. Особое Совѣщаніе, переименованнсе въ Особое Совѣщэніе при Главнокомандующемъ Добровольческой Арміей, открыло свои засѣданія 28 сентября. Къ началу октября должности управляющихъ Отдѣлами были замѣщены далеко не всѣ. На лицо были В. А. Лебедевъ, незадолго передъ тѣмъ ушедшій изъ Донского Правительства — управляющій Отдѣломъ Торговли и Промышленности, Э. П. Шуберскій — управляющій Отдѣломъ Путей Сообщенія, І. А. Гейманъ — и. д. управляющаго Финансовымъ Отдѣломъ, генералъ А. С. Макаренко — и. д. управляющаго Отдѣломъ Юстиціи, А. А. Нератовъ (до прибытія изъ Крыма С. Д. Сазонова) — и. об. управляющаго Дипломатическимъ Отдѣломъ, В. А. Степановъ — управляющій Отдѣломъ Государственнаго Контроля, гене-

ралъ Лукомскій — управляющій Военно-Морскимъ Отдѣломъ, В. В. Шульгинъ состоялъ членомъ Особаго Совѣшанія, такъ сказать, „безъ портфеля“ — званіе, Положеніемъ 18 августа, собственно, не предусмотрѣнное. Назначенный и. д. Управляющаго Дѣлами А. А. Лодыженскій болѣлъ сыпнымъ тифомъ, и въ первыхъ засѣданіяхъ его замѣнялъ Э. П. Шуберскій Составъ членовъ Особаго Совѣщанія „перваго созыва“ былъ и въ политическомъ, и въ дѣловомъ отношеніи довольно случаенъ. Первыя постановленія новаго правительственнаго органа, посвященныя по преимуществу организаціоннымъ вопросамъ, доставили впослѣдствіи Отдѣлу законовъ, призванному ихъ распубликовать, немало возни своей расплывчатостью и неточной формулировкой. Любопытно, что правительство Добровольческой Арміи начало работать и работало почти четыре мѣсяца безъ управляющаго Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ ноябрѣ эту должность предлагали вновь прибывшему Н. И. Астрову. Онъ отказался, не чувствуя „вкуса къ власти“, и Отдѣлъ Внутреннихъ Дѣлъ — едва ли не самый важный изъ всѣхъ — остался безъ хозяина. Въ этомъ было нѣчто провиденціальное.

За время моего отсутствія происходили офиціальные переговоры съ кубанцами. Кубань была представлена четырьмя членами правительства, во главѣ съ „самимъ“ Л. Л. Бычемъ; со стороны Добровольческой Арміи было тоже четыре уполномоченныхъ, — генералы Романовскій и Лукомскій, А. А. Нератовъ и В. А. Степановъ. Отъ участниковъ этихъ совѣщаній я слышалъ, что вначалѣ переговоры пошли, какъ будто, недурно. Но потомъ кубанцы объявили мое „Временное Положеніе“ не пріемлемымъ и обѣщали представить контръ-проектъ ихъ министра юстиціи, А. А. Намитокова. Проекта этого мы такъ никогда и не увидѣли, и переговоры сошли на нѣтъ. Мы всегда склонны были усматривать въ непредставленіи проекта Намитокова признакъ отсутствія у „противной стороны“ доброй воли къ соглашенію; кубанцы ссылались на крайній недосугъ. Но такъ или иначе, а еще одинъ опытъ „сговора“ кончился неудачей, значеніе которой было

громадно. Правительство генерала Деникина организовывалось само по себѣ, кубанскіе правящіе круги сами по себѣ готовились къ открытію Краевой Рады. Попытка „посредничества" донскихъ дѣятелей, въ лицѣ В. А. Харламова, В. Ф. Зеелера и М. С. Воронкова, также не дала результатовъ. А ставка генерала Деникина и Особое Совѣщаніе находились въ столицѣ Кубанской области, и въ рядахъ Добровольческой Арміи насчитывалось, какъ говорили, до 70 процентовъ кубанскихъ казаковъ.

* * *

Открытію Краевой Рады предшествовали инциденты, характерные для царившей кругомъ атмосферы взаимнаго непониманія и нароставшаго раздраженія.

Въ сентябрѣ Краевое Правительство охотно пошло навстрѣчу желаніямъ генерала Деникина и, вмѣсто двухъ недѣль, отсрочило открытіе Рады на цѣлый мѣсяцъ. Но когда теперь Главнокомандующій телеграммой со ставропольскаго фронта попросилъ отложить первое засѣданіе еще на нѣсколько дней, чтобы дать ему возможность лично присутствовать на открытіи сессіи, это вызвало въ кубанскихъ „сферахъ" крайнее возбужденіе.

Вопросъ страстно обсуждался въ правительствѣ и въ совѣщаніи членовъ Законодательной Рады. Кубанскіе „самостійники" мобилизовались и рѣзко обрушились на Главное Командованіе, обвиняя его чуть ли не въ саботажѣ. Атаманъ Филимоновъ самоотверженно полемизировалъ съ ними. Въ концѣ концовъ, сошлись на компромиссѣ. Рада открывается въ назначенный срокъ, но нѣсколько дней занимается организаціонной работой въ будничной обстановкѣ. І ноября происходитъ торжественное засѣданіе въ присутствіи генерала Деникина Эти китайскія церемоніи были выполнены съ точностью. Краевая Рада собралась и выбрала своимъ предсѣдателемъ одного изъ столповъ кубанско-украинскаго сепаратизма, Н С. Рябовола. Говорили о томъ, чтобы противопоставить ему „примирительную" кандидатуру А. И. Литовкина. Но эта канди-

датура отцвѣла, не успѣвъ расцвѣсть. Въ Краевой Радѣ кандидатуры выставляются Отдѣлами, какъ на Донскомъ Войсковомъ Кругѣ — Округами. А. И. Литовкина „назвалъ" только представитель Добровольческой Арміи, полковникъ Туненбергъ. Кубань шла за своими прежними самостійными вождями, и Краевая Рада готовилась встрѣтить Главнокомандующаго сомкнутымъ строемъ съ боевымъ предсѣдателемъ во главѣ.

1 ноября, послѣ торжественнаго богослуженія въ Войсковомъ Соборѣ, всѣ перешли въ Зимній театръ. Когда предсѣдатель предоставилъ слово Главнокомандующему, генералъ Деникинъ поднялся изъ литерной ложи на сцену, быстро прошелъ за столомъ президіума и среди бурныхъ овацій занялъ мѣсто за кафедрой, чтобы „привѣтствовать Кубанскую Раду и высказать, чѣмъ живетъ и во что вѣритъ, на что надѣется Добровольческая Армія".

Слышавшіе эту самую сильную и самую блестящую рѣчь изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ генераломъ Деникинымъ за все время пребыванія его у власти, не забудутъ минутъ, пережитыхъ ими въ театрѣ Черачева днемъ 1 ноября 1918 года. Въ ней сказался весь Деникинъ со всѣмъ пафосомъ его національно-государственной идеологіи, въ ней названы всѣ даромъ пропавшіе „козыри" его борьбы за возсозданіе Россіи, въ ней предсказаны всѣ заблужденія и недоразумѣнія, роковымъ образомъ приведшія насъ къ конечной неудачѣ.

Въ образныхъ выраженіяхъ обрисовавъ первые мѣсяцы существованія Добровольческой Арміи, генералъ Деникинъ вплотную подошелъ къ кубанской проблемѣ. Когда въ маѣ было рѣшено начать активныя дѣйствія съ очищенія Задонья и Кубани, командованіе Арміи встрѣтило со всѣхъ сторонъ осужденіе. Всѣ, включая и „кадетскихъ лидеровъ", требовали движенія на сѣверъ. Рѣшеніе осталось неизмѣннымъ, и начатая операція увѣнчалась успѣхомъ.

—„Командованіе Добровольческой Арміи взяло на себя за этотъ шагъ нравственную отвѣтственность передъ роди-

ной, глубоко вѣря, что на Кубани нѣтъ предателей, что, когда придетъ часъ, освобожденная вольная Кубань не порветъ связи съ Добровольческой Арміей и пошлетъ своихъ сыновъ въ рядахъ ея вглубь Россіи, въ смертельномъ томленіи ждущей избавленія".

Генералъ Деникинъ краснорѣчиво доказывалъ, что освобожденіе Кубани неразрывно связано съ освобожденіемъ Россіи.

— „Развѣ возможна мирная жизнь на Кубани, спрашивалъ онъ, развѣ будутъ обезпечены ваши многострадальныя станицы отъ новаго, еще горшаго нашествія большевиковъ, когда красная власть, прочно засѣвъ въ Москвѣ, отброситъ своими полчищами поволжскій фронтъ, сдавитъ съ сѣвера и востока Донскую область и хлынетъ къ намъ? . . . При такомъ положеніи можетъ ли Кубань успокоиться и заняться только своими внутренними дѣлами? Нѣтъ! Пора бросить споры, интриги, мѣстничество. Все для борьбы. Большевизмъ долженъ быть раздавленъ. Россія должна быть освобождена, иначе не пойдетъ вамъ впрокъ ваше собственное благополучіе, станете игрушкой въ рукахъ своихъ и чужихъ враговъ Россіи и народа русскаго".

На минуту Главнокомандующій отвлекся, чтобы сопоставить освобожденіе Кубани съ освобожденіемъ другихъ окраинъ Россіи.

— „Добровольческая Армія, въ рядахъ которой доблестно сражается множество кубанскихъ казаковъ, явилась сюда не для завоеванія, а для освобожденія, и то освобожденіе, которое другимъ досталось цѣною національнаго униженія, потери политической самостоятельности и экономическаго рабства, — Кубань получила безъ цѣпей, безъ ярма, цѣною лишь святой крови добровольцевъ, слетѣвшихся со всѣхъ концовъ Россіи, и славныхъ кубанскихъ казаковъ".

Но вотъ онъ опять вернулся къ своей основной мысли.

— „Вы думаете, что опасность болѣе не угрожаетъ вашей драгоцѣнной жизни? Напрасно. Борьба съ большевизмомъ далеко еще не окончена. Идетъ самый сильный,

самый страшный девятый валъ . . . И потому не трогайте арміи. Не играйте съ огнемъ. Пока огонь въ желѣзныхъ стѣнахъ, онъ грѣетъ, но когда вырвется наружу, произойдетъ пожаръ. И кто знаетъ, не на ваши ли головы обрушатся расшатанныя вами подгорѣвшія балки".

Генералъ Деникинъ переходилъ къ выводамъ — Россіи нужна сильная, могучая армія и единое международное представительство.

— „Не должно быть армій добровольческой, донской, кубанской, сибирской, должна быть единая русская армія съ единымъ фронтомъ, съ единымъ командованіемъ, облеченнымъ полною мощью и отвѣтственнымъ лишь передъ русскимъ народомъ, въ лицѣ его будущей законной верховной власти.

И теперь, когда близится часъ окончанія міровой войны, когда всѣ государства, въ лицѣ лучшихъ мужей совѣта, облеченныхъ довѣріемъ народовъ, будутъ рѣшать судьбы міра, кѣмъ будетъ представлена Россія? Тѣми ли, что надругались надъ всѣмъ святымъ нашимъ, которые плюнули въ душу русскаго человѣка и грязнымъ большевистскимъ сапогомъ растоптали ее? Тѣми ли, что предательски отвернулись отъ своей родины и вражескими штыками создали себѣ временное и призрачное благополучіе? Тѣми ли, наконецъ, кто честно и беззавѣтно борятся за спасеніе родины, но говорятъ на разныхъ языкахъ и до сихъ поръ не могутъ никакъ столковаться другъ съ другомъ?"

Генералъ Деникинъ объявлялъ затѣмъ „платформу", на которой онъ былъ готовъ „столковываться".

— „Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть".

Добровольческая Армія беретъ на себя иниціативу созданія того и другого.

— „Добровольческая Армія, собирая вокругъ себя и вооруженныя силы, и людей государственнаго опыта, приглашаетъ всѣ части русскаго государства, признающія единую, недѣлимую Россію, сомкнуться вокругъ насъ для совмѣстнаго государственнаго строительства, для общей борь-

бы съ врагами Россіи, для единаго представительства и защиты русскихъ интересовъ на будущемъ мирномъ конгрессѣ.

Такое единеніе всѣхъ государственныхъ образованій и всѣхъ государственно-мыслящихъ русскихъ людей тѣмъ болѣе возможно, что Добровольческая Армія, ведя борьбу за самое бытіе Россіи, не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предрѣшаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими русскій народъ объявитъ свою волю. Единеніе возможно и потому, что Добровольческая Армія признаетъ необходимость и теперь, и въ будущемъ самой широкой автономіи составныхъ частей русскаго государства и крайне бережнаго отношенія къ вѣковому укладу казачьяго быта".

Генералъ Деникинъ кончилъ трогательными заключительными словами посланія, съ которымъ онъ обратился къ Войсковому Атаману послѣ освобожденія Екатеринодара:

— „Дай Богъ счастья Кубанскому Краю, дорогому для всѣхъ насъ по тѣмъ душевнымъ переживаніямъ—и тяжкимъ и радостнымъ, — которыя связаны съ безбрежными его степями, гостепріимными станицами и родными могилами".

Рѣчь Главнокомандующаго прерывалась обычными въ казачьихъ собраніяхъ изъявленіями коллективныхъ чувствъ—вставаніемъ съ мѣстъ, пѣніемъ „Вѣчная память", аплодисментами и криками „ура", а когда генералъ Деникинъ, прервавъ свое изложеніе, огласилъ поданную ему телеграмму о взятіи Ставрополя, театръ задрожалъ отъ манифестацій, длившихся нѣсколько минутъ.

Главнокомандующій направился къ своей ложѣ. Н. С. Рябоволъ остановилъ его, пригласивъ его выслушать постановленіе Рады, которымъ генералъ Деникинъ зачислялся въ „коренные" казаки станицы Незамаевской Ейскаго отдѣла, первой возставшей противъ большевиковъ. Отъ себя предсѣдатель добавилъ нѣсколько словъ, выразивъ увѣренность, что генералъ Деникинъ будетъ лучшимъ казакомъ и первымъ кубанцемъ. Генералъ Деникинъ отвѣтилъ тоже кратко, отнеся оказанную ему честь къ Арміи, имъ предводи-

мой. Отъ этого обмѣна любезностей между новорожденнымъ кубанцемъ и заслуженнымъ самостійникомъ въ залѣ повѣяло холодомъ принужденной офиціальности.

Потомъ говорили еще разные ораторы. Войсковой Атаманъ поспѣшилъ къ кафедрѣ, чтобы въ формѣ благодарности Главнокомандующему выдѣлить и подчеркнуть то, что было въ его рѣчи важнаго въ смыслѣ признанія „правъ и преимуществъ“ Кубани. Говорили — по русски — донцы и — на державной мовѣ — украинцы: анекдотическій „баронъ“ Боржинскій и престарѣлый кооператоръ, батько Левицкій. Непонятые многими изъ слушателей, украинскіе ораторы вызвали сдержанный ропотъ въ собраніи. Но предсѣдатель Краевого Правительства Л. Л. Бычъ — изъ любезности, или въ силу родственныхъ чувствъ? — отвѣчалъ имъ на ихъ діалектѣ.

Въ „кулуарахъ“ и на хорахъ оживленно обсуждалась, конечно, рѣчь генерала Деникина. Несмотря на парадъ восторговъ, которыми сопровождалось чуть не каждое слово въ ней, впечатлѣніе дробилось, тускнѣло и рѣшительно портилось. Объ этомъ старались казачьи лидеры, бросавшіе въ послушную имъ массу лозунги сомнѣнія и раздраженія. Даже нашъ другъ П. М. Каплинъ, въ черкескѣ и при кинжалѣ, выражалъ недовольство. Помилуйте, какъ все это неопредѣленно и уклончиво! Армія не хочетъ „предрѣшать“ ни формы правленія, ни способа ея установленія! Надо было ясно высказаться о республикѣ, федераціи и Учредительномъ Собраніи! Зато „россійскіе“ люди были премного удовлетворены.

* * *

Число этихъ „россійскихъ“ людей, начиная съ октября, стало быстро увеличиваться въ Екатеринодарѣ. Мы положительно начали входить въ моду. Военное положеніе Добровольческой Арміи постепенно упрочивалось. Жизнь въ предѣлахъ Совѣтской Россіи становилась все нестерпимѣе изъ-за голода и террора. У „державной“ Украйны заколе-

балась подъ ногами нѣмецкая почва. И вотъ на огонекъ, зажегшійся на Кубани, устремились съ разныхъ сторонъ офицеры, генералы, чиновники и общественные дѣятели. Офицеры поступали въ ряды войскъ, генералы зачислялись въ резервъ при Штабѣ Главнокомандующаго, чиновники „устраивались," общественные дѣятели засѣдали и совѣщались.

Въ началѣ октября пріѣхало нѣсколько видныхъ кадетовъ. На Краевой Съѣздъ партіи прибыли среди прочихъ партійныхъ знаменитостей П. Н. Милюковъ, Н. И. Астровъ, М. М. Винаверъ, гр. С. В. Панина. Послѣ съѣзда, вышедшаго очень удачнымъ и очень „деникинскимъ", П. Н. Милюковъ уѣхалъ черезъ Кіевъ на совѣщаніе въ Яссы и оттуда дальше на Западъ. М. М. Винаверъ оставался въ Екатеринодарѣ до тѣхъ поръ, пока не былъ вызванъ въ Крымъ, гдѣ вмѣстѣ съ нѣмцами пало и правительство Сулькевича. Со времени майской партійной конференціи въ Москвѣ, на которой онъ очень содѣйствовалъ торжеству союзнической „оріентаціи", М. М. Винаверъ спеціализировался въ партіи на внѣшней политикѣ. Онъ и въ Екатеринодарѣ много занимался внѣшнеполитическими вопросами и, въ частности, хлопоталъ надъ созданіемъ нѣкой общественно-политической „коллегіи", въ которую долженъ былъ войти и С. Д. Сазоновъ въ качествѣ управляющаго Дипломатическимъ Отдѣломъ, и которая должна была сообщать „общественный" вѣсъ нашему международному представительству. Генералъ Деникинъ приказомъ отъ 10 ноября учредилъ при Управляющемъ Дипломатическимъ Отдѣломъ Совѣтъ по дѣламъ внѣшней политики изъ членовъ, назначаемыхъ Главнокомандующимъ. Заключенія Совѣта должны были представляться на утвержденіе Главнокомандующему. Это было, очевидно, не совсѣмъ то, чего хотѣлъ М. М. Винаверъ, но и въ этой скромной, сравнительно, формѣ Совѣтъ остался на бумагѣ. Впрочемъ, М. М. Винаверъ вскорѣ уѣхалъ въ Симферополь, въ качествѣ министра внѣшнихъ сношеній въ правительствѣ С. С. Крыма.

Оставшіеся въ Екатеринодарѣ гр. Панина и Н. И. Астровъ вмѣстѣ съ подъѣхавшимъ тѣмъ временемъ кн. Па-

вломъ Долгоруковымъ, В. А. Степановымъ и мною образовали ту „екатеринодарскую“ группу кадетовъ, о которой часто и не всегда любезно говорили и писали. Мы, дѣйствительно, постепенно сработались и столковались. Существуетъ мнѣніе, что всюду, гдѣ есть два кадета, есть правый кадетъ и лѣвый кадетъ. И въ нашей маленькой „группѣ“ тоже были оттѣнки мнѣній и темпераментовъ. Было принято считать Н. И. Астрова и С. В. Панину нашей „лѣвой“, насъ вдвоемъ съ В. А. Степановымъ — правой, между тѣмъ какъ кн. Долгоруковъ, занимая „центральное“ положеніе, старался примирять насъ и выводить на традиціонную „среднюю линію“. Несомнѣнно, мы не только совѣщались, но и спорили, и подчасъ горячо. Въ частности, Н. И. Астровъ, избранный въ члены Уфимской Директоріи, долго болѣлъ и дѣлился съ нами сомнѣніями по поводу „екатеринодарскаго курса“. Но въ основномъ и главномъ мы были согласны. Мы были вѣрные „деникинцы“ и поддерживали деникинскую схему организаціи власти и деникинскую политическую идеологію.

„Екатеринодарскіе“ кадеты, за исключеніемъ меня, всѣ были членами Національнаго Центра. Когда въ Екатеринодаръ пріѣхалъ предсѣдатель Центра М. М. Федоровъ, онъ немедленно со свойственной ему подвижностью и неутомимостью принялся за развертываніе этой между-партійной организаціи. Въ Екатеринодарѣ открылись засѣданія Правленія Національнаго Центра, въ которое кооптировали и меня; отъ времени до времени происходили Общія Собранія; постепенно „въ провинціи“ стали открываться отдѣленія Центра. Національный Центръ игралъ крупную роль въ событіяхъ „деникинской“ эпохи, и историкъ этой эпохи несомнѣнно займется имъ. Національный Центръ исторически былъ построенъ на группировкѣ отъ кадетовъ направо. Но, силою вещей, у насъ въ правленіе генерала Деникина преобладающее вліяніе въ немъ пріобрѣли скорѣе „лѣво-кадетскія“ настроенія. Онъ не былъ ни въ какой степени организаціей „массовой“ и сохранялъ все время характеръ интеллигентской группы, которая содѣйствовала правительству, возбуждая

программные вопросы, подготовляя законодательный матеріалъ и выдвигая персональныя кандидатуры. Направо отъ Національнаго Центра занялъ впослѣдствіи мѣсто Совѣтъ Государственнаго Объединенія, эвакуировавшійся къ намъ изъ Одессы, лѣвѣе стояли умѣренно-соціалистическіе элементы, частью тяготѣвшіе къ Союзу Возрожденія. Осенью они группировались вокругъ газеты „Родная Земля", которую редактировалъ Г. И. Шрейдеръ. „Родная Земля" симпатизировала Уфимской Директоріи и, по традиціи „революціонной демократіи", осторожно, но упорно подтравливала Добровольческую Армію. Генералы нѣкоторое время крѣпились, а потомъ разгнѣвались и, припомнивъ Г. И. Шрейдеру воззваніе, выпущенное имъ въ качествѣ петроградскаго городского головы по поводу корниловскаго выступленія въ августѣ 1917 года, неловко и грубо арестовали и выслали его. Политическіе друзья и сосѣди Г. И. Шрейдера, конечно, обидѣлись. Одни изъ нихъ замкнулись въ недружелюбномъ уединеніи, другіе уѣхали „фрондировать" въ Крымъ и въ Одессу.

Зимою въ печати Екатеринодара печальное амплуа „Родной Земли" перешло къ „Утру Юга", газетѣ, основанной мѣстными крупными промышленниками и не совсѣмъ отчетливыми соціалистами. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, „Утро Юга" выравнялось въ офиціозъ Союза Возрожденія, когда его лидеры снова пожаловали къ намъ. На противоположномъ флангѣ нашего публицистическаго фронта офиціозъ Совѣта Государственнаго Объединенія выработался изъ „Россіи" В. В. Шульгина. Когда ея основатель уѣхалъ въ Яссы, ея политическимъ вдохновителемъ сдѣлался Н. Н. Львовъ. „Россія" стала „Великой Россіей," послѣ того какъ Кубанское Правительство закрыло ее за рѣзкія нападки на Краевую Раду. На центральное мѣсто имѣла, повидимому, право „Свободная Рѣчь", которая была основана при содѣйствіи мѣстнаго кадетскаго комитета, и которую я редактировалъ до марта 1919 года. Первый номеръ „Свободной Рѣчи" вышелъ 30 ноября. Рожденная въ кадетствѣ „Свободная Рѣчь" сразу заняла совершенно самостоятельное положеніе. Насчетъ насъ „со-

мнѣвались" уже лѣвые кадеты. Мы рѣзко полемизировали съ „Утромъ Юга". Насъ отъ всего сердца ненавидѣли самостійники. Но смѣю думать, что съ нами серьезно считались. Собственно кубанская пресса была въ это время представлена правительственною „Вольною Кубанью", которая въ силу своего офиціальнаго положенія была очень уклончива въ своей неофиціальной части; „Кубанскимъ Краемъ", который, издаваясь при поддержкѣ Краевого Правительства, открыто велъ петлюровскую пропаганду, и бойкимъ „Кубанцемъ", по странной южной манерѣ выходившимъ „на завтра". „Кубанецъ" былъ большой забіяка, не всегда грамотный, но очень задорный и ѣдкій въ критикѣ самостійниковъ. Его поддерживали мѣстные люди русской складки и жестоко преслѣдовали правящіе кубанскіе круги. Его много разъ закрывали, и онъ перемѣнилъ несмѣтное количество заголовковъ.

* * *

Между тѣмъ Краевая Рада приступила къ дѣловымъ засѣданіямъ. Сначала все шло довольно гладко и даже, когда возникъ вопросъ объ усиленіи представительства Добровольческой Арміи, Рада безъ колебаній согласилась увеличить его до пяти человѣкъ, причемъ, однако, вся „делегація" Арміи должна была, какъ и прежде, располагать только однимъ голосомъ. Во главѣ пяти делегатовъ Главнаго Командованія былъ поставленъ генералъ Лукомскій. Но вскорѣ стало создаваться и наростать „конфликтное настроеніе", и къ серединѣ ноября назрѣлъ открытый разрывъ.

По предложенію правительства, Краевая Рада приняла нѣсколько постановленій относительно образованія на федеративныхъ началахъ союза съ другими государственными образованіями Юга Россіи. Генералъ Лукомскій протестовалъ противъ этихъ постановленій, практически равносильныхъ требованію капитуляціи Главнаго Командованія передъ властью проектируемаго Союза, и покинулъ Раду. Впечатлѣніе получилось потрясающее. Нѣсколько дней по городу ходили тревожные слухи

о готовившемся будто бы „переворотѣ". Кубанскія „сферы" немедленно забили отбой, и послѣ переговоровъ съ генераломъ Деникинымъ было рѣшено передать всѣ возникшіе въ работѣ Рады спорные вопросы въ комиссію для согласованія стремленій кубанскаго казачества съ государственными задачами Главнаго Командованія. Краевая Рада приняла всѣ условія генерала Деникина, отложивъ только рѣшеніе вопроса о вхожденіи въ ея составъ съ правомъ рѣшающаго голоса всѣхъ шестнадцати членовъ Согласительной Комиссіи отъ Главнаго Командованія.

Засѣданія Согласительной Комиссіи открылись въ залѣ бывшаго Областного Правленія на Штабной улицѣ. Это было довольно многочисленное собраніе. Мы разсѣлись „по делегаціямъ" за столами, разставленными покоемъ. Направо отъ стола президіума заняли мѣста шестнадцать уполномоченныхъ Главнокомандующаго, налѣво — шестнадцать членовъ Рады. Кубанцы выставили цвѣтъ обѣихъ своихъ группировокъ. Тутъ были и наши знакомцы Ф. С. Сушковъ и Д. Е. Скобцовъ, и управляющій вѣдомствомъ внутреннихъ дѣлъ А. В. Калабуховъ, и управляющій вѣдомствомъ юстиціи А. А. Намитоковъ, и такіе „премьеры" самостійничества, какъ многорѣчивый И. Л. Макаренко, и простецкаго вида, но „себѣ на умѣ" С. Ф. Манжула; отъ „иногороднихъ" были извѣстный соціалистъ-революціонеръ д-ръ Долгополовъ и присяжный повѣренный Ю. А. Коробьинъ. На нашей сторонѣ преобладали, конечно, военные. Изъ лицъ гражданскихъ въ числѣ уполномоченныхъ Главнокомандующаго находились только Н. И. Астровъ, В. Ф. Зеелеръ, А. А. Нератовъ и я.

Довольно много времени и словъ было нами потрачено на вопросы формальнаго характера. Кубанцы, какъ это всегда бываетъ съ представителями всякой молодой „державности", оказались большими приверженцами строгихъ международныхъ обрядовъ. Устами И. Л. Макаренко они предложили процедуру международныхъ конференцій — каждая „делегація" поставляетъ равное число членовъ президіума, рѣшенія не голосуются всей комиссіей, а каждая „делегація" по-

даетъ свой голосъ, какъ цѣлое. Мы настояли на томъ, чтобы все это упростить, и въ концѣ концовъ было рѣшено, что предсѣдательствовать будутъ въ очередь генералъ Лукомскій и И. Л. Макаренко, а секретарскія обязанности будутъ нести, тоже поочередно, отъ насъ Е. Е. Ковалевскій, отъ кубанцевъ — Ю. А. Коробьинъ. Кромѣ того, мы добились, чтобы предлагаемыя резолюціи подвергались въ комиссіи поголовному голосованію. Кромѣ меня, за этотъ способъ голосованія съ особой горячностью высказывался В. Ф. Зеелеръ. Намъ удалось побороть сопротивленіе кубанской делегаціи, и эта первая наша побѣда явилась источникомъ нашего пораженія въ томъ единственномъ случаѣ, когда Согласительная Комиссія вынесла конкретное постановленіе.

Затѣмъ мы очень долго витали въ области общихъ сужденій по поводу государственно-правовой доктрины кубанцевъ, какъ она отразилась въ опротестованныхъ постановленіяхъ Рады и въ конституціи П. М. Каплина, которую мы также приняли къ своему разсмотрѣнію. Намъ нетрудно было показать, что эта доктрина исходила изъ ученія о совершенной независимости Кубани, но, доказывая это, мы отнюдь не подвигались навстрѣчу къ соглашенію, потому что именно таково было непоколебимое убѣжденіе правящихъ кубанскихъ круговъ. Двѣ доктрины стояли одна противъ другой, непримиримыя по самому своему существу. Въ официальныхъ преніяхъ противорѣчія сглаживались или затушевывались предупредительными фразами, ни къ чему, впрочемъ, не обязывавшими. Но въ непринужденныхъ бесѣдахъ внѣ засѣданій мы договаривались до конца. Чего мы добивались отъ кубанцевъ? Во имя единой русской государственности и успѣшнаго веденія вооруженной борьбы съ большевизмомъ мы добивались отъ нихъ признанія власти Главнаго Командованія, которое не ими было создано. Наши линейскіе доброжелатели были правы, когда въ сентябрѣ предупреждали насъ о силѣ сопротивленія ихъ черноморскихъ коллегъ идеѣ „извнѣ“ навязываемой диктатуры. Эта идея, дѣйствительно, вызывала бурю въ сердцахъ самостійныхъ кубанцевъ. О, конечно, они ничего

не имѣли противъ носителя ея, всѣми ими почитаемаго А. И. Деникина. Надо только дать имъ возможность выбрать его и тогда они, конечно, выберутъ именно Антона Ивановича и дадутъ ему такую мощь, сдѣлаютъ изъ него такого диктатора!.. С. Ф. Манжула вкладывалъ въ эти обѣщанія такую силу убѣжденія и такъ энергично при этомъ сжималъ кулакъ, что на минуту ему можно было даже повѣрить. Но наши исходныя точки зрѣнія были тоже ясны, и полученныя нами директивы совершенно категоричны. И мы топтались на мѣстѣ.

Только съ одного края кубанскаго стола протягивались къ намъ какъ будто нити пониманія и даже нѣкотораго осторожнаго сочувствія. Н. С. Долгополовъ, въ своемъ качествѣ иногородняго, зналъ природу казачьяго, „сословнаго", какъ онъ самъ его называлъ, „демократизма". Онъ иногда какъ будто былъ готовъ отдать долгъ признанія нашимъ „объединительнымъ" и потому, въ той или иной мѣрѣ, „уравнительнымъ" усиліямъ Но трагедія наша и заключалась въ томъ, что въ то время, какъ наша военная опора — кубанское казачество находилось подъ демагогическимъ вліяніемъ черноморскихъ украинофиловъ, иногородняя, „русская" часть населенія поставляла большевиковъ, полуленинцевъ или болѣе умѣренныхъ представителей „революціонной демократіи". Наша военная ставка была на казачью силу, и недаромъ генералъ Деникинъ писалъ въ августѣ Кубанскому Атаману: „Несомнѣнно, что только казачье и горское населеніе области, ополчившееся противъ враговъ и насильниковъ и выдержавшее вмѣстѣ съ Добровольческой Арміей всю тяжесть борьбы, имѣетъ право устраивать судьбу родного края...."

Убѣдившись понемногу въ безплодности общихъ преній, мы попробовали начать съ другого конца и перешли къ отдѣльнымъ вопросамъ. Здѣсь передъ нами мелькнулъ блѣдный лучъ надежды. Рѣчь зашла о положеніи россійскихъ гражданъ на Кубани. Я возражалъ противъ постановки этого вопроса во „Временномъ Положеніи объ управленіи Кубанскимъ Краемъ", которое говорило о правахъ кубанскихъ гражданъ, предусматривало изданіе закона о порядкѣ

пріобрѣтенія кубанскаго гражданства, но совершенно игнорировало права жителей Кубанскаго Края, почитающихъ себя просто русскими. Я доказывалъ, что необходимо и справедливо уравнять во всемъ этихъ россійскихъ гражданъ, пребывающихъ на Кубани, съ „интегральными“ кубанцами, и затѣмъ добавить, что условія участія въ выборахъ въ мѣстныя законодательныя собранія и въ органы самоуправленія опредѣляются особыми законами. Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній и при поддержкѣ иногороднихъ было достигнуто приблизительное единодушіе, примѣрно, на почвѣ моихъ предложеній. Ю. А. Коробьину и мнѣ поручили выработать окончательную формулу, что нами и было исполнено. Но, когда составленная нами редакція вполнѣ, какъ обоимъ намъ казалось, отвѣчавшая мысли собранія, была предложена комиссіи, кубанцы бурно запротестовали. Возникли безпорядочныя пренія и изъ за каждаго изъ столовъ были внесены новыя „примирительныя“ формулы. Н. С. Долгополовъ внесъ редакцію, довольно близкую къ нашей. Е. Е. Ковалевскій, движимый, конечно, наилучшими намѣреніями, лично отъ себя предложилъ сказать, что россійскіе граждане пользуются на Кубани на равныхъ съ кубанскими гражданами основаніяхъ защитою закона. Немало смущенный тѣмъ, что такое предложеніе исходило изъ нашей среды, я, однако, горячо протестовалъ противъ него, указывая, что оно узаконитъ для россійскихъ гражданъ на Кубани состояніе иностранцевъ. Среди общаго замѣшательства былъ объявленъ перерывъ для „фракціонныхъ“ совѣщаній. По возобновленіи засѣданія, кубанцы заявили, что принимаютъ формулу Е. Е. Ковалевскаго, мы — что будемъ голосовать за формулу Н. С. Долгополова. Н. С. Долгополовъ вмѣстѣ со всѣми кубанцами голосовалъ противъ собственнаго своего предложенія, и оно отпало. Редакція Е. Е. Ковалевскаго прошла большинствомъ одного голоса. Краевая Рада съ охотою закрѣпила это злополучное рѣшеніе Согласительной Комиссіи, но было совершенно очевидно, что еще нѣсколько такихъ „соглашеній“, и наступитъ рѣшительный крахъ.

Дѣло объяснялось очень просто. Мы оказались не въ состояніи сговориться на общихъ принципахъ и искали спасенія въ рѣшеніи конкретныхъ вопросовъ. Но къ каждому изъ нихъ каждая „делегація“ подходила со своей принципіальной точки зрѣнія. Принципы были непримиримо различны и никакихъ общихъ рѣшеній, если не считать недоразумѣній, какъ въ случаѣ съ формулой Е. Е. Ковалевскаго, получиться не могло. Съ каждымъ днемъ мы запутывались все больше и больше, спотыкались на каждомъ шагу, устраивали перерывы и не двигались съ мѣста. Уже разыгрался инцидентъ, едва не взорвавшій комиссію. Въ рѣчи одного изъ нашихъ ораторовъ было упомянуто о „государственномъ“ характерѣ Добровольческой Арміи. Чей то голосъ за Кубанскимъ столомъ сказалъ: „Государство безъ территоріи!“ Съ нашей стороны возразили: „А Черноморская губернія?“ Тогда С. Ф. Манжула воскликнулъ: „Да, завоеванная кубанскими казаками!“ Начался переполохъ. Генералъ Лукомскій взволнованно заявилъ, что онъ не можетъ оставаться въ засѣданіяхъ, гдѣ Добровольческой Арміи наносятся оскорбленія, и удалился. Конечно, его вернули, устроили перерывъ, и инцидентъ замазали. Но его можно было именно только замазать, — въ немъ опять вскрылось непримиримое противорѣчіе между двумя нашими государственно- правовыми доктринами.

Наконецъ, мы безнадежно запнулись на вопросѣ о кубанской арміи. Краевая Рада требовала собственной арміи. Главное Командованіе упорно сопротивлялось этому домогательству, осуществленіе котораго повлекло бы за собой выдѣленіе изъ рядовъ Добровольческой Арміи большей части бойцовъ и разрушеніе единства командной власти. Спорить было безполезно, и генералъ Лукомскій, съ одобренія Главнокомандующаго, послалъ кубанцамъ за всѣми нашими подписями своего рода ультиматумъ. Въ немъ еще разъ кубанской политической доктринѣ противопоставлялось наше ученіе о временной единоличной власти, неограниченной въ военномъ отношеніи, а въ гражданскомъ отношеніи ограниченной путемъ признанія правъ широкой авто-

номіи за казачьими областями. Въ заключеніе указывалось на невозможность дальнѣйшихъ переговоровъ впредь до того, пока Рада не приметъ нѣсколькихъ отвѣчающихъ нашимъ взглядамъ постановленій, первымъ изъ которыхъ должно было быть постановленіе, подтверждающее существующій укладъ службы кубанскихъ казаковъ въ добровольческихъ частяхъ.

Нашу бумагу читали въ закрытомъ засѣданіи Рады. Чтеніе сопровождалось возгласами „позоръ". Въ „кулуарахъ" усиленно поносили „главнаго идеолога диктатуры", профессора К. Н. Соколова. Это было неважно, конечно. Но важно было то, что Рада никакихъ новыхъ постановленій не приняла, и засѣданія Согласительной Комиссіи прервались. Еще одна попытка „сговора" не удалась. Кубанскіе казаки остались въ рядахъ Добровольческой Арміи. Идеологи кубанской „державности" остались по ту сторону баррикады.

* * *

Правительство Добровольческой Арміи организовывалось и параллельное строительство Кубанской Краевой власти завершалось за крѣпкой стѣной казачье-добровольческаго фронта. Старыя добровольческія части, все еще съ огромнымъ преобладаніемъ офицерскаго состава, доблестно бились, не взирая ни на какія потери. На примѣрѣ ихъ воспитывались и ихъ духомъ заражались новые казачьи полки.

На фронтѣ не разсуждали и не пререкались. Только звуки похороннаго марша, все чаще раздававшіеся на улицахъ Екатеринодара, напоминали россійскимъ и кубанскимъ политикамъ, что каждый лишній день ихъ споровъ и совѣщаній оплачивается дорогою кровью скромныхъ, безмолвныхъ героевъ.

Безжалостно косилъ свои жертвы сыпной тифъ — вѣчный спутникъ гражданской войны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ НА ЮГѢ РОССІИ.

Три мѣсяца объединительной политики Добровольческой Арміи не имѣли желаемыхъ результатовъ, и къ декабрю анти-большевистскій Югъ Россіи представлялъ собою пеструю мозаику всевозможныхъ „государственныхъ образованій". Не считая трехъ закавказскихъ республикъ, здѣсь были: „самостійная" Украина, въ которой, пролагая пути Раковскому, шелъ на смѣну гетману Скоропадскому „атаманъ" Петлюра; Крымъ, возглавлявшійся правительствомъ С. С. Крыма и не имѣвшій собственной воинской силы; Донъ, гдѣ укрѣпившійся, съ помощью нѣмцевъ, генералъ Красновъ съ перемѣннымъ счастьемъ бился противъ большевиковъ; наша Кубань, казаки которой служили въ добровольческихъ частяхъ, иногороднее населеніе которой мобилизовалось добровольческимъ командованіемъ, но полномочные органы которой продолжали добиваться созданія особой кубанской арміи; наконецъ, сама Добровольческая Армія.

Отложивъ временно осуществленіе своихъ объединительныхъ плановъ въ области гражданскаго управленія, добровольческое командованіе сосредоточило всѣ свои усилія на объединеніи военной власти и международнаго представительства. Въ области собственно военной эти его стремленія встрѣтили могущественную поддержку съ разныхъ сторонъ. На совѣщаніяхъ въ Яссахъ русскіе общественные дѣятели рѣшительно высказались въ пользу объединенія всѣхъ вооруженныхъ силъ, дѣйствующихъ противъ большевиковъ, подъ командой одного русскаго военачальника. Къ этой же точкѣ зрѣнія стали склоняться и союзники, которые есте-

ственно тяготѣли къ Добровольческой Арміи, какъ къ наиболѣе солидной военно-политической организаціи, оставшейся въ самыя трудныя минуты непоколебимо вѣрной союзнической политикѣ. Созданныя нѣмцами искусственныя арміи — Южная и Астраханская, къ этому времени не играли уже никакой роли; Украйна стояла у порога большевизма и въ счетъ тоже не шла, Крымъ самъ нуждался въ добровольческихъ войскахъ; такъ что объединеніе командованія должно было коснуться собственно Кубани, гдѣ предстояло продлить и легализировать фактически сложившееся положеніе вещей, и Дона, который надо было подчинить.

На Кубани вопросъ рѣшался такъ или иначе, въ зависимости отъ того, какое изъ двухъ политическихъ теченій возобладало бы въ Радѣ — линейско — примирительное или черноморское — непримиримое. Къ декабрю борьба этихъ теченій свелась къ борьбѣ кандидатовъ на атаманскій постъ. А. П. Филимоновъ, котораго Рада пожаловала чиномъ генералъ-лейтенанта, подалъ въ отставку и былъ снова кандидатомъ линейцевъ. Линейцы, собственно, тоже стояли за созданіе кубанской арміи, но хотѣли дѣйствовать осторожно и постепенно, по соглашенію съ Добровольческой Арміей, представляя, такъ сказать, la maniére douce. La maniére forte черноморцевъ получила свое законченное выраженіе въ кандидатурѣ безспорно наиболѣе выдающагося ихъ лидера, Л. Л. Быча. Предсѣдатель Кубанскаго Краевого Правительства, бывшій бакинскій городской голова и уполномоченный по продовольствію въ Закавказьѣ, былъ очень штатскій человѣкъ. Но это обстоятельство, смущавшее нѣкоторыхъ, только рѣзче подчеркивало остро-политическій характеръ его кандидатуры. Побѣда А. П. Филимонова обезпечивала бы намъ сохраненіе того неяснаго, „компромисснаго“ состоянія, съ которымъ мы, при нашей политической бѣдности, могли существовать еще извѣстное время. Избраніе Л. Л. Быча означало бы немедленное обостреніе всѣхъ противорѣчій и, въ близкой перспективѣ, катастрофическій разрывъ. Понятно, какая при этихъ условіяхъ страстность была съ обѣихъ сторонъ внесена въ

атаманскую кампанію, которая велась и въ Радѣ и за ея стѣнами и изобиловала чисто американскими пріемами.

Побѣдилъ, въ концѣ концовъ, небольшимъ большинствомъ генералъ Филимоновъ, и самая страшная, непосредственная опасность была устранена. Но побѣда была далеко не полная. Л. Л. Бычъ, конечно, не остался во главѣ правительства. Его преемникомъ былъ назначенъ Ф. С. Сушковъ. Но кубанская конституція очень сложная и странная конституція. Наряду съ Краевой Радой, органомъ основного законодательства, она знаетъ Законодательную Раду для текущихъ законодательныхъ дѣлъ и для контроля надъ правительствомъ. По буквѣ закона, обѣ Рады избираются населеніемъ, но фактически, за отсутствіемъ избирательнаго закона и по недостатку времени, и въ 1917 и въ 1918 г. г. просто Краевая Рада избирала Законодательную Раду. Въ Краевой Радѣ 1917 года засѣдали всѣ лидеры самостійниковъ и оттуда они проникли и въ Раду Законодательную На выборахъ 1918 года нѣкоторые изъ нихъ потерпѣли пораженіе. Краевая Рада нашла возможность исправить эту ошибку народнаго голосованія, предоставивъ въ своей средѣ мѣсто всѣмъ членамъ старой Законодательной Рады. Передъ выборами новой Законодательной Рады у Краевой Рады опять вырвали постановленіе о томъ, что въ члены Законодательной Рады могутъ быть избраны не только подлинные избранники населенія, но и эти кооптированные члены Краевой Рады. Такъ искусственными мѣрами до безконечности продолжалъ свое бытіе родъ „самостійниковъ“. Побитые на атаманскихъ выборахъ въ Краевой Радѣ они забаррикадировались въ Радѣ Законодательной, гдѣ первымъ ихъ дѣломъ было избрать въ предсѣдатели все того же Л. Л. Быча Неудачный кандидатъ черноморцевъ призывался съ высоты своего предсѣдательскаго кресла наблюдать за тѣмъ, какъ поставившее его черноморское большинство будетъ „контролировать“ дѣйствія линейскаго правительства, его счастливаго соперника. Законодательная Рада еще усилила шансы дружнаго сотрудничества различныхъ органовъ краевой власти, избравъ затѣмъ Краевымъ Контролеромъ. . . И. Л. Макаренко.

Подчинить себѣ строптивую волю генерала П. Н. Краснова генералу Деникину удалось только благодаря поддержкѣ союзниковъ. Въ исторіи второй русской смуты П. Н. Красновъ будетъ, вѣроятно, одной изъ очень красочныхъ фигуръ. Въ октябрѣ 1917 года онъ, вмѣстѣ съ Керенскимъ, во главѣ своднаго казачьяго отряда, наступаетъ на большевистскій Петроградъ. Онъ пишетъ звучныя прокламаціи, занимаетъ Царское Село, потомъ разрываетъ съ Главковерхомъ и исчезаетъ. Долгое время онъ держится въ тѣни, пока необходимость согласовать повстанческое движеніе на Дону съ операціями нѣмцевъ, напирающихъ со стороны Украйны, не побуждаетъ Кругъ Спасенія Дона избрать его въ атаманы. Генералъ Красновъ — донской атаманъ. Онъ, не колеблясь, дѣлаетъ ставку на Берлинъ, столковывается съ нѣмцами и въ обмѣнъ на донскіе продукты получаетъ отъ нихъ политическую поддержку и снаряженіе изъ забранныхъ ими русскихъ запасовъ. Генералъ Красновъ — русскій патріотъ; онъ говоритъ о возрожденіи Россіи, въ которую вольется освобожденный Донъ. Но пока онъ, прежде всего, донецъ. Онъ создаетъ управленіе Всевеликаго Войска Донского со всѣми реальными и символическими аттрибутами державности, окружаетъ себя царской пышностью и, черезъ донскія „зимовыя“ станицы, завязываетъ дипломатическія сношенія съ далекимъ Берлиномъ и съ ближними Кіевомъ и Екатеринодаромъ. Генералъ Красновъ консерваторъ. При немъ на Дону поднимаютъ головы представители самыхъ крайнихъ правыхъ теченій, его администрація безжалостно душитъ всякое свободное, оппозиціонное слово, и ростовскій градоначальникъ Грековъ обезпечиваетъ себѣ безсмертіе своими анекдотическими приказами. Генералъ Красновъ „имперіалистъ“. Онъ радѣетъ о расширеніи границъ Всевеликаго Войска Донского и добивается возвращенія Войску Таганрогскаго Округа, включеннаго уже было въ территорію Украйны, и хлопочетъ передъ императоромъ Вильгельмомъ о признаніи за Дономъ правъ на Царицынъ, который вотъ — вотъ будетъ взятъ донской арміей. Въ то же время генералъ Красновъ доста-

точно свободенъ отъ предразсудковъ, чтобы не гнушаться ничьей поддержкой. Консерваторъ и монархистъ, онъ въ своемъ соперничествѣ съ Добровольческимъ Командованіемъ непрочь опереться даже на кубанскихъ федералистовъ въ лицѣ П. Л. Макаренко. При всѣхъ этихъ своихъ разнообразныхъ свойствахъ генералъ Красновъ безспорно не лишенъ организаторскаго таланта. Въ его дѣятельности всегда было много показного, много шума и треска. Но онъ поставилъ на ноги и снарядилъ донскую армію, которая сражалась съ честью и не безъ успѣха. Многимъ думалось, что съ крушеніемъ нѣмецкаго могущества закатится звѣзда генерала Краснова. Но донской атаманъ сумѣлъ въ этомъ случаѣ на дѣлѣ показать свою исключительную гибкость. Онъ предоставилъ „мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ" и, бросивъ нѣмцевъ, повернулся къ союзникамъ. Сдѣлалъ онъ это не только съ непринужденной граціей, но и не безъ импонирующей смѣлости.

Послѣ открытія Дарданеллъ въ качествѣ представителей союзниковъ на Югѣ Россіи появилась сначала совершенная мелочь. Въ порты Азовскаго моря прибыли союзные угольщики, и офицеры съ нихъ были привезены въ Ростовъ и Новочеркасскъ и генералъ Красновъ очаровалъ и ослѣпилъ ихъ. По сравненію съ роскошными пріемами донского атамана нашъ скромный екатеринодарскій обиходъ вообще производилъ на пріѣзжавшихъ къ намъ тогда иностранцевъ совсѣмъ невзрачное впечатлѣніе. Положеніе измѣнилось, когда союзники, вѣроятно, въ связи съ принятымъ Клемансо планомъ рѣшительнаго вмѣшательства въ русскія дѣла, стали ближе присматриваться къ Югу Россіи, и къ намъ прибыли первые авторитетные представители державъ согласія, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, англичанъ — генерала Пуля и полковника Кійза. Донскому атаману было дано понять, что его армія будетъ впредь получать снаряженіе только черезъ генерала Деникина. Прижатый къ стѣнѣ, генералъ Красновъ капитулировалъ. Рѣшающіе переговоры между нимъ и помощникомъ Главнокомандующаго, генераломъ Драгомировымъ про-

исходили въ присутствіи генерала Пуля на станціи Кущевка. Согласно международной традиціи, мѣстомъ переговоровъ былъ избранъ пограничный пунктъ между областями Донской и Кубанской, представители „договаривающихся сторонъ" находились каждый въ своемъ поѣздѣ. Сначала дѣло шло, какъ будто, на разрывъ, и поѣзда были готовы разъѣхаться. Но давленіе союзниковъ оказало свое дѣйствіе, и генералъ Красновъ согласился подчиниться генералу Деникину. 26 декабря въ Екатеринодарѣ генералъ Деникинъ подписалъ приказъ о томъ, что „по соглашенію съ атаманами Всевеликаго Войска Донского и Кубанскаго", онъ вступилъ „въ командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими на Югѣ Россіи". Объединеніе командованія вышло, впрочемъ, все же не полнымъ, а главное, построеннымъ на неравныхъ основаніяхъ. Въ составѣ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи сохраняла свое самостоятельное существованіе Донская Армія, которая могла быть используема только на донскомъ фронтѣ, чѣмъ стѣснялась свобода распоряженій Главнокомандующаго даже въ оперативномъ отношеніи. Кромѣ того, сохраненіе особой Донской Арміи должно было, очевидно, поощрять кубанцевъ въ ихъ претензіяхъ на созданіе Кубанской Арміи.

* * *

Вопросъ о единомъ представительствѣ Россіи на мирной конференціи, открытіе которой ожидалось въ ближайшемъ будущемъ въ Парижѣ, былъ для насъ однимъ изъ самыхъ больныхъ и трудныхъ. Въ сильныхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ его трагическій характеръ въ своей рѣчи 1 ноября генералъ Деникинъ. Въ самомъ дѣлѣ, о допущеніи на мирную конференцію представителей большевиковъ не могло быть и рѣчи. Ни одна изъ анти—большевистскихъ организацій не была признана союзниками — побѣдителями въ качествѣ законной преемницы единой русской государственности. Возникало естественное опасеніе, что Россія оста-

нется безъ всякаго представительства на мирномъ конгрессѣ, и что судьбы міра будутъ рѣшаться безъ выслушанія голоса страны, которая тремя годами упорнаго участія въ войнѣ подготовила конечную побѣду союзниковъ. Кромѣ того, была еще и другая опасность. Всѣ наши многочисленныя „государственныя образованія", выросшія на нѣмецкихъ дрожжахъ въ 1917—1918 г. г., спѣшили съ перемѣной „ориентаціи". Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли уже своихъ представителей въ союзныхъ столицахъ, такъ какъ были настолько предусмотрительны, что заблаговременно начали двойную игру; другія только снаряжали свои делегаціи, добивавшіяся визъ на Парижъ. Было мучительно думать, что если не на самой конференціи, то возлѣ нея будутъ работать сепаратисты всѣхъ цвѣтовъ, готовые расчленять Россію, опираясь, все равно на нѣмцевъ или на союзниковъ, и что въ Парижѣ останется не услышаннымъ голосъ борцовъ за единую Россію.

Главное Командованіе намѣтило своимъ представителемъ на конференцію или при конференціи С. Д. Сазонова. Никто, казалось, не имѣлъ больше данныхъ для того, чтобы съ нужнымъ авторитетомъ представлять передъ союзниками національную Россію, чѣмъ бывшій россійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, участникъ, а иногда и иниціаторъ всѣхъ крупнѣйшихъ международныхъ переговоровъ и соглашеній, предшествовавшихъ войнѣ или сопутствовавшихъ ей. Уже просто личное обаяніе и личныя связи С. Д. Сазонова въ кругахъ высшей европейской дипломатіи заставляли ожидать отъ его миссіи наилучшихъ результатовъ. Положеніе С. Д. Сазонова въ Парижѣ должно было, очевидно, зависѣть отъ двоякаго рода обстоятельствъ. Допустятъ или не допустятъ его къ официальному участію на конференціи, — это должно было опредѣлиться такъ или иначе въ связи съ общимъ отношеніемъ державъ Согласія къ Добровольческой Арміи. Это отношеніе продолжало быть туманнымъ и двусмысленнымъ, и совѣщанія въ Яссахъ, на которыхъ произошелъ первый „контактъ" между союзной дипломатіей и русскими антибольшевистскими группировками, не содѣйствовали его уясне-

нію. Серьезно повліять на рѣшеніе этого общаго вопроса было едва ли въ нашихъ средствахъ. Но о чемъ мы могли и должны были позаботиться сами, такъ это о томъ, чтобы С. Д. Сазоновъ въ Парижѣ не потерялся, по крайней мѣрѣ, въ толпѣ делегатовъ, „на разныхъ языкахъ“ говорящихъ все же объ одномъ и томъ же — о единой Россіи. Присутствіе въ Парижѣ эстонскихъ и грузинскихъ, латышскихъ и азербейджанскихъ делегатовъ было неизбѣжнымъ зломъ. Появленіе тамъ рядомъ съ делегатомъ Добровольческой Арміи делегатовъ сибирскихъ, крымскихъ, донскихъ, кубанскихъ было бы уже скандаломъ, котораго надо было избѣжать во что бы то ни стало. Съ Сибирью дѣло, вѣроятно, могло бы стать остро, если бы тамъ сохранялась еще власть Уфимской Директоріи. Но къ этому времени въ Омскѣ уже правилъ адмиралъ Колчакъ, и все устроилось само собой и наилучшимъ образомъ, когда С. Д. Сазоновъ былъ назначенъ министромъ Сибирскаго, или, какъ оно себя именовало, „Россійскаго Правительства“. Въ лицѣ С. Д. Сазонова, министра иностранныхъ дѣлъ адмирала Колчака и управляющаго Дипломатическимъ Отдѣломъ Особаго Совѣщанія при генералѣ Деникинѣ, уже достигалось на началахъ „личной уніи“, объединеніе международнаго представительства двухъ наиболѣе импозантныхъ и чисто-русскихъ военно-политическихъ организацій. Но оставались еще Крымъ, Донъ и Кубань. Крымъ дипломатическимъ сепаратизмомъ не страдалъ, и крымское правительство безъ дальнихъ разговоровъ признало, что представитель Добровольческой Арміи будетъ представлять въ международномъ оборотѣ и Крымъ. Сверхъ ожиданія по этому пункту не возникло большихъ затрудненій и съ Дономъ. Генералъ Красновъ согласился снабдить С. Д. Сазонова полномочіями отъ донского правительства, выговоривъ только, чтобы при делегатѣ Главнаго Командованія состояли донскіе представители въ качествѣ техническихъ совѣтниковъ, съ которыми онъ долженъ былъ совѣщаться по вопросамъ, спеціально затрагивающимъ интересы Дона. Труднѣе всего, конечно, оказалось столковаться съ Кубанью.

Обуреваемая жаждой славы и чести, Краевая Рада въ декабрѣ рѣшила выступить и на международномъ поприщѣ и для этого послать и отъ себя делегацію въ Парижъ. Делегація была выбрана блестящая, средства были ей отпущены по тому времени значительныя, во главѣ ея поставили неизбѣжнаго при всякомъ крупномъ кубанскомъ начинаніи Л. Л. Быча и для вящаго блеска придали ей конвой изъ двадцати казаковъ. Послѣ того какъ все это уже было суверенно рѣшено верховнымъ органомъ краевой власти, въ дѣло вмѣшалось правительство Ф. С. Сушкова, вспомнившее, что, если кому и посылать международную делегацію, то именно правительству. Чтобы никого не обидѣть, Краевое Правительство уполномочило трехъ первыхъ делегатовъ Рады быть и его представителями.. Такъ какъ тѣмъ временемъ и оно успѣло убѣдиться въ цѣлесообразности единаго международнаго представительства, то оно прикомандировало своихъ делегатовъ къ С. Д. Сазонову на равныхъ съ донцами основаніяхъ и выслало черезъ нихъ въ Парижъ полномочія представителю Главнаго Командованія отъ имени Кубанскаго Края.

Изъ всего этого вышло мало толку. Союзники и не подумали допустить С. Д. Сазонова на мирную конференцію, и русская делегація была обречена прозябать на положеніи делегацій разныхъ угнетенныхъ народностей или даже худшемъ. По прибытіи своемъ въ Парижъ, С. Д. Сазоновъ нашелъ уже тамъ готовое „Политическое Совѣщаніе," образованное въ цѣляхъ международнаго представительства Россіи изъ обломковъ русской дипломатіи и общественныхъ дѣятелей, людей, въ большинствѣ, оторванныхъ отъ реальной русской жизни и разсматривавшихъ насъ въ общемъ съ высоты птичьяго полета. Въ интересахъ „единенія" группа лицъ, стоявшая во главѣ „Политическаго Совѣщанія" — кн. Г. Е. Львовъ, Н. В. Чайковскій, В. А. Маклаковъ, затѣмъ къ нимъ присоединился и С. Д. Сазоновъ —, уполномоченная адмираломъ Колчакомъ на представительство отъ имени Россіи, получила соотвѣтствующія полномочія и отъ генерала Де-

никина. Кубанскія же полномочія такъ никогда и не были переданы С. Д. Сазонову. Делегаты Кубани, освоившись съ парижской атмосферой, не исполнили даннаго имъ порученія.

* * *

Въ Екатеринодарѣ было очень мало свѣдѣній о ходѣ борьбы съ большевиками и организаціи власти на Востокѣ. Рѣдкіе курьеры, пробивавшіеся къ намъ черезъ Уральскую область, обыкновенно находились такъ долго въ пути, что ко времени ихъ появленія у насъ оставленная ими на мѣстѣ обстановка успѣвала кореннымъ образомъ измѣниться. Во всякомъ случаѣ, было очевидно, что съ Уфимской Директоріей, признавшей власть стараго Учредительнаго Собранія, намъ не по пути. Н. И. Астровъ, избранный въ члены Директоріи, счелъ, что этимъ было нарушено заключенное въ свое время соглашеніе, избранія не принялъ и остался съ нами. Сдержанное отношеніе правительства Добровольческой Арміи къ Уфѣ нашло свое откровенное выраженіе въ слѣдующихъ словахъ ноябрьской рѣчи генерала Деникина:

— „Въ послѣдніе дни появилось новое государственное образованіе въ Сибири, правительство котораго объявило себя всероссійской государственной властью. Добровольческая Армія не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній признавать Уфимское правительство всероссійской властью. Тѣмъ болѣе, что, судя по извѣстіямъ, проникшимъ въ печать, это правительство отвѣтственно и направляется Учредительнымъ Собраніемъ перваго созыва, возникшимъ въ дни народнаго помѣшательства, составленнымъ на-половину изъ анархическихъ элементовъ и не пользующимся въ странѣ ни малѣйшимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Но на ряду съ этимъ Добровольческая Армія отъ всей души привѣтствуетъ мысль собиранія русской земли, положенную въ основаніе Сибирскаго Объединенія, признаетъ его исключительно важное значеніе и находитъ не только возможнымъ, но и необходимымъ путемъ взаимныхъ соглашеній направить русскія силы Востока и Юга къ одной общей цѣли — возрожденія великодержавной Россіи".

Шансы „взаимныхъ соглашеній" между Востокомъ и Югомъ значительно повысились, когда послѣ банкротства Директоріи въ Сибири утвердилась единоличная власть адмирала Колчака, унаслѣдовавшаго отъ Уфимскаго Правительства притязанія на всероссійское значеніе. Адмиралъ Колчакъ кружнымъ путемъ черезъ Парижъ увѣдомилъ Главнокомандующаго о своемъ вступленіи во власть. Ему была послана отвѣтная телеграмма, которую редактировали наши дипломаты и которая вышла у нихъ слишкомъ изысканною. Привыкшіе къ формуламъ международнаго признанія, они полагали, что, признавая верховную власть адмирала Колчака, они признавали ее только для той территоріи, на которую она фактически распространялась. Въ Омскѣ ихъ, повидимому, поняли иначе — въ смыслѣ подчиненія генерала Деникина Верховному Правителю Россіи. Отзвуки такого пониманія начали сказываться и у насъ. Потомъ были приняты мѣры, опубликованы тексты, и все разъяснилось. Однако, слѣды этого недоразумѣнія остались. Конечно, оно не имѣло никакого практическаго значенія за невозможностью для Омскаго Правительства вліять на дѣла Юга Россіи. Но извѣстное „идеологическое" вліяніе оно получило. У насъ въ нѣкоторыхъ кругахъ, гдѣ зрѣло недовольство слишкомъ „правымъ" курсомъ Добровольческой Арміи, стало слагаться представленіе о правительствѣ адмирала Колчака, какъ о чемъ то болѣе „лѣвомъ", „демократическомъ" и, одновременно, болѣе „высокомъ" въ юридическомъ смыслѣ. Были у насъ общественные дѣятели, которые грозились порою „отъѣхать" къ Колчаку.

* * *

Къ зимѣ направлявшійся въ Екатеринодаръ потокъ „живой силы" еще болѣе увеличился. Особое Совѣщаніе пополнилось новыми людьми. Ушелъ въ отставку генералъ Макаренко и управляющимъ Отдѣломъ Юстиціи былъ назначенъ членъ правленія Національнаго Центра В. Н. Челищевъ, бывшій предсѣдатель Московскаго Съѣзда Мировыхъ Судей.

а при Временномъ Правительствѣ старшій предсѣдатель Московской Судебной Палаты М. М. Федоровъ тоже вошелъ въ составъ Особаго Совѣщанія на одинаковыхъ съ Н. И. Астровымъ основаніяхъ, то есть „безъ портфеля". Особое Совѣщаніе начало обростать всевозможными комиссіями и комитетами. Работала комиссія Н. И. Астрова, вѣдавшая вопросы мѣстнаго самоуправленія; въ связи съ этимъ шла и подготовка новаго административнаго устройства на мѣстахъ.

А министра внутреннихъ дѣлъ у насъ все не было. Въ декабрѣ дошло до того, что была даже учреждена при предсѣдателѣ Особаго Совѣщанія временная канцелярія Отдѣла Внутреннихъ Дѣлъ. Кандидатовъ искали повсюду. Говорили объ А. И. Пильцѣ, о гофмейстерѣ Ватаци. Правленіе Національнаго Центра выдвигало кандидатуры извѣстныхъ судебныхъ дѣятелей — Н. Н. Чебышева и В. П. Носовича.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГѢ РОССІИ.

Судьба оказалась милостивой къ объединенному командованію, и мы начали 1919 годъ подъ громъ блестящихъ побѣдъ, въ короткій срокъ завершившихъ очищеніе отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа и приведшихъ добровольческія знамена къ берегамъ Каспія. Территорія наша увеличивалась. Мы выросгали въ настоящее государство. А въ смыслѣ конституціонномъ мы все еще жили обрывками случайныхъ и разрозненныхъ законодательныхъ актовъ и приказовъ „дѣтскаго" періода нашего развитія.

Въ январѣ довольно внезапно генералъ Деникинъ предпринялъ рядъ назначеній, въ большинствѣ внушенныхъ совѣтами Національнаго Центра. Управляющимъ Отдѣломъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ назначенъ Н. Н. Чебышевъ, управляющимъ вновь учрежденнымъ Отдѣломъ Пропаганды—Н. Е. Парамоновъ, управляющимъ Финансовымъ Отдѣломъ — М. В. Бернацкій, котораго мы поджидали уже давно. Кромѣ того, прибавился еще одинъ членъ Особаго Совѣщанія безъ портфеля въ лицѣ И. П. Шипова. Бывшій статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта, многоопытный законодательныхъ дѣлъ техникъ, С. В. Безобразовъ былъ тоже назначенъ членомъ Особаго Совѣщанія съ возложеніемъ на него обязанностей Управляющаго Дѣлами. Меня Главнокомандующій предназначилъ на должность управляющаго Отдѣломъ Законовъ, учрежденіе котораго предусматривалось новымъ, еще незаконченнымъ разработкой Положеніемъ объ Особомъ

Совѣщаніи. До тѣхъ поръ я не занималъ въ правительствѣ Добровольческой Арміи никакой офиціальной должности. Еще въ сентябрѣ генералъ Деникинъ предлагалъ мнѣ на выборъ Отдѣлъ Государственнаго Устройства или Управленіе Дѣлами. Я отказался, предпочитая „вольное“ состояніе журналиста и профессора — меня пригласили читать государственное право въ Сѣверо-Кавказскій Политехническій Институтъ — и участвовалъ въ различныхъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ въ качествѣ просто „свѣдущаго лица“. Но должность управляющаго Отдѣломъ Законовъ въ общемъ отвѣчала той функціи государствовѣда-юрисконсульта, которую я фактически четыре мѣсяца выполнялъ при Добровольческой Арміи, и теперь, когда Главнокомандующій, не поговоривъ даже предварительно со мной, намѣтилъ меня на нее, я увидѣлъ въ этомъ указующій перстъ фатума и не сталъ возражать.

На очередномъ засѣданіи Особаго Совѣщанія въ пятницу 25 января мы съ В. Н. Челищевымъ докладывали новое Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи, которое несомнѣнно явилось замѣтнымъ этапомъ въ дѣлѣ уточненія и оформленія гражданскаго строя Добровольческой Арміи.

Это Положеніе вырабатывалось давно. Съ первыхъ шаговъ Особаго Совѣщанія стало ясно, что правительству генерала Деникина невозможно развернуться на основѣ того государственно-правового „экспромта,“ который былъ утвержденъ Верховнымъ Руководителемъ Добровольческой Арміи 18 августа 1918 года. Поэтому еще въ концѣ октября была образована такъ называемая юридическая комиссія подъ предсѣдательствомъ тогдашняго управляющаго Отдѣломъ Юстиціи А. С. Макаренко, которой было поручено составить новыя правила о порядкѣ изданія законовъ. Въ комиссію первоначально входили Н. И. Астровъ, В. А. Степановъ и я, затѣмъ мы кооптировали въ нее В. Н. Челищева, къ которому по назначеніи на его мѣсто А. С. Макаренко, перешло предсѣдательствованіе въ ней. По вопросамъ, касающимся порядка дѣлопроизводства въ Особомъ Совѣщаніи, въ работахъ комиссіи участвовалъ еще А. А. Лодыженскій.

Исполнивъ спеціально данное намъ порученіе проредактировать законъ о повышеніи размѣра штрафовъ, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ за нарушеніе обязательныхъ постановленій, и признавъ, что тотъ или иной порядокъ изданія законовъ всецѣло связанъ съ той или иной конструкціей Особаго Совѣщанія, мы и принялись вплотную за пересмотръ Положенія 18 августа. Здѣсь намъ предстояло точнѣе опредѣлить значеніе Особаго Совѣщанія, какъ высшаго совѣщательнаго органа при главнокомандующемъ по дѣламъ законодательнымъ и правительственнымъ, формально закрѣпить фактически совершившееся превращеніе Отдѣловъ въ центральные органы административныхъ вѣдомствъ, создать своего рода Государственный Секретаріатъ съ юрисконсультскими и кодификаціонными функціями и поставить на правильныхъ основаніяхъ канцелярію Особаго Совѣщанія. Коротенькое Положеніе изъ четырехъ раздѣловъ и двадцати трехъ статей, составленное комиссіей В. Н. Челищева, было до конца 1919 года единственнымъ учредительнаго характера актомъ для всего гражданскаго строя Вооруженныхъ Силъ на Югѣ Россіи.

Скромность, бывшая всегдашнимъ, но не всегда положительнымъ свойствомъ правительства генерала Деникина, наложила свой отпечатокъ и на нашу работу. О роли Главнокомандующаго, какъ носителя полноты государственной власти, можно было только умозаключать изъ сопоставленія различныхъ статей нашего проекта. Особое Совѣщаніе и такія то вѣдомства состоятъ при Главнокомандующемъ для содѣйствія въ дѣлахъ законодательныхъ и административныхъ, — значитъ вся государственная постройка Вооруженныхъ Силъ прилѣпляется къ Главнокомандующему. Особое Совѣщаніе въ области законодательства и верховнаго управленія является совѣщательнымъ органомъ при Главнокомандующемъ. — отсюда слѣдуетъ, что власть Главнокомандующаго ни въ чемъ не терпитъ ограниченія. Такъ, безъ всякихъ общихъ опредѣленій и торжественныхъ декларацій, въ складкахъ Положенія объ Особомъ Совѣщаніи стыдливо прятался принципъ военной диктатуры. Но диктатура была

на лицо и разъ такъ, то было ясно, въ какихъ рамкахъ было допустимо съ нашей стороны свободное творчество, и откуда намъ надлежало, по преимуществу, черпать вдохновеніе.

Можно было бы, раздѣливъ функціи законосовѣщательную и правительственную, спроектировать два учрежденія при Главнокомандующемъ — Государственный Совѣтъ и Совѣтъ Министровъ. Соображенія экономіи силъ и средствъ побудили насъ остаться при одномъ учрежденіи, сочетающимъ обѣ функціи. Учрежденіе стараго русскаго Совѣта Министровъ 19 октября 1905 года естественно дало намъ подходящіе образцы для многихъ статей нашего Положенія. У насъ былъ нѣкоторое время соблазнъ измѣнить названіе Особаго Совѣщанія которое, не выражая уже существа учрежденія, звучало иногда, какъ будто, даже забавно. Но мы знали заранѣе, что названія „Совѣтъ Министровъ“ не утвердитъ Главнокомандующій, у котораго было прямо отвращеніе ко всякимъ притязательнымъ титуламъ. Поэтому, перебравъ разныя другія словосочетанія вродѣ „Совѣтъ при Главнокомандующемъ“, „Верховный Совѣтъ“, „Высшій Совѣтъ“ и т. д., мы предпочли отстаться при старомъ наименованіи, имѣвшемъ, по крайней мѣрѣ, преимущество привычнаго. Нѣкоторую новую и при томъ политическую мысль мы попробовали внести въ постановку должности предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Въ нашемъ текстѣ исчезло, конечно, поименное перечисленіе лицъ, которыхъ „въ порядкѣ постепенности“ призывало къ предсѣдательствованію Положеніе 18 августа. Мы просто сказали, что предсѣдатель Особаго Совѣщанія назначается Главнокомандующимъ и что въ тѣхъ случаяхъ, когда Главнокомандующій найдетъ нужнымъ предсѣдательствовать лично, предсѣдатель участвуетъ въ засѣданіи на правахъ члена. Но мы дополнили эти само собой разумѣющіяся правила учрежденіемъ должности постояннаго замѣстителя предсѣдателя. Нашъ планъ сводился къ тому, чтобы выдвинуть, рядомъ съ предсѣдательствующимъ въ Особомъ Совѣщаніи Помощникомъ Главнокомандующаго, вторую фигуру

съ политическимъ оттѣнкомъ. Этотъ постоянный замѣститель предсѣдателя долженъ былъ, какъ намъ казалось, назначаться изъ „цивильныхъ“ членовъ Особаго Совѣщанія и постепенно выработаться въ гражданскаго министра-президента. Эта наша маленькая и совсѣмъ невинная „интрига“ была позднѣе пресѣчена въ корнѣ при очень знаменательныхъ обстоятельствахъ.

Довольно странно, конечно, съ точки зрѣнія систематики, что немногочисленные элементы нашего „министерскаго“ устройства оказались у насъ въ раздѣлѣ первомъ Положенія объ Особомъ Совѣщаніи съ подзаголовкомъ „Положенія Общія“. Но дѣлать было нечего, и куда-нибудь надо было приспособить статьи, опредѣляющія „юридическое состояніе“ главъ административныхъ вѣдомствъ. „Отдѣлы“ Особаго Совѣщанія „стихійно“ выростали въ министерства, и съ увеличеніемъ территоріи это развитіе неизбѣжно должно было пойти еще болѣе усиленнымъ темпомъ. Отдѣлы заслуживали уже и сейчасъ признанія ихъ самостоятельнаго существованія и переименованія. Въ вопросѣ о новомъ названіи для нихъ мы столкнулись опять съ необходимостью найти болѣе или менѣе безобидный „средній терминъ“. У Колчака были Министерства, на Дону — Отдѣлы, на Кубани — Вѣдомства. Мы воспользовались въ общей формулѣ словомъ „вѣдомства“ и сохранили названіе „Отдѣлъ“ для Отдѣловъ Законовъ и Пропаганды, какъ лишенныхъ собственно административнаго характера. Но какъ титуловать „административныя“ въ настоящемъ смыслѣ слова вѣдомства? Мы долго топтались на мѣстѣ. Наконецъ, кто то, кажется В. Н. Челищевъ, предложилъ термины „Управленіе“ и „Начальникъ управленія“, въ отличіе отъ „Управляющаго Отдѣломъ“. Сначала они показались неуклюжими. Но потомъ было единодушно признано, что это знакомое старому нашему административному праву названіе „звучитъ“, особенно въ нѣкоторыхъ словосочетаніяхъ. „Военное Управленіе“ — это, очевидно, недурно. „Начальникъ управленія Внутреннихъ Дѣлъ“ — даже совсѣмъ хорошо. Нѣсколько хуже выходило — „Управленіе Юсти-

ціи", „Управленіе Государственнаго Контроля". Но если качество названія испытывается его живучестью, то слѣдуетъ признать, что терминологія, придуманная комиссіей В. Н. Челищева, была хороша. Наши „управленія" надолго пережили и Особое Совѣщаніе, и самый режимъ генерала Деникина. Историкъ, если онъ будетъ заниматься Положеніемъ 2 февраля, отмѣтитъ и въ постановкѣ нами министерской власти извѣстную политическую тенденцію. Мы позаботились о томъ, чтобы парализовать всякую „сепаратную" политику Начальниковъ Управленій и Управляющихъ Отдѣлами. Закрѣпивъ за ними право личнаго доклада у Главнокомандующаго, мы оговорили, что о содержаніи своихъ докладовъ они обязаны заблаговременно ставить въ извѣстность предсѣдателя Особаго Совѣщанія, которому принадлежитъ право присутствовать при такихъ докладахъ. Образъ дѣйствительно объединеннаго правительства все время предносился намъ.

Положеніе 18 августа предусматривало существованіе Отдѣла Государственнаго Устройства. Онъ не былъ фактитически никогда организованъ, но упоминаніе о немъ выражало реальную потребность въ органѣ, который бы заботился о формально-конструктивной сторонѣ созидательной работы Добровольческой Арміи. Къ этой потребности съ теченіемъ времени прибавилась другая. Особое Совѣщаніе законодательствовало много и быстро, въ Отдѣлахъ было еще мало юридически грамотныхъ работниковъ, и законы у насъ получались плохо редактированные и несогласованные. Нужно было, чтобы кто нибудь спеціально занимался шлифовкой законодательныхъ текстовъ, слѣдилъ за общимъ духомъ законодательства, собиралъ, систематизировалъ, а кстати и опубликовывалъ законодательный матерьялъ. Иными словами, надо было, чтобы гдѣ-нибудь выполнялись функціи старой Государственной Канцеляріи и Перваго-Департамента Сената. Такое учрежденіе можно было поставить совершенно самостоятельно или включить въ составъ либо Управленія Юстиціи, либо Канцеляріи Особаго Совѣщанія. Комиссія высказалась за созданіе самостоятельнаго учрежденія, и такъ былъ

образованъ у насъ Отдѣлъ Законовъ, которымъ я управлялъ до его упраздненія. Такое рѣшеніе вопроса объ Отдѣлѣ Законовъ предопредѣляло судьбу Управленія Дѣлами Особаго Совѣщанія. Мы перестроили его въ Канцелярію, подчиненную предсѣдателю, сохранивъ только за ея начальникомъ старое названіе „Управляющаго Дѣлами", какъ то было и по учрежденію Совѣта Министровъ 19 октября. Логически отсюда вытекало, что Управляющему Дѣлами не было основаній присваивать по должности права члена Особаго Совѣщанія. Назначеніе С. В. Безобразова лично членомъ Особаго Совѣщанія къ общему удовольствію устраняло возможность персональныхъ обидъ и недоразумѣній.

25 января выработанный нами проектъ былъ одобренъ Особымъ Совѣщаніемъ. Заминка вышла только съ должностью замѣстителя предсѣдателя. Когда дошли до этой статьи, генералъ Драгомировъ сказалъ, что ему извѣстны взгляды Главнокомандующаго по этому вопросу, и что генералъ Деникинъ ни въ коемъ случаѣ не откажется отъ установленнаго порядка, въ силу котораго предсѣдателя Особаго Совѣщанія замѣщаетъ второй помощникъ Главнокомандующаго, а затѣмъ начальникъ штаба. Генерала Драгомирова всецѣло поддержалъ генералъ Романовскій. Онъ указалъ, что при существующей у насъ конструкціи верховной власти „военное возглавленіе" высшаго законосовѣщательнаго и правительственнаго органа совершенно необходимо. Мы сдались безъ сопротивленія. Было рѣшено сказать, что предсѣдатель Особаго Совѣщанія и два его замѣстителя, на случай его болѣзни или отсутствія, назначаются Главнокомандующимъ. Дѣло Главнокомандующаго уже будетъ назначить этими замѣстителями двухъ угодныхъ ему генераловъ. Этотъ инцидентъ бросаетъ яркій свѣтъ на державшееся у насъ въ теченіе всего режима генерала Деникина соотношеніе гражданскаго и военнаго элементовъ въ управленіи, особенно въ высшихъ инстанціяхъ. Собственно, мы, штатскіе люди, никогда не пользовались полноправнымъ положеніемъ въ системѣ нашей правительственной іерархіи, и наше управленіе было, по преиму

ществу, управленіемъ черезъ генераловъ. Теорія „военнаго возглавленія“ имѣла, несомнѣнно, свое объясненіе въ общемъ духѣ военной диктатуры. Но нѣсколько иное отношеніе къ „цивильнымъ“ работникамъ Добровольческой Арміи, вѣроятно, придало бы нашему правительственному аппарату болѣе гибкости и упругости. Новое Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи стало закономъ 2 февраля. Имъ открывается первый выпускъ нашего Собранія Узаконеній и Распоряженій Правительства за 1919 годъ.

При обсужденіи этого Положенія въ Особомъ Совѣщаніи было высказано пожеланіе о созданіи и у насъ „малаго совѣта министровъ“ по образцу существовавшаго при старомъ режимѣ и при Временномъ Правительствѣ, въ цѣляхъ разгрузки высшаго правительственнаго органа отъ маловажныхъ дѣлъ. Тутъ же въ засѣданіи я набросалъ коротенькій проектъ правилъ о маломъ Присутствіи Особаго Совѣщанія, который былъ затѣмъ доложенъ Главнокомандующему и имъ одобренъ. Малое Присутствіе Особаго Совѣщанія состояло изъ помощниковъ начальниковъ Управленій и помощниковъ Управляющихъ Отдѣлами. Тѣ или иныя дѣла въ него должны были передаваться по указанію предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Постановленія Малаго Присутствія докладывались въ ближайшемъ засѣданіи Особаго Совѣщанія и получали силу закона на общемъ основаніи съ утвержденія Главнокомандующаго. Кандидатами въ предсѣдатели Малаго Присутствія были названы Н. И. Астровъ, В. А. Степановъ и я. Главнокомандующій выбралъ Н. И. Астрова.

Кромѣ дѣловыхъ засѣданій Особаго Совѣщанія и Малаго Присутствія у насъ съ начала 1919 года были заведены еще политическія совѣщанія по средамъ у генерала Деникина.

* * *

Особое Совѣщаніе засѣдало два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, съ семи съ половиной часовъ вечера по петроградскому времени — всѣ учрежденія Добровольческой Арміи жили по петроградскому времени — въ

столовой дома Ирзы, гдѣ послѣ кончины М. В. Алексѣева поселился генералъ Драгомировъ. За длинный обѣденный столъ семейства Ирзы насъ садилось въ январѣ — февралѣ 1919 года, не считая чиновъ канцеляріи. восемнадцать человѣкъ. За верхнимъ концомъ садился генералъ Драгомировъ; направо отъ него занимали мѣста генералы: генералъ Лукомскій, генералъ Романовскій, главный начальникъ снабженій генералъ Санниковъ, уѣхавшій затѣмъ въ Одессу и замѣненный генераломъ Энгельке, и главный начальникъ военныхъ сообщеній, генералъ Тихменевъ; Э. П. Шуберскій начиналъ затѣмъ рядъ гражданскихъ членовъ Особаго Совѣщанія; налѣво отъ предсѣдателя на первомъ мѣстѣ сидѣлъ А. А. Нератовъ, рядомъ съ нимъ В. Н. Челищевъ, Н. Н. Чебышевъ и т. д.; за нижнимъ концомъ стола, слѣва, послѣ С. В. Безобразова, помѣщались А. А. Лодыженскій и чины канцеляріи.

Вспоминая составъ Особаго Совѣщанія этого періода, я затруднился бы опредѣлить его общую физіономію или разложить его на опредѣленныя группы. Общей политической физіономіи у него, повидимому, и не было; отдѣльныя же политическія теченія еще не успѣли обособиться и оформиться. Самой многочисленной группой въ нашей средѣ была группа пяти генераловъ. Они отнюдь не представляли собою единаго цѣлаго, но думаю, что не ошибусь и не совершу нескромности, если скажу, что всѣ они были люди болѣе или менѣе правые, не исключая и генерала Романовскаго. Личность покойнаго начальника штаба Главнокомандующаго была и осталась для меня загадочной. Онъ получилъ впослѣдствіи репутацію проводника „лѣвыхъ“ теченій при генералѣ Деникинѣ, доступнаго внушеніямъ Національнаго Центра. Несомнѣнно, готовность считаться съ тѣмъ, что называется страннымъ русскимъ словомъ „общественность“, была у генерала Романовскаго, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ у его коллегъ Его интимная близость къ генералу Деникину, — какъ мнѣ всегда казалось, типичному русскому интеллигенту, — тоже обязывала его къ извѣстному „либерализму“. Но по всему свое-

му міросозерцанію этотъ тучный генералъ, обычно равнодушно смотрѣвшій на всѣхъ сонными глазами, а порою умѣвшій говорить и оживленно и умно, былъ, несомнѣнно, крѣпкій, правый человѣкъ. Его „лѣвизна", если о ней вообще возможно говорить, была лѣвизной „по разсудку". Далѣе шла группа кадетовъ. Насъ было, не считая Н. Е. Парамонова, который только одинъ разъ появился въ Особомъ Совѣщаніи, четверо — Н И. Астровъ, В. А. Степановъ, М. М. Федоровъ и я. Къ намъ примыкали справа В. Н. Челищевъ и слѣва М. В. Бернацкій вскорѣ, впрочемъ, тоже уѣхавшій въ Одессу С. Н. Масловъ былъ изъ октябристовъ. Остальные, не имѣя партійной окраски, были, какъ и представители „генеральской" группы, люди болѣе или менѣе правые. Такимъ образомъ, въ общемъ, Особое Совѣщаніе можетъ быть охарактеризовано, скорѣе всего, какъ умѣренно-правое, безъ мракобѣсія и нетерпимости. Изъ тринадцати гражданскихъ его членовъ десять были члены или ставленники Національнаго Центра. Но впослѣдствіи отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ Національный Центръ былъ бы не прочь и отречься.

Неопредѣленный и, въ общемъ, умѣренный составъ Особаго Совѣщанія имѣлъ свои положительныя стороны. Въ этомъ періодѣ засѣданія у насъ проходили дѣловымъ порядкомъ. Было мало страстныхъ споровъ и острыхъ столкновеній. Иногда воодушевится М. М. Федоровъ, доказывая необходимость широкаго привлеченія общественности. Иногда Н. И. Астровъ предприметъ какое ни-будь „опозиціонное" выступленіе. Иногда разсердится, побагровѣетъ и наговоритъ рѣзкостей генералъ Драгомировъ. Но это были рѣдкія исключенія. Въ видѣ общаго правила, члены Особаго Совѣщанія легко сговаривались другъ съ другомъ, какъ люди, искренно преданные идеѣ единой русской государственности, враждебные казачьей самостійности и одинаково принимавшіе національно государственную программу генерала Деникина, что облегчалось тогда тѣмъ обстоятельствомъ, что вся эта программа сводилась къ очень немногимъ и довольно широко формулированнымъ положеніямъ. Однако, эти свойства Осо-

баго Совѣщанія были и его недостатками. Благодаря имъ, наше единство отличалось нѣкоторою пассивностью, въ нашихъ сужденіяхъ было мало жизни и въ нашихъ постановленіяхъ отсутствовало волевое начало. Позднѣе Особое Совѣщаніе сравнивали съ машиной, работающей безъ приводныхъ ремней. Такъ было всегда. Теоретически все у насъ было построено на началахъ единства власти. На практикѣ было безформенное единство безволія. И потому было ясно, что оно лопнетъ, какъ только насъ догонитъ гнавшаяся за нами по пятамъ „политика" и повелительно предъявитъ къ намъ свои опредѣленныя и волевыя требованія.

Политика пришла къ намъ черезъ „среды" генерала Деникина. Засѣданія у Главнокомандующаго по средамъ были заведены именно съ политическими цѣлями. Еще въ 1918 году высказывалась мысль, что слѣдовало бы отъ времени до времени, помимо офиціальныхъ засѣданій Особаго Совѣщанія, устраивать неофиціальныя, обязательно при участіи Главнокомандующаго и въ нѣсколько иномъ составѣ. Мысль эта бродила довольно долго Однимъ рисовалось при этомъ нѣчто вродѣ англійскаго „тѣснаго" или „внутренняго" кабинета, въ которомъ участвовали бы не всѣ члены Особаго Совѣщанія, и которому принадлежало бы политическое руководство дѣятельностью правительства. Другіе выдвигали, напротивъ, проектъ Собранія болѣе многолюднаго, къ участію въ которомъ, помимо членовъ Особаго Совѣщанія, привлекались бы представители разныхъ общественныхъ организацій и группъ въ цѣляхъ освѣдомленія Главнокомандующаго о настроеніи „общества". На дѣлѣ получилось ни то, ни другое, а просто третье въ недѣлю засѣданіе Особаго Совѣщанія безъ повѣстки и журнала, посвященное непринужденному обмѣну мнѣній по главнѣйшимъ вопросамъ текущей политики. Каждую среду мы собирались въ 6 часовъ вечера на квартирѣ у Главнокомандующаго. Генералъ Деникинъ появлялся въ столовой, обходилъ собравшихся, пожимая каждому руку, и занималъ предсѣдательское мѣсто за обѣденнымъ столомъ. Направо отъ него садился гене-

ралъ Драгомировъ, налѣво генералъ Романовскій. Члены Особаго Совѣщанія разсаживались примѣрно въ томъ же порядкѣ, что и на дѣловыхъ засѣданіяхъ. Чины канцеляріи отсутствовали, но А. А. Лодыженскій былъ постояннымъ посѣтителемъ „средъ". Сначала участіе въ средовыхъ совѣщаніяхъ понималось, какъ личная привилегія членовъ Особаго Совѣщанія, и въ отсутствіе начальниковъ вѣдомствъ ихъ не замѣщали ихъ помощники. Впослѣдствіи отъ этого правила отказались, и на среды стали появляться замѣстители начальниковъ управленій. Это придало составу совѣщаній нѣсколько расширенный характеръ и лишило ихъ прежней интимности. Первое время участникамъ „средъ" предлагали скромный чай, потомъ угощеніе отпало. Иногда на столѣ раскладывали карту театра военныхъ дѣйствій.

Средовыя засѣданія открывались военнымъ обзоромъ, который дѣлалъ начальникъ штаба или самъ Главнокомандующій. Слѣдующей обязательной темой были вопросы нашихъ отношеній къ союзникамъ и къ разнымъ „государственнымъ образованіямъ", казачьимъ и инородческимъ. Событія дня выдвигали на очередь еще ту или иную тему. Вопросы ставилъ и преніями руководилъ самъ Главнокомандующій. Дѣлалъ онъ это въ своей обычной отрывочной манерѣ, кратко и рѣзко формулируя предметъ бесѣды и обрывая разговоры, когда вопросъ былъ выясненъ. При этомъ онъ взглядывалъ на блокъ-нотъ, на которомъ, повидимому, отмѣчалъ для себя „повѣстку засѣданія". Какъ то внезапно, на полусловѣ, безъ „стилистическаго" и „логическаго" закругленія обрывалось и все совѣщаніе, и мы расходились — не поздно. Для всѣхъ членовъ Особаго Совѣщанія эти „среды" генерала Деникина имѣли огромный интересъ, хотя бы уже съ точки зрѣнія информаціонной. Въ среду мы получали точную и полную информацію о военномъ положеніи. Но и по части гражданскаго управленія мы узнавали здѣсь немало новаго и поучительнаго. Таково уже свойство всякаго личнаго и тѣмъ болѣе военнаго режима, что онъ не благопріятствуетъ сосредоточенію всей полноты политическаго вліянія

въ „регулярномъ" правительствѣ. Это свойство обострялось еще у насъ наличностью штаба Главнокомандующаго и исключительнымъ положеніемъ его начальника. Въ области международной и „краевой" политики случалось, что Особое Совѣщаніе ставили передъ „совершившимися фактами". Въ среду оно получало возможность ознакомиться съ ними и опредѣлить свое отношеніе къ нимъ.

Наконецъ, по средамъ вырабатывались элементы политической программы Главнаго Командованія. Дѣлалось это очень медлительно. Довольно долго мы держались фикціи „аполитичности" Добровольческой Арміи. Еще въ сентябрѣ генералъ Деникинъ, смѣясь, разсказывалъ намъ, какъ его „экзаменовали" два кадета, явившіеся къ нему съ привѣтствіемъ отъ мѣстнаго комитета партіи народной свободы, и какъ онъ имъ отвѣтилъ, что его программа сводится къ тому, чтобы возстановить Россію, а потомъ „сажать капусту". Но по мѣрѣ того, какъ развертывалась наша правительственная организація, обходиться одной „капустой" становилось все труднѣе. На смѣну „аполитичности" пришелъ лозунгъ „коалиціи", то есть дѣлового объединенія представителей разныхъ политическихъ теченій на почвѣ общей борьбы за возсозданіе отечества. „Коалиція" уже сама по себѣ есть политическій принципъ, „коалиція" предполагаетъ „платформу" объединенія ея участниковъ. Къ установленію этой платформы нехотя, упираясь, какъ будто опасаясь того, что изъ этого выйдетъ, и приступило Особое Совѣщаніе въ началѣ 1919 года.

Руководящая роль въ этой политической работѣ принадлежала безспорно Національному Центру. На его сторонѣ были преимущества относительной организованности. Правленіе Центра засѣдало нѣсколько разъ въ недѣлю и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ среду ожидалось обсужденіе какого либо важнаго программнаго вопроса, готовилось къ нему особо. Въ распоряженіи у него по многимъ предметамъ законодательства имѣлись болѣе или менѣе разработанные матеріалы. Къ его услугамъ была неутомимая энергія его пред-

сѣдателя, М. М. Федорова, которому вѣрно и твердо „секундировалъ“ Н. И. Астровъ. Программа Національнаго Центра въ общемъ хорошо извѣстна. Примѣнительно къ нашему режиму военной диктатуры, она представляла собою опытъ сочетанія идеологіи „твердой власти“ съ традиціонными лозунгами просвѣщеннаго русскаго либерализма. Центръ высказывался — не связывая, однако, въ этомъ отношеніи своихъ членовъ — за Учредительное Собраніе, какъ за инстанцію, компетентную установить въ Россіи ту или иную форму правленія. Онъ отстаивалъ аграрную реформу на основѣ принудительнаго отчужденія и созданія крѣпкихъ, среднихъ и мелкихъ хозяйствъ. Въ рабочемъ вопросѣ онъ защищалъ цѣлую схему превосходныхъ соціально-политическихъ мѣропріятій. Въ области внутренней политики Національный Центръ доказывалъ необходимость скорѣйшаго возстановленія органовъ мѣстнаго самоуправленія и стоялъ за единеніе съ „общественностью“. Всей своей исторіей и психологіей Національный Центръ обязывался къ роли вѣрнаго рыцаря союзнической оріентаціи и яраго врага германскаго вліянія.

Пользуясь относительно очень широкою свободой, которую Центръ предоставлялъ своимъ членамъ, я лично держался по многимъ вопросамъ нѣсколько особнякомъ. Мнѣ пришлось на одной изъ февральскихъ средъ изложить мною излюбленную доктрину „демократической диктатуры“. Она имѣла внѣшній успѣхъ, но едва ли была по настоящему усвоена. Между тѣмъ я и сейчасъ убѣжденъ, что это было единственно правильное ученіе, и что, дѣйствительно, возстановитъ Россію только та власть, которая его воспримет. Я высказывался противъ того, чтобы Главное Командованіе связывало себя обязательствомъ созыва Учредительнаго Собранія, такъ какъ полагалъ, что обстоятельства могутъ побудить удовольствоваться и какой либо иной, менѣе совершенной, формой народнаго волеизъявленія. Мнѣ, конечно, и въ голову не приходило отрицать, что для успѣха дѣйствій диктатора, онъ долженъ пользоваться сочувствіемъ широкихъ массъ населенія. Но я не дѣлалъ себѣ иллюзій

на счетъ протежируемой моими коллегами по Центру „общественности". Опытъ революціонныхъ лѣтъ убѣдилъ меня въ томъ, что эта „общественность", въ лицѣ составляющихъ ее интеллигентскихъ кружковъ, ничѣмъ съ массами не связанныхъ, въ значительной своей части равнодушныхъ къ началамъ государственно-національнымъ, не можетъ служить опорой для власти вообще, для „твердой власти" — въ особенности. Вмѣсто „общественности" я приглашалъ опираться просто на народъ, и, такъ какъ масса русскаго народа есть, прежде всего, масса крестьянская, то на крестьянство. Естественно поэтому, что я тоже стоялъ за аграрную реформу. Но я мыслилъ ее не въ видѣ громоздкаго законодательнаго акта, со сложными и учеными построеніями и выкладками, а въ видѣ ряда практическихъ мѣропріятій, проникнутыхъ одной очень простой, грубой и, если угодно, революціонной идеей — сохраненія того земельнаго передѣла, въ которомъ заключается соціальное содержаніе революціи. Я, конечно, признавалъ, что нужно завоевывать симпатіи и другихъ классовъ населенія, и что для этого нужно организовать „хорошее управленіе". Но я опять таки позволялъ себѣ сомнѣваться, чтобы такое управленіе могло быть оборудовано или поддержано нашей малокровною и безвольною „общественностью". Мои еретическія сужденія, очевидно, не могли не навлекать на меня неудовольствія съ разныхъ сторонъ. Одинъ изъ моихъ коллегъ не безъ яда говорилъ, что я занимаюсь тѣмъ, что выражаю въ политически грамотной формѣ „черносотенныя" мысли генераловъ.

У Національнаго Центра, были свои побѣды и пораженія. Учредительное Собраніе не прошло, и генералъ Деникинъ еще разъ утвердился въ убѣжденіи, что онъ не долженъ „предрѣшать" путей, какими русскій народъ „объявитъ свою волю". Зато идеи земельной и рабочей реформы были приняты къ свѣдѣнію и исполненію. О рабочемъ вопросѣ больше всего заботился самъ М. М. Федоровъ. Въ связи съ постановкой на практическую очередь земельнаго вопроса у насъ появилось вскорѣ новое лицо — В. Г. Коло-

кольцовъ, пріобрѣвшій извѣстность на „общественномъ" поприщѣ, какъ предсѣдатель Волчанской земской управы, и бывшій министромъ земледѣлія въ гетманскомъ правительствѣ. Его выдвинулъ Національный Центръ, сначала какъ будто только для завѣдыванія государственными имуществами. Но В. Г. Колокольцовъ незамѣтно превратился въ главу всего вѣдомства замледѣлія и въ этомъ качествѣ доставилъ намъ большія огорченія.

* * *

Объединеніе командованія повлекло за собой переименованіе всѣхъ нашихъ центральныхъ учрежденій. А оно, въ свою очередь, внесло въ нашу терминологію извѣстную двусмысленность. Власть Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи въ военномъ отношеніи распространялась на всю освобожденную отъ большевиковъ территорію, включая и казачьи земли, и Крымъ. Въ гражданскомъ отношеніи она дѣйствовала только въ мѣстностяхъ, которыя получили теперь официальное наименованіе „мѣстностей, находящихся подъ Верховнымъ Управленіемъ Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи".

Пространство этихъ мѣстностей расширилось районом Одессы, которую въ декабрѣ „повергъ къ стопамъ" генерала Деникина прибывшій туда изъ Яссъ и вытѣснившій при содѣйствіи французовъ петлюровцевъ генералъ Гришинъ — Алмазовъ. Это пріобрѣтеніе оказалось сомнительнаго качества. Городъ вообще трудно-управляемый, благодаря специфическимъ особенностямъ своего пестраго населенія, Одесса стала совсѣмъ невозможна, съ тѣхъ поръ какъ въ ней появились кіевскіе эмигранты и французскія войска. Мы такъ и не справились съ этимъ кипящимъ котломъ всевозможныхъ „сепаратизмовъ" и интригъ, инородческихъ, иностранныхъ и административныхъ. Мало помогло дѣлу и назначеніе туда главноначальствующимъ генерала Санникова, бывшаго при Временномъ Правительствѣ Одесскимъ Городскимъ Головой.

Связь, вообще слабо работавшая на территоріи Главнаго Командованія, съ Одессой почти вовсе не поддерживалась, и намъ только казалось, что мы управляли этимъ городомъ, который мы не смогли даже снабдить топливомъ и продовольствіемъ. Мы дѣлали изъ Екатеринодара безсильные жесты, а Одесса жила сама по себѣ или, вѣрнѣе, билась въ судорогахъ нездороваго политиканства и спекулятивнаго ажіотажа.

Съ „краевыми образованіями" мы тоже ладили плохо. Даже съ Крымомъ, не заявлявшимъ никакихъ притязаній на суверенитетъ, возникали постоянныя тренія. Н. И. Астровъ, можно сказать, висѣлъ на прямомъ проводѣ, миря насъ съ крымскими министрами. Независимо отъ присутствія и въ Крыму „третьей силы", въ лицѣ союзниковъ, и часто неудачнаго подбора высшихъ мѣстныхъ военныхъ начальниковъ, наши несогласія, несомнѣнно, объяснялись различнымъ „строемъ" двухъ правительственныхъ механизмовъ — нашего, настроеннаго въ тонѣ военной диктатуры, и крымскаго, выдвинутаго „общественностью", частью довольно лѣвою. Про казачьи земли нечего и говорить. Правда, Донъ еще въ атаманство генерала Краснова сталъ обнаруживать большую сговорчивость и охотно шелъ на объединеніе отдѣльныхъ предметовъ управленія, особенно когда оно выдвигалось и обосновывалось нуждами фронта. Послѣ же паденія генерала Краснова, въ связи съ военными неудачами, и избранія въ атаманы стараго добровольца, генерала Богаевскаго, донскія власти на нѣкоторое время сдѣлались совсѣмъ ручными. Зато Кубань продолжала „самостійничать" и срывала всѣ объединительныя начинанія. Послѣ долгихъ переговоровъ въ февралѣ было достигнуто объединеніе въ рукахъ Главнаго Начальника Военныхъ Сообщеній завѣдыванія путями сообщенія, почтой и телеграфомъ. Оно оказалось неполнымъ, благодаря сопротивленію путейскаго вѣдомства Кубани. Кубань сдѣлала невозможнымъ и намѣченное и подготовленное позднѣе объединеніе продовольственнаго дѣла, на которое съ охотой согласились Донъ и младшій членъ казачьей семьи, только что освобожденный Терекъ.

Это третье по счету казачье „государственное образованіе“ явилось для насъ источникомъ новыхъ разочарованій. Терская область была обязана своимъ освобожденіемъ всецѣло Добровольческой Арміи, да и помимо этого цѣлый рядъ условій этнографическаго и географическаго характера подсказывалъ терцамъ политику самаго тѣснаго единенія съ Главнымъ Командованіемъ. Моментъ возрожденія терскаго казачества былъ исключительно благопріятенъ для установленія правильныхъ взаимоотношеній между мѣстною казачьею властью и властью Главнокомандующаго. Но мы не сумѣли использовать его, только лишній разъ продемонстрировавъ половинчатость и неясность нашей казачьей политики. Пока мы разговаривали на эти наши „вѣчныя“ темы, созванный по предложенію Главнокомандующаго для выборовъ Атамана Войсковой Кругъ далъ Тереку конституцію, конечно, исходившую изъ теоріи казачьяго суверенитета. Послѣ этого всѣ позднѣйшія усилія ввести въ берега эту новую „державную“ стихію были уже неизбѣжно обречены на неудачу, и составленные у насъ тезисы о желательномъ строѣ нашихъ взаимоотношеній съ Терекомъ только безъ нужды раздражили терскихъ политиковъ. Правда, терское войско до конца оставалось наиболѣе „русскимъ“ и благожелательнымъ къ намъ изъ всѣхъ трехъ войскъ. Правда, Терекъ считался съ Главноначальствующимъ Терско-Дагестанскаго Края, мирился и съ выдѣленіемъ изъ территоріи старой Терской области неказачьихъ мѣстностей, даже, въ мѣру своей относительной слабости, допускалъ и на казачьей территоріи дѣйствіе нѣкоторыхъ органовъ Главнаго Командованія. Но, въ общемъ, и онъ былъ для насъ потерянъ.

Несмотря на повторныя неудачи нашей казачьей политики, мы въ концѣ февраля опять занимались конституціонными исканіями. Казачьи лидеры носились въ это время съ проектомъ созыва конференціи южно-русскихъ „государственныхъ образованій“, для созданія изъ нихъ федеративнаго союза, со включеніемъ даже Грузіи, съ которой мы фактически находились въ состояніи войны. Въ противовѣсъ этимъ фе-

деpалистическимъ затѣямъ считалось полезнымъ выдвинуть съ нашей стороны нашу традиціонную схему казачьей автономіи. На одной изъ „средъ“ у генерала Деникина я докладывалъ новый мой проектъ Южно-Русскаго Союза. Мы еще разъ пересмотрѣли и отшлифовали перечень предметовъ общегосударственнаго и мѣстнаго значенія и обсудили вопросъ о включеніи казачьихъ представителей въ Особое Совѣщаніе или хотя бы только въ совѣщательные органы при Начальникахъ Управленій. Генералъ Деникинъ говорилъ намъ, что, по его свѣдѣніямъ, казаки готовы были бы удовольствоваться такимъ представительствомъ въ министерскихъ совѣтахъ. Конечно, онъ былъ слишкомъ большимъ оптимистомъ.

* * *

Съ принятіемъ генераломъ Деникинымъ главнаго командованія надъ всѣми вооруженными силами юга Россіи закончила свое существованіе старая Добровольческая Армія. Отъ принципа добровольчества, собственно, отказались еще раньше, и добровольческія части пополнялись путемъ мобилизаціи на общемъ основаніи. Но духъ Добровольческой Арміи продолжалъ жить среди насъ, и мы въ разговорѣ и даже на письмѣ, избѣгая новаго длиннаго и неуклюжаго названія, пользовались этими старыми, родными и милыми словами.

Изъ военныхъ частей названіе „добровольцевъ“ стало, по преимуществу, примѣняться къ „именнымъ“ полкамъ корпуса генерала Май Маевскаго, вошедшаго въ составъ вновь сформированной Кавказской Добровольческой Арміи. Во главѣ этой арміи былъ поставленъ генералъ баронъ П. Н. Врангель, который создалъ себѣ громкую славу руководствомъ добровольческой конницей при очищеніи Сѣвернаго Кавказа. Генералъ Врангель заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и его замѣнялъ въ Ростовѣ, гдѣ находился штабъ арміи, генералъ Юзефовичъ. Развернутый въ помощь ослабѣвшимъ донцамъ корпусъ генерала Май-Маевскаго занималъ западную часть фронта, обороняя каменноугольный районъ. Туда же были переброшены лучшія кубанскія конныя части — корпусъ ге-

нерала Покровскаго и дивизія генерала Шкуро. Я не знаю, какъ будутъ квалифицировать съ точки зрѣнія „строгаго" военнаго искусства дѣйствія марковцевъ и алексѣевцевъ, корниловцевъ и дроздовцевъ зимой и весной 1919 г. Мы навсегда сохранимъ о нихъ память, какъ о чудесной эпопеѣ сверхчеловѣческой доблести и недосягаемаго героизма. Въ мятель и стужу, плохо одѣтые и снабженные, добровольцы, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, сдерживали натискъ во много разъ сильнѣйшаго противника. Они возвращались въ тылъ только для того, чтобы отлежаться въ лазаретѣ и съ лишней нашивкой на лѣвомъ рукавѣ опять отправиться на фронтъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОТДѢЛЪ ПРОПАГАНДЫ.

Къ началу марта относится событіе, катастрофически повліявшее на мое положеніе въ правительствѣ генерала Деникина. 6 марта, въ среду Особое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго единогласно одобрило мою кандидатуру на должность управляющаго Отдѣломъ Пропаганды, только что оставленную Н. Е. Парамоновымъ. 8 марта мое назначеніе было оформлено. Я поставилъ условіемъ, чтобы за мной была сохранена должность управляющаго Отдѣломъ Законовъ, и вплоть до моей отставки, послѣдовавшей 20 декабря, я офиціально именовался — управляющій Отдѣломъ Законовъ, временно исполняющій обязанности управляющаго Отдѣломъ Пропаганды. Я не скрывалъ отъ себя опасностей такого совмѣстительства и тогда же откровенно сказалъ генералу Деникину, что 6 марта была испорчена моя карьера при Добровольческой Арміи. Но отказаться отъ Отдѣла Пропаганды мнѣ было трудно, такъ какъ ни у Главнокомандующаго, ни у Особаго Совѣщанія не было въ тотъ моментъ другого кандидата; бросить Отдѣлъ Законовъ, который я только что сформировалъ, мнѣ было слишкомъ больно, и я съ тяжелымъ сердцемъ взвалилъ себѣ на плечи это невѣроятное бремя, съ которымъ едва-ли кто нибудь былъ бы въ состояніи справиться.

Должность управляющаго Отдѣломъ Законовъ сама по себѣ была уже достаточно обременительна. Особое Совѣщаніе законодательствовало обильно и быстро. Законопроэкты сыпались, какъ изъ рога изобилія, будучи въ большин-

ствѣ юридически безпомощны и безграмотны. Слѣдить за ними въ редакціонномъ отношеніи, не упуская изъ виду общаго духа нашего законодательства, было нелегко. Другая, лежавшая на Отдѣлѣ Законовъ, функція — обнародованіе законовъ чрезъ печатаніе ихъ въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства,—тоже встрѣчалась на практикѣ съ большими затрудненіями. Правительство генерала Деникина всегда страдало недостаткомъ бумаги и отсутствіемъ типографскихъ средствъ. Отдѣлъ Законовъ прямо бѣдствовалъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Несмотря на то, что мнѣ удалось подобрать себѣ хорошо подготовленныхъ сотрудниковъ изъ бывшихъ чиновниковъ Сената и Государственной Канцеляріи, работа Отдѣла Законовъ требовала вниманія и активности и лично отъ управляющаго. А этотъ управляющій стоялъ теперь во главѣ второго вѣдомства съ почти необъятными задачами, съ огромнымъ персоналомъ и многомилліоннымъ бюджетомъ. Если прибавить къ этому, что за мною была полностью сохранена моя традиціонная спеціальность веденія переговоровъ съ казаками, что я не могъ, естественно, отказаться и отъ общественно политической дѣятельности и что, въ виду размѣщенія большей части центральнаго Управленія Отдѣла Пропаганды въ Ростовѣ, съ марта по іюнь, я непрерывно ѣздилъ изъ Екатеринодара въ Ростовъ и обратно, то станетъ ясно, въ какихъ ненормальныхъ условіяхъ стала протекать моя работа. Кромѣ того надо имѣть въ виду, что съ начала іюня по конецъ августа я былъ въ заграничной командировкѣ, и что, вернувшись въ Россію, я въ силу обстоятельствъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, устранился отъ Отдѣла Пропаганды и вступилъ въ должность только 6 ноября за полтора мѣсяца до своей отставки.

Въ субботу, 9 марта, я выѣхалъ въ Ростовъ и 10-го видѣлся съ Н. Е. Парамоновымъ и объяснялся съ мѣстнымъ комитетомъ партіи народной свободы, который былъ очень взволнованъ происшедшей перемѣной. Въ понедѣльникъ, 11 марта, я принялъ должность.

* * *

Въ основѣ организаціи Отдѣла Пропаганды лежало возникшее ранѣе всѣхъ другихъ гражданскихъ учрежденій Добровольческой Арміи „Освѣдомительно-Агитаціонное Отдѣленіе“ Дипломатическаго Отдѣла. Создалъ его небезызвѣстный въ интеллигентскихъ кружкахъ Петрограда С. С. Чахотинъ, человѣкъ феноменальной трудоспособности, фанатикъ такъ называемой „американской системы“ дѣлопроизводства, можетъ быть, очень хорошей для банкирскихъ домовъ и страховыхъ обществъ, но совершенно, по моему, непригодной въ живомъ дѣлѣ освѣдомленія и агитаціи. Въ первомъ же засѣданіи Особаго Совѣщанія 28 сентября было постановлено изъять Освѣдомительное Отдѣленіе изъ вѣдѣнія Дипломатическаго Отдѣла и подчинить его предсѣдателю Особаго Совѣщанія, въ составъ канцеляріи котораго оно должно было войти. Фактически Освѣдомительное Отдѣленіе жило совершенно самостоятельно, и въ декабрѣ Особое Совѣщаніе признало, что вызванное практикой расширеніе его дѣятельности требуетъ переименованія Отдѣленія въ „Освѣдомителеное Бюро“. Освѣдомительное Отдѣленіе къ этому времени, несомнѣнно, очень развилось, и кромѣ центра начало работу и на мѣстахъ, черезъ „узлы“ своей „сѣти“. Отъ этого перваго періода освѣдомленія и агитаціи Отдѣлъ Пропаганды получилъ въ наслѣдство сокращенное наименованіе „Освагъ“ и нѣкоторую своеобразную ругину канцелярской формалистики.

Съ января 1919 года на этотъ „древнѣйшій“ пластъ сталъ ложиться новый. Уже въ декабрѣ у насъ много говорили о необходимости противопоставить большевистской пропагандѣ пропаганду добровольческую Въ частности, съ очевидно пропагандистскими цѣлями и въ значительной степени по совѣту иностранцевъ была образована „Особая комиссія по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ“, которой ставилась задача „широкаго освѣщенія передъ лицомъ всего культурнаго міра“ дѣятельности совѣтской власти. Одновременно шла рѣчь о дальнѣйшемъ усовершенствованіи

Освѣдомительнаго Отдѣленія и объ учрежденіи настоящаго Телеграфнаго Агентства. Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ и родилась мысль о самостоятельномъ вѣдомствѣ пропаганды. Къ Новому Году она настолько оформилась, что начали уже искать управляющаго Отдѣломъ. Называли двухъ лицъ — Н. Е. Парамонова и меня. 16 января Н. Е. Парамоновъ былъ назначенъ управляющимъ Отдѣломъ Пропаганды. 18 Января онъ пріѣзжалъ къ намъ защищать въ Особомъ Совѣщаніи проекты учрежденія и смѣты Отдѣла. Н. Е. Парамоновъ размахнулся широко, онъ заговорилъ было о 50 милліонахъ на три мѣсяца, но помирился на 25 милліонахъ — сумма, по тому времени, все же громадная. Онъ совершенно правильно добивался и добился сосредоточенія въ своихъ рукахъ всѣхъ отраслей дѣла освѣдомленія и пропаганды.

Мой предшественникъ пробылъ въ должности всего полтора мѣсяца. Для такого сложнаго и отвѣтственнаго дѣла, находившагося къ тому же въ стадіи формированія, или, что еще хуже, переустройства, это совсѣмъ ничтожный срокъ. При Н. Е. Парамоновѣ успѣли только намѣтиться первыя неясныя очертанія новаго вѣдомства. Онъ приступилъ къ формированію центральнаго управленія Отдѣла въ Ростовѣ, а потомъ туда же перевелъ весь чахотинскій „Освагъ“. Благодаря этому, по нѣкоторымъ частямъ получилось дублированіе, по нѣкоторымъ — несогласованность работы. „Освагъ“ не растворился въ новой организаціи Отдѣла, а остался въ немъ, какъ государство въ государствѣ, и С. С. Чахотинъ явился своего рода средостѣніемъ между главою вѣдомства и отвѣтственными руководителями частей. Такъ оно получалось по чахотинской „системѣ“, что каждое дѣло въ начальной и конечной стадіи своего движенія по Отдѣлу должно было переходить черезъ руки одного и того же лица — всемогущаго управляющаго дѣлами и универсальнаго докладчика при главѣ вѣдомства. При такихъ условіяхъ работа, конечно, не спорилась, самыя срочныя бумаги лежали по нѣсколько дней безъ исполненія, и Н. Е. Парамоновъ говорилъ мнѣ, что онъ имѣлъ въ виду въ самомъ близкомъ будущемъ „систему“ упразднить.

Сдѣлать ему этого не пришлось, такъ какъ уже съ середины февраля начались между нимъ и Главнымъ Командованіемъ недоразумѣнія, быстро приведшія его къ рѣшенію подать въ отставку. Я думаю, что одной изъ причинъ этихъ недоразумѣній было то обстоятельство, что Н. Е. Парамоновъ вмѣстѣ со всѣмъ центральнымъ управленіемъ Отдѣла помѣстился въ Ростовѣ, что помѣшало установленію живой связи между нимъ, Главнокомандующимъ и Особымъ Совѣщаніемъ. Въ пользу Ростова говорили только большія, по сравненію съ Екатеринодаромъ, техническія возможности. Но если такъ, то въ Ростовѣ надо было создать лишь техническій аппаратъ въ самомъ тѣсномъ значеніи слова, а управляющему съ его ближайшими сотрудниками надлежало жить въ мѣстѣ пребыванія правительства. Особенно гибельно было то, что Н. Е. Парамоновъ увезъ въ Ростовъ и информаціонную часть, оставивъ въ Екатеринодарѣ небольшое отдѣленіе „для связи". Оторванная отъ всѣхъ главныхъ источниковъ освѣдомленія информаціонная часть въ Ростовѣ прозябала, а екатеринодарская „связь" легко конкурировала съ ней и забивала ее. Несчастливъ былъ Н. Е. Парамоновъ и въ своихъ помощникахъ. Одного изъ нихъ онъ долженъ былъ взять изъ своихъ донскихъ согражданъ, такъ какъ генералъ Красновъ поставилъ условіемъ пребыванія Отдѣла Пропаганды въ Ростовѣ назначеніе помощника управляющаго по соглашенію Главнокомандующаго съ Донскимъ Атаманомъ. Въ качествѣ такого представителя Дона Н. Е. Парамоновъ пригласилъ небезызвѣстнаго писателя, секретаря Войскового Круга, нынѣ покойнаго Ѳ. Д. Крюкова. Почтенный литераторъ, Ѳ. Д. Крюковъ былъ „никакой" администраторъ, въ чемъ охотно самъ признавался. Быть его постояннымъ замѣстителемъ въ Особомъ Совѣщаніи Н. Е. Парамоновъ предложилъ мнѣ, но я отказался, полагая, что въ Особомъ Совѣщаніи долженъ обязательно бывать самъ управляющій Отдѣломъ. Особенно не повезло Н. Е. Парамонову со вторымъ его ростовскимъ помощникомъ — С. Г. Сватиковымъ. Не знаю, что именно ставилось въ вину С. Г. Сватикову, но знаю, что приглашеніе его Н. Е. Парамоновымъ про-

извело въ нашихъ военныхъ сферахъ впечатлѣніе скандала и вызова. Къ тому же, нѣсколько вообще беззаботный насчетъ формальностей, Н. Е. Парамоновъ допустилъ С. Г. Сватикова къ фактическому исполненію обязанностей своего помощника безъ предварительнаго испрошенія на то согласія Главнокомандующаго. Въ архивѣ управляющаго Отдѣломъ я нашелъ цѣлый рядъ бумагъ, адресованныхъ въ высшія инстанціи съ подписью С. Г. Сватикова „за управляющаго Отдѣломъ" и возвращенныхъ „безъ исполненія, какъ подписанныхъ лицомъ не уполномоченнымъ". Послѣ одной очень рѣзкой резолюціи Главнокомандующаго С. Г. Сватиковъ предпочелъ самъ покинуть Отдѣлъ. Уже этихъ инцидентовъ было бы, конечно, достаточно, чтобы испортить настроеніе управляющему Отдѣломъ Пропаганды. Переполнило же чашу распоряженіе Главнаго Командованія о закрытіи организованныхъ Н. Е. Парамоновымъ въ Ростовѣ газетъ. Газеты эти, которыми заправляли очень бойкіе литераторы, неотличались избыткомъ такта и политической грамотности. Но можно было бы найти и иные способы приведенія ихъ въ порядокъ. Н. Е. Парамонову, повидимому, наскучили эти тренія и онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ.

* * *

Принявъ должность и нѣсколько ознакомившись съ дѣлами, я убѣдился, что передъ мной стояла дилемма — либо расформировать Отдѣлъ и, пріостановивъ работу пропаганды, создать тѣмъ временемъ совершенно новое по организаціи и персоналу учрежденіе, либо продолжать работу съ той машиной, которая была подъ рукой, провѣряя и исправляя ее „на ходу". Кромѣ того, надо было спѣшно искать себѣ помощниковъ, такъ какъ, просидѣвъ въ одиночествѣ нѣсколько дней въ своемъ новомъ служебномъ кабинетѣ, въ домѣ № 62 по Большой Садовой, я увидѣлъ полную невозможность одному человѣку совладать хотя бы только съ текущей перепиской. Особое Совѣщаніе въ Екатеринодарѣ, куда я ѣздилъ съ докладомъ, поручило мнѣ переустраивать Отдѣлъ, не пріостанавливая работы ни на одинъ день,

и я сталъ дѣйствовать въ этомъ направленіи. Я упразднилъ „систему", разстался съ С. С. Чахотинымъ, который тотчасъ же переправился къ Ѳ. Д. Крюкову во вновь возникшій „конкурентный" Донской „Отдѣлъ Освѣдомленія", и перевелъ информаціонную часть обратно въ Екатеринодаръ. Затѣмъ мы стали приводить въ ясность и относительный порядокъ центральныя и мѣстныя учрежденія Отдѣла.

Положеніе мое облегчилось съ тѣхъ поръ, какъ я привезъ изъ Екатеринодара перваго своего помощника, генеральнаго штаба полковника Б. А. Энгельгардта. Для меня было ясно, что, въ виду обилія военныхъ въ составѣ служащихъ Отдѣла и тѣснаго соприкосновенія нашей работы съ фронтомъ, однимъ изъ помощниковъ управляющаго должно было быть лицо военнаго званія. Въ Екатеринодарѣ, одновременно изъ круговъ Національнаго Центра и Штаба Главнокомандующаго, мнѣ назвали имя Б. А. Энгельгардта, бывшаго члена Государственной Думы и коменданта Таврическаго Дворца въ первые дни революціи. У него былъ опытъ въ агитаціонно-информаціонной работѣ и вкусъ къ ней, и онъ согласился поѣхать въ Ростовъ „посмотрѣть и попробовать". Онъ поѣхалъ и остался въ Отдѣлѣ дольше, чѣмъ кто бы то ни было другой. Я стоялъ во главѣ Отдѣла Пропаганды девять съ половиной мѣсяцевъ. Изъ нихъ четыре съ половиной мѣсяца управлялъ Отдѣломъ я, пять мѣсяцевъ меня замѣщалъ Б. А. Энгельгардтъ. Ему же я окончательно сдалъ Отдѣлъ 22 декабря передъ эвакуаціей Ростова. Вскорѣ послѣ прибытія Б. А. Энгельгардта въ Ростовъ, его соблазняли новымъ почетнымъ назначеніемъ. 26 марта я получилъ отъ генерала Лукомскаго телеграмму о томъ, что предполагается назначить военнаго представителя Главнокомандующаго при союзномъ командованіи въ Константинополѣ, и что генералъ Франше-д'Еперэ проситъ о назначеніи на эту должность полковника Энгельгардта. Генералъ Лукомскій запрашивалъ меня о моемъ согласіи. Переговоривъ съ Б. А. Энгельгардтомъ, я отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Не знаю, не жалѣетъ ли иногда мой бывшій помощникъ, что

предпочелъ тогда каторжный и неблагодарный трудъ пропагандиста-агитатора пріятному военно-дипломатическому посту за границей. Вдвоемъ съ Б. А. Энгельгардтомъ мы проработали мѣсяцъ. Послѣ, Пасхи, въ апрѣлѣ мы получили новое подкрѣпленіе въ лицѣ ректора Петроградскаго университета, извѣстнаго историка, профессора Э. Д. Гримма. Я встрѣтился съ Э. Д. Гриммомъ на Пасхѣ въ Анапѣ, куда онъ прибылъ послѣ эвакуаціи Крыма, и предложилъ ему должность второго моего помощника. Профессоръ Гриммъ взялъ на себя ближайшимъ образомъ завѣдываніе газетнымъ дѣломъ, а также частями литературной и художественной.

Оба мои помощника за время своей службы въ Отдѣлѣ Пропаганды не мало натерпѣлись отъ ожесточенной травли, которая велась противъ нихъ съ разныхъ сторонъ и по разнымъ побужденіямъ. Мнѣ не приходилось замѣчать, чтобы эта травля выводила ихъ изъ состоянія душевнаго равновѣсія или понижала ихъ энергію въ работѣ.

* * *

За время своего существованія, Отдѣлъ Пропаганды вызывалъ самую суровую критику. Полностью отвѣтить на всѣ нападки на Отдѣлъ можно будетъ только тогда, когда настанетъ время для исчерпывающаго изложенія его исторіи. А время это настанетъ еще не скоро, такъ какъ съ разносторонней и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, по необходимости, конспиративной работой Отдѣла тѣсно связано слишкомъ много именъ и репутацій живыхъ и дѣйствующихъ людей. Я вынужденъ оставаться пока въ области самыхъ общихъ соображеній.

Чаще всего обвиняли Отдѣлъ Пропаганды, или какъ его продолжали называть „Освагъ“, — въ бездѣйствіи. Говорить о томъ, что стоящая „безумныхъ“ денегъ пропаганда „ничего не дѣлаетъ“, что „осважники“ поголовно „бездѣльники“, было широко распространеннымъ и доступнымъ занятіемъ. Генералы, которые, не моргнувъ глазомъ, сдавали краснымъ города съ огромными запасами снаряженія и обмун-

дированія, и у которыхъ войска ходили раздѣтыя и разутыя, никогда не упускали случая доносить въ ставку, что въ ихъ районѣ никакой работы пропаганды „незамѣчено". Чины Государственной Стражи, пользовавшіеся общей и дружной ненавистью населенія, рапортовали по начальству о томъ, что въ такой то мѣстности агитаторы Отдѣла Пропаганды „вовсе" или „почти" не появляются. Но въ то же время Отдѣлъ Пропаганды обвиняли и въ такихъ вещахъ, которыми „бездѣйствуя", „ничего на дѣлая" какъ будто погрѣшить невозможно. Слѣва говорили о томъ, что онъ занимается „монархической" или "черносотенной" агитаціей; евреи ставили ему въ вину „антисемитскую" или даже „погромную" пропаганду. Зато справа разоблачали „жидовскій" составъ работниковъ Отдѣла Пропаганды и „масонскія" тенденціи его дѣятельности. Союзники подозрѣвали его въ активномъ „германофильствѣ". Наконецъ, „самостійники" казачьихъ областей дарили его горячею и откровенною ненавистью за систематическое подкапываніе „подъ устои казачьей свободы".

Я думаю, что это поразительное противорѣчіе объясняется очень просто. Съ многочисленными частичными уклоненіями, неизбѣжными при разбросанности учрежденій, отсутствіи связи между „центромъ" и „провинціей" и общемъ упадкѣ моральной и служебной дисциплины, работники Отдѣла Пропаганды дѣлали то, что они могли и должны были дѣлать, то есть писали и говорили въ духѣ „программы" правительства генерала Деникина. Не ихъ вина была, если эта программа отличалась расплывчатостью и неопредѣленностью, и не могло быть безукоризненно стройной „программной" постановки пропаганды, когда общую внутреннюю политику дѣлалъ на свой страхъ и рискъ каждый главноначальствующій или губернаторъ, и своя земельная политика была едва ли не у каждаго командира отдѣльной воинской части и у каждаго начальника уѣзда.

Дѣятельность Отдѣла Пропаганды, конечно, никогда не была удовлетворительна. Но она на каждомъ шагу сталкивалась съ препятствіями, большею частью отъ воли работ-

никовъ Отдѣла независимыми. Такія препятствія были и политическаго, и моральнаго, и техническаго характера. Изъ числа препятствій политическихъ главнымъ было именно отсутствіе у насъ политическаго курса. Это всего виднѣе хотя бы на томъ же самомъ земельномъ вопросѣ. Непосредственно послѣ обнародованія извѣстнаго письма генерала Деникина по земельному вопросу отъ 24 марта 1918 года я имѣлъ случай, на основаніи опыта нашихъ агитаторовъ говорить Главнокомандующему, что съ агитаціонной, точки зрѣнія такая общая и сухая схема аграрной реформы совершенно недостаточна, что ее необходимо возможно скорѣе конкретизировать рядомъ практическихъ аграрно-политическихъ мѣропріятій. Между тѣмъ, если не считать обрывковъ аграрнаго законодательства, которые вызывались насущными нуждами сегодняшняго дня, мы такъ и не дождались ни земельной политики, ни земельнаго закона. Земельное положеніе, выработанное ко второй половинѣ августа, было отвергнуто генераломъ Деникинымъ, и его вдохновитель В. Г. Колокольцевъ вышелъ въ отставку. Новое положеніе было готово къ декабрю. Оно даже не обсуждалось въ Особомъ Совѣщаніи. Немудрено, что при такихъ условіяхъ не могло быть устойчивой и однообразной „земельной пропаганды", какъ не могло бытъ и „программной" пропаганды вообще. По существу, мы все время питались немногими общими идеями лучшихъ рѣчей генерала Деникина, его двухъ „писемъ" отъ 24 марта и „декларацiи" 10 апрѣля. Это было мало для преподанія точныхъ политическихъ указаній изъ центра и для привлеченія къ отвѣтственности мѣстныхъ работниковъ за уклоненіе отъ „программы". Вступая въ должность послѣ долгаго перерыва въ ноябрѣ 1919 года, я имѣлъ въ виду издать подробный политическій циркуляръ по вѣдомству, который былъ у меня написанъ и съ которымъ я знакомилъ и Главнокомандующаго, и моихъ ближайшихъ сотрудниковъ, и отдѣльныхъ членовъ Особаго Совѣщанія. Но какъ разъ въ это время былъ впервые серьезно поставленъ вопросъ о нашемъ „политическомъ курсѣ" вообще, и я счелъ себя обязаннымъ отложить обнародованіе вѣдомственной програм-

мы до установленія программы правительства. Я ждалъ напрасно.

Другимъ препятствіемъ къ надлежащей постановкѣ дѣла пропаганды надо считать невозможность подобрать подходящій персоналъ. Югъ Россіи вообще всегда жаловался на недостатокъ людей, который ощущался во всѣхъ вѣдомствахъ. Но по сравненію съ Отдѣломъ Пропаганды, всѣ прочія управленія находились въ неизмѣримо лучшихъ условіяхъ: у нихъ были кадры работниковъ и для мѣстныхъ учрежденій, и для центра. Отдѣлъ Пропаганды по необходимости „импровизировалъ" своихъ служащихъ. Онъ импровизировалъ ихъ очень часто неудачно. Но его неудачи имѣютъ свое объясненіе. Прежде всего, трудно было вообще искать людей на хлопотливую, нервную и просто опасную службу при томъ грошовомъ содержаніи, которое въ своемъ фатальномъ стремленіи къ „экономіи" платило чиновникамъ правительство генерала Деникина. Мы всячески изворачивались, чтобы улучшить, по возможности, матерьяльное положеніе нашихъ служащихъ, но это удавалось плохо, и мы все же платили жалкіе гроши. Для насъ существовали еще два „неписанныхъ" ограниченія. Мы должны были работать безъ соціалистовъ и евреевъ. Люди, знающіе рассовый и партійный составъ нашей умѣющей говорить, писать и, по настоящему, агитировать интеллигенціи, поймутъ, что это означало на практикѣ. Соціалисты не пошли бы, конечно, къ намъ въ силу принципіальныхъ расхожденій, даже если бы мы ихъ звали. Но мы не могли и думать о привлеченіи къ работѣ соціалистически мыслящихъ дѣятелей, такъ какъ всякое сколько-нибудь „лѣвое" имя въ спискѣ офиціальныхъ или неофиціальныхъ сотрудниковъ Отдѣла вызывало вопль на крайне правомъ флангѣ нашего „широкаго" политическаго фронта, вопль, который тотчасъ же переходилъ въ начальственную истерику. Съ евреями дѣло обстояло еще круче. Формальнаго запрещенія принимать евреевъ на службу не существовало. На практикѣ евреевъ у насъ не было—за единичными исключеніями, которыя можно было пересчитать по пальцамъ — просто потому, что при повально антисемитскомъ настроеніи массы,

ссбенно военной, еврей въ роли агитатора-пропагандиста былъ просто „невозможенъ“. Мы были такимъ образомъ „асемитичны“. И все-таки въ очень вліятельныхъ кругахъ Отдѣлъ Пропаганды всегда считался „жидовскимъ“ учрежденіемъ, и для людей, которые обвиняли и обвиняютъ насъ въ анти-семитскихъ тенденціяхъ, должно быть небезынтересно узнать, что розыскъ евреевъ среди нашихъ сослуживцевъ и сообщеніе о нихъ высшему начальству были любимымъ занятіемъ офиціальныхъ соглядатаевъ и добровольныхъ доносчиковъ по Отдѣлу Пропаганды. Первая резолюція Главнокомандующаго, переданная мнѣ въ качествѣ управляющаго Отдѣломъ, гласила, что, какъ говорятъ, въ Ростовѣ всѣ евреи, уклоняющіеся отъ воинской повинности, поступили въ Отдѣлъ Пропаганды, и что надо назначить комиссію изъ генераловъ резерва для провѣрки состава этого „преступнаго учрежденія“. Послѣднею бумагой, которую я передалъ Б. А. Энгельгардту при сдачѣ должности, былъ запросъ отъ предсѣдателя правительства, генерала Лукомскаго по поводу напечатаннаго въ журналѣ покойнаго В. М. Пуришкевича „Благовѣстъ“ списка евреевъ, служащихъ въ Отдѣлѣ Пропаганды. А развѣ не трагически нелѣпо то, что на протяженіи многихъ мѣсяцевъ меня, какъ кошмаръ, преслѣдовали фамиліи двухъ маленькихъ сотрудниковъ Отдѣла К. и С. О, эти К. и С., изъ которыхъ одинъ былъ натуральнымъ семинаристомъ, а другой числился по паспорту болгариномъ, — какъ часто приходилось встрѣчать ихъ имена въ доносахъ на Отдѣлъ Пропаганды, сколько получили мы по поводу нихъ бумагъ за сургучной печатью „совершенно секретно“ и „въ собственныя руки“!—Послѣ евреевъ у насъ всего охотнѣе искали офицеровъ, не желающихъ итти на фронтъ. Офицеровъ у насъ было, дѣйствительно, много, и при данныхъ условіяхъ поголовной милитаризаціи и фактическаго устраненія цѣлыхъ категорій гражданскихъ работниковъ это было болѣе, чѣмъ естественно. Но въ огромномъ большинствѣ это были такъ называемые „категорные“ офицеры, то есть негодные къ строю по состоянію здоровья, или солидные штабъ-офи-

церы. Съ большими хлопотами и непріятностями мы добивались освобожденія отъ строя очень немногихъ нужныхъ намъ молодыхъ людей въ офицерской формѣ и получали отсрочки для нѣкоторыхъ низшихъ служащихъ. Это еще больше сужало рамки возможнаго выбора активныхъ работниковъ пропаганды, дѣлая, въ частности, составленіе надлежащаго кадра агитаторовъ вообще не мыслимымъ. А въ тоже время рядомъ съ нами въ тыловыхъ военныхъ учрежденіяхъ, въ разныхъ штабахъ и спеціальныхъ частяхъ, желѣзнодорожныхъ, авіаціонныхъ, автомобильныхъ, болталось сколько угодно здоровыхъ офицеровъ, сохранявшихъ очень воинственный видъ и не вызывавшихъ ничьего негодованія. Намъ рекомендовали иногда, въ качествѣ выхода изъ затрудненія, привлеченіе, особенно на должности начальниковъ отдѣленій, „мѣстныхъ“ людей, „общественныхъ“ дѣятелей. Опыты въ этомъ смыслѣ дѣлались, и неудачно. „Мѣстные“ люди, такова ужъ ихъ природа, обычно партійны и слишкомъ близко прикосновенны къ сложному переплету провинціальныхъ общественно-политическихъ отношеній, и для нашей „надпартійной“ работы оказывались непригодны. Пожилые генералы и полковники, раненые офицеры, штатскіе интеллигенты, почему либо свободные отъ военной службы, — только должности высшихъ четырехъ классовъ (о пятомъ шли споры) освобождали у насъ отъ призыва въ войска, — и дамы, дамы безъ конца, — таковъ былъ резервъ чиновъ Отдѣла Пропаганды. Я рѣшаюсь тѣмъ не менѣе утверждать, что, несмотря на все это, нападки на нашъ персоналъ грѣшатъ большими преувеличеніями. У насъ были, главнымъ образомъ на мѣстахъ, невѣжественные лодыри и „пристроившіеся“ паразиты; были люди съ пониженнымъ чувствомъ отвѣтственности и склонностью къ злоупотребленіямъ. Едва ли ихъ было у насъ больше, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ. Въ общей же массѣ это были честные и добросовѣстные труженники, которые прилежно учились своему новому, невиданному дѣлу, и, будь на лицо другія техническія и политическія условія, очень многіе изъ нихъ выросли бы

въ настоящихъ, опытныхъ спеціалистовъ. Я не говорю уже про нашъ центръ, въ спискахъ котораго, къ удовольствію и гордости руководителей Отдѣла, числилось нѣсколько выдающихся дѣятелей искусства, науки и литературы.

Техническія условія, съ которыми намъ приходилось считаться, были изъ рукъ вонъ плохи. Телеграфъ на Югѣ Россіи почти не дѣйствовалъ, и наша телеграфная информація была въ значительной степени парализована. Ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ являлась однимъ изъ тягчайшихъ испытаній, а безъ курьерской службы мы не могли существовать. Отъ курьеровъ, развозившихъ нашу литературу, требовались исключительная физическая сила, настойчивость и выносливость. Изъ каждой выѣхавшей партіи половина возвращалась больными тифомъ, испанкой, воспаленіемъ легкихъ. Бумаги никогда не хватало. На внутреннемъ рынкѣ ея почти не было, цѣны были дикія, и совсѣмъ ничтожныя количества бумаги удавалось со скандаломъ и крикомъ пріобрѣтать путемъ реквизиціи. Къ организаціи же планомѣрнаго ввоза бумаги изъ за-границы, на началахъ товарообмѣна, нашъ правительственный аппаратъ оказался совершенно неспособнымъ. Еще весною 1919 года я доказывалъ въ Особомъ Совѣщаніи, что вопросъ о снабженіи Юга Россіи бумагой есть вопросъ государственной важности, требующій пристальнаго вниманія правительства. Конечно, со мной всѣ согласились, а М. М. Федоровъ прямо загорѣлся и заявилъ, что надо поставить дѣло правильно и широко и возстановить въ той или иной формѣ Бумажный Комитетъ. Онъ направилъ ко мнѣ очень симпатичнаго старичка, большого спеціалиста по бумажному дѣлу. Спеціалистъ обстоятельно и убѣдительно доказалъ мнѣ необходимость уже теперь заботиться о возрожденіи бумажной промышленности и, въ частности, изложилъ великолѣпный планъ созданія бумажныхъ фабрикъ въ Черноморской губерніи; онъ ничего, конечно, не сказалъ, гдѣ и какъ достать сейчасъ нужные для пропаганды запасы бумаги. Потомъ все это дѣло какъ то заглохло, и мы кое какъ изворачивались своими средствами.

А благодаря вѣчному бумажному голоду, мы задерживали многія изданія и то, что издавали, издавали въ завѣдомо недостаточныхъ количествахъ, выпуская вмѣсто милліоновъ сотни и даже десятки тысячъ экземпляровъ. Здѣсь была одна изъ главныхъ причинъ „отсутствія" литературнаго матеріала, на которое вѣчно жаловались и фронтъ, и тылъ. Попытки наладить правильное снабженіе информаціоннымъ матерьяломъ за-границу тоже разбивались объ эту проклятую „технику". Очень долго мы пробавлялись курьерами. Отдѣлъ Генеральнаго Штаба Военнаго Управленія два раза въ мѣсяцъ отправлялъ за-границу офицеровъ — курьеровъ. Эти курьеры не любили нашихъ громоздкихъ пакетовъ съ газетами, сводками, плакатами, фотографіями. А потомъ въ движеніи ихъ по Европѣ былъ какой то органическій порокъ, вѣроятно, связанный съ повсемѣстнымъ разстройствомъ сообщеній и съ паспортными формальностями. Такъ или иначе, но пакеты наши частью вовсе не доходили по назначенію, частью получались съ чудовищнымъ опозданіемъ. Огромною радостью было для насъ поэтому узнать, что съ 1 ноября 1919 года мощная радіостанція въ Николаевѣ будетъ ежедневно разсылать свои радіо по всему міру. Съ 1 ноября наша информаціонная часть ежедневно посылала въ Таганрогъ въ Штабъ Главнокомандующаго текстъ нашего сообщенія и изъ Штаба оно по прямому проводу должно было передаваться въ Николаевъ. Скоро намъ сообщили, что Николаевъ „связался" почти со всѣми крупными радіо-станціями Европы, большинство изъ которыхъ уже „отвѣчаетъ". Результаты получились, однако, самые плачевные. Правда, мы видѣли наши радіо въ закавказскихъ газетахъ. Но до европейскихъ центровъ, Парижа и Лондона, не доходило ничего. Изъ Лондона намъ было объяснено, что просто Николаевъ не сумѣлъ заставить себя „слушать", „врывался въ чужіе разговоры" и только все путалъ. П. Н. Милюковъ сурово, но совершенно справедливо писалъ, что эта неудача съ радіотелеграфомъ является лучшимъ доказательствомъ нашей технической бездарности. Такъ

вотъ мы и работали. Одинъ видный политическій дѣятель сказалъ мнѣ весной: „Прежде всего, вамъ надо наладить заграничную почту“. Да, несомнѣнно, если бы удалось наладить заграничную, да за-одно и внутреннюю почту, желѣзнодорожное сообщеніе и внѣшнюю торговлю, то пропагандѣ было бы легче. Но не одному же Отдѣлу Пропаганды было брать на себя эту титаническую задачу!

Бороться со всѣми этими матеріальными и техническими трудностями было бы легче, если бы наша дѣятельность протекала въ иной моральной атмосферѣ. Трагизмъ нашего положенія состоялъ въ томъ, что ни съ чьей стороны, отъ высшихъ чиновъ ставки до послѣдняго стражника, мы не встрѣчали пониманія, сочувствія и поддержки. Еще съ временъ С. С. Чахотина установилось у всѣхъ нашихъ вѣдомствъ къ „Освагу“ какое то злорадное и легкомысленно-пренебрежительное отношеніе. Несмотря на то, что работа Отдѣла Пропаганды имѣла мало общаго съ работой стараго „Освага“, это отношеніе было сразу перенесено и на насъ. Играли здѣсь роль и раздраженіе противъ безпокойнаго, вездѣсущаго сосѣда, и склонность обобщать отдѣльные случаи ошибокъ и злоупотребленій, и добросовѣстное непониманіе, и просто грубое невѣжество. Такъ или иначе, но фактъ тотъ, что пропаганда работала, вѣчно состоя „подъ подозр ѣніемъ“ осыпаемая отборною бранью скорострѣльныхъ генеральскихъ резолюцій и цѣлымъ дождемъ доносовъ, и что на каждаго, самаго скромнаго, ея служащаго были отовсюду направлены сильнѣйшія подзорныя трубы и яркіе лучи прожекторовъ. Значительная часть моего времени уходила на то, чтобы отписываться отъ самыхъ низменныхъ пасквилей, и каждый день я находилъ на своемъ письменномъ столѣ очередную порцію грозныхъ запросовъ и резолюцій. Гавасъ и Рейтеръ, Вольфъ и Корръ-Бюро иногда ошибаются, иногда пускаютъ въ свѣтъ болѣе или менѣе непровѣренныя сенсаціи. Но стоило нашему Прессъ-Бюро допустить малѣйшую неточность, и тотчасъ же ко мнѣ летѣли резолюціи, клеймившія эту „возмутительную“, „провокаціонную“ (у насъ всегда и вездѣ чуяли

„провокацію"), ложь и требовавшія „опроверженій" и „объясненій". Всѣмъ прекрасно было извѣстно, что въ большей части мѣстностей Юга Россіи нельзя было что называется „сунуться" дальше уѣздныхъ городовъ и желѣзнодорожныхъ станцій безъ риска быть убитымъ или ограбленнымъ, и что, кромѣ того, поѣздки по сельскимъ мѣстностямъ стоили чрезвычайно дорого. Это не мѣшало всякимъ военнымъ и гражданскимъ начальствамъ неутомимо писать по инстанціямъ, что Отдѣлъ Пропаганды ограничивается устройствомъ эффектныхъ витринъ въ городахъ, пренебрегая „деревней". Зато горе проникшему въ деревню „освагу", если онъ допускалъ какую-нибудь оплошность. Помню такой случай: работавшій въ одномъ агитаціонномъ отрядѣ приватъ-доцентъ N. выступалъ на сходѣ гдѣ-то въ Свято-Крестовскомъ уѣздѣ Ставропольской губерніи и сказалъ нѣсколько неудачныхъ безтактныхъ фразъ. Немедленно застрочили соотвѣтствующія перья, и изъ Управленія Внутреннихъ Дѣлъ я получилъ любезное извѣщеніе, что тамъ то и тамъ то такой то приватъ-доцентъ N. произнесъ такія то неподобныя вещи. Я послалъ кому слѣдуетъ запросъ, но, признаюсь, внутренно порадовался безспорному доказательству „проникновенія въ деревню" пропаганды. Съ тѣхъ поръ я сталъ получать отъ всевозможныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ бумаги о приватъ-доцентѣ N. Послѣдняя, кажется, пятая по счету, была украшена генеральской резолюціей: „Надо бы убрать эту дубину". — Нечего и говорить, что Отдѣлъ Пропаганды не пользовался сочувствіемъ казачьихъ правительствъ. Пока Отдѣломъ управлялъ Н. Е. Парамоновъ, избранный товарищемъ предсѣдателя Большого Войскового Круга, отношенія съ Дономъ у пропаганды были нормальны. Но стоило во главѣ Отдѣла стать мнѣ, и Донъ пожелалъ имѣть свой собственный „Донотосъ". Мы вели долгіе и скучные переговоры съ Войсковымъ Правительствомъ о согласованіи дѣятельности нашихъ организацій. Но въ миніатюрѣ у насъ повторилась та же неудача, которая въ большомъ масштабѣ постигала всѣ „согласительные" переговоры между Главнымъ Командованіемъ и казачествомъ.

Отдѣлъ Пропаганды и донской Отдѣлъ Освѣдомленія стали работать параллельно. Потомъ Кубань завела свой „Копъ“ — такъ благозвучно назывался Кубанскій Отдѣлъ Пропаганды, ведшій систематическую и злобную травлю Главнаго Командованія. Позднѣе всѣхъ заговорилъ о своемъ собственномъ Отдѣлѣ Освѣдомленія Терекъ, который, кажется, такъ и не успѣлъ осуществить свои проекты. Само собою разумѣется, между нами и этими краевыми учрежденіями происходила довольно скандальная конкуренція, совершенно, однако, неизбѣжная на почвѣ принципіальныхъ разногласій и личныхъ столкновеній и дрязгъ. Въ общемъ мы далеко превосходили краевую пропаганду и матеріальными средствами и совершенствомъ организаціи. Но у краевыхъ правительствъ была въ рукахъ власть, которою они и пользовались въ ущербъ нашей работѣ и для поддержки своихъ освѣдомительно-агитаціонныхъ органовъ. Борьба велась непрестанно самыми разнобразными и часто некрасивыми способами. На Кубани дѣло доходило до настоящихъ гоненій.

* * *

Со времени моего ухода изъ Правительства генерала Деникина прошло болѣе полугода. Въ хаосѣ непристойной эвакуаціи Ростова Отдѣлъ Пропаганды развалили, и въ Новороссійскѣ онъ, какъ, впрочемъ, и всѣ другія добровольческія вѣдомства, въ полудремотномъ состояніи доживалъ свои послѣдніе дни. Потомъ новое крымское начальство расформировало его. Отдѣлъ Пропаганды отошелъ въ исторію, и я могу говорить о немъ спокойно и — думаю — безпристрастно.

И несмотря не все, что мнѣ лучше, чѣмъ кому бы то ни было, извѣстно о его ошибкахъ и недостаткахъ, я съ увѣренностью скажу, что въ теченіе 1919 года Отдѣлъ Пропаганды выполнилъ при Добровольческой Арміи огромную сумму необходимой работы. По части характера этой работы у меня было серьезное разногласіе съ однимъ изъ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ, профессоромъ Гриммомъ. Э. Д. Гриммъ полагалъ, что Отдѣлъ Пропаганды долженъ стать въ Россіи

нормальнымъ и постояннымъ государственнымъ органомъ, выполняющимъ отвѣтственную задачу политическаго воспитанія гражданъ. Я видѣлъ въ нашемъ Отдѣлѣ учрежденіе временное и боевое, только и терпимое въ чрезвычайныхъ условіяхъ напряженной междуусобной борьбы. Въ зависимости отъ усвоенія той или иной точки зрѣнія, получится, какъ мнѣ кажется, та или иная оцѣнка работы Отдѣла Пропаганды. Если исходить изъ взгляда Э. Д. Гримма, нужно будетъ признать, что она не вышла изъ подготовительной стадіи инстинктивнаго нащупыванія путей и болѣе или менѣе случайныхъ опытовъ. Принявъ мой взглядъ на дѣло, нужно согласиться, что свое боевое призваніе Отдѣлъ исполнялъ не безъ успѣха.

Работа Отдѣла Пропаганды не можетъ быть еще раскрыта во всей ея полнотѣ, но достаточно и того, что можно сказать, не опасаясь чему-нибудь повредить или кого-нибудь обидѣть. Машина Отдѣла была громоздка и безформенна. Но у нея были мощныя колеса съ большими лопастями, захватывавшими многообразныя стороны южно — русской жизни. Въ срединѣ сентября 1919 года, въ связи съ съѣздомъ начальниковъ нашихъ мѣстныхъ отдѣленій, мы устроили показательную выставку Отдѣла. Выставка была доступна только офиціальнымъ лицамъ, но и на ней мы могли, конечно, показать лишь нѣкоторыя отрасли нашей, такъ сказать, „наружной службы". Выставка произвела большое впечатлѣніе и заставила нѣкоторыхъ предубѣжденныхъ критиковъ Отдѣла измѣнить свое мнѣніе о немъ.

Деликатнѣйшей отраслью нашей работы была, вѣроятно, „политика печати". Въ этой области мы „поставили" въ широкомъ масштабѣ любопытный опытъ, изслѣдованіе и оцѣнка котораго принадлежатъ будущему. Мы снабжали печать Юга Россіи обильнымъ информаціоннымъ и литературнымъ матеріаломъ и создали, наконецъ, телеграфное агентство, функціонировавшее съ возможною въ отвратительныхъ техническихъ условіяхъ быстротою и точностью. Другія и очень разнообразныя формы освѣдомленія населенія — черезъ витрины, карты, свѣтовыя картины, портреты, художественные и печатные пла-

каты, — стали привычными элементами нашей уличной жизни техника ихъ совершенствовалась съ каждымъ днемъ; слабѣе всего до конца обстояло дѣло съ кинематографомъ, благодаря отсутствію пленки. Главнымъ порокомъ нашей печатной пропаганды, помимо ея количественной недостаточности, являлось преобладаніе въ ней злободневныхъ листовокъ и брошюръ, весьма средней литературной добротности. Но въ послѣднее время намъ удалось значительно поднять уровень пропагандистской литературы и только опять-таки техническое нищенство не позволяло намъ одновременно удовлетворять спросъ и на эфемерныя Gelegenheitsschriften, и на вещи болѣе „идеологическаго“ характера. Къ моменту бѣгства изъ Ростова въ „портфелѣ“ Отдѣла находилось много очень цѣнныхъ произведеній. Устная агитація, негласная и открытая, была сравнительно слабо развита благодаря недостатку толковыхъ агитаторовъ и квалифицированныхъ лекторовъ. Однако, если взять все, что было выполнено центромъ и отдѣленіями по части рѣчей, лекцій и докладовъ, то получатся очень внушительныя цифры. Наши агитаціонные поѣзда, для которыхъ мы съ трудомъ выклянчивали вагоны и паровозы, служили хорошей подмогой печатной и устной пропагандѣ. Болѣе всего несчастливы мы были съ работой заграницей и на фронтѣ. Ничтожность нашей заграничной дѣятельности объясняется отсутствіемъ связи, бѣдностью валютой и чрезвычайною трудностью находить людей, годныхъ для заграничной службы и одновременно пріемлемыхъ для нашей своеобразной военной — политической среды. Между фронтомъ и нами стояла глухая стѣна штабного высокомѣрія и равнодушія. Само собою очевидно, что въ прифронтовой полосѣ мы были цѣликомъ въ рукахъ военныхъ властей. Тамъ, гдѣ онѣ шли намъ навстрѣчу и помогали распространенію нашей литературы, работа шла. Но это были рѣдкія исключенія. Въ большинствѣ случаевъ мы наталкивались на желаніе все дѣлать самимъ, что часто было равносильно ничего недѣланію, на пассивность и прямое противодѣйствіе. Печатный матеріалъ, который мы, къ сожалѣнію въ слишкомъ ничтож-

номъ количествѣ посылали на фронтъ, гдѣ то застрѣвалъ и пропадалъ, не доходя до его настоящихъ адресатовъ, и войсковыя части осыпали насъ упреками, въ огромномъ большинствѣ незаслуженными. Въ іюнѣ, желая организованно преодолѣть всѣ тренія и создать твердыя формы сотрудничества, мы образовали Особую Часть Отдѣла Пропаганды при Штабѣ Главнокомандующаго, которая должна была имѣть свои мѣстныя отдѣленія. Результаты этого опыта оказались плачевными. Особая Часть тянула въ сторону сильнѣйшаго, то есть Штаба, и ея отдѣленія подъ крыломъ мѣстныхъ штабовъ „самостійничали", отрекались отъ Отдѣла и вмѣсто того, чтобы служить намъ техническими исполнительно-распредѣлительными органами, — только для этого они и были намъ нужны, — конкурировали съ гражданской пропагандой и дублировали ея работу. Въ декабрѣ на спеціальномъ совѣщаніи при Штабѣ Главнокомандующаго, которое было созвано, насколько я понимаю, съ цѣлью „добить" Отдѣлъ Пропаганды, всѣ признали неудовлетворительность такого положенія вещей и присоединились къ нашей точкѣ зрѣнія о необходимости полнаго объединенія и гражданской, и военной пропаганды въ одномъ гражданскомъ учрежденіи. Для того, чтобы провести въ жизнь этотъ единственно правильный принципъ, времени уже не хватило. Но я сомнѣваюсь, чтобы, при господствовавшемъ у насъ пренебреженіи военнаго элемента къ гражданскому, изъ этого могло выйти что-нибудь путное. Я упустилъ бы быть можетъ самое главное, если бы не упомянулъ, наконецъ, еще объ одной нашей функціи, какъ будто и не связанной непосредственно съ дѣломъ пропаганды. Я разумѣю такъ называемую „информацію вверхъ", которая была бѣльмомъ на глазу у нашего департамента полиціи, стыдливо скрывавшагося подъ псевдонимомъ Гражданской Части Государственной Стражи. Она давалась замкнутому кругу офиціальныхъ лицъ въ формѣ сводокъ разной степени секретности, составлявшихся на основаніи донесеній съ мѣстъ. Наиболѣе секретныя изъ этихъ сводокъ, касавшіяся дѣятельности политическихъ партій и

организацій, изготовлялись только въ двухъ экземплярахъ, для управляющаго Отдѣломъ и для предсѣдателя Особаго Совѣщанія, который представлялъ ихъ Главнокомандующему. Здѣсь мы тоже были сначала кустарями, и лишь постепенно приближались къ желательному уровню фактичности и грамотности. Но все же у насъ напрасно пренебрегали сводками Отдѣла Пропаганды. Въ нихъ своевременно отмѣчались тѣ явленія политическаго и моральнаго развала, трагическое нагроможденіе которыхъ содѣйствовало нашему конечному краху. Руководители Отдѣла Пропаганды имѣли печальное преимущество яснѣе другихъ наблюдать теченіе этого грознаго процесса.

Мнѣ думается, что, если принять въ расчетъ всѣ эти отрасли работы Отдѣла Пропаганды, придется признать вздорными толки о его „чудовищной“ стоимости. Наши финансисты, которые руководились началами скорѣе домашней, чѣмъ „политической“ экономіи и которые своимъ фанатическимъ скопидомствомъ, не поднявъ русскаго рубля, чрезвычайно помогли моральной депрессіи всего фронта и тыла, любили говорить о милліонахъ, поглощаемыхъ Отдѣломъ. Я могу привести цифры. Съ 19 января по 1 декабря 1919 года Отдѣлъ пропаганды стоилъ ровнымъ счетомъ 211 милліоновъ донскихъ рублей, падавшихъ съ каждымъ днемъ. Это составитъ въ среднемъ 21 милліонъ въ мѣсяцъ. На нашу смѣту очень часто относили расходы другихъ учрежденій. Въ ноябрѣ одна заграничная миссія Главнаго Командованія, которую тоже великодушно отнесли на нашъ бюджетъ и которая, кажется, не проѣхала дальше Парижа, стоила намъ пять милліоновъ рублей. Мы тратили огромныя деньги на бумагу, типографскія работы и другую „технику“, о стоимости которой имѣютъ представленіе спеціалисты. Къ моменту катастрофы Отдѣлъ Пропаганды владѣлъ четырьмя оборудованными поѣздами, нѣсколькими типографіями, значительными запасами бумаги, огромнымъ и разнообразнымъ инвентаремъ. Не наша вина, что это имущество, оцѣниваемое во много десятковъ милліоновъ, частью погибло, частью было

расхищено, частью досталось большевикамъ. Если вычесть его стоимость, „чистаго" расхода получится и уже сравнительно совсѣмъ немного.

* * *

Сейчасъ почти что признакомъ хорошаго тона считается бранить „Освагъ" и высокомѣрно третировать „осважниковъ". Это совершенно естественно. Пропаганда дѣло живое, подвижное, бьющее въ глаза, и понятно, что бьютъ въ глаза и ея ошибки, и неудачи. Ошибки и неудачи, вѣроятно, были на Югѣ Россіи не только у одного Отдѣла Пропаганды. Но чтобы критиковать работу другихъ нашихъ вѣдомствъ, признается все же необходимымъ что-нибудь знать о ней. „Освагъ" можно просто ругать, съ кондачка, часто недобросовѣстно, часто ничего не смысля ни въ характерѣ его дѣятельности, ни въ каторжныхъ условіяхъ, при которыхъ она протекала. А въ то же время ни съ кѣмъ такъ жестоко не расправлялись красные, какъ съ попадавшими въ ихъ руки злополучными сотрудниками Отдѣла Пропаганды, многіе изъ которыхъ кровью запечатлѣли свое патріотическое служеніе, и теперь, судя по газетнымъ сообщеніямъ, большевики подрядъ разстрѣливаютъ каждаго, не успѣвшаго эвакуироваться или не сумѣвшаго скрыться „освага". Месть большевиковъ; какъ и ненависть „самостійниковъ", какъ и бѣшенная кампанія, которая въ теченіе всего 1919 года съ разныхъ сторонъ велась за овладѣніе могучимъ техническимъ аппаратомъ Отдѣла Пропаганды, даютъ его работникамъ право, несмотря на всѣ ихъ заблужденія и промахи, спокойно ждать дѣловой и безпристрастной оцѣнки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ТРЕВОГИ И КОЛЕБАНІЯ.

Разсказъ объ Отдѣлѣ Пропаганды увелъ меня далеко впередъ отъ первыхъ чиселъ марта.

Трехмѣсячный періодъ, мартъ, апрѣль, май 1919 года, былъ богатъ самыми разнообразными событіями и впечатлѣніями, военными и политическими, радостными и горестными. Онъ начался при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Неудачи на донскомъ фронтѣ продолжались. Несмотря на перемѣну въ правительствѣ и высшемъ командномъ составѣ, донскія части сражались вяло, а иногда и вовсе отказывались сражаться, и красные постепенно приближались къ жизненнымъ центрамъ области. Новочеркасскъ находился въ опасности, разъѣзды противника были недалеко отъ Батайска, угрожая прервать связь между Ростовомъ и Екатеринодаромъ и отрѣзать добровольцевъ, по прежнему стойко оборонявшихъ насъ съ запада. Я часто бывалъ въ это время въ Ростовѣ. Буржуазія „паникировала“ во всю. Состоятельные люди сидѣли на чемоданахъ, то распаковывая, то запаковывая ихъ. Нѣкоторые уже бѣжали въ Екатеринодаръ и Новороссійскъ и оттуда въ Крымъ и даже за-границу. Былъ моментъ, когда у насъ въ Отдѣлѣ Пропаганды серьезно обсуждались мѣры къ обезпеченію эвакуаціи служащихъ и ихъ семей. Суетливыя распоряженія Войскового Правительства и демагогическія рѣшенія Круга сѣяли въ обществѣ еще большую смуту. Сегодня закрывали кинематографы и театры, лишая публику осмысленныхъ развлеченій и выбрасывая на улицу сотни нуждающихся людей. Завтра обрушивались на кафэ и рестораны, которые, конечно, тотчасъ же возрождались, замѣнивъ на

вывѣскахъ слово „ресторанъ“ или „кафэ“ словомъ „столовая“. А главное, мобилизовали, мобилизовали безъ конца, не будучи въ состояніи ни провести, какъ слѣдуетъ, мобилизаціи, благодаря вялости правительственнаго аппарата и массовымъ злоупотребленіямъ, ни толкомъ использовать собираемый человѣческій матеріалъ. Мобилизовывали бѣженцевъ, студентовъ, фельдшерицъ, просто всѣхъ жителей до 48 лѣтняго возраста. Воспрещали выѣздъ изъ Ростова, устраивали облавы, провѣряли документы. Мобилизовывали и тутъ же ревизовали мобилизацію черезъ спеціальныя комиссіи съ экстраординарными полномочіями. Въ Ростовѣ одновременно подвизались двѣ такихъ комиссіи, быстро составившихъ себѣ громкую репутацію.

Въ послѣднихъ числахъ марта положеніе еще болѣе ухудшилось. Потокъ бѣженцевъ изъ Ростова столкнулся въ Новороссійскѣ со встрѣчнымъ потокомъ изъ Одессы и Крыма, и получился сумасшедшій водоворотъ выбитыхъ изъ колеи, нервныхъ и озлобленныхъ людей. Пребываніе союзныхъ войскъ въ Одессѣ и въ Крыму завершилось совершеннымъ неприличіемъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ закулисныхъ интригъ противъ Главнаго Командованія и безотвѣтственнаго заигрыванія съ украинцами, французы „увидѣли себя вынужденными“ взять въ Одессѣ власть въ свои руки и, отправивъ генераловъ Санникова и Гришина-Алмазова „въ распоряженіе“ генерала Деникина, назначили губернаторомъ генерала Шварца. Нѣсколько дней спустя, они стремительно эвакуировались, сдавъ городъ большевикамъ. Русскія войска частью кое какъ спаслись на пароходахъ, частью отступили сухимъ путемъ къ румынской границѣ. То же самое, съ небольшими варьянтами, повторилось затѣмъ въ Крыму. Гордыя завѣренія о своемъ намѣреніи оставаться до конца, намеки на предстоящую форменную оккупацію, и въ результатѣ, вмѣсто оккупаціи, бѣгство. Немногочисленные добровольческіе отряды отошли на Керчь и тамъ прочно укрѣпились.

Сейчасъ трудно даже себѣ представить размѣры и характеръ впечатлѣнія, произведеннаго у насъ этими одесско-

крымскими событіями. Военные „авторитеты“ сохраняли спокойствіе. Они говорили, что удерживать Одессу и Крымъ небольшими силами было все равно очень нелегко, и что „сотрудничество“ съ французскими генералами было дѣломъ безнадежнымъ. Находились люди, которые благопріятно оцѣнивали случившееся и съ точки зрѣнія нашей внутренней политики. Въ концѣ концовъ, доказывали они, уходъ иностранцевъ уясняетъ положеніе и выравниваетъ для насъ почву. Крымская эвакуація „смыла“ мѣстное правительство: однимъ препятствіемъ стало меньше для утвержденія полноты гражданской власти Главнокомандующаго. Да и вообще участіе иноземцевъ въ гражданской войнѣ, собственно, нежелательно.

Но впечатлѣніе на массу было произведено и оно оказывало на общественную психику самое разлагающее дѣйствіе. Слишкомъ долго кормили мы публику теоріей о солидарности союзниковъ съ нами въ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ, слишкомъ упорно доказывали ей, что союзники только и дѣлаютъ, что ждутъ момента и ищутъ мѣста, чтобы помочь намъ. Союзники ушли, и эта чудесная фантасмагорія разомъ рушилась. Особенно тяжко было душевное состояніе нашихъ офиціальныхъ и общественныхъ энтузіастовъ „союзнической оріентаціи“. Они всегда оплакивали или клеймили „грѣхопаденіе“ П. Н. Милюкова, съ подлиннымъ моральнымъ пафосомъ провозглашали незыблемость союзныхъ соглашеній и до сихъ поръ жили воспоминаніями о московскихъ переговорахъ 1918 года о возсозданіи восточнаго фронта. Они забывали, что тѣмъ временемъ кончилась міровая война, что во всѣхъ западныхъ странахъ подняли голову соціалисты — соглашатели, и что французскій солдатъ тоже захотѣлъ домой. Они, однако, не отказались отъ своихъ иллюзій. Иные изъ нихъ мужественно объясняли происшедшее „недоразумѣніемъ“. Другіе спѣшно отступали на англійскія позиціи. Французы ушли. Зато англичане съ нами. Англія снабжаетъ насъ вооруженіемъ и обмундированіемъ, и въ Екатеринодарѣ у насъ есть такіе вѣрные друзья, какъ генералъ Бриггсъ и

полковникъ Кійзъ. А посмотрите, какъ выгодно отличались во время этой злополучной эвакуаціи отъ растерянности и безсердечія французовъ порядокъ и предупредительность англичанъ. Публика плохо вѣрила этимъ утѣшеніямъ. Разочарованіе было глубоко и откуда то снизу, изъ темныхъ, „подсознательныхъ" нѣдръ политики неудержимо поднималась волна „германской оріентаціи". У насъ въ Ростовѣ во всѣхъ „столовыхъ" только и шептались, что о помощи Германіи. Къ чему было бы спрашивать, откуда, какъ, въ какомъ видѣ придетъ эта помощь изъ обезсиленной, побѣжденной страны, взятой въ желѣзные тиски союзническаго контроля? Всѣмъ было извѣстно, что въ ставку „прибыла" германская делегація, что фельдмаршалъ Гинденбургъ „прислалъ письмо" генералу Деникину и что на помощь къ намъ „спѣшитъ" 100-тысячная германская армія . . .

Съѣздивъ въ Екатеринодаръ, я каждый разъ возвращался въ Ростовъ съ новымъ запасомъ бодрости духа. Я видѣлъ генерала Деникина спокойнымъ и жизнерадостнымъ. Онъ много и весело шутилъ и однажды въ среду сказалъ Н. И. Астрову, выражавшему какія то сомнѣнія: „Не бойтесь, Николай Ивановичъ, все будетъ въ порядкѣ, и я буду у васъ въ Москвѣ чай пить". Въ серединѣ апрѣля Главнокомандующій уѣхалъ на фронтъ въ Тихорѣцкую, чтобы лично руководить операціей въ направленіи на Торговую и Великокняжескую. Операція удалась блестяще. Противникъ былъ отброшенъ, Донъ сразу вздохнулъ свободнѣе, и въ первыхъ числахъ мая неутомимая конница генерала Врангеля уже двигалась къ Царицыну. Въ соотвѣтствіи съ новымъ масшабомъ военныхъ дѣйствій Добровольческій корпусъ генерала Май-Маевскаго былъ развернутъ въ Добровольческую Армію; Кавказская Добровольческая Армія была переименована въ Кавказскую Армію — фактически она состояла почти цѣликомъ изъ кубанцевъ. Въ маѣ для всѣхъ стало ясно, что мы вступили въ полосу крупнѣйшихъ военныхъ успѣховъ.

Пока такимъ образомъ развертывались событія на фронтѣ, въ тылу продолжалась работа по гражданскому устройству „мѣстностей, находящихся подъ Верховнымъ Управленіемъ Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи".

Въ теченіе марта мѣсяца генералъ Деникинъ утвердилъ цѣлый рядъ законовъ основного значенія по организаціи мѣстнаго управленія — „Временное Положеніе о Гражданскомъ Управленіи", „Временное Положеніе о Государственной Стражѣ", „Временное Положеніе объ Общественномъ Управленіи Городовъ", „Временное Положеніе о выборахъ Городскихъ Гласныхъ", „Правила объ упрощенномъ по обстоятельствамъ военнаго времени Управленіи Городскимъ Хозяйствомъ". За исключеніемъ Положенія о Государственной Стражѣ, составленнаго уже въ нѣдрахъ Управленія Внутреннихъ Дѣлъ, всѣ эти законодательные акты были разработаны при руководящемъ вліяніи Національнаго Центра и на основаніи матеріаловъ, подготовленыхъ еще на сѣверѣ. Я рекомендую ихъ вниманію лицъ, занимающихся русскимъ административнымъ правомъ. Несмотря на многочисленныя погрѣшности въ отношеніи редакціи и системы, несмотря на неудачи, постигшія насъ при примѣненіи ихъ на практикѣ, они представляютъ собою выдающійся интересъ по сознательно проведеннымъ въ нихъ основнымъ идеямъ — объединенія на мѣстахъ высшей военной и гражданской власти въ лицѣ Главноначальствующаго, „деконцентраціи" власти путемъ созданія должности начальника уѣзда, сосредоточенія въ рукахъ командующаго Государственной Стражей всего дѣла охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности, созданія достаточно свободнаго въ отведенной ему сферѣ городского самоуправленія, подчиненнаго, однако, дѣйствительному надзору государства. Къ сожалѣнію, все это осталось въ значительной степени теоріей, и мѣстная жизнь по своему претворила и извратила плоды нащихъ законодательныхъ усилій. Весною 1919 года подъ Верховнымъ Управленіемъ Главнокомандующаго находились по существу все тѣ-же двѣ губерніи, Ставропольская и Черноморская. Клочекъ Закаспій-

ской области, куда мы послали деньги и нѣсколько начальствующихъ лицъ, почти не былъ связанъ съ нами въ административномъ отношеніи. Терско-Дагестанскій Край можно тоже не считать. Онъ еще не вышелъ изъ состоянія военно-административнаго хаоса, и, въ связи съ превратностями переговоровъ съ казаками и борьбы съ горцами, его территорія служила ареной всевозможныхъ экспериментовъ, а не нормальнаго управленія. Но въ двухъ нашихъ „основныхъ“ губерніяхъ какой-нибудь порядокъ, повидимому, уже могъ бы отстояться. Въ южной части Черноморскаго побережья почти не прекращались столкновенія съ грузинами. Въ непосредственной близости къ Ставріи тоже еще продолжались военныя дѣйствія. Присутствіе оперирующихъ или только проходящихъ войскъ всегда влечетъ за собой милитаризацію власти, и поставить управленіе хотя бы этими двумя губерніями на гражданскую ногу не удавалось. Съ новыми учрежденіями уголовнаго розыска переплетались органы контръразвѣдки. Рядомъ съ чинами администраціи и стражи дѣйствовали вездѣсущіе и всемогущіе коменданты. Людей не было, денегъ не хватало. Отовсюду неслись жалобы то на бездѣйствіе, то на злоупотребленія властей. Населеніе озлоблялось и, постепенно уходя изъ нашихъ рукъ, „зеленѣло“.

„Зеленые“ объявились сначала въ Кубанской области, гдѣ кадры ихъ составили иногородніе, не желавшіе драться и уклонявшіеся отъ мобилизаціи. Потомъ, это движеніе стало распространяться къ югу по Черноморской губерніи, гдѣ лѣса и горы позволяли „зеленымъ“ легко укрываться отъ карательныхъ отрядовъ. Составъ „зеленыхъ“ былъ такъ же разнороденъ, какъ неодинаковъ былъ образъ ихъ дѣйствій. Къ нимъ примыкалъ всякій людъ,—отъ обыкновенныхъ бандитовъ до утомленныхъ гражданской войной „пасифистовъ“ и анархистовъ, „не пріемлющихъ“ власти. Однѣ изъ шаекъ „зеленыхъ“ грабили и убивали безъ всякаго разбора, другія враждовали только съ стражей и съ воинскими чинами и щадили мѣстное населеніе, которое въ такихъ случаяхъ охотно „покрывало“ ихъ. Было отмѣчено, что на югѣ у черно-

морскихъ „зеленыхъ“ были какія то неясныя политическія связи, повидимому, эсъ-эровскаго толка. Отъ кубанскихъ „зеленыхъ“ протягивались какъ будто незримыя нити къ „самостійникамъ“. Наше начальство, и мѣстное, и высшее, относилось къ движенію „зеленыхъ“ упрощенно и прямолинейно. Оно не разглядѣло въ немъ стихійнаго проявленія соціальной смуты и народнаго утомленія.

Въ началѣ мая я былъ въ Ставрополѣ на губернскомъ съѣздѣ представителей патріотическихъ обществъ „За Россію“. Въ Ставропольской губерніи работалъ въ это время особый агитаціонный отрядъ, широко развившій наружную, гласную пропаганду. Въ дѣятельности его было много показного, но его сотрудники, несомнѣнно, „проникали въ деревню“ и будировали и заинтересовывали населеніе. Сообщенія агитаторовъ и лекторовъ не оставляли и тѣни сомнѣнія на счетъ того, что съ администраціей дѣло обстоитъ въ губерніи неблагополучно. Тамъ же въ Ставрополѣ я встрѣтилъ А. А. Эйлера, объѣзжавшаго губернію по порученію Управленія Внутреннихъ Дѣлъ. Его впечатлѣнія были мрачны, онъ говорилъ мнѣ, что, не сумѣвъ справиться съ Ставропольской губерніей, мы доказали свое полное административное банкротство. А. А. Эйлеръ представилъ соотвѣтствующій докладъ своему начальству. Я говорилъ лично съ Главнокомандующимъ и передалъ ему спеціальный обзоръ, составленный начальникомъ нашего агитаціоннаго отряда. На одной изъ средъ генералъ Деникинъ поднялъ вопросъ о положеніи на мѣстахъ. Но все ограничилось словами. Надо признаться, что громъ военныхъ побѣдъ заглушалъ голосъ недовольной „провинціи“.

* * *

Но было бы несправедливо сказать, что Особое Совѣщаніе не испытывало никакой тревоги и спокойно почивало на лаврахъ. Совсѣмъ напротивъ, у насъ въ центрѣ тоже очень явственно ощущалось чувство общей неудовлетворенности. Въ Особомъ Совѣщаніи то и дѣло возникали довольно

острыя пререканія. Раздавались жалобы на непорядки въ области снабженія. Много толковъ вызывала исторія съ разгрузкой Новороссійскаго порта, гдѣ скоплялось и, частью, расхищалось военное имущество, доставляемое намъ союзниками. Уже была назначена сенаторская ревизія интендантства, распространенная затѣмъ и на дѣятельность Новороссійской Базы.

Въ серединѣ апрѣля у насъ получилось, наконецъ, нѣчто вродѣ правительственной программы. 24 марта генералъ Деникинъ, который всегда лично редактировалъ отвѣтственные акты, отъ него исходившіе, облекъ въ форму программныхъ писемъ на имя предсѣдателя Особаго Совѣщанія результаты долгихъ предварительныхъ сужденій по вопросамъ — земельному и рабочему. Отъ этихъ двухъ писемъ у насъ пошли многосложныя и многотрудныя работы комиссій. На Святой Недѣлѣ была подписана Главнокомандующимъ и всѣми членами Особаго Совѣщанія такъ называемая „декларація“ о „цѣляхъ, какія преслѣдуетъ Командованіе Вооруженными Силами на Югѣ Россіи въ вооруженной борьбѣ съ совѣтской властью и въ государственномъ строительствѣ“. Подъ этимъ безобиднымъ памятникомъ нашего либерализма, предназначеннымъ „для экспорта“, нѣтъ моей подписи, и я не знаю, жалѣть ли мнѣ объ этомъ. Меня не было въ Екатеринодарѣ въ моментъ составленія „декларації“, но отъ товарищей мнѣ пришлось услышать, что возникла она какъ то „вдругъ“, что часто у насъ случалось съ важнѣйшими правительственными актами и, къ сожалѣнію, подъ воздѣйствіемъ иностранцевъ. Представители союзныхъ правительствъ при ставкѣ указали Главному Командованію на желательность такимъ либеральнымъ заявленіемъ разсѣять подозрѣнія насчетъ нашей „реакціонности“ и, если не ошибаюсь, наиболѣе предпріимчивые изъ нихъ набросали свои тексты. Изъ разныхъ варьянтовъ составился сводный „списокъ“, который опять таки лично проредактировалъ генералъ Деникинъ и къ которому присоединилось Особое Совѣщаніе. Получился документъ изъ семи пунктовъ; въ первыхъ двухъ

опредѣлялись цѣли вооруженной борьбы — уничтоженіе большевистской анархіи, водвореніе въ странѣ правового порядка и возстановленіе могущественной Единой и Недѣлимой Россіи; въ слѣдующихъ пяти кратко излагалась программа „государственнаго строительства" — созывъ народнаго собранія на основахъ всеобщаго избирательнаго права, областная автономія и широкое мѣстное самоуправленіе, гарантія полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданія, немедленный приступъ къ земельной реформѣ для устраненія земельной нужды трудящагося населенія, немедленное проведеніе рабочаго законодательства, обезпечивающаго трудящіеся классы отъ эксплоатаціи ихъ государствомъ и капиталомъ. Все это было болѣе или менѣе безспорно и въ то-же время достаточно неопредѣленно. Особенно туманно звучало обѣщанное въ п. III „Народное Собраніе", Я просилъ у Главнокомандующаго дополнительныхъ данныхъ для надобностей пропаганды и получилъ указаніе — распространять дословно текстъ декларацiи. Мы это и дѣлали въ изобиліи. Но нужно сознаться, что наши лекторы и агитаторы отнеслись къ дѣлу проще и фактически дешифрировали „Народное" собраніе, какъ „учредительное". Въ кругахъ „Національнаго Центра" признавали недостаточность этого „перваго шага". Говорили, что за краткой по необходимости программой для „внѣшняго употребленія" должна обязательно послѣдовать другая, болѣе подробная и точная. Нѣкоторые находили даже ошибочнымъ широкое распространеніе текста, предназначеннаго только для освѣдомленія союзныхъ правительствъ. Иностранные вдохновители „декларацiи" ожидали отъ нея самаго благотворнаго дѣйствія. Я былъ въ эти дни у полковника Кійза. Этотъ „другъ Россіи" отличался прямодушною рѣзкостью, которую иные называли просто грубостью. Начальственнымъ тономъ онъ прочелъ строгую нотацію Отдѣлу Пропаганды, который „ничего не сдѣлалъ", и съ понятной гордостью намекнулъ на то, что онъ, полковникъ Кійзъ, „вчера сдѣлалъ для пропаганды". Если бы, добавилъ онъ, „это" было сдѣлано нѣсколькими мѣсяцами раньше, наше международное положеніе

было бы совсѣмъ другое. Я думаю, полковникъ Кійзъ ошибался. Мнѣ всегда казалось, что Европа относилась къ намъ такъ или иначе, въ зависимости отъ нашихъ военныхъ успѣховъ. Какою политикой они добывались, реакціонной или либеральной,—это было уже всецѣло наше внутреннее дѣло.

Но самое любопытное было то, что появленіе трехъ правительственныхъ актовъ программнаго характера отнюдь не повлекло за собой дѣйствительнаго сплоченія правительства и не сообщило твердаго и единаго направленія работѣ нашего административнаго механизма. Какъ разъ наоборотъ, именно въ этомъ періодѣ наши внутреннія политическія разногласія стали сказываться съ особенной остротой, и механическое сочетаніе въ высшемъ органѣ правительства двухъ разныхъ политическихъ теченій давало въ результатѣ взаимную ихъ нейтрализацію и полный застой. Однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ явилось здѣсь усиленіе, послѣ эвакуаціи Одессы и Крыма, нашихъ политическихъ фланговъ. Съ одной стороны, въ „общественныхъ“ кругахъ почувствовалось давленіе Союза Возрожденія, побуждавшее центральную группу Національнаго Центра больше, чѣмъ прежде, оглядываться налѣво. Съ другой, въ самомъ Особомъ Совѣщаніи оформилась и окрѣпла позиція правыхъ элементовъ. За ними стояла теперь собственная „Общественная“ организація — Совѣтъ Государственнаго Объединенія. въ направленіи котораго давала себя знать умѣлая рука А. В. Кривошеина. Въ Національномъ Центрѣ говорили о наблюдающемся „правомъ кренѣ“. Въ частныхъ бесѣдахъ генералъ Драгомировъ все чаще жаловался на „политическую борьбу“, затрудняющую дѣловую работу Особаго Совѣщанія.

Дѣйствительно, едва ли не всѣ вопросы вызывали у насъ теперь пренія съ „политической“ окраской. Даже кандидатуры въ члены Особаго Совѣщанія, несмотря на сохраненіе фикціи подбора ихъ по „дѣловымъ“ признакамъ, обсуждались съ политическихъ точекъ зрѣнія. По Положенію 2 февраля кандидатуры эти, собственно, не подлежали вообще компетенціи Особаго Совѣщанія. Но въ отступленіе отъ буквы

закона, Главнокомандующій установилъ за правило выслушивать мнѣніе Особаго Совѣщанія по вопросу о привлеченіи въ его составъ новыхъ лицъ, Дѣлалось это безъ журнальныхъ постановленій, но иногда съ форменной баллотировкой записками въ дѣловыхъ засѣданіяхъ или на „средовыхъ“ совѣщаніяхъ. Появленіе въ нашей средѣ третьяго по счету финансиста, сенатора Д. И. Никифорова, прошло почти незамѣтно. Но кандидатура Н. В. Савича вызвала знаменательные инциденты. Никто, по существу, не возражалъ противъ приглашенія этого пользовавшагося общимъ уваженіемъ думскаго дѣятеля, и генералъ Лукомскій, разволновавшись, совсѣмъ напрасно назвалъ „преступнымъ“ отказъ отъ сотрудничества Н. В. Савича. Но съ лѣвой стороны было откровенно указано на „правый кренъ“ и было заявлено намѣреніе въ дальнѣйшемъ „для равновѣсія“ выдвинуть другія кандидатуры. При такихъ условіяхъ естественно получило характеръ политической демонстраціи голосованіе предложенной Главнокомандующимъ кандидатуры одного изъ видныхъ членовъ Національнаго Цѐнтра, кадета лѣваго толка, безупречнаго общественнаго дѣятеля и спеціалиста съ хорошимъ именемъ. „Правая“ и „лѣвая“ сосчитались на этой баллотировкѣ, и кандидата Національнаго Центра любезно и гладко провалили правыми голосами.

Обо всѣхъ этихъ внутреннихъ неладахъ, конечно, тотчасъ-же становилось извѣстно въ обществѣ, и это не укрѣпляло нашего авторитета. Особенно разлагающе дѣйствовало то, что въ тину партійно-политическихъ счетовъ втягивалось имя самого Главнокомандующаго, которому приписывались опредѣленныя политическія симпатіи. Изъ устъ въ уста передавалась фраза, будто бы сказанная генераломъ Деникинымъ Н. И. Астрову: „Уполномачиваю васъ быть лидеромъ оппозиціи въ моемъ правительствѣ“. Говорили, будто лидерамъ Національнаго Центра гарантирована постоянная поддержка Главнокомандующаго и Начальника его Штаба и внѣшнее тому подтвержденіе усматривали въ нѣсколькихъ случаяхъ, когда генералъ Деникинъ соглашался съ особыми

мнѣніями Н. И. Астрова и М. М. Федорова. Въ „лѣвыхъ" кругахъ къ этимъ толкамъ прислушивались не безъ удовольствія, видимо, не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ, что естественная и полезная въ законодательномъ или даже законосовѣщательномъ учрежденіи „оппозиція" есть странная и гибельная нелѣпость въ правительствѣ. Въ „правыхъ" кругахъ творилось и передавалось въ „массы", въ частности въ офицерскіе кружки, преданіе о „засиліи Національнаго Центра", которое потомъ въ пору неудачъ позволяла молвѣ легко сваливать отвѣтственность за нихъ на немногихъ „козловъ отпущенія". Вокругъ насъ создавалась очень нездоровая политическая атмосфера.

Она сама собою порождала стремленіе выйти изъ получившагося тупика путемъ организаціоннаго переустройства правительства или только измѣненія личнаго его состава. Съ каждымъ днемъ усиливались разговоры о необходимости образованія „однороднаго" министерства. Иные ждали коренныхъ перемѣнъ отъ предстоявшаго, какъ тогда казалось, соединенія съ адмираломъ Колчакомъ. Другіе думали, что это случится еще скорѣе и даже, сылаясь на указанія, полученныя съ фронта, утверждали, что „крупныя перемѣны" наступятъ тотчасъ же, какъ только военное положеніе упрочится. Однако, по нашему обыкновенію все ограничивалось словами, и я рѣшился взять на себя иниціативу перваго реальнаго шага.

Въ качествѣ управляющаго Отдѣломъ Законовъ, мнѣ было сравнительно легко это сдѣлать. Отъ работъ прошлогодней юридической комиссіи у насъ оставался нерѣшеннымъ вопросъ о „порядкѣ изданія законовъ", а разработка этого рода вопросовъ была возложена именно на мой Отдѣлъ. По моимъ указаніямъ, мои сотрудники составили на эту тему записку, которую во второй половинѣ мая я и доложилъ Особому Совѣщанію. Я аргументировалъ очень скромно, безъ всякой политики, отправляясь отъ строго формальныхъ разсужденій. Я доказывалъ безспорную для юриста невозможность удовлетворительно разграничить законъ отъ

правительственнаго распоряженія и установить единообразный порядокъ изданія законовъ при существующемъ въ компетенціи Особаго Совѣщанія смѣшеніи функцій законосовѣщательныхъ и правительственныхъ, и потому предлагалъ: Особое Совѣщаніе преобразовать въ Совѣтъ Министровъ и образовать спеціальное установленіе изъ членовъ по назначенію Главнокомандующаго для предварительнаго разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній. Въ заключеніе я испрашивалъ подробныхъ указаній для дальнѣйшей разработки вопроса.

Мое выступленіе произвело въ Особомъ Совѣщаніи настоящую сенсацію. Кто-то сказалъ, что это „бомба", кто-то указалъ на „коварство", заключавшееся въ томъ, что подъ невиннымъ покровомъ формально-правовой казуистики я внезапно поставилъ проблему такой огромной политической важности. Мнѣ поручили размножить мое представленіе, чтобы всѣ могли ознакомиться съ нимъ. Но моя „бомба" не разорвалась, и мое выступленіе оказалось „ударомъ по водѣ". Наша политическая среда ни на что не реагировала энергично и быстро. Генералъ Деникинъ поставилъ на моей запискѣ такую резолюцію: Никакихъ измѣненій въ конструкціи власти до соединенія съ адмираломъ Колчакомъ. А вскорѣ все у насъ на время перевернулось и перемѣшалось подъ вліяніемъ головокружительной перемѣны, наступившей въ нашихъ отношеніяхъ къ омскому диктатору.

* * *

Недоразумѣніе, возникшее на почвѣ перваго обмѣна телеграммъ между адмираломъ Колчакомъ и генераломъ Деникинымъ, очень быстро сгладилось, благодаря лойяльности обоихъ вождей анти-большевистскаго движенія. Екатеринодаръ и Омскъ изрѣдка обмѣнивались обрывками телеграммъ и письмами, которыя съ огромнымъ опозданіемъ, преодолѣвая неимовѣрныя опасности и трудности — генералъ Гришинъ-Алмазовъ нашелъ себѣ трагическую кончину на Ка-

спійскомъ морѣ по пути въ Омскъ — доставляли курьеры. Если не ошибаюсь, въ мартѣ генералъ Деникинъ говорилъ, что онъ получилъ отъ адмирала Колчака письмо, въ которомъ по вопросу о будущей организаціи власти говорилось дословно то же самое, что нашъ Главнокомандующій изложилъ въ письмѣ, незадолго передъ тѣмъ отправленномъ въ Омскъ. По поводу счастливо достигнутаго такимъ образомъ единодушія было опубликовано официальное сообщеніе. Оно гласило примѣрно, что адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ договорились о томъ, что по соединеніи фронтовъ, Восточнаго и Южнаго, будутъ установлены единая Верховная Власть и единое Командованіе на началахъ, которыя будутъ выработаны ими при личномъ свиданіи и въ соотвѣтствіи съ имѣющимъ къ тому времени выясниться фактическимъ положеніемъ сторонъ.

Въ политическихъ кругахъ это сообщеніе дешифрировалось такъ, что одинъ изъ диктаторовъ добровольно подчинится другому. Политическіе комбинаторы гадали на счетъ того, какъ это произойдетъ. Одни предлагали комбинацію Колчакъ—Верховный Правитель, Деникинъ—Верховный Главнокомандующій. Другіе эту комбинацію отвергали, какъ противорѣчащую единству власти, и рекомендовали новую: Колчакъ — Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій, Деникинъ—Начальникъ Штаба. Третьи, наконецъ, догадывались, что, сдавъ власть, генералъ Деникинъ просто уйдетъ „сажать капусту.“ Въ общемъ едва ли кто-нибудь у насъ сомнѣвался, что именно генералъ Деникинъ въ той или иной формѣ подчинится адмиралу Колчаку, а не наоборотъ. Цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ адмиралъ Колчакъ выдвигался въ нашихъ глазахъ на неоспоримо первое мѣсто. Его армія, позволявшая ему широкимъ фронтомъ мощно продвигаться къ Волгѣ, казалась намъ далеко превосходящей Вооруженныя Силы Юга Россіи и численностью, и качествомъ; допускалось только, что нашъ командный составъ лучше. Затѣмъ, за адмираломъ Колчакомъ огромныя пространства Сибири, съ крѣпкимъ русскимъ населеніемъ, органически враж-

дебнымъ большевизму и чуждымъ самостійническихъ тенденцій. Адмиралъ Колчакъ — и это производило у насъ едвали не сильнѣйшее впечатлѣніе — тѣсно связанъ съ Европой и умѣетъ импонировать и русской эмиграціи, и союзной дипломатіи. Онъ сносится по телеграфу съ европейскими столицами; остатки русской дипломатіи, всѣ русскія колоніи заграницей „оріентируются“ на него, и развѣ не знаменательно, что въ то время, какъ къ намъ союзники посылаютъ только военныя миссіи, Франція держитъ въ Омскѣ настоящаго политическаго комиссара.

Всѣ эти „козыри“ адмирала Колчака не вызывали сомнѣній ни въ комъ. Но къ неизбѣжному въ будущемъ факту подчиненія омскому правительству „лѣвые“ и „правые“ относились неодинаково. Въ „лѣвыхъ“ кругахъ нѣкоторыя заявленія адмирала Колчака — по земельному вопросу, о „Національномъ“ Собраніи—трактовались, какъ симптомы болѣе „лѣваго“ курса. Считалось доказаннымъ, что, въ отличіе отъ нашей „военщины“, въ Сибири больше „гражданственности“ и „общественности“. Поэтому „лѣвые“ съ надеждой ждали соединенія фронтовъ, а „правые“ говорили о немъ съ опаской. Въ маѣ въ кругахъ Національнаго Центра стало модньмъ разсуждать о томъ, что въ области военной мы должны смотрѣть на себя, какъ на „лѣвый флангъ“ колчаковскаго фронта, и что въ гражданскомъ отношеніи мы должны впредь отказаться отъ раздуванія нашего правительственнаго аппарата во всероссійскомъ масштабѣ и ограничиться „военно-походнымъ“ управленіемъ. Однако, практическое рѣшеніе этихъ вопросовъ представлялось всѣмъ дѣломъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Внезапно теченіе событій было ускорено вмѣшательствомъ Европы или того, что мы, по нашему провинціальному простодушію, приняли за Европу.

* * *

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая я поѣхалъ, по дѣламъ службы, на Черноморское побережье и на Троицу завернулъ

въ Анапу. Въ Духовъ День, 27 мая, генералъ Драгомировъ срочной телеграммой вызвалъ меня въ Екатеринодаръ для обязательнаго присутствія на засѣданіи „чрезвычайной важности".

Во вторникъ я нашелъ политическія сферы нашей резиденціи въ состояніи крайняго возбужденія. Оказалось, что изъ Парижа отъ Русскаго Политическаго Совѣщанія прибыли гонцы, генералъ Щербачевъ, В. В. Вырубовъ и М. С. Аджемовъ, чтобы рекомендовать немедленное подчиненіе генерала Деникина адмиралу Колчаку. Они сообщали, что Европа не сегодня — завтра признаетъ адмирала Колчака законнымъ правителемъ Россіи, если онъ дастъ удовлетворительные отвѣты на посланные ему запросы относительно его политической программы. Архангельское правительство на сѣверѣ и генералъ Юденичъ на западѣ уже подчинились Верховному Правителю. Очередь за Югомъ сдѣлать шагъ, котораго требуетъ установленіе единой и пользующейся международнымъ признаніемъ власти въ анти-большевистской Россіи. Эти аргументы падали на подготовленную почву. Генералитетъ и „правые" относились къ нимъ несочувственно. Въ Національномъ Центрѣ они встрѣтили пониманіе и поддержку. Только я выговорилъ себѣ свободу дѣйствій, ссылаясь на то, что не имѣлъ возможности участвовать въ предварительныхъ совѣщаніяхъ. Мнѣніе самого Главнокомандующаго никому не было извѣстно.

Рѣшающее засѣданіе Особаго Совѣщанія происходило во вторникъ, 28 мая, вечеромъ. Офиціальныя полномочія отъ князя Г. Е. Львова имѣли генералъ Щербачевъ и В. В. Вырубовъ, но первый изъ нихъ въ засѣданіе не прибылъ. Докладывали В. В. Вырубовъ и М. С. Аджемовъ. Раньше, чѣмъ пригласить ихъ въ залъ засѣданій, генералъ Драгомировъ передалъ намъ, что Главнокомандующій поручилъ Особому Совѣщанію всесторонне обсудить вопросъ и высказать свое заключеніе, и познакомилъ насъ съ матеріалами. Изъ оглашенныхъ А. А. Нератовымъ депешъ отъ С. Д. Сазонова и адмирала Колчака выяснилось, что державы уже обратились

къ Омскому правительству съ запросомъ, интересуясь, какъ всегда, Учредительнымъ Собраніемъ и правами „національностей“ и давая понять, что тотъ или иной отвѣтъ опредѣлитъ дальнѣйшее ихъ отношеніе къ адмиралу Колчаку. Мы выслушали и проектъ отвѣта Верховнаго Правителя. Онъ сводился къ принятію условій союзниковъ, но былъ редактированъ съ большимъ достоинствомъ. Омское правительство очень удачно устраняло впечатлѣніе, будто оно дѣйствуетъ подъ давленіемъ извнѣ. Обѣщанія немедленнаго, по сверженіи большевиковъ, созыва Учредительнаго Собранія и приступа къ разработкѣ вопроса о положеніи окраинныхъ областей получали у него характеръ составныхъ частей свободно установленной программы. Чтеніе этихъ документовъ сильно подѣйствовало на членовъ Особаго Совѣщанія.

Зато эффектъ докладовъ В. В. Вырубова и М. С. Аджемова былъ очень слабъ. Въ нихъ было мало фактовъ и много „соображеній“. Они сводились къ указанію на огромную политическую важность предстоящаго признанія адмирала Колчака Европой. Признаніе это, говорили делегаты парижскаго совѣщанія, послѣдуетъ обязательно. Оно сдѣлаетъ невозможнымъ признаніе совѣтской власти и ослабитъ позицію сепаратистовъ. Если же такъ, то каково будетъ положеніе Юга Россіи, не признавшаго свободно и заблаговременно адмирала Колчака? Ему все равно придется подчиниться волей или неволей post factum. Вѣдь не будетъ же онъ своимъ „сепаратизмомъ“ подрывать возрождающееся единство Россіи и рисковать поддержкой Европы! Къ сожалѣнію, докладчики не подкрѣпили точными данными своего убѣжденія въ готовности союзниковъ признать адмирала Колчака и, благодаря этому, ихъ горячая аргументація возымѣла обратное дѣйствіе.

Послѣ ухода В. В. Вырубова и М. С. Аджемова, Особое Совѣщаніе приступило къ преніямъ. Разногласія по существу не было, и всѣ сошлись на томъ, что надо оставить наши отношенія къ адмиралу Колчаку въ прежнемъ видѣ до фактическаго соединенія фронтовъ. Была принята во вниманіе и возможность лишенія насъ помощи союзниками, и наши

спеціалисты успокоили насъ заявленіемъ, что мы снабжены всѣмъ необходимымъ на продолжительный срокъ. Я не могу припомнить всѣ доводы, которые приводились членами Особаго Совѣщанія противъ принятія присланныхъ изъ Парижа совѣтовъ. Но я помню хорошо ходъ моихъ мыслей, кажется, отвѣчавшихъ настроенію большинства. Я доказывалъ, что, при гадательности признанія союзниками адмирала Колчака, мы, немедленно подчинившись Омску, рискуемъ напрасно принести немалыя жертвы. Въ отказѣ отъ притязаній Главнаго Командованія на государственный суверенитетъ крылись, какъ мнѣ казалось, опасности и юридическаго и политическаго порядка. Юридически ослаблялась бы наша позиція по отношенію къ казачьимъ „образованіямъ". Политически мы обязывались бы внезапно и подъ вліяніемъ извнѣ, автоматически, принять политическую программу омскаго правительства, то есть отказаться отъ собственнаго нашего южно-русскаго политическаго опыта. Къ изумленію многихъ, и лидеры Національнаго Центра какъ будто уже не защищали тезиса о немедленномъ подчиненіи. Н. И. Астровъ и М. М. Федоровъ ограничивались тѣмъ, что очень рѣшительно подчеркивали огромную морально-политическую важность скорѣйшаго созданія единой національной злости. Впервые, и по такому принципіальному вопросу, Особое Совѣщаніе было, такимъ образомъ, совершенно единодушно. Только черезъ день мнѣ стало ясно, что лидеры Національнаго Центра вкладывали въ свои заявленія нѣсколько иное, чѣмъ намъ казалось, содержаніе, оставаясь сторонниками немедленнаго подчиненія. Но во вторникъ объединившая всѣхъ резолюція была принята единогласно. Я самъ ее средактировалъ изъ формулъ, предложенныхъ Н. И. Астровымъ и мною. Подтверждая необходимость созданія единой національной власти, Особое Совѣщаніе высказывалось за то, чтобы единая власть была создана по фактическомъ соединеніи фронтовъ на началахъ, указанныхъ въ мартовскомъ сообщеніи. Кромѣ того, Особое Совѣщаніе выразило пожеланіе, чтобы Главнокомандующій послалъ въ Парижъ спеціальную делегацію для оріентировки въ между-

народномъ положеніи. Мы разошлись глубоко взволнованные, условившись собраться на другой день, въ среду, для окончательнаго принятія нашего постановленія.

Постановленіе это было доложено Главнокомандующему генераломъ Драгомировымъ въ четвергъ, 30 мая, утромъ. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ генералъ Деникинъ принялъ меня въ присутствіи предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Условія работы въ Отдѣлѣ Пропаганды довели меня до отчаянія, и я пришелъ къ Главнокомандующему съ прошеніемъ объ отставкѣ, которое, несмотря на его возраженія, оставилъ на его письменномъ столѣ. Конечно, я не обмолвился ни словомъ о томъ, что, вѣроятно, больше всего занимало въ эту минуту насъ троихъ. На лицахъ обоихъ генераловъ я ничего не прочелъ. А весь политическій Екатеринодаръ въ это время гадалъ — подчинится, не подчинится.

* * *

Того же дня вечеромъ въ Кубанскомъ Войсковомъ Собраніи былъ парадный обѣдъ, который давалъ Главнокомандующій отъѣзжавшему за-границу англійскому генералу Бриггсу. Считая себя подавшимъ въ отставку, я на обѣдъ не пошелъ и знаю о происшедшемъ только со словъ очевидцевъ.

Дѣло было уже поздно, затянувшійся обѣдъ подходилъ къ концу. Генералъ Драгомировъ обратилъ вниманіе на то, что никто еще не привѣтствовалъ преемника Бриггса, генерала Холмана и послалъ объ этомъ записку Главнокомандующему. Генералъ Деникинъ отвѣтилъ черезъ офицера, чтобы генералъ Драгомировъ произнесъ привѣтствіе генералу Холману, потому что самъ онъ будетъ говорить по очень важному вопросу. Наклонившись надъ столомъ съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, генералъ Деникинъ сталъ что-то быстро писать карандашомъ. Немного погодя, онъ всталъ и огласилъ свой приказъ, помѣченный „летучимъ“ № 145.

Вотъ полный текстъ этого знаменитаго документа:

ПРИКАЗЪ

Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи.

№ 145.

Г. Екатеринодаръ. *30 мая 1919 года.*

Безмѣрными подвигами Добровольческихъ Армій, Кубанскихъ, Донскихъ и Терскихъ казаковъ и Горскихъ Народовъ освобожденъ Югъ Россіи, и русскія арміи неудержимо движутся впередъ къ сердцу Россіи.

Съ замираніемъ сердца весь русскій народъ слѣдитъ за успѣхами русскихъ армій, съ вѣрой, надеждой и любовью. Но наряду съ боевыми успѣхами въ глубокомъ тылу зрѣетъ предательство на почвѣ личныхъ честолюбій, не останавливающихся передъ расчлененіемъ Великой, Единой Россіи.

Спасеніе нашей Родины заключается въ единой Верховной Власти и нераздѣльномъ съ нею единомъ Верховномъ Командованіи.

Исходя изъ этого глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой Родинѣ и ставя превыше всего ея счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русскихъ Армій.

Да благословитъ Господь его крестный путь и да даруетъ спасеніе Россіи.

Подлинный подписалъ:

Генералъ-Лейтенантъ *Деникинъ.*

Очевидцы свидѣтельствуютъ, что великолѣпный жестъ Главнокомандующаго буквально ошеломилъ присутствующихъ. Всѣ оцѣпенѣли, а потомъ переполнившія сердца чувства вылились цѣлымъ потокомъ восторженныхъ возгласовъ и рѣчей. Генералъ Деникинъ переходилъ изъ объятій въ объятія. Кто то поцѣловалъ ему руку.

* * *

Надо было теперь сдѣлать изъ патріотическаго рѣшенія, внезапно и совершенно свободно принятаго Главнокомандующимъ, всѣ необходимые выводы. Приказъ 30 мая былъ переданъ по телеграфу въ Омскъ. Одинъ его экземпляръ дали генералу Бриггсу. Другой повезъ отправлявшійся курьеромъ въ Сибирь есаулъ Перфильевъ. Въ видѣ комментарія къ приказу, было опубликовано „правительственное сообщеніе", составленное мною. Въ кругахъ Національнаго Центра его нашли формальнымъ и сухимъ. Можетъ быть, оно и въ самомъ дѣлѣ такимъ вышло, такъ какъ я, безъ большого убѣжденія, предрекалъ въ немъ благотворныя внутренно-политическія и международныя послѣдствія состоявшагося акта. Самостійная печать опорачивала принятый мною терминъ „правительственное сообщеніе", иронически спрашивая, гдѣ и что такое это никому не вѣдомое „правительство". Какъ управляющаго Отдѣломъ Законовъ, меня больше всего занималъ вопросъ о томъ, чтобы предохранить отъ излишнихъ потрясеній нашъ государственный укладъ. Использовавъ набросокъ, сдѣланный В. Н. Челищевымъ, я написалъ проектъ приказа Главнокомандующаго о сохраненіи въ силѣ, впредь до полученія указаній отъ Верховнаго Правителя, существующаго порядка управленія и суда; генералъ Деникинъ подписалъ его 3 іюня. Въ воскресенье, 2 іюня, было торжественное молебствіе на площади передъ войсковымъ Соборомъ и затѣмъ парадъ войскамъ. На молебнѣ поминали Богохранимую Державу Россійскую и Верховнаго Правителя ея. Это производило радостное и волнующее впечатлѣніе. Кубанскія власти отсутствовали на этихъ торжествахъ. Но войсковой атаманъ А. П. Филимоновъ заѣзжалъ къ Главнокомандующему и выразилъ надежду, что генералъ Деникинъ будетъ вѣрнымъ хранителемъ казачьихъ вольностей. На 6 іюня было назначено у Главнокомандующаго совѣщаніе атамановъ казачьихъ войскъ, которыхъ приказъ 30 мая поставилъ въ довольно деликатное положеніе. Въ среду 5 іюня состоялось въ лѣтнемъ театрѣ

собраніе, устроенное тремя общественно-политическими организаціями — Союзомъ Возрожденія, Національнымъ Центромъ и Совѣтомъ Государственнаго Объединенія. Блокъ отъ А. В. Пѣшехонова до А. В. Кривошеина демонстрировалъ свою хрупкую политическую солидарность. Рѣчи говорили В. А. Мякотинъ, Н. И. Астровъ и Н. В. Савичъ. Въ среду же вечеромъ генералъ Драгомировъ прочелъ генералу Деникину чрезвычайное постановленіе, которымъ Особое Совѣщаніе ознаменовало приказъ 30 мая. Выработать его текстъ было поручено Н. И. Астрову, Н. В. Савичу и мнѣ. Фактически его написалъ Н. И. Астровъ. Оно было очень краснорѣчиво и обстоятельно. Выслушавъ наше обращеніе, генералъ Деникинъ, какъ всегда, безхитростно и скромно сказалъ, что онъ просто исполнилъ свой долгъ.

Я не сомнѣваюсь, что такъ оно на дѣлѣ, несмотря на всѣ позднѣйшія пристрастныя толкованія и несправедливыя заподазриванія. Такъ понялъ свой долгъ генералъ Деникинъ и честно, безъ заднихъ мыслей, и просто, безъ колебаній, исполнилъ его. Въ эти дни мнѣ пришлось нѣсколько разъ подробно бесѣдовать съ Главнокомандующимъ. Генералъ Деникинъ говорилъ, что лично, про себя, онъ уже давно рѣшилъ, что при встрѣчѣ съ адмираломъ Колчакомъ онъ подчинится Верховному Правителю, которому самою судьбою опредѣлена первая роль въ борьбѣ за возрожденіе Россіи. Послѣднія событія побудили его только приблизить то, что случилось бы рано или поздно. Генералъ Деникинъ былъ увѣренъ, что поступилъ правильно и что „все будетъ хорошо“. Я не скрылъ отъ него, что мое мнѣніе совершенно иное и еще разъ изложилъ всѣ мои доводы противъ акта 30 мая. Тѣмъ не менѣе я счелъ себя морально обязаннымъ взять обратно свое прошеніе объ отставкѣ. Это была съ моей стороны грубая политическая ошибка, но тогда я не могъ поступить иначе.

События этихъ дней развертывались lege artis, но безъ большого подъема. Чувствовалось глухое недовольство генералитета и „правыхъ“ круговъ. Сепаратная политика каза-

ковъ разбивала настроеніе. Кромѣ того, признаться сказать, мы всѣ больше, чѣмъ объ адмиралѣ Колчакѣ, думали о „нашемъ" фронтѣ, о „нашихъ" несравненныхъ войскахъ. Въ среду, дѣлая обзоръ военнаго положенія, генералъ Деникинъ разсказывалъ, что казаки генерала Врангеля уже поятъ коней въ Волгѣ, и что паденіе Царицына вопросъ дней. Наступленіе Добровольческой Арміи тоже развивается блестяще, и генералъ Май Маевскій доноситъ, что нѣтъ возможности сдержать рвущіяся впередъ части. Главнокомандующій признавалъ, что занятіе слишкомъ обширныхъ пространствъ сравнительно слабыми силами можетъ представлять свои опасности. Но, добавлялъ онъ, нельзя упускать случая нанести ударъ противнику; захваченныя же пространства обезпечиваютъ возможность, при нуждѣ, отступательныхъ маневровъ...

* * *

Оставался у насъ еще вопросъ о посылкѣ за-границу делегаціи. Мы склонны были считать ее отпавшей, но Главнокомандующій рѣшилъ иначе.

На засѣданіи Особаго Совѣщанія въ пятницу 31 мая генералъ Драгомировъ сообщилъ, что Главнокомандующій признаетъ необходимымъ немедленное отбытіе делегаціи и назначаетъ въ ея составъ генерала Драгомирова и членовъ Особаго Совѣщанія: Н. И. Астрова, К. Н. Соколова и В. В. Шульгина. Задачей делегаціи ставится, по прибытіи въ Парижъ, вступить въ сношенія съ адмираломъ Колчакомъ, представить ему подробный докладъ о положеніи дѣлъ на Югѣ Россіи и получить отъ него необходимыя указанія. Попутно делегаціи предоставляется ознакомиться съ состояніемъ русскихъ дѣлъ за границей и, никому не навязываясь, буде кто пожелаетъ, информировать о насъ Европу. Какъ эта программа дѣятельности, такъ и составъ делегаціи вызвали нѣкоторое изумленіе, но мы подчинились. Потомъ отпалъ В. В. Шульгинъ, впервые послѣ долгаго отсутствія появившійся въ Особомъ Совѣщаніи 28 мая и теперь окончательно насъ покинувшій.

Зато прибавился А. А. Нератовъ, желаніе котораго вступить въ непосредственныя сношенія съ русскимъ дипломатическимъ представительствомъ было всѣми признано законнымъ. М. В. Бернацкій, поѣздку котораго всѣ тоже считали необходимой, обѣщалъ подъѣхать позднѣе; въ качествѣ финансоваго совѣтника просили присоединиться къ намъ І. А. Геймана, который отправлялся за границу по своимъ дѣламъ. Наконецъ, къ намъ приставили трехъ полковниковъ — отъ Штаба Главнокомандующаго, отъ Военнаго Управленія и отъ Главнаго Начальника Снабженій. Они должны были помогать генералу Драгомирову въ изученіи спеціально военныхъ вопросовъ.

Уже тогда твердо и ясно стояла только одна задача делегаціи. Надо было изготовить докладъ адмиралу Колчаку. Какъ водится, составленіе его поручили управляющему Отдѣломъ Законовъ, и въ понедѣльникъ вѣдомства нанесли въ мой служебный кабинетъ въ зданіи консерваторіи цѣлыя горы дѣлъ и документовъ. Нѣкоторое время я пытался разобраться въ нихъ, потомъ махнулъ рукой и написалъ докладъ „изъ головы“. Получился довольно подробный и, повидимому, точный обзоръ нашего государственнаго устройства и нашей политики. Предполагалось, что въ началѣ къ нему приставятъ очеркъ военнаго положенія, и что А. А. Нератовъ отдѣльно протелеграфируетъ свои проекты по дипломатической части. Въ теченіе сутокъ докладъ мой былъ готовъ, и въ среду днемъ его выслушалъ генералъ Деникинъ. Главнокомандующій внесъ только одно измѣненіе, чрезвычайно для него характерное. Онъ потребовалъ, чтобы я вычеркнулъ заключительныя патетическія фразы, въ которыхъ я подсказывалъ Верховному Правителю сохраненіе за генераломъ Деникинымъ всей полноты власти на Югѣ Россіи. — Не надо ничего требовать, сказалъ генералъ Деникинъ. Я человѣкъ военный. Разъ я подчинился, я стою, держа руку подъ козырекъ и жду приказаній. — Онъ просилъ только порѣзче выдѣлить его званіе Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи. Онъ не хотѣлъ, чтобы изъ Омска ему „пожаловали“ какой-нибудь другой титулъ. Въ среду ве-

черомъ онъ вспомнилъ еще о необходимости для него права вести дипломатическія сношенія по вопросамъ, непосредственно касающимся Юга Россіи.

5 іюня я уѣхалъ изъ Екатеринодара. Мнѣ предстояло встрѣтиться съ остальнымъ составомъ делегаціи въ Новороссійскѣ. Отплытіе наше на вспомогательномъ крейсерѣ „Цесаревичъ Георгій“ было назначено на субботу, 8 іюня.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЗАГРАНИЦЕЙ.

Нашъ крейсеръ, передѣланный изъ парохода „Ропита", довольно быстро несетъ насъ къ Царьграду. Качаетъ изрядно. Нагрузка корабля совсѣмъ ничтожна, такъ какъ, кромѣ нашей делегаціи, съ нами ѣдетъ всего нѣсколько человѣкъ-попутчиковъ, прихваченныхъ съ разрѣшенія генерала Драгомирова.

Ядро делегаціи составляютъ предсѣдатель и три члена Особаго Совѣщанія. При насъ состоятъ: генеральнаго штаба полковникъ Подчертковъ—отъ Штаба Главнокомандующаго. генеральнаго штаба полковникъ Нидермиллеръ—отъ Военнаго управленія, полковникъ Каратѣевъ—отъ Главнаго Начальника Снабженій, секретарь делегаціи — А. А. Раевскій, изъ канцеляріи Особаго Совѣщанія, Г. Р. Бауэръ — личный секретарь генерала Драгомирова и переводчикъ. Намъ сопутствуютъ: І. А. Гейманъ, нашъ финансовый консультантъ, генеральнаго штаба полковникъ Булгаковъ, который ѣдетъ въ Парижъ по своимъ дѣламъ и будетъ использованъ нами, какъ курьеръ, и гр. С. В. Панина; графиня командирована за-границу Національнымъ Центромъ въ помощь Н. И. Астрову и для связи съ общественно-политическими кругами. Для вящаго парада при делегаціи слѣдуютъ два казака — урядника. А. А. Раевскій везетъ съ собой тяжелый багажъ цѣлыя залежи всевозможныхъ вѣдомственныхъ „дѣлъ". Вѣдь мы ѣдемъ съ докладомъ Верховному Правителю. А вдругъ изъ Омска затребуютъ дополнительныхъ свѣдѣній по тому или иному вопросу? Мы должны быть на чеку и во всеоружіи.

Привыкши къ морю, мы сходимся наверху въ каютѣ генерала Драгомирова, чтобы столковаться о линіи поведенія и выработать программу нашихъ первыхъ шаговъ. Генералъ Драгомировъ склоненъ, по возможности, держаться въ рамкахъ даннаго намъ офиціальнаго порученія. Н. И. Астровъ клонитъ дѣло въ сторону „общественности“. Онъ доказываетъ, что не надо упускать случая войти въ соприкосновеніе съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ и разсѣять существующія на нашъ счетъ недоразумѣнія. Хорошо. Мы начнемъ съ Константинополя. Мы въ той или иной формѣ помѣстимъ въ газетахъ сообщеніе, разъясняющее смыслъ событій, происходящихъ на Югѣ Россіи. Мы укажемъ на величавое благородство акта генерала Деникина, въ періодъ блестящихъ военныхъ успѣховъ добровольно подчиняющагося адмиралу Колчаку во имя единства Россіи.

Послѣ скуднаго существованія въ екатеринодарской резиденціи, съ ея реквизированными комнатами, „домашними“ обѣдами и безконечными засѣданіями, на кораблѣ живется привольно. Молодые флотскіе офицеры очаровательно милы и кормятъ насъ отмѣнно. Вечеромъ А. А. Раевскій играетъ въ каютъ-кампаніи на фортепіано. Онъ отличный музыкантъ.

* * *

Мы благополучно проскочили черезъ Константинополь, который, однако, доставилъ намъ нѣкоторыя разочарованія Нѣтъ, „связь“ между Югомъ Россіи и даже этимъ, совсѣмъ къ намъ близкимъ кускомъ Европы, просто „не работаетъ“. Союзныя миссіи любезно послали о нашемъ прибытіи радіо. Радіо, повидимому, не дошли, и мы прибыли никѣмъ нежданные. Впрочемъ, нашъ пріѣздъ вообще мало кого взволновалъ. Мы видѣлись съ русскими представителями — дипломатическимъ, Б. С. Серафимовымъ и военнымъ, генераломъ Бензенгромъ и выслушали отъ нихъ разсказы о константинопольскихъ дѣлахъ и заботахъ — о происках украинскихъ „дипломатовъ“, о недостойномъ поведеніи нѣкоторыхъ воен-

ныхъ элементовъ одесско-uварцевскаго происхожденія. Французы все еще, оказывается, занимаютъ зданіе русскаго посольства, въ которомъ они сохранили за Б. С. Серафимовымъ только квартиру и небольшое помѣщеніе для канцеляріи. Мы сдали въ печать наше communiqué. Газеты помѣстили его съ запозданіемъ, и оно осталось безъ отклика. Все таки, благодаря стараніямъ „Руссагена" и только-что учрежденнаго Бюро Отдѣла Пропаганды, печать удѣляетъ Россіи довольно много мѣста.

Церемоніальная часть ограничилась нѣсколькими выходами въ „большой свѣтъ" генерала Драгомирова и А. А. Нератова. Они дѣлали визиты союзнымъ комиссарамъ. Генералъ Драгомировъ завтракалъ и обѣдалъ у генерала Мильна и адмирала Сеймура. Эти посѣщенія носили строго военно-дипломатическій характеръ, и генерала Драгомирова сопровождали наши полковники. Мы — цивильно-общественный элементъ делегаціи — были свободны и осматривали городъ. Б. С. Серафимовъ возилъ насъ въ Айя-Софію въ вечеръ Рамазана. Мы имѣли случай неоднократно убѣждаться въ сердечномъ расположеніи турокъ къ русскимъ. Слово „русъ" часто выводило насъ изъ труднаго положенія.

Въ четвергъ, 13 (26) іюня, насъ погрузили на „Наварру" — большое французское госпитальное судно, идущее прямымъ рейсомъ въ Тулонъ или Марсель. На немъ эвакуируются французскія войска, изъ тѣхъ, которыя были въ Одессѣ, и нѣсколько семей бѣженцевъ разныхъ національностей. Гр. Паниной, генералу Драгомирову, Н. И. Астрову и А. А. Нератову отвели приличныя помѣщенія на кормѣ, остальныхъ размѣстили въ носовой части, болѣе тѣсно и неудобно. Но жаловаться нечего. Для того, чтобы принять насъ, французы оставили безъ мѣста нѣсколькихъ своихъ офицеровъ. Въ общемъ на насъ обращаютъ мало вниманія, и мы держимся особнякомъ. За нашимъ столомъ въ офицерской столовой по-русски шумно и весело. Къ намъ присоединился еще молодой офицеръ-корниловецъ, французскій гражданинъ. Онъ ѣхалъ курьеромъ Отдѣла Генеральнаго Штаба и, какъ пола-

гается, застрялъ надолго въ пути со всѣми своими пакетами. Генералъ Драгомировъ завтракаетъ и обѣдаетъ въ отдѣльной столовой у правительственнаго комиссара вмѣстѣ со старшими французскими офицерами и духовникомъ. Черезъ эту же привиллегированную столовую проводятъ по очереди гр. Панину, А. А. Нератова, Н. И. Астрова и меня. Правительственный комиссаръ увѣренно дирижируетъ обычными разговорами на русскія темы, шаблонными и поверхностными.

Шесть сутокъ въ открытомъ морѣ, безъ захода въ порты, даютъ намъ достаточно досуга, чтобы еще разъ обдумать программу нашихъ дѣйствій въ Парижѣ. Мой докладъ прочитанъ и единогласно одобренъ. Но онъ все же слишкомъ длиненъ. Полный текстъ его, въ переписанномъ видѣ, за всѣми нашими подписями, поѣдетъ въ Омскъ съ оказіей. Съ нѣкоторыми сокращеніями онъ будетъ переданъ адмиралу Колчаку въ формѣ нѣсколькихъ телеграммъ. Что будетъ потомъ? Мы все больше склоняемся къ убѣжденію, что омское правительство отвѣтитъ намъ быстро и кратко въ смыслѣ сохраненія существующаго на Югѣ Россіи status quo. Но если такъ, то къ чему вся наша громоздкая поѣздка за-границу, вырывающая изъ Особаго Совѣщанія нѣсколькихъ работниковъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда обстановка, вѣроятно, будетъ требовать отъ него напряженія всѣхъ силъ? Смѣясь, мы вспоминаемъ екатеринодарскую сплетню, будто наша командировка есть просто замаскированная „ссылка", преслѣдующая цѣль политическаго „умиротворенія" правительства. Конечно, это только сплетня. Но, такъ или иначе, между моментомъ отправки послѣдней нашей телеграммы въ Омскъ и моментомъ полученія оттуда отвѣта, пройдетъ нѣкоторое время, — отъ двухъ недѣль до мѣсяца. Его надо будетъ использовать, по возможности, продуктивно. Добиваться пріемовъ у офиціальныхъ лицъ мы не станемъ, — это вытекаетъ изъ категорическихъ указаній Главнокомандующаго и самаго существа вещей. Мы не представители какой-нибудь угнетенной народности, чтобы бѣгать по переднимъ союзныхъ министровъ и делегатовъ мирной конференціи. Но мы бу-

демъ къ услугамъ парижскаго официальнаго міра и парижской „общественности“, международной и русской, чтобы информировать ихъ о Югѣ Россіи. Мы всѣ согласны насчетъ того, что мы будемъ говорить. Мы будемъ разсказывать правду о героической борьбѣ за возсозданіе Россіи, которую ведетъ Добровольческая Армія, мы будемъ убѣждать всѣхъ русскихъ, что ихъ долгъ всячески поддерживать власть адмирала Колчака и генерала Деникина, мы будемъ доказывать союзникамъ, что наши общіе интересы требуютъ признанія ими національнаго русскаго правительства, организаціи настоящаго дипломатическаго представительства какъ въ Омскѣ, такъ и въ Екатеринодарѣ и матеріальной помощи: Арміи — вооруженіемъ и обмундированіемъ, гражданскому населенію — ввозомъ предметовъ первой необходимости. Но возникаетъ цѣлый рядъ деликатныхъ вопросовъ относительно предѣловъ и формъ этой „пропагандистской“ дѣятельности. Разногласіе между генераломъ Драгомировымъ и Н. И. Астровымъ остается. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія указываетъ на необходимость сдержанности, Н. И. Астровъ взываетъ къ активности. Ему хотѣлось бы, чтобы мы „заинтересовали“ собой иностранцевъ и русскихъ эмигрантовъ, не держались „буками“ и, гдѣ нужно, брали на себя иниціативу общенія. Онъ обдумываетъ даже возможность проникновенія въ станъ „невѣрныхъ“, то есть тѣхъ соціалистовъ, лозунгъ которыхъ „ни Ленинъ, ни Колчакъ“, чтобы имъ тоже сказать правду въ глаза. Въ виду неясности той обстановки, которую мы найдемъ въ Парижѣ, разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ откладывается. Очевидно, что въ официальныхъ отношеніяхъ мы будемъ только съ русской дипломатической „четверкой“ — князь Г. Е. Львовъ С. Д. Сазоновъ, В. А. Маклаковъ и Н. В. Чайковскій, — которая имѣетъ формальныя полномочія отъ адмирала Колчака и генерала Деникина Уже „Политическое Совѣщаніе“, которое пытались весной читать намъ и Омску нотаціи и которое генералъ Деникинъ и адмиралъ Колчакъ осадили очень энергично, для насъ необязательная „общественность“.

Между дѣловыми разговорами мы читаемъ. А. А. Нератовъ далъ намъ „Journal officiel“ съ отчетами о засѣданіяхъ палаты депутатовъ, въ которыхъ обсуждались запросы правительству о безпорядкахъ на судахъ черноморской французской эскадры и объ эвакуаціи Одессы. Рѣчи депутатовъ дышатъ классической „развѣсистой клюквой“ и свидѣтельствуютъ объ абсолютной непопулярности въ парламентѣ идеи вмѣшательства въ дѣла Россіи. Только одинъ безвѣстный умѣренный депутатъ обнаружилъ относительную освѣдомленность въ русскомъ вопросѣ и теплое сочувствіе къ національнымъ русскимъ силамъ. Повидимому, онъ тщательно инспирированъ нашими парижскими единомышленниками. Н. И. Астровъ досталъ номера сибирскихъ „Отечественныхъ Вѣдомостей“, привезенные въ Екатеринодаръ передъ нашимъ отъѣздомъ. Нѣтъ, положительно, тамъ въ Сибири дѣла tout comme chez nous: тѣ же непорядки въ администраціи, тѣ же коменданты и, какъ это ни неожиданно, тотъ же „еврейскій вопросъ“.

Вывѣшено радіо о подписаніи нѣмцами Версальскаго мира. Итакъ, формальная ликвидація войны происходитъ безъ Россіи — совѣтской, которую Европа отвергаетъ, и національной, съ которой она боится связаться. Мое давнишнее убѣжденіе крѣпнетъ: наша пламенная, всепобѣждающая любовь къ союзникамъ — это нераздѣленная односторонняя страсть.

* * *

Высадка въ Тулонѣ дала намъ лишній урокъ скромности и непритязательности.

Мы расчитывали было высадиться въ Марсели и телеграфировали туда русскому консулу Но „Наварру“ отвели въ Тулонъ, гдѣ къ намъ прибылъ мѣстный консулъ, почтенный старичекъ-французъ, повидимому, коммерсантъ. Онъ обнадежилъ насъ, что устроитъ намъ мѣста въ поѣздѣ на Парижъ; это нелегко, такъ какъ всѣ мѣста обычно раскуплены уже въ Ниццѣ. Это было въ среду. Прошла среда и насталъ четвергъ. Солдаты и офицеры выгрузились. Поне-

много исчезли и бѣженцы, національными группами. Уѣхали бельгійцы, швейцарцы, голландцы. Миновалъ и четвергъ. На „Наваррѣ“ остались, кромѣ судовой прислуги, мы одни. Пароходъ дезинфекцировали, изъ кабинъ забирали бѣлье, коридоры поливали какимъ то составомъ.

Изумленный уборщикъ уже сказалъ утромъ Г. Р. Бауэру: „Comment vous êtes toujours là?“. Положеніе наше было незавидно и, что хуже всего, съ оттѣнкомъ глупости. Если бы мы путешествовали просто, какъ туристы, располагающіе достаточными средствами, мы бы, вѣроятно, уже ѣхали въ Парижъ или, по крайней мѣрѣ, сидѣли на берегу въ гостинницѣ.

Наконецъ, въ пятницу подплылъ къ „Наваррѣ“ нашъ любезный французскій буржуа. Онъ былъ доволенъ и доставилъ и намъ полное удовольствіе. Онъ выхлопоталъ для насъ отдѣльный вагонъ I класса и заказалъ два номера въ „Грандъ-Отелѣ“, чтобы мы могли оправиться. Супрефектъ завезъ въ отель визитную карточку генералу Драгомирову. Это подняло нашъ духъ. Мы размѣстились въ вагонѣ съ извѣстнымъ комфортомъ. Поѣздъ мчится къ Парижу. Оба урядника стоятъ въ корридорѣ у зеркальнаго окна и пристально всматриваются въ цвѣтущія долины прекрасной Франціи. Они удивляются, какъ тщательно здѣсь воздѣланъ каждый клочекъ земли.

* * *

Въ Парижѣ насъ никто изъ офиціальнаго русскаго міра не встрѣтилъ, и нѣкоторое время мы безпомощно толпились вокругъ своихъ чемодановъ, привлекая вниманіе зѣвакъ синими черкесскими нашихъ казаковъ. Но узнавшій какъ то о нашемъ пріѣздѣ и пришедшій привѣтствовать своего товарища, генерала Драгомирова, б. русскій военный агентъ въ Константинополѣ, генералъ Леонтьевъ, сказалъ, что посольствомъ заказаны для насъ комнаты въ большой гостинницѣ лѣваго берега „Lutetia,“ гдѣ обычно стоятъ пріѣзжающіе по казенной надобности русскіе. Дѣйствительно, въ „Лютеціи“ были о насъ предупреждены, и мы вскорѣ размѣстились прилично, но эко-

номно. Даже у генерала Драгомирова одна маленькая комната. Въ „Лютеціи" помѣщаются представительства разныхъ болѣе или менѣе угнетенныхъ народностей. Въ одномъ изъ среднихъ этажей живутъ китайцы, еще ниже чехо-словацкая делегація во главѣ со старымъ и вѣрнымъ другомъ Россіи, К. П. Крамаржемъ. Конечно, всѣ они устроены гораздо болѣе шикарно, чѣмъ мы. Да и вообще „Лютеція" кишитъ разными дѣятелями разныхъ національностей и профессій. Изъ русскихъ мы сразу столкнулись съ министрами б. крымскаго правительства, самимъ С. С. Крымомъ и М. М. Винаверомъ.

„Мы выполнили въ нѣсколько дней офиціальную часть нашей программы, обмѣнялись визитами съ членами „четверки" и, претворивъ мой докладъ въ пять шифрованныхъ телеграммъ, отправили ихъ въ Омскъ. Теперь въ ожиданіи отвѣта отъ Верховнаго Правителя, мы, какъ умѣемъ, справляемся съ частью неофиціальной. Мы по-прежнему пытаемся дѣйствовать согласованно и планомѣрно. Мы каждый день собираемся у генерала Драгомирова, утромъ или вечеромъ, чтобы выработать порядокъ дня предстоящаго или подвести итоги дня минувшаго. Но никакой системы не получается.

Политическое Совѣщаніе само себя распустило 5 іюля, какъ разъ въ день нашего пріѣзда. Въ области дипломатическаго представительства остались только полномочная „четверка" и представители нашей дипломатіи, формаціи стараго режима и Временнаго Правительства, которыми руководитъ С. Д. Сазоновъ. Положеніе всѣхъ ихъ трудное. Во главѣ „четверки", какъ и прежде во главѣ „Политическаго Совѣщанія", стоитъ князь Г. Э. Львовъ, бывшій глава Временнаго Правительства. За подписью „четверки" выпускались всѣ обращенія и протесты по адресу Мирной Конференціи отъ имени Россіи. Учрежденія, состоящія при „Политическомъ Совѣщаніи", изготовляли записки и меморандумы на разныя темы, связанныя съ русскимъ вопросомъ. Если бы этого не дѣлалось, голосъ Россіи не былъ бы слышенъ даже въ кулуарахъ Конференціи. Но реальный результатъ этихъ усилій пока ничтоженъ. Международныя событія идутъ своимъ чередомъ по

законамъ реальнаго соотношенія силъ. С. Д. Сазоновъ — министръ непризнаннаго правительства — оперируетъ среди иностранцевъ по преимуществу старыми личными связями. Въ пестрой русской общественно-политической средѣ онъ, повидимому, не занялъ положенія, отвѣчающаго его званію. В. А. Маклаковъ — посолъ, не вручившій своихъ вѣрительныхъ грамотъ. Но французское правительство поддерживаетъ съ нимъ „официозныя" отношенія. Разъ его даже пригласили официально для дачи въ одной изъ комиссій Мирной Конференціи объясненій по вопросу о Бессарабіи. Это обстоятельство возбудило нѣкоторыя надежды, но онѣ не оправдались. А. А. Нератовъ прилежно совѣщается съ С. Д. Сазоновымъ и В. А. Маклаковымъ и ходитъ на засѣданія пословъ, находящихся въ Парижѣ. Объ этихъ совѣщаніяхъ онъ освѣдомляетъ генерала Драгомирова. Дипломатическія сферы всегда окружены извѣстною таинственностью. Рядомъ съ общедипломатическимъ представительствомъ, существуетъ военное, тоже составившееся изъ сложнаго нагроможденія различныхъ образованій. Это спеціальная область генерала Драгомирова и нашихъ полковниковъ. Они подолгу, почти каждый день, бываютъ въ управленіи генерала Щербачева и пишутъ длинные доклады для генерала Деникина.

У насъ было два большихъ совѣщанія по вопросамъ финансоваго и торгово-промышленнаго характера. Здѣсь тоже есть, въ чемъ разобраться и что урегулировать. „Общероссійскіе" агенты справедливо претендуютъ на то, что многочисленные уполномоченные, командируемые Югомъ Россіи, держатся „самостійно", игнорируя ихъ и компрометируя „единую" Россію въ глазахъ иностранцевъ. Мы признаемъ основательность ихъ претензій, но намъ хотѣлось бы, въ законныхъ предѣлахъ, обезпечить интересы Юга.

Вообще все это какъ то плохо ладится. Какой то холодокъ взаимнаго непониманія и даже недовѣрія существуетъ между нами и органами обще-россійскаго представительства. Намъ кажется, что, съ высоты своей россійской позиціи, они смотрятъ на насъ не безъ пренебреженія. Можетъ быть, мы бо-

лѣзненно подозрительны. Генералъ Драгомировъ получилъ отъ кого то письмо, въ которомъ доказывается, что даже размѣщеніе насъ въ „Лютеціи“ есть плодъ коварнаго замысла. Въ „Лютеціи“ — гостинницѣ дѣльцовъ и прожектеровъ — будто бы жить для насъ „компрометанто“.

* * *

Французская печать занималась нами не болѣе двухъ дней. Репортеры большихъ газетъ осаждали, главнымъ образомъ, генерала Драгомирова, изумлялись нашимъ урядникамъ-конвойцамъ и немилосердно путали наши фамиліи и біографическія свѣдѣнія о насъ. Потомъ насъ оставили въ покоѣ.

Мы почти не приходимъ въ соприкосновеніе съ официальной Франціей. Впрочемъ, В. А. Маклаковъ устроилъ въ посольствѣ завтракъ, за которымъ познакомилъ насъ съ высшими чинами министерства иностранныхъ дѣлъ: эта встрѣча не имѣла послѣдствій. А. А. Нератовъ, въ сопровожденіи В. А. Маклакова, посѣтилъ министра Пишона. Генералъ Драгомировъ довольно неожиданно имѣлъ свиданіе съ самимъ Клемансо. Одинъ консервативный сенаторъ заѣхалъ какъ то въ „Лютецію“ и сообщилъ, что предсѣдатель совѣта министровъ хотѣлъ бы видѣть генерала Драгомирова. Вѣроятно, Клемансо было сказано, что генералъ Драгомировъ хотѣлъ бы видѣть предсѣдателя совѣта министровъ. Встрѣча состоялась, и были затронуты тѣ же обязательныя темы о признаніи адмирала Колчака, о матеріальной помощи, о затрудненіяхъ съ визами, чинимыхъ нашимъ курьерамъ. Клемансо внезапно предъявилъ намъ обвиненіе ..... въ германофильствѣ. Въ доказательство онъ сослался на рѣзкіе отзывы генерала Деникина въ письмѣ, посланномъ адмиралу Колчаку послѣ эвакуаціи Одессы. Содержаніе письма, повидимому, попавшаго въ руки большевиковъ, стало извѣстно французамъ.

Мы видѣлись еще съ нѣсколькими французскими журналистами и политическими дѣятелями болѣе или менѣе круп-

наго калибра, всѣмъ въ бодрыхъ, увѣренныхъ тонахъ живописуя положеніе на Югѣ Россіи и повторяя наши основныя пожеланія относительно политики союзниковъ. Пальма первенства въ смыслѣ воздѣйствія на французскую общественность безспорно принадлежитъ Н. И. Астрову. Вмѣстѣ съ гр. Паниной онъ обошелъ цѣлый рядъ виднѣйшихъ французскихъ политиковъ, былъ у Бріана и Вивіани, у Рейнака и Альбера Тома.

Кажется, вездѣ и всѣ мы получаемъ одни и тѣ же впечатлѣнія. Насъ выслушиваютъ внимательно, и наши твердыя рѣчи вызываютъ интересъ, связанный, пожалуй, съ изумленіемъ. А потомъ начинаются сомнѣнія. Почему такъ упорно держатся большевики? Почему отступаетъ Колчакъ? Въ самомъ дѣлѣ, Колчакъ отступаетъ, и Европа не признала Колчака.

Европа считается только съ фактами, и однѣ надежды на будущее, какъ и элегическія воспоминанія о прошломъ, мало вѣсятъ на вѣсахъ ея реальной политики. На праздникѣ Побѣды 14 іюля Россія не была никѣмъ представлена, русскихъ войскъ не было въ торжественномъ шествіи побѣдителей. Ну, а тѣ милліоны погибшихъ русскихъ героевъ, которые сдѣлали возможными Марну и Верденъ, и отъ имени которыхъ возложенъ однимъ изъ чиновъ военной миссіи вѣнокъ на „Памятникъ Мертвымъ", что же они, побѣдители или побѣжденные? Сами побѣдители отбрасываютъ ихъ въ лагерь побѣжденныхъ.

* * *

Пять лѣтъ тому назадъ я видѣлъ Парижъ первыхъ дней войны и мобилизаціи, сначала весь кипящій бурными патріотическими манифестаціями, потомъ такой сосредоточенный и тихій, полный сознательной и непреклонной рѣшимости.

Парижъ побѣды не носитъ на себѣ почти никакихъ слѣдовъ четырехлѣтней жестокой борьбы. Кое гдѣ видны незначительныя разрушенія отъ воздушныхъ бомбардировокъ. Иногда слышны жалобы на дороговизну жизни со времени

перемирія, на невыплату демобилизаціонныхъ „премій", на что еще? — На неумѣніе „бюрократіи" справиться съ „проблемой опустошенныхъ департаментовъ".

Но никогда еще великій городъ не былъ такъ блестящъ и живописенъ. Почему никогда еще не былъ такъ прекрасенъ Тюльерійскій садъ, подернутый по утрамъ легкой, голубоватой дымкой? Почему такъ удивительно ярко горятъ брильянты въ витринахъ rue de la Paix?. Почему такъ изысканно хороши парижскія женщины, бѣгающія по бульварамъ въ коротенькихъ платьяхъ и въ шелковыхъ чулкахъ? Экономисты говорятъ, что первые моменты усиленнаго роста бумажно-денежнаго обращенія всегда сопровождаются обманчивой интенсификаціей народно-хозяйственной жизни.

Мы обѣдаемъ вдвоемъ съ генераломъ Драгомировымъ въ одномъ изъ ресторановъ Булонскаго лѣса. Изъ танцовальнаго зала доносятся зовущіе звуки моднаго танца. Одна за другой встаютъ изъ за обѣденныхъ столиковъ пары и идутъ танцовать.

Неподалеку отъ насъ занимаютъ столикъ четверо: двѣ дамы, штатскій и русскій офицеръ, элегантно одѣтый съ орденскими ленточками на груди. Откуда онъ, этотъ обломокъ какой-нибудь изъ армій гражданской войны, наслѣдницъ единой и великой Русской Арміи? Что онъ здѣсь дѣлаетъ? Какія средства позволяютъ ему шумно кутить въ фешенебельномъ ресторанѣ въ обществѣ свѣтскихъ жуировъ? Офицеръ ведетъ себя развязно и что то громко говоритъ, обнимая за талію свою спутницу.

Мой визави начинаетъ волноваться. Я вижу, что его черепъ багровѣетъ, какъ въ минуты острыхъ политическихъ схватокъ въ Особомъ Совѣщаніи. Онъ достаетъ визитную карточку и быстро пишетъ на ней карандашомъ. Было бы напрасно его удерживать. Генералъ Драгомировъ подзываетъ лакея и велитъ ему передать карточку кутящему офицеру.

Лакей возвращается, недоумѣвающій. Офицеръ сказалъ, что онъ не знаетъ monsieur; если monsieur имѣетъ что ему

сказать, пусть подойдетъ къ его столику. Однако, офицеръ освобождаетъ даму изъ объятій и становится сдержаннѣе.

Мы покидаемъ ресторанъ. Тѣни сгущаются. Пары встрѣчаются въ дверяхъ танцовальнаго зала. Однѣ идутъ на мягкіе, скользящіе звуки оркестра. Другія возвращаются взволнованныя, утомленныя.

* * *

Въ Парижѣ много разныхъ русскихъ политическихъ организацій. Большинство изъ нихъ, отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ, относятся къ намъ враждебно или, въ лучшемъ случаѣ, скептически, объединяя съ нами въ общихъ отрицательныхъ чувствахъ и адмирала Колчака. Н И. Астровъ ходилъ на засѣданіе „блока" группъ болѣе умѣренныхъ и центральныхъ. Онъ вернулся съ тяжелымъ чувствомъ. Поддерживаетъ по настоящему Востокъ и Югъ Россіи информаціонно-пропагандистская организація „Union", руководимая В Л. Бурцевымъ и Б. В. Савинковымъ. В. Л. Бурцевъ въ своемъ „Общемъ Дѣлѣ" упрямо долбитъ въ одну точку, разоблачая вмѣстѣ съ большевиками тѣхъ „соглашателей", чей лозунгъ „ни Колчакъ, ни Ленинъ". Б. В. Савинковъ въ мѣру возможнаго „инспирируетъ" французское общественное мнѣніе. Дѣятели „Union" больше связаны съ Колчакомъ и по условіямъ возникновенія ихъ организаціи, и благодаря относительной налаженности сношеній. Но они помогаютъ и Югу Россіи. Они сурово осуждаютъ насъ за недостаточное вниманіе къ дѣлу заграничной пропаганды. Ихъ раздражаетъ наше неумѣніе справиться даже съ техникой информаціонной службы и смущаетъ нѣкоторый налетъ „реакціонности" на нашемъ политическомъ обликѣ. Они тоже убѣждены, что отношеніе къ намъ Запада опредѣляется большею или меньшею степенью нашего „либерализма" и съ радостью пользуются всѣми данными, способными въ этомъ смыслѣ улучшить нашу репутацію.

„Union" чествовалъ насъ полуденнымъ чаемъ. Это скромное торжество, которому предшествовали разныя сомнѣнія

и опасенія, сошло вполнѣ удачно. Было условлено, что рѣчей не будетъ. Но Н. В. Чайковскій первый нарушилъ уговоръ и произнесъ очень любезное привѣтственное слово. Генералъ Драгомировъ отвѣтилъ ему съ большой находчивостью, и этотъ обмѣнъ рѣчей между престарѣлымъ революціонеромъ и боевымъ генераломъ, „правыя" убѣжденія котораго ни для кого не составляютъ тайны, былъ, по своему, занимателенъ. Послѣдовало еще нѣсколько рѣчей. Съ большимъ пафосомъ и въ очень „руссофильскомъ" духѣ говорилъ депутатъ Лебукъ.

У насъ было вообще немало встрѣчъ за завтракомъ и обѣдомъ съ самыми разнообразными людьми, встрѣчъ, большею частью мимолетныхъ и случайныхъ. Кромѣ того, у каждаго изъ насъ бываетъ масса народу, больше всего, конечно, у генерала Драгомирова. Приходятъ люди, такъ или иначе связанные съ Югомъ Россіи, „сочувствующіе", просто любопытные, но преобладаютъ всевозможные прожектеры. Среди нашихъ посѣтителей почти вовсе нѣтъ серьезныхъ, отвѣтственныхъ дѣятелей.

* * *

Мы каждый день лишній разъ убѣждаемся въ хрупкости нашихъ связей съ союзниками. Дипломаты заклинаютъ насъ бережно относиться къ этимъ связямъ, такъ какъ всякое рѣзкое движеніе, даже слово можетъ все испортить. Говорятъ, что союзныя правительства испытываютъ неимовѣрныя затрудненія со стороны оппозиціонныхъ группъ, радикальныхъ и соціалистическихъ, и часто вынуждены прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы оказывать намъ помощь. Самъ Черчилль, будто бы, въ бесѣдѣ съ однимъ русскимъ генераломъ по вопросу о помощи сѣверо-западной арміи настаивалъ на необходимости хранить все это дѣло въ строжайшемъ секретѣ.

Штабъ генерала Деникина выпустилъ сборникъ документовъ, относящихся къ одесскому періоду сотрудничества добровольцевъ съ французами. Въ книгѣ этой нѣтъ ничего

кромѣ официальныхъ документовъ. Экземпляръ ея былъ врученъ начальнику французской военной миссіи въ Екатеринодарѣ, полковнику Корбейлю и тотъ переслалъ ее въ Парижъ. Здѣсь она, повидимому, произвела впечатлѣніе скандала. Въ министерствахъ негодуютъ и снова начинаютъ подозрѣвать насъ въ „германофильствѣ". Клемансо яко бы до того разгнѣвался, что отказывается принимать доклады о русскихъ дѣлахъ. Кажется, и наши дипломаты находятъ, что съ нашей стороны допущена нѣкоторая неосторожность.

Мы становимся еще тише и скромнѣе. По просьбѣ пріятеля, французскаго журналиста, я написалъ для одной большой парижской газеты статью на тему объ отношеніяхъ съ союзниками. Статья, по моему, написана сдержанно, но въ ней, дѣйствительно, поставлены всѣ точки надъ і. Статья обсуждается въ общемъ собраніи делегаціи. А. А. Нератовъ протестуетъ. Статья напечатана не будетъ.

Зато союзники умѣютъ дѣйствовать откровенно и рѣшительно. Изъ газетъ мы узнаемъ, что въ Ревелѣ англійскій полковникъ Маршъ 10 августа форсировалъ — въ 40 минутъ — образованіе правительства Ліанозова и вынудилъ у него признаніе независимости Эстоніи. Собранныя нами свѣдѣнія вообще свидѣтельствуютъ, что закавказскіе англичане имѣютъ достойныхъ партнеровъ въ англичанахъ прибалтійскихъ.

* * *

Вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ мы въ Парижѣ, а отвѣта изъ Омска все нѣтъ. Правда, оттуда подтвердили полученіе всѣхъ нашихъ пяти телеграммъ и обѣщали отвѣтить на-дняхъ. Но, видимо, омскому правительству не до насъ: продвиженіе большевиковъ на восточномъ фронтѣ продолжается безостановочно. Изъ Екатеринодара намъ сообщили только, что адмиралъ Колчакъ въ отвѣтъ на приказъ 30 мая назначилъ генерала Деникина Замѣстителемъ Верховнаго Главнокомандующаго. Но этимъ, конечно, не рѣшается вопросъ о его гражданскихъ полномочіяхъ.

За это время мы успѣли на собственномъ опытѣ убѣдиться, что Югъ Россіи фактически не связанъ съ Европой. Только одинъ разъ намъ были доставлены со случайной оказіей частныя письма и документы. За шесть недѣль нашего пребыванія въ Парижѣ прибылъ только одинъ курьеръ съ официальной кореспонденціей. О грандіозныхъ событіяхъ, развертывающихся на Югѣ Россіи, мы узнаемъ прежде всего изъ англійскихъ газетъ по выдержкамъ изъ большевистскаго радіо и сообщеніямъ англійскаго военнаго министерства. Значительно позднѣе приходятъ „собственныя“ наши свѣдѣнія, передаваемыя изъ Екатеринодара черезъ Константинополь.

Тѣмъ не менѣе намъ уже совершенно ясно, что наша заграничная командировка оторвала насъ отъ активной работы въ трудный и радостный моментъ выхода армій генерала Деникина на широкій просторъ южно-русскихъ степей. Уже заняты Царицынъ, Харьковъ, Екатеринославъ и очищенъ Крымъ. Есть слухи о предстоящемъ занятіи Одессы, на противоположномъ флангѣ наши войска подходили чуть ли не къ Саратову. Ставка и Особое Совѣщаніе готовятся перейти въ Таганрогъ и Ростовъ. Полныя значительности вещи происходятъ и въ области гражданскаго устройства. Южно-Русская казачья конференція, несмотря на кратковременное замѣшательство, вызванное убійствомъ Н. С. Рябовола, выразила желаніе вступить въ переговоры съ Главнымъ Командованіемъ, и переговоры эти имѣютъ шансы пойти успѣшно на основѣ двѣнадцати тезисовъ, выработанныхъ уполномоченными Главнокомандующаго. Изъ Отдѣла Законовъ мнѣ прислали конституціонные проекты, предусматривающіе созданіе объединеннаго правительства и совѣщательной палаты для всѣхъ свободныхъ отъ совѣтской власти областей Юга Россіи. Проекты составлены въ расчетѣ на соглашеніе съ казаками, но такимъ образомъ, что при нуждѣ, они могутъ быть осуществлены и только для мѣстностей, находящихся подъ управленіемъ Главнокомандующаго. У насъ получается впечатлѣніе, что проведеніе ихъ въ жизнь можетъ быть дѣломъ недѣль, пожалуй, дней, и это, естественно, еще усиливаетъ въ насъ тягу на родину.

Большая часть нашей делегаціи во главѣ съ генераломъ Драгомировымъ, А. А. Нератовымъ и Н. И. Астровымъ съѣздила въ Лондонъ, гдѣ они въ общемъ нашли то же, что въ Парижѣ; если не считать большей предупредительности офиціальныхъ англійскихъ круговъ; генералъ Драгомировъ долженъ былъ даже быть принятъ королемъ, но въ послѣдній моментъ аудіенція разстроилась. Теперь мы усиленно готовимся къ отъѣзду. Полковники заканчиваютъ свои доклады. Я собираю книги и документы по вопросу объ окраинныхъ „образованіяхъ". Мы даемъ послѣдніе отвѣтные завтраки и обѣды.

Передъ отъѣздомъ мы посылаемъ телеграммы: въ Омскъ съ просьбой адресовать отвѣтъ на нашъ докладъ непосредственно на Югъ; генералу Деникину — съ извѣщеніемъ, что мы возвращаемся, не выполнивъ до конца возложеннаго на насъ порученія.

* * *

Итакъ, мы ѣдемъ. Во вторникъ, 19 августа, ровно черезъ полтора мѣсяца послѣ нашего прибытія въ Парижъ, трогается въ путь черезъ Римъ — Таранто первая часть делегаціи, — мы вдвоемъ съ генераломъ Драгомировымъ, военные чины и секретари. А. А. Раевскій везетъ обратно свой тяжелый багажъ неиспользованныхъ вѣдомственныхъ матеріаловъ. А. А. Нератовъ ѣдетъ на Бѣлградъ нѣсколькими днями позже. Н. И. Астровъ, больше всѣхъ насъ рвавшійся домой, въ послѣдній моментъ рѣшаетъ задержаться. За день до нашего отъѣзда мы находимъ въ газетахъ телеграмму о прибытіи въ Марсель „делегатовъ" адмирала Колчака, изъ которыхъ одинъ именуется Кокоруссовымъ. Н. И. Астровъ предполагаетъ въ немъ Бѣлоруссова, извѣстнаго сотрудника „Русскихъ Вѣдомостей" и главнаго редактора „Отечественныхъ Вѣдомостей" въ Сибири, и хочетъ выяснить личность прибывшихъ. Потомъ вмѣстѣ съ гр. Паниной онъ поѣдетъ черезъ Марсель. Мы уѣзжаемъ, оставляя по себѣ у русскихъ

парижанъ, вѣроятно, довольно смѣшанныя впечатлѣнія. Вѣроятно, мы кажемся имъ немножко провинціалами, немножко чудаками, слишкомъ крѣпко вѣрящими въ свое дѣло и недостаточно тонко и точно оцѣнивающими всѣ сложныя условія международной конъюнктуры. Поэтому мы разстаемся не безъ вздоха облегченія. На вокзалѣ насъ провожаетъ много народу.

* * *

Римъ. Остановка на два дня. Поверхностный осмотръ города, и обычныя встрѣчи и бесѣды Тотъ же переплетъ разнообразныхъ русскихъ представительствъ и агентуръ. То же отсутствіе связи. Мы спѣшимъ дальше, и такъ какъ отходящій въ субботу изъ Таранто пароходъ не можетъ принять всѣхъ насъ, мы еще разъ дѣлимся на группы. А. А. Раевскій и двое полковниковъ съ однимъ изъ казаковъ остаются въ Римѣ.

Таранто Итальянскія власти оказываютъ намъ знаки неожиданнаго вниманія. Флагъ-офицеръ мѣстнаго адмирала помогаетъ намъ купить билеты, возитъ въ автомобилѣ по городу, провожаетъ на пароходъ. Подъ конецъ, плотный, красивый, весело смѣющійся морякъ начинаетъ обнаруживать нетерпѣніе и то и дѣло взглядываетъ на часы на браслетѣ. Оказывается, у него есть еще дѣло. Устроивъ насъ, онъ долженъ встрѣчать плѣннаго нѣмецкаго генерала Лиманъ-фонъ-Сандерса, идущаго на англійскомъ военномъ суднѣ. Генералъ Драгомировъ спрашиваетъ, съ какими чувствами будетъ онъ сопровождать знаменитаго плѣнника. Итальянецъ, улыбаясь, говоритъ, что генералъ Лиманъ доблестный офицеръ.

Константинополь. Мы прожили здѣсь больше недѣли, поджидая подходящей оказіи въ Новороссійскъ. Понемногу съѣзжаются всѣ участники делегаціи, и мы, очевидно, поѣдемъ, домой au grand complet. Побѣды Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи продолжаются. Приходитъ извѣстіе о взятіи Кіева. Всѣ правительственныя учрежденія уже переѣхали въ Ростовъ и Таганрогъ.

Въ салонѣ у „Токатліана“ графъ К., недавно прибывшій съ Юга, разсказываетъ о положеніи дѣлъ. Графъ К. — подвижной и дѣятельный человѣкъ, у него командировки и порученія едва ли не отъ двадцати казенныхъ и общественныхъ учрежденій. Онъ въ большомъ экстазѣ. Онъ говоритъ, что все идетъ блестяще, и что продвиженіе армій генерала Деникина совершается среди поголовнаго сочувствія и при всеобщей поддержкѣ. Рабочіе неутомимо работаютъ. Къ радости земледѣльцевъ, хлѣбная монополія давно отмѣнена, взимается только единовременный сборъ въ пользу Арміи.

Мы слушаемъ внимательно эту восторженную повѣсть. Глаза у генерала Драгомирова полны слезъ.

* * *

Въ четвергъ, 22 августа ст. стиля, мы всѣ, кромѣ А. А. Нератова, оставшагося въ Константинополѣ, садимся на англійскій транспортъ „Катторія“, и въ субботу утромъ передъ нами открывается панорама Новороссійска.

Заграничное путешествіе, длившееся два съ половиною мѣсяца, кончено.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.

Экстренный поѣздъ доставилъ насъ въ Ростовъ утромъ въ воскресеніе, 25 августа. Столица Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи встрѣтила насъ непривѣтливо. Несмотря на то, что какъ никакъ въ нашемъ составѣ были предсѣдатель правительства и два члена высшей правительственной коллегіи, на вокзалѣ никого не оказалось, и только черезъ полчаса прибыли офицеры, состоявшіе при генералѣ Драгомировѣ. Генерала съ его багажомъ увезли на автомобиляхъ, а мы, штатскіе члены правительства, были предоставлены собственной участи, особенно печальной, въ виду совершеннаго отсутствія извозчиковъ. Въ концѣ концовъ мы съ А. А. Раевскимъ погрузили вещи на телѣгу, ломовикъ поѣхалъ шагомъ по мостовой, а мы затрусили по тротуару.

П. М Агѣеву, который обвинялъ насъ въ пристрастіи къ „помѣщичьимъ шарабанамъ“ и „камергерскимъ мундирамъ“, было бы полезно увидѣть этотъ пышный „въѣздъ“ въ Ростовъ главы цѣлыхъ двухъ „добровольческихъ“ вѣдомствъ.

* * *

На другой день генералъ Драгомировъ отправился въ Таганрогъ, а въ среду, 28 го, въ Ростовѣ въ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго, были заслушаны доклады всѣхъ четырехъ членовъ делегаціи, включая и нагнавшаго насъ А. А. Нератова. Насъ выслушали не безъ интереса, такъ какъ въ нашихъ наблюденіяхъ было довольно много любопытнаго, но въ общемъ все это носило характеръ

скорѣе, исполненія нѣкоторой обрядовой формальности. Положеніе вещей рѣзко измѣнилось со времени 30 мая, и доктрина „лѣваго фланга“ утратила всякій смыслъ. Арміи Верховнаго Правителя отступали на Востокъ, арміи генерала Деникина, не успѣвъ войти съ ними въ соприкосновеніе, самостоятельно двигались на сѣверъ. Вооруженныя Силы Юга Россіи жили и развивались и въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніи съ суверенною независимостью. Подчиненіе генерала Деникина адмиралу Колчаку пріобрѣло характеръ безсодержательной фикціи.

При такихъ условіяхъ мы не могли не быть поражены притязательностью того отвѣта, который къ этому времени прислало, наконецъ, омское правительство на нашъ телеграфный докладъ. Правда, Омскъ уполномачивалъ Главнокомандующаго — и это было самое главное — издавать постановленія съ силою закона и лишь въ самыхъ общихъ чертахъ намѣчалъ, какъ должны были бы быть у насъ построены высшіе органы управленія и суда. Но въ то же время онъ заявлялъ желаніе подчинить своему высшему руководству нашу финансовую и земельную политику. Понятное само по себѣ, съ точки зрѣнія дѣйствительнаго объединенія правительственной системы, это желаніе на практикѣ грозило просто парализовать нашу работу. Въ частности, М. В. Бернацкій говорилъ, что, если Омскъ будетъ настаивать на своемъ, ему только и останется, что выйти въ отставку. Управленіе финансовъ отъ себя составило подробное возраженіе въ Омскъ, а составленіе отвѣта на общія темы было поручено мнѣ. Я постарался закрѣпить все, что было цѣннаго для свободы дѣйствій Юга Россіи въ телеграммѣ адмирала Колчака, указалъ на необходимость въ связи съ быстрымъ продвиженіемъ на сѣверъ проводить самостоятельно срочныя мѣропріятія по земельному вопросу, и, по особому указанію Главнокомандующаго, прибавилъ пожеланіе генерала Деникина, чтобы въ случаѣ принятія омскимъ правительствомъ важныхъ рѣшеній въ области внѣшней политики ему была дана возможность представлять адмиралу Колчаку свои за-

ключенія. На этотъ разъ изъ Омска отвѣтили вполнѣ удовлетворительно. Оттуда предложили, кромѣ того, обмѣниваться по радіо важнѣйшими законодательными актами, но вскорѣ прямая радіотелеграфная связь между нами прервалась.

Въ дальнѣйшемъ однажды адмиралъ Колчакъ, дѣйствительно, запросилъ заключенія генерала Деникина по одному очень важному международному вопросу.

* * *

Встрѣтившись какъ то въ эти дни съ Н. И. Астровымъ въ помѣщеніи Отдѣла Законовъ, гдѣ происходили засѣданія Малаго Присутствія Особаго Совѣщанія, мы обмѣнялись первыми бѣглыми впечатлѣніями отъ того, что нашли на родинѣ. Впечатлѣнія оказались одинаково неблагопріятными, хотя происходящее каждый изъ насъ оцѣнивалъ по своему.

Внимательно прочитавъ обширную информацію Отдѣла Пропаганды, переговоривъ со своими сотрудниками и повидавшись съ разными общественными и политическими дѣятелями, я убѣдился, что въ областяхъ, находящихся подъ управленіемъ Главнокомандующаго, неблагополучно. „Хорошаго управленія“, которое могло бы завоевать симпатіи населенія къ національной диктатурѣ, нѣтъ, да, пожалуй, нѣтъ и вовсе никакого управленія. „Провинція“ оторвана отъ центра. Интеллигенція недовѣрчива, рабочіе угрюмо враждебны, крестьяне подозрительны. Населеніе по прежнему не дается въ руки власти и реагируетъ на ея административные опыты болѣе или менѣе бурными движеніями. Вмѣсто земельной политики безконечные аграрные разговоры. Центральныя вѣдомства работаютъ вяло и явно не справляются съ чудовищно огромными задачами, выдвигаемыми жизнью. Всякое общее политическое руководство отсутствуетъ. Особое Совѣщаніе барахтается въ безвоздушномъ пространствѣ, ни на кого не опираясь и нигдѣ не встрѣчая настоящей поддержки. Его всѣ считаютъ „обреченнымъ“ и съ нетерпѣніемъ ждутъ его замѣны объединеннымъ Южно-Русскимъ правительствомъ, ко-

торое должно принести съ собою и волевую активность, и политическую опредѣленность. Но переговоры съ казаками начнутся только еще черезъ нѣсколько дней, и самый исходъ ихъ болѣе чѣмъ гадателенъ. Пока же правительство не имѣетъ ни физіономіи, ни программы. Вокругъ него не то что идетъ политическая борьба широкаго размаха, съ идейными мотивами и программными задачами. На политической авансценѣ, въ тѣсно ограниченномъ пространствѣ все тѣ же три „общественныя" организаціи, какъ будто, еще ведутъ такую борьбу. Но это только фасадъ. А затѣмъ политическая жизнь выражается въ непрекращающейся свалкѣ мелкихъ группъ, подъ-группъ, кружковъ, центровъ и союзовъ, которые интригуютъ, „подсиживаютъ", доносятъ, клевещутъ, кого то „валятъ" и, больше всего, болтаютъ и сплетничаютъ. Особенно гибельно то, что эта политическая дрызготня не щадитъ личности Главнокомандующаго, не говоря уже о его ближайшихъ сотрудникахъ, и что она все больше проникаетъ въ армію, вовлекая въ свой оборотъ значительную часть офицерства.

Рѣшивъ имѣть обо всѣхъ этихъ вопросахъ подробное объясненіе съ Главнокомандующимъ и придавая, какъ и раньше, главное значеніе отсутствію у насъ опредѣленнаго политическаго курса, я начертилъ на клочкѣ бумаги графическую схему нашего политическаго положенія. Отъ кружка, помѣченнаго буквой А („царь Антонъ", какъ мы между собой, шутя, называли генерала Деникина) расходились у меня двѣ линіи, одна направо, другая налѣво; къ каждой тяготѣла своя система кружковъ, означавшихъ тѣ или иныя личныя и групповыя вліянія. Правая система была представлена прежде всего кружками генерала Лукомскаго, А. В. Кривошеина и Совѣта Государственнаго Объединенія, а снизу къ нимъ примыкали кружки, обозначавшіе еще болѣе правыя политическія организаціи, постепенными переходами достигавшія предѣловъ крайняго черносотенства. Налѣво, конечно, были помѣчены генералъ Романовскій, Н. И. Астровъ и М. М. Федоровъ съ группой Національнаго Центра и съ дальнѣйшими развѣтвле-

ніями въ сторону Союза Возрожденія. Съ правой стороны на отлетѣ, такъ сказать, отъ основной правой „магистрали", я изобразилъ отдѣльную линію генерала Драгомирова и В. В. Шульгина, политическому вліянію которыхъ подпадала Кіевская область. Поставленныя въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ стрѣлки указывали, куда и какъ тянули эти разнообразныя силы. Моя схема была простымъ карандашнымъ наброскомъ безъ претензій на законченность. Но, какъ мнѣ кажется, онъ довольно наглядно выражалъ существующую у насъ „коалицію" противоположныхъ политическихъ тенденцій, дававшую въ результатѣ политическій параличъ власти.

Къ сожалѣнію, предстоявшая бесѣда съ генераломъ Деникинымъ на политическія темы осложнялась необходимостью затронуть и нѣкоторые щекотливые вопросы личнаго и вѣдомственнаго характера. Я засталъ Отдѣлъ Пропаганды подъ ревизіей. Вскорѣ же послѣ моего отъѣзда за-границу возобновился натискъ на Отдѣлъ, и уже въ іюлѣ туда пожаловалъ чиновникъ Государственнаго Контроля для ревизіоннаго обслѣдованія. Несмотря на то, что это обслѣдованіе, ведшееся съ большимъ „пристрастіемъ", обнаружило лишь рядъ упущеній формальнаго характера, за нимъ немедленно была назначена новая ревизія денежной отчетности Отдѣла черезъ Особую Комиссію. Назначеніе этой ревизіи сопровождалось обычными симптомами словесной невоздержанности и административнаго импрессіонизма. Достаточно сказать, что моему замѣстителю, полковнику Энгельгардту было предписано — „прекратить немедленно безотчетное расходованіе денегъ" и „въ двухмѣсячный срокъ совершенно ликвидировать старый составъ Отдѣла и одновременно приступить къ созданію новаго, какъ по составу, такъ и по организаціи." Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же документѣ одно и то же лицо — временный замѣститель главы вѣдомства! — подвергалось самому безцеремонному шельмованію и облекалось величайшимъ довѣріемъ. Тенденціи ревизіи обнаруживались и въ предписаніи предсѣдателю комиссіи „обратить особое вниманіе" на расходы секретнаго характера, и въ подборѣ чле-

новъ комиссіи — здѣсь были два чиновника Государственнаго Контроля, чиновникъ управленія Финансовъ, Членъ Окружнаго Суда и полковникъ Военно-Судебнаго Вѣдомства. Во главѣ комиссіи поставили генерала-отъ-артиллеріи Шведова, лицо, хорошо извѣстное военно — бюрократическимъ сферамъ Петрограда. Тактичность этого выбора усугублялась тѣмъ обстоятельствомъ, что весною генералъ Шведовъ просился на службу въ Отдѣлъ Пропаганды, причемъ я его услугами не воспользовался, а потомъ присылалъ намъ свои литературныя произведенія, которыхъ мы не напечатали. Несомнѣнно полковнику Энгельгардту надлежало протестовать и подать въ отставку. Онъ въ отставку не подалъ по „гражданскимъ“ мотивамъ, которые всѣхъ насъ неоднократно удерживали отъ этого рѣшительнаго и, политически, часто единственно спасительнаго шага. По возвращеніи я былъ поставленъ передъ фактомъ ревизіи, длившейся уже мѣсяцъ. Въ предписаніи генералу Шведову было указано на необходимость закончить ее „въ возможно кратчайшій срокъ“, но ревизіонная комиссія не спѣшила.

Назначеніе ревизіи цѣлаго вѣдомства въ отсутствіе его главы было, конечно, актомъ величайшей нелѣпости, мыслимымъ только въ экзотическихъ условіяхъ гражданской войны. Но что мнѣ было, въ свою очередь, дѣлать? Подать въ отставку? Это имѣло бы смыслъ въ моментъ назначенія ревизіи, но, разъ ревизія уже началась, уходъ имѣлъ бы какъ будто видимость уклоненія отъ отвѣтственности. Вступить въ должность и молчаливо мириться съ тѣмъ, что чины ревизіи копаются въ самыхъ секретныхъ нашихъ документахъ и таскаютъ къ себѣ на допросъ, какъ подсудимыхъ, служащихъ Отдѣла? Я считалъ это несовмѣстимымъ съ моимъ личнымъ достоинствомъ и служебнымъ авторитетомъ. Чувствуя себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, я придумалъ исходъ, вся порочность котораго не замедлила вскорѣ обнаружиться. Я рѣшилъ, до окончанія ревизіи, не вступать въ должность управляющаго Отдѣломъ Пропаганды и, работая въ Отдѣлѣ Законовъ, не посѣщать засѣданій Особаго Совѣща-

нія. Я имѣлъ въ виду, по окончаніи ревизіи, вступить въ должность, написать объясненіе на отчетъ генерала Шведова и, въ случаѣ признанія моихъ объясненій удовлетворительными, подать, наконецъ, въ отставку. По уговору съ Б. А. Энгельгардтомъ и Э. Д. Гриммомъ, одновременно со мной должны были подать въ отставку оба мои помощника.

Написавъ въ этомъ смыслѣ прошеніе на имя генерала Деникина, я въ пятницу, 30 августа, поѣхалъ въ Таганрогъ къ Главнокомандующему.

* * *

Непріятный разговоръ о ревизіи не помѣшалъ мнѣ имѣть съ генераломъ Деникинымъ очень подробную и откровенную бесѣду общеполитическаго характера.

Я показалъ Главнокомандующему мою схематическую „шпаргалку“ и, ничего не утаивая, называя людей и вещи своими именами, высказалъ ему свои опасенія за будущее. Взявъ мою бумажку, генералъ Деникинъ съ улыбкой спросилъ, почему же на моей схемѣ никакъ не обозначенъ я самъ. Я отвѣтилъ, что по долгу совѣти считаю для себя обязательной „линію“ Главнокомандующаго и стараюсь не тянуть ни влѣво, ни вправо, но вижу, что политика „средней линіи“ намъ не удается, и что настало время самому Главнокомандующему либо отказаться отъ сотрудничества лѣвыхъ и опереться на правые круги, чтобы затѣмъ выравнять курсъ и вести умѣренно-правую линію, либо, столковавшись съ лѣвыми кругами, выйти на умѣренно-лѣвую дорогу. На дальнѣйшій вопросъ о томъ, что сталъ бы дѣлать я самъ, на его мѣстѣ, я отвѣтилъ генералу Деникину обстоятельнымъ изложеніемъ моей всегдашней теоріи о томъ, что нужная Россіи твердая власть по условіямъ момента можетъ быть выдвинута только консервативными кругами, но что эти круги должны признать фактъ совершившейся земельной революціи, благодаря чему и произойдетъ обособленіе жизнеспособныхъ консервативныхъ элементовъ отъ крайняго черно-

сотенства. Я сказалъ, между прочимъ, что въ такомъ случаѣ Главнокомандуюшему надо, въ частности, уволить и меня, и генералъ Деникинъ, смѣясь, замѣтилъ: „Ну, положимъ, правые васъ любятъ и многіе изъ вашихъ кадетовъ тоже считаютъ васъ правымъ". Я возразилъ, что хотя я и часто расхожусь съ моими товарищами по партіи, на мнѣ все же, по моему, лежитъ неизгладимая печать кадетства и что правыя группы никогда еще не видѣли во мнѣ „своего" человѣка.

Генералъ Деникинъ противопоставилъ моимъ разсужденіямъ свою политическую доктрину съ прямотою и ясностью, которыя не могли не вызвать глубокаго уваженія. Онъ сказалъ, что не умѣетъ заниматься политическими „комбинаціями", а ведетъ линію ровную и прямую, которую выработалъ себѣ еще въ академическіе годы. Эту линію онъ тутъ же начертилъ на моей схемѣ, проведя ее по серединѣ, между лѣвой и правой. Но, прибавилъ генералъ Деникинъ, мы, его сотрудники, не умѣемъ или не хотимъ проводить въ жизнь его указанія и давимъ каждый по своему, кто налѣво, кто направо. Благодаря этому его политика искажается и получается вотъ что: Главнокомандующій снова взялъ бумажку и, съ силой нажимая на карандашъ, провелъ поверхъ прямой линіи ломаную. Этого, конечно, не должно быть, но для того, чтобы этого не было, вовсе нѣтъ нужды въ однородномъ политическомъ правительствѣ. Надо только, чтобы всѣ члены коалиціоннаго правительства усвоили программу Главнокомандующаго и честно проводили ее въ жизнь. А коалиція, заключилъ генералъ Деникинъ, какъ была раньше, такъ будетъ и впредь. Генералъ Деникинъ нѣсколько разъ подчеркивалъ, что таковы его личныя убѣжденія, и что его политическая программа никѣмъ со стороны ему не навязывается. Генерала Романовскаго, возмущенно говорилъ онъ, называютъ „злымъ геніемъ" Арміи и думаютъ, что если „имъ" удастся его свалить, что-нибудь отъ этого измѣнится. Но „они" ошибаются. Политика Главнокомандующаго осталась бы и въ этомъ случаѣ неизмѣнной. Генералъ Деникинъ былъ вообще очень суровъ въ своихъ отзывахъ о „нихъ". Въ теченіе раз-

говора онъ далъ нѣсколько яркихъ и безпощадныхъ характеристикъ „имъ“, причисляя къ „нимъ“ очень высокихъ представителей нашей военной и гражданской іерархіи. Я не могъ не оцѣнить красочности этихъ саркастическихъ отзывовъ. Но меня поразило то, съ какимъ недовѣріемъ, съ какою обостренною подозрительностью относился генералъ Деникинъ даже къ самымъ ближайшимъ своимъ помощникамъ. Онъ повидимому, былъ искренне убѣжденъ, что его окружаютъ почти сплошь люди, либо непонимающіе, либо враждебные, и мнѣ кажется, что ему должно было быть очень тяжело въ его политическомъ одиночествѣ, смягчаемомъ лишь постоянною близостью вѣрнаго Ивана Павловича.

Намъ пришлось коснуться и проектовъ созданія Южно-Русской власти, по соглашенію съ казаками. Я высказалъ Главнокомандующему всѣ свои сомнѣнія. Я счелъ своимъ долгомъ указать, что, привѣтствуя и мысль объ организованномъ объединеніи съ казачествомъ, и проектъ обособленія законосовѣщательной палаты отъ высшаго органа правительства, я съ тревогой думаю о томъ, что у насъ получится съ учрежденіемъ совѣщательнаго собранія наполовину выборнаго состава и обладающаго правомъ вопросовъ. Какъ государствовѣду, мнѣ представлялось внутренне противорѣчивымъ сочетаніе выборнаго начала съ началомъ совѣщательности, и я доказывалъ, что надо дѣлать одно изъ двухъ: либо идти на настоящій парламентъ съ рѣшающимъ голосомъ, то есть отказываться отъ диктатуры, либо возвращаться къ моей майской запискѣ и просто преобразовать Особое Совѣщаніе. Я не могъ не обратить вниманія Главнокомандующаго на то, что при нашихъ непорядкахъ въ области администраціи, при обостренности нашихъ отношеній къ нѣкоторымъ группамъ казачества и при неприспособленности нашего правящаго персонала къ парламентской борьбѣ, реформа можетъ немедленно вызвать рядъ конфликтовъ и скандаловъ. Генералъ Деникинъ рѣшительно отвелъ всѣ мои возраженія. Во-первыхъ, уже поздно. Онъ сдѣлалъ по этому вопросу нѣсколько заявленій, его обязывающихъ; казакамъ

вручены наши проекты, предусматривающіе учрежденіе Высшаго Совѣта. Да затѣмъ и по существу — и здѣсь генералъ Деникинъ лишній разъ оправдывалъ свою репутацію убѣжденнаго либерала — опасаться нечего. Конечно, въ Высшій Совѣтъ проникнутъ нѣкоторые анти-государственные элементы. Но тамъ будетъ совершенно достаточно людей, государственно мыслящихъ, чтобы парализовать всѣ разлагающія вліянія. Главнокомандующій былъ такъ твердъ въ своемъ довѣріи къ будущей палатѣ, что выражалъ намѣреніе ввести въ ея составъ представителей всѣхъ группъ населенія, включая и рабочихъ, и предоставить Высшему Совѣту не принадлежавшее ему по проекту учрежденія право выбрать себѣ предсѣдателя. Онъ нѣсколько разъ подчеркивалъ, что мои возраженія носятъ теоретическій характеръ и что на практикѣ „все будетъ хорошо“. Бесѣда, сама собой, неоднократно соскальзывала съ принципіальныхъ разсужденій на „личности“. Въ частности, былъ затронутъ вопросъ о предсѣдателѣ будущаго совѣта начальниковъ управленій. Я высказался въ томъ смыслѣ, что назначеніе настоящаго главы правительства есть дѣло насущной необходимости, что я его ставлю въ связь съ опредѣленіемъ нашего политическаго курса, и что его невозможно откладывать до окончанія переговоровъ съ казаками. Генералъ Деникинъ, напротивъ, пріурочивалъ этотъ шагъ къ предстоящей „великой реформѣ“. Конечно, его озабочивали кандидатуры на этотъ исключительной важности постъ. Ему называли имя гр. П. Н. Игнатьева. Но графъ боленъ, а будущему премьеру, помимо всего прочаго, необходимо обладать богатырскимъ здоровьемъ. Здѣсь у генерала Деникина были, повидимому, тоже недоразумѣнія съ „ними“. „Они“ сначала доказывали необходимость назначенія „премьеромъ“ штатскаго человѣка, подразумѣвая совершенно опредѣленное лицо. Теперь „они“, напротивъ, доказываютъ, что нуженъ обязательно военный и, конечно, имѣютъ въ виду тоже опредѣленнаго генерала. При этомъ у меня создалось вполнѣ отчетливое впечатлѣніе, въ чемъ будетъ для генерала Деникина главная трудность при назначеніи предсѣдателя пра-

вительства. На этомъ посту можно будетъ работать только при условіи абсолютнаго довѣрія Главнокомандующаго. А за единственнымъ исключеніемъ все того же генерала Романовскаго, который самъ всегда отстранялъ всякую мысль о своей кандидатурѣ, гдѣ это пользующееся абсолютнымъ довѣріемъ генерала Деникина лицо?

Мое политическое объясненіе съ генераломъ Деникинымъ кончилось такимъ образомъ „въ ничью". Въ дѣлѣ ревизіи онъ принялъ мою точку зрѣнія и, разрѣшивъ мнѣ пока не вступать въ должность, распорядился, чтобы ревизія была ускорена и чтобы генералъ Шведовъ не приступалъ къ ревизіи нашихъ мѣстныхъ отдѣленій, безъ особаго распоряженія. Но раньше чѣмъ положить въ этомъ смыслѣ резолюцію на моемъ прошеніи, онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, которое поставило меня втупикъ. — „Хотите, сказалъ онъ, я прекращу ревизію?" — „Какъ такъ?" — „Да очень просто. Васъ не было. Со всѣхъ сторонъ ко мнѣ сыпались жалобы и доносы на безобразія вашихъ осваговъ. Чтобы выяснить дѣло до конца, я назначилъ ревизію. Теперь Вы вернулись и я Вамъ поручу закончить ревизію?". Это было очень соблазнительно, но я не могъ не повторить Главнокомандующему тѣхъ аргументовъ противъ „срыва" ревизіи, которые мысленно приводилъ самъ себѣ передъ поѣздкой въ Таганрогъ. Что же это будетъ, въ самомъ дѣлѣ? Въ мое отсутствіе была назначена ревизія одного изъ возглавляемыхъ мною вѣдомствъ. Очевидно, у Главнокомандующаго имѣлись достаточно серьезныя данныя о непорядкахъ или даже злоупотребленіяхъ въ Отдѣлѣ Пропаганды. Потомъ я вернулся и использовалъ свое вліяніе, чтобы „задушить ревизію". Нѣтъ, это поставитъ въ неловкое положеніе и Главнокомадующаго, и меня. Пусть ужъ лучше генералъ Шведовъ доведетъ свое дѣло до конца. Пусть комиссія изъ шести лицъ проперлюстрируетъ всю нашу секретную отчетность. А тамъ мы посмотримъ, и либо подвергнемся заслуженнымъ карамъ, либо добьемся гарантій противъ новыхъ интригъ и оскорбленій, либо предоставимъ другимъ вести неосторожно довѣренное намъ дѣло. Въ концѣ концовъ,

генералъ Деникинъ сдѣлалъ на моемъ прошеніи соотвѣтствующую надпись, и я откланялся. Главнокомандующій не преминулъ сказать мнѣ при этомъ нѣсколько очень сердечныхъ словъ.

* * *

Съ разрѣшенія Главнокомандующаго, въ засѣданіи 3 сентября, при соблюденіи строгой секретности (чины Канцеляріи были удалены изъ зала) я подробно ознакомилъ Особое Совѣщаніе съ обстоятельствами назначенія въ Отдѣлѣ Пропаганды ревизіи, о которой въ большинствѣ они были освѣдомлены только въ порядкѣ сплетень. Затѣмъ я пересталъ бывать въ Особомъ Совѣщаніи и устранился отъ Отдѣла Пропаганды. Я часто бывалъ въ Отдѣлѣ и слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, но только въ качествѣ „консультанта", такъ какъ формально и фактически управлялъ вѣдомствомъ Б. А. Энгельгардтъ. Я предполагалъ вообще уѣхать въ отпускъ или въ агитаціонную поѣздку, но Главнокомандующій настоялъ на томъ, чтобы я принялъ участіе въ переговорахъ съ казаками. Нѣсколько времени спустя генералъ Деникинъ потребовалъ, чтобы я присутствовалъ и на политическихъ совѣщаніяхъ по средамъ. Но я продолжалъ отсутствовать въ дѣловыхъ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія, гдѣ меня замѣняли — по Отдѣлу Пропаганды Б. А. Энгельгардтъ и по Отдѣлу Законовъ — А. С. Щетининъ.

Съ теченіемъ времени мнѣ не стоило большого труда убѣдиться, что отказъ отъ предложеннаго мнѣ Главнокомандующимъ прекращенія ревизіи былъ, съ моей стороны, второю грубою тактической ошибкой. Мой расчетъ былъ на то, что генералъ Шведовъ, получивъ предписаніе объ ускореніи ревизіи, закончитъ ее въ 2 — 3 недѣли. Онъ просидѣлъ въ Отдѣлѣ Пропаганды, разыскивая слѣды правонарушеній и злоупотребленій, еще два мѣсяца, и въ результатѣ получилось сложное нагроможденіе нелѣпостей. Какъ только выяснилось, что при помощи ревизіи не удастся ни серьезно скомпрометировать Отдѣлъ, ни свалить его руководителей, инте-

ресъ къ ней сталъ падать и постепенно о ней всѣ забыли. Но на эти два мѣсяца я былъ парализованъ въ своей административной и политической дѣятельности. Я могъ не соглашаться съ тѣмъ или инымъ мѣропріятіемъ моего замѣстителя, но я долженъ былъ воздерживаться отъ категорическихъ указаній и непосредственныхъ распоряженій, такъ какъ не на мнѣ лежала отвѣтственность за ходъ дѣлъ по вѣдомству. Я, конечно, наблюдалъ за „юрисконсультской" работой Отдѣла Законовъ, но не я защищалъ его заключенія въ Особомъ Совѣщаніи, въ которомъ эти два мѣсяца не было присяжнаго законовѣда Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи. Словомъ, если остріе ревизіи было, дѣйствительно, направлено лично противъ меня, то нужно сказать, что на два мѣсяца цѣль ея была достигнута.

Только къ началу ноября генералъ Шведовъ сложилъ свои доспѣхи, и въ среду, 6 ноября, послѣ панихиды по чинамъ Отдѣла Пропаганды, убитымъ при исполненіи служебнаго долга, я вступилъ, наконецъ, въ должность. Черезъ день мнѣ доставили отчетъ комиссіи генерала Шведова, и еще двѣ недѣли ушло у меня на то, чтобъ отписаться отъ этой длинной и бездарной кляузы. Не найдя у насъ никакихъ серьезныхъ „криминаловъ", комиссія отмѣтила цѣлый рядъ болѣе или менѣе второстепенныхъ нарушеній въ родѣ выдачи пособій, наградныхъ, суточныхъ въ преувеличенномъ размѣрѣ, неправильностей въ веденіи книгъ и т. д. и т. д. Думаю, что во многихъ нашихъ вѣдомствахъ генералъ Шведовъ могъ бы легко найти подобныя же „преступленія" въ неменьшемъ числѣ. Тѣмъ не менѣе комиссія въ своемъ юридическомъ заключеніи, — наивномъ, несмотря на участіе одного сенатора въ его редактированіи, — дѣлала попытки примѣнить къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ отдѣльныхъ чиновъ Отдѣла тѣ или иныя статьи Уложенія о Наказаніяхъ. Въ двадцатыхъ числахъ ноября я послалъ генералу Деникину объясненіе на отчетъ генерала Шведова, написанное въ очень рѣзкомъ тонѣ, и просилъ отвѣта въ возможно короткій срокъ. Отвѣта я не получилъ вовсе, и, сколько мнѣ извѣстно, его не было дано и моему преемнику.

Мой длинный разсказъ объ этой странной исторіи, очень характерной для нашей правительственной среды, былъ бы не полонъ, если бы я не привелъ еще одного любопытнаго въ бытовомъ отношеніи факта. Въ серединѣ сентября въ Ростовѣ была устроена выставка, суммировавшая нѣкоторые итоги работы Отдѣла Пропаганды. 18 сентября выставку осматривалъ генералъ Деникинъ, въ сопровожденіи генераловъ Лукомскаго и Романовскаго. Изъ помѣщенія выставки я пригласилъ Главнокомандующаго пройти напротивъ, въ главное зданіе Отдѣла, гдѣ въ Кино-Отдѣленіи почетнымъ гостямъ было продемонстрировано нѣсколько фильмъ и, между прочимъ, эффектная подвижная карта фронта. На моей памяти это былъ первый и единственный случай посѣщенія Главнокомандующимъ центральнаго учрежденія гражданскаго вѣдомства. Вѣдомство, на долю котораго выпала эта честь, третій мѣсяцъ находилось въ состояніи ревизіи.

* * *

На сентябрь мѣсяцъ приходилось нѣсколько „юбилейныхъ" для Добровольческой Арміи датъ. 25-го мы торжественно помянули память ея Верховнаго Руководителя, генерала М. В. Алексѣева. 28-го можно было бы отпраздновать первую годовщину Особаго Совѣщанія, но день этотъ прошелъ ничѣмъ неотмѣченнымъ. Изъ гражданскихъ лицъ, участвовавшихъ въ первомъ засѣданіи Особаго Совѣщанія 28 сентября 1918 года, въ его составѣ былъ, кажется, только одинъ В. А. Степановъ. Не было на лицо и перваго предсѣдателя Особаго Совѣщанія. Еще въ августѣ состоялось постановленіе Особаго Совѣщанія объ образованіи областей Кіевской, Новороссійской и Харьковской, тогда же было утверждено Положеніе о Главномъ Управленіи Областью Новороссійскою, дѣйствіе котораго было затѣмъ распространено и на обѣ другія области. Въ Одессу былъ назначенъ генералъ Шиллингъ. Харьковъ получилъ генералъ Май-Маевскій, Кіевъ оставался вакантнымъ и туда то, вскорѣ по нашемъ возвращеніи изъ за-границы, былъ назначенъ генералъ Драгомировъ.

Исторія оставленія генераломъ Драгомировымъ поста предсѣдателя Особаго Совѣщанія для меня до сихъ поръ не совсѣмъ ясна, но какія то предчувствія на этотъ счетъ были у генерала еще за-границей. При свиданіи его съ генераломъ Деникинымъ въ Таганрогѣ, Главнокомандующій сказалъ ему, что онъ можетъ расчитывать, если пожелаетъ, на должность предсѣдателя Совѣта Начальниковъ Управленій, но что, на случай его отказа, для него есть на-готовѣ должность Главноначальствующаго въ Кіевѣ. Генералъ Драгомировъ, съ которымъ у насъ были наилучшія отношенія, совѣтовался по этому поводу со мной. Я откровенно ему сказалъ, что при складѣ его характера и его командныхъ навыкахъ ему не слѣдуетъ и думать о занятіи боевого политическаго поста предсѣдателя правительства, сотрудничающаго съ законосовѣщательной представительной палатой. Но умный генералъ, повидимому, и безъ того зналъ, что ему дѣлать. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ въ Кіевъ. Переговоры съ казаками, долженствовавшіе привести къ учрежденію Совѣта Начальниковъ Управленій, продолжались еще 3½ мѣсяца и не привели ни къ чему.

Впрочемъ, назначеніе Генерала Драгомирова въ Кіевъ могло имѣть и политическое объясненіе. Генералъ Драгомировъ былъ всегда политически и лично очень близокъ къ В. В. Шульгину, группа котораго оказалась особенно устойчивой и въ области внутренней малорусской политики, и въ въ международной „оріентаціи“ и претендовала теперь на преобладающее вліяніе въ Кіевщинѣ. В. В. Шульгинымъ было проведено въ мое отсутствіе и назначеніе А. И. Савенко на должность начальника Кіевскаго Отдѣленія Отдѣла Пропаганды, назначеніе, надѣлавшее большого шума и спорное со многихъ точекъ зрѣнія. Въ этихъ личныхъ комбинаціяхъ какъ будто была своего рода внутренняя логика.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

FACIES HYPPOCRATICA.

Первые осенніе мѣсяцы 1919 года, сентябрь и октябрь, были ознаменованы новыми успѣхами Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи. При неподвижности праваго фланга, гдѣ Кавказская Армія генерала Врангеля удерживала Царицынъ и наблюдала за Астраханью, операціи съ неизмѣннымъ успѣхомъ развивались на лѣвомъ флангѣ, гдѣ войска генерала Шиллинга изъ Новороссіи продвигались на сѣверо-западъ, и въ центрѣ, — здѣсь на главномъ „московскомъ“ направленіи добровольцы генерала Май-Маевскаго доходили до Орла. Правда, Орелъ былъ очень скоро покинутъ, но всѣ видѣли въ его оставленіи только мѣстную неудачу, неизбѣжную среди столькихъ блестящихъ побѣдъ, и въ пріемной генерала Деникина одинъ генералъ говорилъ при мнѣ начальнику Штаба, какъ бы утѣшая его, о неизбѣжности подобной „пульсаціи“ фронта.

Занимаемыя арміями генерала Деникина обширныя пространства поступали, согласно принятой нами послѣ 30 іюня новой формулѣ, въ управленіе Верховнаго Правителя Россіи, а временно — въ управленіе Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи. Кромѣ двухъ нашихъ основныхъ губерній, Ставропольской и Черноморской, подъ управленіемъ Главнокомандующаго находились бывшая Дагестанская область, вмѣстѣ съ неказачьей частью бывшей Терской области, подчиненная Главноначальствующему и Командующему войсками Сѣвернаго Кавказа, генералу Эрдели, который одновременно былъ и Главноначальствующимъ Астраханскаго Края. Клочки губерній Саратовской и Воронежской подчинялись „по принадлежности“ командующимъ Арміями,

Кавказской, генералу Врангелю, и Донской, генералу Сидорину Остальныя территоріи послѣдовательно включались въ одну изъ трехъ областей — Харьковскую, Кіевскую или Новороссійскую.

Высшимъ совѣщательнымъ органомъ при Главнокомандующемъ по прежнему оставалось Особое Совѣщаніе. Съ момента начала разговоровъ о созданіи Южно-Русской власти, на Особомъ Совѣщаніи лежала печать тлѣнія, и своего рода символомъ неизбѣжности его скораго конца служило то, что у него былъ въ этомъ періодѣ только временный предсѣдатель. Съ уходомъ генерала Драгомирова, предсѣдательствованіе въ Особомъ Совѣщаніи, по принципу „военнаго возглавленія", вновь перешло ко второму помощнику Главнокомандующаго, генералу Лукомскому. Генералъ Лукомскій сохранилъ за собою должность начальника Военнаго Управленія, а съ учрежденіемъ въ сентябрѣ Комиссіи по Оборонѣ, сталъ предсѣдательствовать и въ ней. Такое тройное совмѣстительство, несмотря на большой бюрократическій опытъ генерала Лукомскаго и на его совершенно исключительную трудоспособность, не содѣйствовало, конечно, планомѣрному руководству работой правительства, поскольку вообще такое руководство было у насъ возможно, при наличности вліянія Штаба, при отсутствіи яснаго „курса" и при недовѣрчивости Главнокомандующаго. Такимъ образомъ, основныя черты Особаго Совѣщанія — политическая безличность и правительственное безволіе — оставались ему присущи въ прежней, или, пожалуй, даже въ большей, чѣмъ прежде, мѣрѣ. Несмотря на происшедшія личныя перемѣны, „коалиціонное" начало торжествовало. Изъ новыхъ людей въ Особомъ Совѣщаніи были, замѣнившій Н. Н. Чебышева — В. П. Носовичъ и преемникъ Э. П. Шуберскаго — В. П. Юрченко, оба кандидаты Національнаго Центра; на мѣсто В. Г. Колокольцова Центру не удалось провести своего кандидата, Н. Н. Ковалевскаго, и Управленіе Земледѣлія досталось профессору А. Д. Билимовичу, дѣятелю Совѣта Государственнаго Объединенія. Напротивъ, нѣсколько позже, когда вышелъ въ отставку В. А. Ле-

бедевъ, начальникомъ Управленія Торговли и Промышленности былъ назначенъ извѣстный горнопромышленникъ А. И. Фенинъ, давнишній кандидатъ М. М. Федорова. Лѣтомъ было еще „активировано" Управленіе Исповѣданій, едва ли очень перегруженное дѣлами, и во главѣ его былъ поставленъ князь Г. Н. Трубецкой, человѣкъ политически, скорѣе, нейтральный и, если не ошибаюсь, поровну дѣлившій свои симпатіи между Центромъ и Совѣтомъ.

Національный Центръ и Совѣтъ Государственнаго Объединенія оставались такимъ образомъ единственными политическими группировками, оказывавшими организованное вліяніе на правительство. Правда, въ ростовскій періодъ дѣйствовало довольно много разныхъ группъ, стоявшихъ правѣе Совѣта, и изъ которыхъ больше другихъ шумѣла народно государственная партія В. М. Пуришкевича. Но непосредственной связи съ правительствомъ у нихъ не было. На противоположномъ крылѣ Союзъ Возрожденія Россіи также находился за предѣлами правительственной коалиціи. Союзъ Возрожденія, обосновавшійся въ Ростовѣ и развивавшій замѣтную дѣятельность въ печати и обществѣ „пріялъ", въ концѣ концовъ, генерала Деникина и служилъ Особому Совѣщанію, такъ сказать, „отвѣтственной оппозиціей" слѣва. Видный дѣятель Союза, Г. А. Алексинскій, пріѣзжавшій въ Ростовъ изъ за границы, доказывалъ въ общественно-политическихъ кругахъ необходимость „загрузить лѣвый бортъ" нашего правительственнаго корабля. Представители Союза были приняты генераломъ Деникинымъ и вели съ нимъ бесѣды на политическія темы. Но Главнокомандующій былъ непоколебимъ въ своемъ отношеніи къ соціалистической „общественности". Въ будущей законосовѣщательной палатѣ должны были, конечно, найти себѣ мѣсто и соціалисты. Но идея привлеченія ихъ въ составъ правительства отвергалась безусловно.

Благодаря сохранявшемуся по-прежнему „равновѣсію" политическихъ теченій и отсутствію властной и направляющей воли, Особое Совѣщаніе все больше и больше пр-

обрѣтало характеръ политическаго клуба, чему очень способствовала и любезная предсѣдательская манера генерала Лукомскаго. Если какой-нибудь вопросъ вызывалъ „сужденія“, то центромъ ихъ обыкновенно становилась ораторская дуэль между Н. И. Астровымъ или М. М. Федоровымъ, съ одной стороны, и Н. В. Савичемъ или С. Н. Масловымъ, съ другой. Лидеры „фракцій“ скрещивали шпаги съ безукоризненной корректностью, и послушать ихъ умныя рѣчи было всегда интересно. Затѣмъ, либо намѣчалось „среднее“ рѣшеніе, либо—очень часто — генералъ Лукомскій предлагалъ образовать „маленькую комиссію“. Комиссій у насъ было вообще видимо невидимо, и въ нихъ въ различныхъ сочетаніяхъ „засѣдали“, носясь и изнемогая, все одни и тѣ же болѣе дѣятельные члены Особаго Совѣщанія. Несмотря на комиссіонный способъ работы, засѣданія Особаго Совѣщанія обычно затягивались и рѣдко кончались раньше 1 часу ночи. Къ этому нужно прибавить средовое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго и, для нѣсколькихъ начальниковъ Управленій, Комиссію Обороны. Кромѣ того, съ 5 сентября по середину декабря, четыре члена Особаго Совѣщанія два или три раза въ недѣлю бывали отвлечены переговорами съ казаками. Легко себѣ представить, сколько оставалось у насъ времени и энергіи для собственныхъ вѣдомственныхъ дѣлъ. Всѣ были недовольны этимъ положеніемъ вещей. Я не упускалъ случая. когда бывалъ въ Особомъ Совѣщаніи, говорить о необходимости реформы на основѣ моей майской записки. Мои выступленія воспринимались, какъ ироническія бутады, и В. А. Степановъ назвалъ ихъ однажды „парадоксами“. Но ихъ можно было отводить и серьезными аргументами. Вѣдь вотъ-вотъ должны были закончиться переговоры съ казаками и должна была возникнуть Южно-Русская власть.

Если Особое Совѣщаніе, обросшее самыми разнообразными комиссіями и комитетами, было практически неработоспособно, то такою же вялостью и пухлостью отличались и всѣ наши центральныя управленія. Готовясь работать „въ

государственномъ масшабѣ", они постепенно возстанавливали у себя, подъ тѣми или иными названіями, многочисленные органы министерствъ стараго режима и расширяли свои штаты. Кромѣ желанія быть во всеоружіи въ тотъ день, когда Добровольческая Армія вступитъ въ Москву — спеціальная комиссія уже разрабатывала планъ „административной кампаніи" въ Москвѣ, — здѣсь играли роль два обстоятельства, свойственныя Югу Россіи: сравнительно низкая „производительность" чиновничьяго труда и мизерное вознагражденіе служащихъ. Правда, многія Управленія собрали, по мѣрѣ продвиженія фронта, значительное число старыхъ вѣдомственныхъ служащихъ. Но это были далеко не всѣ нужные чиновники и не всегда самые лучшіе — большая часть персонала старыхъ министерствъ, волею судебъ, все же осталась въ предѣлахъ Совѣтской Россіи. Да и мудрено было ждать и требовать „настоящей" работы отъ этихъ измученныхъ, издерганныхъ людей, часто разоренныхъ, почти всегда такъ или иначе пострадавшихъ отъ большевиковъ, дурно размѣщенныхъ, ободранныхъ и голодныхъ. Качество работы поневолѣ приходилось возмѣщать количествомъ работниковъ. Недостаточное вознагражденіе приводило къ тому, что въ рѣдкой семьѣ работалъ только отецъ. По общему правилу искали работы и жены, и дочери чиновниковъ, вплоть до самыхъ высокопоставленныхъ, и „устройство" ихъ на тѣ или иныя занятія было заурядnымъ явленіемъ. Я близко наблюдалъ и то, и другое въ Отдѣлѣ Пропаганды, съ его большимъ бюджетомъ и растяжимыми штатами. Мы тоже сплошь и рядомъ „дублировали" неработоспособный персоналъ и часто имѣли возможность давать подсобный заработокъ членамъ нуждавшихся чиновничьихъ семей.

Особое Совѣщаніе, Военное Управленіе и всѣ гражданскія вѣдомства, за исключеніемъ Управленія Иностранныхъ Дѣлъ, помѣщались въ Ростовѣ. Засѣданія Особаго Совѣщанія происходили, какъ и раньше, по вторникамъ и пятницамъ на Пушкинской улицѣ въ домѣ Бурцева, гдѣ былъ и кабинетъ генерала Лукомскаго. Когда по средамъ пріѣзжалъ

Главнокомандующій, онъ днемъ, въ присутствіи генерала Лукомскаго, принималъ доклады начальниковъ вѣдомствъ, а вечеромъ предсѣдательствовалъ въ Особомъ Совѣщаніи. Генералъ Деникинъ жилъ въ Таганрогѣ. Тамъ же находились Штабъ Главнокомандующаго, Управленіе Иностранныхъ Дѣлъ, Морское Управленіе и иностранныя миссіи. Между Таганрогомъ и Ростовомъ три раза въ день двигался поѣздъ, словно въ насмѣшку именовавшійся „молніей"; въ немъ бывалъ для лицъ, ѣздившихъ по дѣламъ службы, „правительственный" вагонъ, изрядно ободранный и вечеромъ большею частью погруженный во мракъ—наглядная и каждодневная иллюстрація къ состоянію нашего транспорта. Пространственное разобщеніе ставки Главнокомандующаго и Особаго Совѣщанія не оставалось безъ вліянія на функціонированіе нашего правительственнаго аппарата. Въ Екатеринодарѣ мы жили вообще компактно, „большой кучей". Въ болѣе обширномъ Ростовѣ мы какъ то разсыпались и разомкнулись, и, въ частности, личное вліяніе генерала Деникина стало ощущаться рѣже и, если можно такъ выразиться, толчками. Для самого Главнокомандующаго пребываніе въ Таганрогѣ было несомнѣннымъ удобствомъ. Тамъ ему было легче спасаться отъ безцеремонныхъ визитовъ многочисленныхъ докучливыхъ посѣтителей. У него было больше досуга и возможности спокойно заниматься дѣлами. Зато затруднилась или почти вовсе прервалась живая связь непосредственнаго общенія съ членами правительства. Но если мало чувствовалось воздѣйствіе на правительство единой направляющей мысли Главнокомандующаго, то это вовсе не значитъ, что ослабло напряженное вниманіе его къ часто мелочнымъ подробностямъ нашей административной жизни и прекратилось личное вмѣшательство его въ совершенно второстепенныя детали управленія. Отъ первыхъ мѣсяцевъ существованія гражданскаго управленія при Добровольческой Арміи Главнокомандующій сохранилъ эти навыки пристальнаго наблюденія и мелочной придирчивости. Онъ и сейчасъ возился съ нашими штатами, разрастанію которыхъ ему все таки не удавалось помѣшать,

и зналъ на память многихъ чиновничьихъ барынь и барышень, которыя, не взирая ни на что, продолжали стучать на машинкахъ или регистрировать пакеты въ нашихъ управленіяхъ. Въ ноябрѣ на совѣщаніи въ Ростовѣ генералъ Деникинъ самъ прочелъ намъ полученное имъ отъ одного виднаго дѣятеля Земскаго Союза письмо, въ которомъ указывалось на вмѣшательство Главнокомандующаго въ мелочи управленія, какъ на коренной недостатокъ нашего гражданскаго строя.

* * *

Типическія особенности нашего центральнаго управленія повторялись въ умноженномъ количествѣ и въ обостренной формѣ въ управленіи мѣстномъ.

Въ высшихъ своихъ инстанціяхъ мѣстное управленіе было у насъ сплошь милитаризировано, — даже въ „самостоятельныхъ“ губерніяхъ, Ставропольской и Черноморской, были военные губернаторы. Для нихъ дѣйствовалъ принятый Положеніемъ 6 марта и для Главноначальствующихъ порядокъ двойного подчиненія, по гражданской и по военной линіи. Главноначальствующіе трехъ областей были уже формально изъяты изъ подчиненія начальнику Управленія Внутреннихъ Дѣлъ. При преобладаніи у насъ вообще военнаго начала надъ гражданскимъ, это приводило на практикѣ къ обезкровленію центральнаго органа вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ, глава котораго былъ несомнѣнно наименѣе „властнымъ“ изъ всѣхъ „министровъ“. Сюда надо прибавить свирѣпствовавшую повсемѣстно въ области политическаго сыска контръ-развѣдку и разныхъ комендантовъ, которые такъ же путали общее управленіе, какъ чины военныхъ сообщеній — желѣзнодорожное движеніе. Наконецъ, по своеобразному уклоненію отъ духа закона, губернскія бригады государственной стражи часто фактически эмансипировались отъ подчиненія губернаторамъ, и командиры ихъ тяготѣли непосредственно къ Командующему Государственной Стражей, создавая въ самомъ вѣдомствѣ своего рода государство въ государствѣ. Достаточно было бы и

этихъ организаціонныхъ нестроеній, но дѣйствіе ихъ еще усугублялось техническими условіями. Отъ расширенія нашей территоріи сообщенія, очевидно, не улучшились, и связь съ „провинціей“ поддерживалась съ величайшимъ трудомъ; съ „отдаленными“ областями, Кіевской и Новороссійской, ея почти вовсе не было. Номера Собранія Узаконеній, и такъ опаздывавшіе изъ за недостатка бумаги и скудости типографскихъ средствъ, аккуратно разсылались, но рѣдко доходили по назначенію, вѣдомственныя распоряженія запаздывали или не получались вовсе. Передъ концомъ В. П. Носовичъ приступилъ къ организаціи при Управленіи Внутреннихъ Дѣлъ особой курьерской службы. А. Д. Билимовичъ рѣшилъ разсылать деньги мѣстнымъ органамъ Управленія Земледѣлія черезъ артельщиковъ. Отдѣлъ Пропаганды уже давно пересылалъ и корреспонденцію, и деньги съ собственными курьерами, благодаря чему только и могъ сноситься со своими Отдѣленіями. Было ли у насъ при такихъ условіяхъ на мѣстахъ „хорошее управленіе“? Было ли управленіе вообще? Конечно, нѣтъ. Были судорожныя, некоординированныя движенія огромной неорганизованной массы болѣе или менѣе бѣдствовавшаго чиновнаго люда.

Нѣтъ надобности перебирать „спеціальныя“ отрасли управленія. Онѣ всѣ находились приблизительно въ такомъ же безотрадномъ состояніи. Говорятъ, исключеніемъ являлось, какъ всегда въ Россіи, вѣдомство Юстиціи. Говорятъ, что прекрасныя традиціи Судебныхъ Уставовъ еще разъ доказали у насъ свою живучесть и что одушевленные ими судебные дѣятели были на высотѣ положенія. Пожалуй, это такъ и было. Но не потому ли сравнительно благополучно обстояло судебное дѣло, что дѣла у суда было очень мало — въ области гражданской юстиціи изъ-за прекращенія нормальнаго гражданскаго оборота, въ области юстиціи уголовной — изъ-за невозможности раскрытія огромнаго множества преступленій? Во всякомъ случаѣ и отправленіе правосудія на мѣстахъ не могло не страдать отъ общихъ условій нашего нестроенія, и судебные дѣятели, которые

тоже люди, должны были бѣдствовать, какъ и другіе чиновники.

Бѣдствовалъ персоналъ нашихъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова. Мы жили всегда подъ знакомъ строжайшей экономіи, на стражѣ которой стоялъ, кромѣ М. В. Бернацкаго, самъ Главнокомандующій. Безсребренникъ до мозга костей, генералъ Деникинъ и отъ своихъ служащихъ требовалъ по существу подвига. Онъ безъ улыбки, совершенно серьезно, называлъ иногда „огромными“ оклады, уступавшіе вознагражденію любого ремесленника или рабочаго, и профессіональная оппозиція финансоваго вѣдомства всякому повышенію содержанія встрѣчала, съ его стороны, полное сочувствіе и могущественную поддержку. Исчисленіе чиновничьихъ окладовъ было построено у насъ на началахъ оригинальныхъ и „демократическихъ“. Принципіально оклады должны были быть однообразны по всѣмъ вѣдомствамъ въ соотвѣтствіи съ классомъ занимаемой должности, и долгое время особая „штатная“ комиссія при Военномъ Управленіи ревниво слѣдила за соблюденіемъ этихъ принциповъ. Содержаніе слагалось изъ основного оклада, кормовыхъ денегъ по интендантскимъ нормамъ и прибавки по семейному положенію. „Семейная“ прибавка составляла 250 рублей въ мѣсяцъ, служащіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ не получали ни ея, ни кормовыхъ. Основной окладъ въ ноябрѣ 1918 года равнялся 300 рублямъ въ мѣсяцъ для чиновъ IX класса и 666 рублей для II класса (члены Особаго Совѣщанія). Въ декабрѣ онъ былъ повышенъ на 50 %, и въ этомъ полуторномъ размѣрѣ окончательно закрѣпленъ въ апрѣлѣ 1919 года. Тогда же въ нашемъ жалованьи появилось новое слагаемое — прибавки на дороговизну, которыя въ зависимости отъ мѣстности и независимо отъ класса должности колебались между 250 руб. (для Кубани) и 650 руб. (для Крыма) въ мѣсяцъ. Дальнѣйшій ростъ содержанія опредѣлялся постепеннымъ повышеніемъ отдѣльныхъ слагаемыхъ. Тѣмъ не менѣе нормы содержанія были явно „голодныя“ нормы. Чиновники высшихъ

ранговъ кое какъ сводили концы съ концами. Но и члены Особаго Совѣщанія жили по студенчески, отказывая себѣ въ простѣйшихъ жизненныхъ удобствахъ, и достаточно было взглянуть на ихъ потертые костюмы, чтобы убѣдиться, какъ далеки они были отъ „камергерскихъ мундировъ", которые рисовались распаленному воображенію П. М. Агѣева. „Помѣщичьи шарабаны", въ видѣ казенныхъ автомобилей, имѣлись лишь у немногихъ счастливцевъ изъ гражданскихъ членовъ Особаго Совѣщанія и у всѣхъ военныхъ начальствъ, которые вообще пользовались нѣсколько большимъ житейскимъ комфортомъ. Про чиновъ же низшихъ ранговъ и говорить нечего, особенно про служащихъ мѣстныхъ учрежденій, лишенныхъ — въ силу презумпціи осѣдлости и домашняго обзаведенія — кормовыхъ и семейныхъ денегъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что мы обрекали ихъ на выборъ между героическимъ голоданіемъ и денежными злоупотребленіями. Если взятки и хищенія такъ развились на Югѣ Россіи, то одной изъ причинъ тому являлась именно наша система „голодныхъ" окладовъ. Въ доброе старое время русскій чиновникъ поправлялъ свои дѣла на служебныхъ разъѣздахъ и добивался командировокъ. Нормы нашего командировочнаго довольствія, даже послѣ повышенія ихъ въ августѣ 1919 года, были до смѣшного низки, и нашими суточными, въ лучшемъ случаѣ, можно было оплатить обѣдъ. Пособія у насъ выдавались грошевыя, и долгое время каждая тысячерублевая выдача семьѣ умершаго отъ сыпного тифа чиновника требовала санкціи Особаго Совѣщанія. Потомъ нѣкоторыя полномочія въ этой области были, наконецъ, предоставлены въ предѣлахъ очень скудныхъ ассигнованій начальникамъ Управленій. О наградныхъ, праздничныхъ и другихъ чрезвычайныхъ выплатахъ, которыми старая Россія отъ времени до времени радовала и поощряла свое чиновничество, у насъ не было и помину. Жизнь иногда заставляла нарушать установленные нашимъ законодательствомъ скопидомные порядки. Извѣстны 50-рублевыя суточныя, установленныя въ Одессѣ генераломъ Санниковымъ. Осенью анало-

тичныя мѣры были приняты въ Кіевѣ генераломъ Драгомировымъ. Но эти дѣйствія мѣстной власти вызывали у насъ въ центрѣ недоумѣніе и негодованіе. Комиссія генерала Шведова квалифицировала, какъ превышеніе власти, всѣ попытки Отдѣла Пропаганды улучшить матеріальное положеніе своихъ служащихъ. Только одинъ разъ нами было сдѣлано серьезное усиліе въ этой области. Постановленіемъ Особаго Совѣщанія всѣ слагаемыя чиновничьяго содержанія были значительно повышены, кромѣ того, было введено нѣчто въ родѣ денегъ на представительство. Оклады сдѣлали сразу рѣзкій скачекъ вверхъ и въ видѣ единственнаго исключенія были выплачены за мѣсяцъ назадъ. Всѣ эти чрезвычайныя уступки были вырваны у М. В. Бернацкаго послѣ горячихъ преній. Я огласилъ имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія о настроеніи провинціальнаго чиновничества, которое начинало по-немногу сравнивать положеніе служащихъ въ Россіи Добровольческой и въ Россіи Совѣтской. Все это происходило уже передъ самымъ „шапочнымъ разборомъ“. Главнокомандующій утвердилъ эти прибавки 4 декабря.

Наше финансовое вѣдомство, сколько я помню, выдвигало противъ повышенія жалованія два главныхъ аргумента — паденіе рубля, которое шло быстрѣе всякаго увеличенія окладовъ, и недостатокъ денежныхъ знаковъ. То и другое было совершенно неопровержимо, рубль катастрофически падалъ, и денежныхъ знаковъ никогда не хватало; провинціальныя учрежденія, желѣзныя дороги и фронтовыя части нерѣдко сидѣли совсѣмъ безъ денегъ. Деньгами кормила насъ, главнымъ образомъ, Донская Экспедиція, производительность которой была ограничена. Помимо насъ она снабжала еще денежными знаками и Донъ, и Кубань, и Терекъ, и на Югѣ Россіи возникла новая, большой трудности, финансовая проблема — проблема распредѣленія кредитокъ. Заказанныя за-границей деньги Главнаго Командованія, о которыхъ у насъ говорили съ начала 1919 года, стали прибывать въ Новороссійскъ, кажется, въ январѣ 1920 года. Съ большими усиліями было налажено „собственное производство“ денегъ

въ нѣсколькихъ пунктахъ нашей территоріи. Оно нарушалось частыми эвакуаціями и стало давать ощутимые результаты очень поздно. Билеты Государственнаго Казначейства Главнаго Командованія не пріобрѣли популярности среди населенія. Были, несомнѣнно, и другія причины нашего хроническаго безденежья. Но важнѣе всего самый фактъ вѣчнаго денежнаго голода. Въ гражданской войнѣ, гдѣ игра идетъ на „психологію", это фактъ огромнаго значенія.

* * *

Не справляясь съ управленіемъ, мы тѣмъ менѣе справлялись съ вопросами соціальнаго порядка.

Съ рабочими дѣло обстояло у насъ въ корнѣ безнадежно. Рабочихъ, какъ обывателей, мы не могли удовлетворить такъ же, какъ и всѣ прочіе разряды обывателей, просто благодаря нашему безсилію „наладить" жизнь. Рабочіе же организованные и „политизированные" были принципіально намъ враждебны. Комиссія М. М. Федорова выработала и Особое Совѣщаніе провело нѣсколько законовъ обычнаго соціально-политическаго содержанія. Но задуманная М. М. Федоровымъ попытка широкаго и планомѣрнаго сближенія съ рабочими не удалась, — рабочіе ушли изъ его Комиссіи, огласивъ, какъ полагается, „декларацію". Не на рабочихъ и должна была быть наша главная ставка, а на крестьянство, и эту то ставку мы и не смогли сдѣлать во время и достаточно смѣло.

Существуетъ одна очень распространенная и очень упрощенная легенда о нашей земельной политикѣ. Она гласитъ приблизительно слѣдующее. Генералъ Деникинъ въ согласіи съ „либеральною общественностью" желалъ провести коренную земельную реформу, но собравшіеся вокругъ него реакціонеры извратили его волю и направили власть на гибельный путь помѣщичьей реставраціи. Это и есть теорія „камергерскихъ мундировъ" и „помѣщичьихъ шарабановъ". Факты говорятъ о положеніи неизмѣримо болѣе сложномъ.

Несомнѣнно, злоупотребленія различныхъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ бывали, и нерѣдко. Бывали вопіющіе случаи покровительства помѣщикамъ и преслѣдованія крестьянъ. Генералъ Деникинъ издавалъ даже по этому поводу особые приказы. Но самая возможность такихъ явленій объяснялась, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что у насъ на самомъ верху не было простого и яснаго земельнаго лозунга, которому можно было бы подчинить дѣйствія власти, а было медленное сочиненіе отвлеченныхъ схемъ. 24 марта 1919 года послѣдовало письмо генерала Деникина по земельному вопросу. Выработанное по иниціативѣ „либеральной общественности", оно намѣчало три этапа аграрной реформы. Немедленныя мѣры къ облегченію перехода земель къ малоземельнымъ. Разработка Земельнаго Положенія на основахъ „сохраненія за собственниками ихъ правъ на землю", установленія для каждой отдѣльной мѣстности тѣхъ или иныхъ земельныхъ нормъ и перехода остальной земли къ малоземельнымъ „путемъ добровольныхъ соглашеній или путемъ принудительнаго отчужденія, но обязательно за плату". „Полное разрѣшеніе земельнаго вопроса для всей страны" законодательными учрежденіями, „черезъ которыя русскій народъ выразитъ свою волю". Во исполненіе этой программы, земельной комиссіей было выработано въ августѣ первое Земельное Положеніе. Главнокомандующій его забраковалъ, и, когда я вернулся изъ за-границы, мой помощникъ А. С. Щетининъ, представлявшій въ Земельной Комиссіи Отдѣлъ Законовъ, говорилъ мнѣ, что имъ приказано въ двухнедѣльный срокъ составить новое Положеніе. Оно было готово въ ноябрѣ и предано широкой гласности для того, чтобы дать возможность общественному мнѣнію высказаться. Оно не обсуждалось въ Особомъ Совѣщаніи. Но если бы даже оно стало закономъ, мы ничего бы отъ этого не выиграли въ смыслѣ немедленнаго политическаго эффекта. Второе Земельное Положеніе было опять таки очень тщательно разработанной умозрительной схемой медлительнаго разрѣшенія земельнаго вопроса черезъ нѣсколько лѣтъ по водво-

реніи въ странѣ порядка. Текущее наше аграрное законодательство было казуистично и отрывочно, оно опредѣлялось заботой объ обезпеченіи урожая. Приказами Главнокомандующаго фактическимъ держателямъ земли вмѣнялось въ обязанность сѣять и давалось отъ имени правительства обѣщаніе, что интересы посѣвщиковъ при уборкѣ урожая будутъ обезпечены. Въ двадцатыхъ числахъ іюня 1919 года были изданы правила о сборѣ урожая. Изъ урожая травъ правительство обѣщало половину посѣвщику, половину помѣщику, изъ урожая хлѣбовъ двѣ трети посѣвщику, одну треть помѣщику, изъ корнеплодовъ пять шестыхъ посѣвщику, одну шестую помѣщику. Осенью этотъ расчетъ былъ измѣненъ въ пользу захватчиковъ, и помѣщичья доля понижена до одной пятой для зерновыхъ хлѣбовъ и одной десятой для корнеплодовъ. Наконецъ, Временныя Правила о сдачѣ въ аренду полевыхъ угодій 21 сентября 1919 года сдѣлали скромный шагъ въ сторону, если не признанія, то продленія земельнаго status quo. Они предоставляли право на продленіе арендныхъ договоровъ на одинъ сельско-хозяйственный періодъ арендаторамъ-земледѣльцамъ при условіи, чтобы площадь арендуемой земли вмѣстѣ съ собственной землей каждаго хозяина не превышала особо указанныхъ нормъ. Pièce de résistance Правилъ была статья 5-я, предоставлявшая право продленія пользованія землей и тѣмъ лицамъ, которыя фактически пользовались ею въ 1919 году.

Послѣ паденія генерала Деникина всѣ какъ то сразу сошлись на томъ, что въ постигшей насъ неудачѣ важную роль сыграла наша ошибочная земельная политика, и что правильная земельная политика должна была исходить изъ признанія фактически сложившихся земельныхъ отношеній. Объ этомъ многіе пишутъ теперь статьи и голосуютъ резолюціи съ видомъ людей, открывающихъ Америку. Но для насъ эти мысли отнюдь не имѣютъ прелести новизны. Лично я былъ въ числѣ тѣхъ, которые всегда отстаивали эту программу, какъ я ее формулировалъ, „признанія, легализаціи и финансированія государствомъ происшедшаго земельнаго пе-

редѣла". Я излагалъ ее и генералу Деникину, въ правительственныхъ и въ партійныхъ кругахъ, и меня называли „большевикомъ" въ земельномъ вопросѣ. Въ послѣдній разъ я защищалъ ее на совѣщаніи въ Таганрогѣ 2 декабря. Полковникъ Б. А. Энгельгардтъ неоднократно докладывалъ Главнокомандующему свои проекты, довольно близкіе къ моей точкѣ зрѣнія — онъ рекомендовалъ земельную „политику" вмѣсто земельнаго „законодательства" и говорилъ о немедленномъ приступѣ къ раздѣлу и закрѣпленію за крестьянами земли въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ Арміей. 16 декабря онъ ѣздилъ въ Таганрогъ съ послѣднимъ своимъ докладомъ на эту тему. По его словамъ, генералъ Деникинъ принципіально съ нимъ соглашался, но указывалъ, что нѣтъ такой общественной группы, на которую можно было бы опереться при проведеніи такой прямолинейной и практической политики. Главнокомандующій былъ почти правъ. Справедливость заставляетъ сказать, что въ этомъ духѣ опредѣленно высказывался изъ „общественныхъ организацій" только Союзъ Возрожденія, въ газетѣ котораго „Парусъ" появилось осенью 1919 года нѣсколько очень дѣльныхъ и ясныхъ статей по земельному вопросу. Еще хлопоталъ о радикальной земельной политикѣ... генералъ Шиллингъ изъ Одессы. Это было уже наканунѣ конца. Но тѣ, которые думали, какъ я, доказывали, что нѣтъ надобности ждать, пока тѣ или иныя „общественныя организаціи" дадутъ свое благословеніе на правильную земельную политику, что надо просто эту политику провозгласить и предписать власти, и что тогда придутъ и люди, и организаціи. Намъ казалось, что къ такому способу дѣйствій и призвана диктатура.

* * *

Соціальная среда напоминала намъ о себѣ разными анархическими движеніями. Изъ нихъ особое значеніе пріобрѣло движеніе Махно.

Помню — это было, кажется, въ первой половинѣ октя-

бря — я пріѣзжалъ въ Таганрогъ къ Главнокомандующему по спѣшному дѣлу. Въ передней у генерала Деникина штабъ-офицеръ для порученій нервно отдавалъ какія то распоряженія по телефону. Шла рѣчь о пулеметахъ, танкахъ и другихъ страшныхъ предметахъ. Генералъ Деникинъ могъ меня принять только вечеромъ, и я провелъ день въ городѣ. Всюду царила паника. Паникировали иностранныя миссіи, паникировали штабныя барыни, нѣкоторыя успѣли уже эвакуироваться. Спѣшно собирали офицеровъ. Говорили, что отряды Махно занимаютъ Маріуполь, и что махновцы находятся въ 80 верстахъ отъ Таганрога. Силъ, которыя можно было бы имъ противопоставить, почти нѣтъ. Вызванные съ фронта кубанцы никакъ не могутъ доѣхать, изъ за разстройства транспорта и „бандитовъ", которые портятъ пути. Офицерскій полкъ, идущій съ Кавказскаго побережья, задержанъ въ морѣ штормомъ. Ставка находится подъ явной угрозой.

Въ сумеркахъ я былъ у Главнокомандующаго. Онъ былъ совершенно спокоенъ и ровенъ, подробно говорилъ о текущихъ дѣлахъ и, какъ всегда, шутилъ. Но онъ подтвердилъ, что положеніе очень серьезно. Махно въ 80 верстахъ, и его люди на повозкахъ могутъ въ два дня добраться до Таганрога. Главнокомандующему нѣкоторые совѣтовали уѣзжать. Конечно, онъ никуда не уѣдетъ и останется въ Ставкѣ до конца. Но вотъ, въ какихъ условіяхъ приходится работать.

Махновцы были отбиты отъ Таганрога, и паника, перекинувшаяся къ намъ въ Ростовъ, улеглась. Но махновщина продолжалась. Махно гулялъ по территоріи, подчиненной Главнокомандующему, бралъ Екатеринославъ, захватывалъ желѣзнодорожные узлы, прерывалъ движеніе, грабилъ, жегъ и убивалъ, въ частности жестоко расправляясь со служащими Отдѣла Пропаганды. Наконецъ, противъ него были сосредоточены войска, и усмиреніе поручено генералу Слащеву. Въ концѣ октября у насъ считали движеніе подавленнымъ, и мы начали подводить ему итоги и разбираться въ причинахъ, его питавшихъ. Въ дѣйствительности, оно не прекратилось и по сей день.

* * *

У многихъ, пожалуй, возникнетъ недоумѣніе, — какъ же, собственно, при такомъ положеніи вещей мы могли сохранять ту непоколебимую вѣру въ конечный успѣхъ, которая одушевляла насъ вплоть до зимнихъ мѣсяцевъ 1919 года? Какъ могли мы, зная о томъ, что творится у насъ въ тылу, думать о Москвѣ и серьезно готовиться къ ея занятію?

Дѣйствительно, несмотря ни на что, вѣра въ побѣду еще не покидала насъ ни на минуту. Но съ осени она пріобрѣла какой-то новый оттѣнокъ. То была не спокойная увѣренность опытнаго шахматиста, безстрастно оцѣнивающаго шансы сторонъ и систематически передвигающаго свои фигуры. То была скорѣе азартная вѣра счастливаго карточнаго игрока, убѣжденнаго, что онъ нашелъ свою карту и смѣло дѣлающаго на нее ставку за ставкой. Съ осени все чаще и чаще слышались у насъ такія фразы: „Къ зимѣ мы, во что бы то ни стало, должны быть въ Москвѣ". Иные поясняли: „Если въ ноябрѣ мы не будемъ въ Москвѣ, наше дѣло плохо". Подробности военнаго плана Главнаго Командованія, конечно, были намъ неизвѣстны. Но получалось впечатлѣніе, что и военныя дѣйствія пріобрѣли нѣкоторый форсированный, азартный характеръ. При чрезвычайной растянутости фронта съ востока на западъ усиленное развитіе операцій въ центрѣ, на главномъ, „Московскомъ" направленіи, повидимому, указывало тоже на намѣреніе въ кратчайшій срокъ, во что бы то ни стало, захватить Москву. Когда 30 августа въ Таганрогѣ въ разговорѣ съ начальникомъ Штаба о проектѣ Высшаго Совѣта, я, между прочимъ, сказалъ, что хорошо было бы, если бы Совѣту пришлось имѣть всего нѣсколько засѣданій до переѣзда въ Москву, генералъ Романовскій отвѣтилъ: „Такъ оно, вѣроятно, и будетъ. Мѣсяцъ у васъ уйдетъ на переговоры съ казаками, мѣсяцъ на формированіе Совѣта, а тамъ вскорѣ мы и преподнесемъ вамъ Москву". Не было недостатка въ голосахъ, критиковавшихъ этотъ способъ веденія войны и совѣтовав-

шихъ остановиться, закрѣпить занятое пространство, организовать тылъ и ждать весны. Въ концѣ октября мнѣ пришлось слышать иронической вопросъ генерала Врангеля: „Что же въ Таганрогѣ до сихъ поръ надѣются справиться съ большевиками безъ зимней кампаніи?“.

Наша ставка била по прежнему на несравненную доблесть нашихъ войскъ, наша карта была все та же — Армія и, прежде всего, добровольцы генерала Май-Маевскаго, на долю которыхъ, казалось, и должна была выпасть заслуженная честь первыми войти въ Москву. Къ несчастью, не было недостатка въ признакахъ, что и въ Арміи далеко не все обстояло благополучно. Страшныя слова о „начинающемся разложеніи“ уже произносились иногда тревожнымъ полушепотомъ. Скептикамъ не вѣрили. Непрерывные успѣхи на фронтѣ, какъ будто, дѣйствительно опровергали ихъ критическія замѣчанія и мрачныя предсказанія

Наша армія была неизмѣнно плохо снабжена, одѣта и оплачена. Военнослужащіе на фронтѣ получали такіе же грошевые оклады, какъ и тыловое чиновничество, частью, въ связи съ перемѣщеніями фронта и недостаткомъ денежныхъ знаковъ, они подолгу не получали вообще ничего. Плохо обстояло дѣло и съ обмундированіемъ. Правда, намъ неоднократно сообщали о томъ, что солдаты торгуютъ выдаваемымъ имъ обмундированіемъ и, дѣйствительно, несмотря на строжайшія кары, на городскихъ базарахъ, въ станицахъ и деревняхъ всегда можно было видѣть въ изобиліи англійскія форменныя вещи. Но все же при отступленіи въ каждомъ покидаемомъ нашими войсками городѣ противнику оставлялись огромные интендантскіе запасы, а части отходили полураздѣтыя, и для гражданскихъ служащихъ никакъ нельзя было добиться выдачи казенныхъ вещей. Особенно грознымъ дѣлалось это положеніе, въ виду приближенія холодной поры года. Къ осени уже было ясно, что съ наступленіемъ морозовъ войска будутъ мерзнуть. Въ сентябрѣ еще шли разговоры о спѣшной заготовкѣ теплаго платья и, въ значительной степени подъ ихъ вліяніемъ, было рѣшено учрежденіе

Комиссіи по Оборонѣ. Но было поздно, слишкомъ поздно. Какой то коренной порокъ военной администраціи и несчастный выборъ лицъ успѣли уже сдѣлать свое дѣло и подготовить элементъ грядущей катастрофы. Н. И. Астровъ нѣсколько разъ дѣлалъ въ Особомъ Совѣщаніи попытки поставить на обсужденіе эти роковые вопросы. Усилія его были тщетны. У членовъ Особаго Совѣщанія не хватало фактовъ и документовъ, чтобы компетентно разсуждать на эти темы. А потомъ, все, что касалось собственно армейскихъ порядковъ, покрывалось авторитетомъ Главнаго Командованія и было недосягаемо для „штатской" критики.

Въ тылу, кто могъ, поправлялъ свои дѣла подсобными, болѣе или менѣе „безгрѣшными" доходами. На фронтѣ дѣлать это было еще проще. „Реалдобъ" вошелъ въ нравы нашихъ войскъ еще въ то время, когда „реализація военной добычи" была главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ средствъ Добровольческой Арміи. Рядомъ съ „реалдобомъ", закономѣрнымъ и даже подотчетнымъ, укоренился групповой или индивидуальный „реалдобъ", который представлялъ собою ни что иное, какъ самый откровенный грабежъ. При случаѣ, можно было „реквизнуть" тѣ или иныя соблазнительныя вещи, и „безплатныя реквизиціи" тоже стали въ Арміи „бытовымъ явленіемъ". Сознаніе безнаказанности разнуздывало звѣря, воспитаннаго часто въ очень мирномъ и благодушномъ человѣкѣ мѣсяцами кровавой войны, а кричащіе недостатки снабженія помогали отдѣлываться отъ послѣднихъ укоровъ совѣсти. Съ этимъ зломъ велась порою борьба, то тамъ, то здѣсь грабители въ военной формѣ подвергались смертной казни, и мы добивались возможности широко оповѣщать населеніе объ этихъ дѣйствіяхъ власти. Но это были, сравнительно, рѣдкія исключенія. Правиломъ было безпрепятственное и систематическое ограбленіе жителей, въ которомъ принимали участіе лица разныхъ ранговъ и положеній. Грабежи озлобляли населеніе, приходившее къ выводу, что при добровольцахъ такъ же плохо, какъ и при большевикахъ, и въ то же время довершали процессъ разложенія

арміи. Въ тылъ чаще и чаще приходили свѣдѣнія о громадныхъ денежныхъ капиталахъ, скопляющихся и въ отдѣльныхъ рукахъ, и у цѣлыхъ воинскихъ частей. Разсказывали объ имуществѣ войсковыхъ частей, которое загромождало цѣлые поѣздные составы и затрудняло движеніе. Въ минуты неудачъ на фронтѣ части думали, прежде всего, о спасеніи своего добра, и поѣзда съ войсковымъ имуществомъ тормозили и нарушали всякую планомѣрную эвакуацію. Какъ то зимою намъ пришлось наблюдать въ Ростовѣ поѣздъ одного популярнаго военачальника, слѣдовавшаго на отдыхъ со своими „ребятами". Это былъ поѣздъ-гигантъ изъ многихъ десятковъ вагоновъ, груженыхъ мануфактурой, сахаромъ и разными другими припасами. На время ими были забиты всѣ пути ростовскаго вокзала.

Были еще и другія опасныя явленія въ жизни Арміи. По мѣрѣ того, какъ расширялся нашъ фронтъ, войска, и прежде всего войска добровольческія, стали, такъ сказать, уходить изъ рукъ Главнаго Командованія. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что уже осенью 1919 года ясно чувствовалось то отчужденіе между фронтомъ и Ставкой, которое окончательно вскрылось только послѣ новороссійской катастрофы. Офицеры, роль которыхъ въ гражданской войнѣ особенно важна, не могли не задумываться надъ причинами ошибокъ и преступленій безпомощной военной администраціи. Среди нихъ было не мало прекрасныхъ и чистыхъ юношей, болѣзненно переживавшихъ режимъ „самоснабженія" и „безплатныхъ реквизицій", искавшихъ его „интеллектуальныхъ" виновниковъ и естественно находившихъ ихъ на верхахъ нашей іерархіи. Въ монархіяхъ тяжелые политическіе кризисы обыкновенно ознаменовываются тѣмъ, что оппозиція Его Величества дѣлается оппозиціей Его Величеству и, поверхъ отвѣтственныхъ министровъ, направляетъ свои стрѣлы въ особу монарха. Такъ и у насъ негодованіе Арміи на неумѣніе или нежеланіе Ставки устранить непорядки въ области военной администраціи долго съ жестокою конституціонной корректностью сосредоточивалось на сотрудникахъ Главнокоман-

дующаго. Теперь оно подымалось выше. Съ осени въ кругахъ не только сановнаго, но и рядового офицерства имя Главнокомандующаго начали упоминать съ кощунственною непочтительностью. Паденію популярности генерала Деникина, помимо его скромности и неподвижности, содѣйствовало и политическое расхожденіе между нимъ и добровольческимъ офицерствомъ. Было бы несправедливо огуломъ называть все это офицерство „реакціоннымъ“ и „помѣщичьимъ“, среди него было очень много совершенно демократическихъ элементовъ. Но наиболѣе активной его части былъ несомнѣнно чуждъ тотъ формальный „либерализмъ“, который отчасти по убѣжденію, отчасти по расчету культивировался въ Ростовѣ и Таганрогѣ, и въ этомъ смыслѣ правы были люди, замѣчавшіе, что генералъ Деникинъ оказался „лѣвѣе“ своей Арміи. Въ офицерскихъ кружкахъ, гдѣ дѣлалась армейская „политика“, приписывали „лѣвый“ курсъ Ставки гибельному вліянію Особаго Совѣщанія, пользовавшагося поэтому дружною ненавистью. Его называли, безъ достаточнаго, конечно, основанія, „кадетскимъ“. Свирѣпо отзывались и о Національномъ Центрѣ. Суровому осужденію подвергались эксцессы „союзнической оріентаціи“, и медленно, но неуклонно росла волна вѣры въ скорое возрожденіе Германіи и въ неизбѣжность сближенія съ ней.

Всякому стихійному движенію рано или поздно бываетъ нужно имя. Оппозиціонное движеніе противъ генерала Деникина нашло такое имя въ генералѣ Врангелѣ. Герой Кавказа и Царицына, блестящій, декоративный, подвижной, былъ полною противоположностью застѣнчиваго таганрогскаго затворника. Послѣ своихъ побѣдоносныхъ наступательныхъ операцій онъ только что показалъ себя съ новой стороны стойкой обороной царицынскаго района. Молва утверждала, что генералъ Врангель давно разошелся со Ставкой въ пониманіи стратегическихъ задачъ южныхъ армій, что весною и лѣтомъ онъ настаивалъ на движеніи на Востокъ на соединеніе съ адмираломъ Колчакомъ, что потомъ онъ рѣзко критиковалъ растягиваніе фронта на Западъ къ Кіеву

и теперь предупреждалъ объ опасностяхъ форсированнаго марша на Москву. Ростовскія политическія сферы, „лансировавшія“ генерала Врангеля, давали подъ рукой понять, что, въ случаѣ чего, и внутренняя, и внѣшняя политика генерала Врангеля выгодно отличалась бы отъ политики генерала Деникина большею трезвостью и опредѣленностью.

Генералъ Деникинъ былъ въ зенитѣ своей славы. Но за кулисами уже шли приготовленія къ выходу на сцену его неизбѣжнаго преемника.

* * *

Наши отношенія къ казачьимъ областямъ продолжали оставаться неустроенными. Это не оказывало никакого вліянія на настроеніе Терскаго войска и самаго скромнаго по численности и значенію изъ всѣхъ казачьихъ войскъ — Астраханскаго. Съ донскимъ командованіемъ у Ставки, повидимому, бывали недоразумѣнія, но донцы держались вообще стойко и дрались храбро. Хуже всего, по обыкновенію, обстояло дѣло съ Кубанью. Послѣ ухода учрежденій Главнаго Командованія изъ Екатеринодара „самостійники“ подняли голову еще выше. Кубанскіе „кабинеты“ постепенно эволюціонировали „влѣво“, и атаманъ Филимоновъ испытывалъ все большія затрудненія въ проведеніи своей компромиссной политики. „Копъ“ велъ бѣшеную травлю противъ Добровольческой Арміи. Долгое время тыловыя интриги не затрагивали кубанцевъ-фронтовиковъ. Но постепенно разлагающая работа „самостійниковъ“ стала сказываться и на фронтѣ. Осенью командный составъ Кавказской Арміи, оборонявшей Царицынъ, горько жаловался на то, что въ результатѣ екатеринодарскаго „политиканства“ Кубань „забыла“ армію и не шлетъ ей ни пополненій, ни продовольствія. Дѣйствительно, ряды арміи рѣдѣли, станицы кишѣли дезертирами. Были свѣдѣнія, что зато пополнялись казаками отряды зеленыхъ, раньше состоявшіе почти исключительно изъ иногороднихъ. Будто бы кромѣ рядовыхъ казаковъ къ

зеленымъ уходили и отдѣльные офицеры. Созрѣвало убѣжденіе, что съ такимъ положеніемъ въ тылу Кавказская Армія не сможетъ держаться, и что кубанскій „узелъ“ долженъ быть разрубленъ, во что бы то ни стало.

* * *

Примѣрно въ это же время у насъ начали отмѣчать перемѣну въ характерѣ веденія войны частями красной арміи. Несмотря на то, что красные еще отступали, что-то новое давало себя чувствовать „по ту сторону баррикады“. Опытные люди указывали, что красное офицерство, раньше нерѣдко игравшее „въ поддавки“, стало играть „въ крѣпкія“.

Тому могли быть разныя причины, но наши скептики и критики видѣли главную изъ нихъ въ ошибочной, непримиримой тактикѣ Главнаго Командованія по отношенію къ краснымъ офицерамъ и солдатамъ. Дѣйствительно, къ красной арміи у насъ относились такъ же упрощенно и прямолинейно, какъ и къ революціи и къ большевизму вообще. Если революція часто исчерпывалась для насъ понятіемъ „бунта“, а большевики были не болѣе, какъ „германскіе агенты“, то вся красная армія естественно сплошь состояла изъ „преступниковъ“: ординарныхъ — солдатъ и квалифицированныхъ — офицеровъ. Понятная въ условіяхъ первыхъ мѣсяцевъ героической борьбы, эта позиція не годилась уже для позднѣйшаго періода междоусобной распри. Весною 1919 года, не безъ усилій со стороны гражданскихъ членовъ Особаго Совѣщанія, былъ изданъ извѣстный приказъ Главнокомандующаго, даровавшій пощаду русскимъ крестьянамъ и рабочимъ, насильственно мобилизованнымъ большевиками. Этотъ приказъ былъ широко распространенъ по ту сторону фронта, и дѣйствіе его не замедлило сказаться. Онъ исполнялся, къ сожалѣнію, не вполнѣ исправно, случаи раздѣванія и избіенія плѣнныхъ красноармейцевъ иногда повторялись, и потребовались дополнительныя распоряженія свыше. Но смягчить отношеніе нашего начальства къ офи-

церамъ, вопреки „приказамъ" генераловъ Алексѣева и Деникина не покинувшимъ Совѣтской Россіи и поступившимъ въ красную армію, не удалось. Во время нашего побѣдоноснаго наступленія въ руки добровольцевъ, особенно при занятіи крупныхъ центровъ, попадало очень много офицеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ неимовѣрными опасностями дезертировали изъ большевистскихъ частей и ждали добровольцевъ. Мы трактовали ихъ, какъ „подозрительныхъ" и подвергали унизительной процедурѣ „реабилитаціонныхъ комиссій", очистительныя операціи которыхъ затягивались на цѣлые мѣсяцы. Въ своемъ декабрьскомъ Наказѣ Особому Совѣщанію генералъ Деникинъ по этому поводу писалъ: „ускорить и упростить порядокъ реабилитаціи не вполнѣ благополучныхъ по большевизму, петлюровщинѣ и т. д. Если была только ошибка, а къ дѣлу годны — снисхожденіе".

Я упоминалъ, что бѣдственное положеніе нашего чиновничества вызывало невыгодныя для насъ сравненія съ положеніемъ совѣтскихъ служащихъ. Въ офицерской средѣ дѣлались иногда такія же сравненія. Военная молодежь порою толковала о томъ, что большевики научились, вмѣсто того чтобы избивать „бѣлыхъ "офицеровъ, привлекать ихъ въ свои ряды, и рисовала себѣ соблазнительныя картины привилегированнаго состоянія „краснаго" офицерства.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

КУБАНСКОЕ ДѢЙСТВО.*)

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

*) Въ концѣ октября и началѣ ноября разыгрались крупныя событія на Кубани. 25 сктября генералъ Деникинъ отдалъ приказъ объ арестѣ членовъ Кубанской делегаціи въ Парижѣ, Быча, Калабухова, Намитокова и Савицкаго, и о преданіи ихъ военно-полевому суду за подписаніе съ меджилисомъ горскихъ народностей союзнаго договора, въ которомъ усматривались признаки измѣны. Вслѣдъ затѣмъ Кубань была включена въ тыловой районъ Кавказской Арміи, и командующимъ войсками назначенъ генералъ-лейтенантъ Покровскій. Арестованный членъ Рады Калабуховъ былъ казненъ по приговору военно-полевого суда 7 ноября. Замѣститель предсѣдателя Рады И. Л. Макаренко скрылся. Еше нѣсколько членовъ Рады были арестованы за вредную агитацію. Генералъ Деникинъ замѣнилъ преданіе ихъ военно-полевому суду высылкой за-границу. Атаманъ Филимоновъ сложилъ полномочія. Краевая Рада пересмотрѣла конституцію, упразднила Законодательную Раду и усилила прерогативы атамана. Она объявила парижскую делегацію лишенною полномочій. Замѣстителемъ предсѣдателя Рады былъ избранъ Д. Е. Скобцовъ, атаманомъ — генералъ Успенскій, всегда благожелательно относившійся къ Добровольческой Арміи. Во главѣ новаго Краевого Правительства, формированіе котораго очень затянулось, сталъ Ф. С. Сушковъ. Линейско-добровольческое начало, казалось, торжествовало полностью. Но то было обманчивое впечатлѣніе. Опытъ не замедлилъ показать, что кубанскихъ самостійниковъ не уничтожили, а только раздразнили. Вскорѣ ихъ разлагающая агитація возобновилась съ удвоенной силой, черпая въ одностороннемъ толкованіи ноябрьскихъ событій благодарный матеріалъ. Подробности „кубанскаго дѣйства", вокругъ котораго накопилось много легендъ, едва ли могутъ быть сейчасъ оглашены.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВЪ ПОИСКАХЪ ВЫХОДА.

Въ четвергъ, 5 сентября въ Новочеркасскѣ начались переговоры между уполномоченными Главнокомандующаго и представителями Южно-Русской конференціи о созданіи такъ называемой Южно-Русской власти.

Къ этой послѣдней попыткѣ объединенія „стороны" готовились давно. Южно-Русская конференція, на которой были представлены Донъ, Кубань и Терекъ, работала еще съ іюня мѣсяца и составила очень обстоятельный проектъ организаціи общихъ учрежденій и распредѣленія предметовъ вѣдѣнія между центральною и мѣстною властью. Мы знакомились съ ними по частямъ, по мѣрѣ хода переговоровъ. У насъ также были подъ рукой проекты, въ которыхъ нашло себѣ выраженіе наше представленіе о желательномъ устройствѣ объединеннаго управленія въ областяхъ Юга Россіи. Проекты эти покоились на незыблемомъ для насъ принципѣ уже существующей единоличной диктатуры. Они предусматривали учрежденіе Высшаго Совѣта, какъ органа законосовѣщательнаго, съ представительствомъ отъ губерній и крупныхъ городовъ, и Совѣта Начальниковъ Управленій, какъ органа правительственнаго. Эти проекты могли быть проведены въ жизнь и независимо отъ соглашенія съ казаками для областей, подчиненныхъ Главнокомандующему. На случай, если бы казачьи области пожелали затѣмъ признать единую власть Главнокомандующаго и войти черезъ своихъ представителей въ систему общихъ учрежденій, это могло быть сдѣлано на основаніи особыхъ правилъ, которыя предусматривали включеніе въ составъ Высшаго Совѣта по пяти представителей

отъ каждаго казачьяго войска и въ составъ Совѣта Начальниковъ Управленій — трехъ членовъ Совѣта по дѣламъ Дона, Кубани и Терека, а также распредѣленіе предметовъ государственной и мѣстной компетенціи. Въ случаѣ же предварительнаго сговора съ казаками, эти правила предполагалось включить въ самый текстъ законовъ, которые издалъ бы своей властью Главнокомандующій. Затѣмъ, конечно, послѣднее слово отъ имени каждаго казачьяго войска было бы сказано его законодательнымъ собраніемъ.

Въ Новочеркасскѣ мы встрѣтились съ тремя казачьими делегаціями. Астраханцевъ, не заявлявшихъ для своего войска притязаній на положеніе суверенаго „государственнаго образованія", не было вовсе. Они расчитывали, что уже послѣ образованія общихъ учрежденій тамъ будетъ дано мѣсто и ихъ представителямъ. Во главѣ донской делегаціи стоялъ В. А. Харламовъ, во главѣ кубанской—И. Л. Макаренко, нашъ старый знакомый по екатеринодарской согласительной комиссіи, во главѣ терской—генералъ В. И. Баскаковъ, бывшій профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба, о тѣсной связи котораго съ терскимъ казачествомъ недавно стало извѣстно. Предсѣдательствовалъ по общему правилу В. А. Харламовъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ уступавшій свое мѣсто И. Л. Макаренко или генералу Баскакову. Онъ несъ по-истинѣ каторжный трудъ, направляя наши работы по дѣловому руслу и къ скорѣйшему окончанію. Несмотря на всѣ его усилія, послѣднее ему не удавалось, и это, видимо, отзывалось на его настроеніи. И. Л. Макаренко плавалъ въ нашихъ безбрежныхъ дебатахъ, буквально какъ рыба въ водѣ. Онъ съ увлеченіемъ чрезвычайно подробно высказывался по каждому вопросу, съ величайшей изобрѣтательностью нанизывая доводы противъ нашего „централизма". Я былъ его упорнымъ и безсмѣннымъ оппонентомъ и лучше другихъ могъ оцѣнить его незаурядную діалектику. Послѣ ноябрьскихъ событій на Кубани его замѣнилъ П. М. Каплинъ, вносившій въ отстаиваніе кубанскихъ точекъ зрѣнія значительно большую мягкость. Онъ вскорѣ захворалъ, и во главѣ кубанской „делегаціи"

сталъ Д. А. Филимоновъ. Генералъ Баскаковъ оказался тоже большимъ спорщикомъ и ярымъ защитникомъ правъ „казачьихъ народовъ". Онъ излагалъ свои „ученія" медлительно и пространно и не безъ полемическаго „вызова". Изъ другихъ делегатовъ выцѣлялись—среди донцовъ — членъ Круга В. В. Шапкинъ, управляющій Отдѣломъ народнаго просвѣщенія В. Н. Свѣтозаровъ, управляющій Отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ К. П. Каклюгинъ, среди кубанцевъ—управляющій вѣдомствомъ путей сообщенія С. С. Ланко, Ю. А. Коробьинъ и горецъ М. Х. Гатагогу, выбывшій въ ноябрѣ. Дѣлопроизводство было въ рукахъ С. Г Сватикова.

Въ качествѣ уполномоченныхъ Главнокомандующаго дѣйствовали члены Особаго Совѣщанія: В. Н. Челищевъ, М. М. Федоровъ, В. П. Носовичъ, Н. В. Савичъ, помощникъ управляющаго Отдѣломъ Законовъ А. С. Щетининъ и пишущій эти строки. Старшимъ мы признавали В. Н. Челищева, который былъ нашимъ лидеромъ и руководилъ нашими „фракціонными" совѣщаніями. Наши казачьи партнеры очень цѣнили его безукоризненную корректность и готовность идти на встрѣчу ихъ пожеланіямъ. Среди насъ В. Н. Челищевъ былъ, вѣроятно, болѣе всего склоненъ признавать грѣхи старой централистической системы и чаще другихъ шелъ на уступки притязаніямъ „автономистовъ". Когда однажды въ близкой къ донскимъ кругамъ ростовской газетѣ были напечатаны „кулуарныя" сплетни о ходѣ нашихъ переговоровъ, похвальный отзывъ отъ имени казачества, кромѣ В. Н. Челищева, былъ присужденъ еще Н. В. Савичу. Я не думаю, чтобы Н. В. Савичъ былъ убѣжденнымъ энтузіастомъ казачьихъ „вольностей", и мнѣ кажется, что онъ заслужилъ эту удовлетворительную отмѣтку своимъ „реалистическимъ" отношеніемъ къ тому, что мы дѣлали. Считая все это временнымъ, онъ не настаивалъ на деталяхъ и допускалъ компромиссы. Зато больно досталось М. М. Федорову, В. П. Носовичу и, конечно, мнѣ. М. М. Федоровъ сталъ, кажется, просто жертвою своего темперамента. Горячій сторонникъ „общественности", онъ, конечно, не могъ не со-

чувствовать идеѣ „сговора“ съ казачествомъ. Сколько я понимаю, казачьихъ делегатовъ раздражала только внѣшняя форма выраженія имъ своихъ мыслей, очень энергичная и подчеркиваемая еще экспансивной жестикуляціей. То же самое случилось и съ В. П. Носовичемъ. Этотъ элегантный causeur блисталъ удачными сравненіями и мѣткими словечками, которыя били вѣрно и ударяли больно. Личная моя репутація прочно сложилась въ казачьихъ кругахъ за годъ моей работы при Добровольческой Арміи. Меня считали какимъ-то фанатикомъ „централизма“ и яростнымъ противникомъ казачьей „самобытности“. Въ этомъ ходячемъ представленіи было много каррикатурнаго преувеличенія. Я, дѣйствительно, однажды принявъ начало единоличной диктатуры, считалъ для себя обязательнымъ отстаивать послѣдовательное проведеніе ея принциповъ. Я дѣйствительно не былъ поклонникомъ казачьяго сословнаго „демократизма“, съ которымъ можно было временно мириться по тактическимъ соображеніямъ, но который мудрено адеализировать. Наконецъ, я никогда не скрывалъ, что не мыслю себѣ возрожденія Россіи на федеративной основѣ. Но за всѣмъ тѣмъ я все-таки остаюсь авторомъ спеціальной работы о современной республикѣ, въ которомъ федеративная республика трактуется, какъ послѣдній этапъ эволюціи республиканскаго строя, и я неоднократно, и какъ политикъ, и какъ профессоръ, заявлялъ, что однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ „завоеваній революціи“ въ Россіи будетъ признаніе и развитіе мѣстныхъ „особенностей“, культурныхъ и политическихъ. Къ сожалѣнію, въ пылу политической борьбы часто стушевываются всѣ оттѣнки и переходы и остаются только грубыя основныя линіи. Шесть уполномоченныхъ Главнокомандующаго несли на себѣ всю тяжесть трехмѣсячныхъ переговоровъ, и рѣдко когда кто-нибудь изъ насъ позволялъ себѣ вольность не поѣхать въ Новочеркасскъ или не явиться въ парадныя комнаты ростовскаго вокзала. При обсужденіи спеціальныхъ вопросовъ мы иногда приводили съ собой экспертовъ изъ разныхъ управленій. Когда въ самыхъ послѣднихъ числахъ но-

ября мы подошли къ вопросу объ арміи, съ обѣихъ сторонъ была произведена большая мобилизація военныхъ авторитетовъ. Отъ Главнаго Командованія были генералы Романовскій и Вязьмитиновъ.

5 сентября мы начали, по традиціи, съ формальныхъ препирательствъ. Казаки хотѣли бы просто включить насъ въ составъ конференціи, въ качествѣ одной изъ „делегацій". Мы признали это для себя невозможнымъ, такъ какъ были уполномочены Главнокомандующимъ только на то, чтобы путемъ предварительныхъ переговоровъ выяснить пріемлемыя для казачества основанія устройства и функціонированія общихъ органовъ власти. Послѣ перерыва засѣданія и совѣщанія съ президіумомъ, было достигнуто соглашеніе на слѣдующихъ положеніяхъ. Происходятъ совѣщанія членовъ Южно-Русской конференціи съ уполномоченными Главнокомандующаго. Послѣдовательно разсматриваются всѣ связанные съ организаціей Южно-Русской власти вопросы. Если получается единодушіе, соотвѣтствующая формула заносится въ журналъ; если получается разногласіе, вопросъ пересматривается въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. Въ концѣ будетъ сдѣлана общая сводка всего матеріала и представлена Главнокомандующему, и онъ издастъ учредительный актъ Южно-Русской власти. „По соглашенію съ казачьими Кругами и Радой" — подразумѣвали казаки. „Самостоятельно" въ силу присущей ему „полноты власти" съ послѣдующимъ присоединеніемъ казачьихъ областей — подразумѣвали мы. Какъ въ 1918 году, во время переговоровъ съ кубанцами, это коренное разногласіе снова стояло между нами. Оно не замедлило сказаться при обсужденіи первыхъ принципіальныхъ тезисовъ о порядкѣ вступленія государственныхъ образованій Дона, Кубани и Терека въ новый общегосударственный строй. Самъ собой здѣсь возникалъ вопросъ о формѣ пересмотра въ будущемъ того учредительнаго акта, который долженъ былъ быть изданъ Главнокомандующимъ. Мы доказывали, что послѣ присоединенія къ этому акту казачьихъ войскъ измѣненіе его будетъ уже всецѣло дѣломъ свобод-

наго волеизъявленія полновластнаго „диктатора". Казаки добивались „гарантій" — и не хотѣли удовлетвориться морально-политическими гарантіями, которыя заключались бы въ участіи ихъ представителей въ Совѣтахъ Главнокомандующаго. Мы, какъ говорятъ студенты, „заложили" эти вопросы и въ дальнѣйшемъ нѣсколько разъ возвращались къ нимъ, но, сколько мнѣ помнится, несмотря на многочисленныя словесныя уступки съ обѣихъ сторонъ, полнаго соглашенія такъ и не состоялось.

Затѣмъ, опять таки идя по стопамъ екатеринодарской „Согласительной Комиссіи", мы оставили на время разговоры на „общія темы" и занялись „практическимъ дѣломъ" — распредѣленіемъ компетенцій. Только покончивъ съ нимъ, мы опять столкнулись съ „принципами", когда у насъ зашла рѣчь о министерствахъ по дѣламъ Дона, Кубани и Терека и о „конституціонныхъ конфликтахъ", и тогда наши идейныя разногласія вскрылись снова. Но въ теченіе трехъ мѣсяцевъ они только отъ времени до времени давали себя чувствовать въ упорномъ торгѣ изъ за тѣхъ или иныхъ „предметовъ вѣдѣнія". Нужно, не обинуясь, сказать, что въ этомъ торгѣ сила была на сторонѣ казаковъ. Во-первыхъ, они были вооружены до мелочей продуманной схемой разграниченія всѣхъ „предметовъ" на три категоріи — дѣла, подлежащія вѣдѣнію общегосударственной власти въ порядкѣ законодательства и управленія; дѣла, въ порядкѣ законодательства подлежащія вѣдѣнію общегосударственой, а въ порядкѣ управленія — краевой власти; дѣла, подлежащія вѣдѣнію краевой власти въ порядкѣ законодательства и управленія. А кромѣ того, они вносили въ защиту „мѣстныхъ особенностей" подлинный жизненный пафосъ, между тѣмъ какъ мы, въ сущности, отстаивали принципъ, идею. Поэтому, очевидно, и проявляли казаки особенно горячій интересъ къ торговлѣ и промышленности, къ земельному вопросу и къ порядку замѣщенія нѣкоторыхъ должностей не иначе, какъ „по соглашенію" съ краевой властью. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ усилій, цѣною повторнаго возвращенія къ однѣмъ и тѣмъ же те-

мамъ, мы установили единогласіе по большинству изъ пунктовъ нашей „дѣловой“ программы.

У В. Н. Челищева, да, вѣроятно, и у казачьихъ делегатовъ, сохранились матеріалы трехмѣсячныхъ „совѣщаній уполномоченныхъ Главнокомандующаго съ членами Южно-Русской конференціи“. Несмотря на то, что изъ этого ничего не вышло на практикѣ, эти матеріалы будутъ имѣть большую цѣнность и для историковъ эпохи, и для будущихъ всероссійскихъ законодателей. Но непосредственный политическій результатъ нашихъ переговоровъ былъ равенъ нулю, точнѣе, онъ былъ отрицательнаго характера. Мы не нашли объединенной Южно-Русской власти и упустили случай сдѣлать реформу собственныхъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, которая, особенно при правильномъ ея проведеніи, вѣроятно, сообщила бы имъ нѣсколько большую жизненность. Это одна изъ удивительнѣйшихъ загадокъ нашей политики — какъ это могло такъ случиться, что необходимость реформировать Особое Совѣщаніе была ясна всѣмъ, что, по существу, никто не вѣрилъ въ скорое окончаніе переговоровъ съ казаками, и что тѣмъ не менѣе недѣля уходила за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а мы все ловили журавля въ небѣ. Я былъ въ числѣ пессимистовъ и доказывалъ, что надо дѣйствовать самостоятельно и срочно. Самъ Главнокомандующій нѣсколько разъ спрашивалъ у своихъ уполномоченныхъ и у Особаго Совѣщанія, не подписать ли ему наши проекты. Но „выжидательное“ настроеніе одерживало верхъ. Опасались, что отказъ отъ „сговора“ произведетъ дурное впечатлѣніе на казачьи войска. Указывали, что нужно точно установить минимумъ казачьихъ требованій, чтобы съ шансами на успѣхъ издать самостоятельный актъ... Я и сейчасъ не сомнѣваюсь, что твердая рѣшимость и смѣлая иниціатива съ нашей стороны имѣли бы на казачество самое благотворное вліяніе, и что „въ обще-казачьемъ масштабѣ“ мы повторили нашу кубанскую ошибку, то есть, не усвоивъ ни твердой до конца, ни послѣдовательно-примирительной политики, оказались безъ всякой политики вообще.

Совѣщанія въ Новочеркасскѣ открылись и первое время протекали подъ громъ побѣдъ, въ которыхъ первенствующая роль принадлежала добровольческимъ войскамъ. Мы гадали о томъ, скоро ли кончатся наши труды, и когда я говорилъ о нѣсколькихъ мѣсяцахъ, это вызывало общее негодованіе: мы кончимъ къ 1 октября, къ Донскому Кругу. Наступилъ октябрь, мы сдѣлали немного. Ахъ, мы всѣ были занятые люди, у насъ, уполномоченныхъ Главнокомандующаго, было Особое Совѣщаніе, были свои Управленія и Отдѣлы. У казаковъ были свои дѣла и заботы, и кромѣ совѣщаній съ нами, у нихъ происходили засѣданія Южно-Русской Конференціи, на которыхъ они вырабатывали свои обще-казачьи точки зрѣнія. Кубанцы уѣзжали и пріѣзжали, и порою наши встрѣчи зависѣли отъ случайностей желѣзнодорожнаго движенія. Въ октябрѣ стали называть новую дату — 1 ноября, день открытія Краевой Рады. Разразились кубанскія событія, и мы, какъ будто, заговорили скорѣе, намъ всѣмъ безъ исключенія на минуту сдѣлалось страшно. Но „моментъ“ прошелъ, и мы продолжали засѣдать. Случались инциденты, разные инциденты, серьезные и мелкіе, драматическіе и смѣшные, о которыхъ можно будетъ разсказать въ посмертныхъ мемуарахъ. „Стороны“ нервничали. Люди всегда люди. По мѣрѣ того какъ фронтъ катился назадъ и выяснялось, что казачьимъ областямъ еще разъ суждено стать послѣднимъ убѣжищемъ „бѣлыхъ“ армій, намъ слышались въ рѣчахъ казачьихъ делегатовъ болѣе увѣренныя и притязательныя ноты. Въ свою очередь, и мы среди нашихъ несчастій и разочарованій „щетинились“ и еще рѣзче подчеркивали наши „принципы“. Терекъ уже волновался за исходъ переговоровъ и по телеграфу приглашалъ своихъ делегатовъ спѣшить и не настаивать на мелочахъ. На дворѣ стоялъ декабрь, когда въ парадныхъ комнатахъ ростовскаго вокзала генералъ Баскаковъ упрекалъ меня за то, что въ трактовкѣ вопросовъ о казачьихъ статсъ-секретаряхъ и конституціонныхъ конфликтахъ я не обнаружилъ безстрастія, подобающаго государствовѣду. Одинъ изъ терскихъ делега-

товъ писалъ недурные стихи. Общій смѣхъ у насъ вызывало его презабавное стихотвореніе съ основнымъ мотивомъ: „Конференція все засѣдаетъ“. Казачій поэтъ былъ оптимистъ и свое стихотвореніе онъ написалъ еще осенью или лѣтомъ. Конференція у него засѣдала вплоть до взятія Москвы, когда ее закрывали за ненадобностью. На дѣлѣ конференція растворилась сама собой въ сутолокѣ эвакуаціи Ростова. 21 декабря въ Ростовъ прибыли съ полномочіями „все покончить“ В. А. Харламовъ и генералъ Баскаковъ. Они встрѣтились съ В. Н. Челищевымъ, М. М. Федоровымъ и А. С. Щетининымъ. Я былъ тогда уже въ отставкѣ и не знаю въ точности, что говорилось въ кабинетѣ начальника Управленія Юстиціи. Но слышалъ я, что это совѣщаніе in extremis прошло очень гладко. Оно, повидимому, не имѣло никакого практическаго смысла. Всѣ мы были уже „на ходу“. Вскорѣ въ Екатеринодарѣ должны были начаться другіе, совсѣмъ другіе переговоры.

Мы совѣщались съ казачьими делегатами въ Новочеркасскѣ въ одномъ изъ войсковыхъ зданій и на вокзалѣ въ Ростовѣ. Когда мы ѣздили въ Новочеркасскъ, нашъ вагонъ прицѣпляли къ дневной „молніи“. Любезные хозяева кормили насъ обѣдомъ, потомъ было засѣданіе часовъ съ 6-ти до 11-ти, и послѣ обильнаго ужина мы возвращались въ Ростовъ поздно ночью. Иногда мы „закатывались“ въ Новочеркасскъ на цѣлый день и засѣдали съ перерывами съ утра до вечера. Потомъ все чаще казачьи делегаты пріѣзжали къ намъ, тогда мы „реваншировались“ обѣдомъ въ парадныхъ комнатахъ вокзала и потомъ засѣдали часами. Случалось, что казаки оставались ночевать въ своихъ вагонахъ, тогда засѣданія происходили два дня подрядъ. За этими трапезами, пріятно разнообразившими „практическія занятія по государственному праву“, какъ я называлъ наши совѣщанія, „делегаціи“ перемѣшивались, и за рюмкой водки и стакономъ вина В. Н. Челищевъ шутилъ съ И. Л. Макаренко, и К. Н. Соколова можно было видѣть дружески бесѣдующимъ съ М. Х. Гатагогу. Но открывалось засѣданіе, и „стороны“ снова занимали свои боевыя позиціи.

Говорятъ, точь въ точь такъ бываетъ на заправскихъ международныхъ конгрессахъ.

Вопросъ о „политическомъ курсѣ“ былъ поставленъ у насъ на практическую очередь довольно внезапно. Мы давно, съ весны еще, болѣли этимъ вопросомъ, много разъ говорили о немъ и въ Особомъ Совѣщаніи, и въ общественныхъ организаціяхъ, и въ частныхъ бесѣдахъ, но безрезультатно. Сдвинуть его съ мѣста помогъ намъ Махно.

Собственно, въ махновщинѣ не было ничего неожиданнаго. Движеніе это, въ формѣ отдѣльныхъ мѣстныхъ выступленій, наблюдалось уже давно, да и процессъ наростанія и, такъ сказать, „систематизаціи“ его тоже не былъ тайной для всякаго, кто болѣе или менѣе слѣдилъ за жизнью нашей больной „провинціи“. Но только тогда, когда у Махно создалось нѣчто въ родѣ арміи, когда онъ сталъ осуществлять элементарные, конечно, стратегическіе планы, когда онъ сталъ серьезно тревожить нашъ тылъ, когда для борьбы съ его отрядами пришлось снимать части съ фронта, гдѣ каждый человѣкъ былъ на счету, только тогда у насъ въ центрѣ задумались надъ причинами, питавшими махновщину. Въ одну изъ октябрьскихъ средъ, вскорѣ послѣ того какъ движеніе стало затихать, Главнокомандующій предложилъ всѣмъ членамъ Особаго Совѣщанія собрать весь имѣющійся у нихъ матеріалъ по этому поводу для послѣдующаго совмѣстнаго обсужденія его. Было рѣшено, удобства и скорости ради, сосредоточить это дѣло въ однѣхъ рукахъ. Мы должны были передать всю нашу информацію Н. И. Астрову, которому выпало на долю систематизировать всѣ данныя и представить Особому Совѣщанію спеціальный докладъ. Это и было исполнено, и докладъ Н. И. Астрова состоялся въ среду, 6 ноября.

Сами собой рамки первоначально поставленной докладчику задачи раздвинулись. Н. И. Астровъ представилъ намъ очень обстоятельное разсужденіе, которое, помимо разбора

условій возникновенія махновщины и ошибокъ, допущенныхъ въ борьбѣ съ ней, явилось суровой критикой всѣхъ нашихъ правительственныхъ порядковъ. Выдѣливъ конкретные вопросы объ отвѣтственности тѣхъ или иныхъ представителей власти, докладчикъ затѣмъ остановился на характеристикѣ нашего управленія и съ организаціонной, и съ политической точки зрѣнія. Онъ говорилъ объ Особомъ Совѣщаніи, которое справедливо характеризовалъ, какъ машину, работающую безъ приводныхъ ремней. Онъ говорилъ объ отсутствіи связи между центромъ и провинціей, о томъ, что власти на мѣстахъ не чувствуютъ надъ собой постояннаго надзора и твердаго руководства и, кромѣ прямыхъ злоупотребленій, позволяютъ себѣ частыя отступленія отъ политическихъ началъ, возвѣщенныхъ въ различныхъ рѣчахъ и приказахъ Главнокомандующаго. Онъ коснулся и персонала мѣстныхъ учрежденій и, въ частности, подчеркнулъ неудачныя назначенія по Управленію Внутреннихъ Дѣлъ и по Отдѣлу Пропаганды. Въ общемъ все это было не очень ново для большинства изъ насъ. Но впервые картина нашего внутренняго нестроенія была представлена Особому Совѣщанію въ связномъ видѣ. Впечатлѣніе получилось тяжелое, настолько тяжелое, что генералъ Деникинъ, видимо, пожелалъ смягчить его и съ улыбкой сказалъ, что, положеніе не такъ ужъ мрачно, иначе намъ оставалось бы только отчаяться.

Затѣмъ, по нашему обыкновенію, дѣло это затормозилось. Главнокомандующій замѣтилъ — и это было совершенно справедливо, — что заключенія доклада Н. А. Астрова носятъ слишкомъ общій характеръ, чтобъ ихъ можно было положить въ основу преній о правительственномъ „курсѣ“, и просилъ свести ихъ къ нѣсколькимъ сжатымъ тезисамъ. Когда тезисы Н. И. Астрова были готовы, обсужденіе ихъ отложили и поручили окончательно формулировать ихъ докладчику совмѣстно съ тремя членами Особаго Совѣщанія — Н. В. Савичемъ, В. Н. Челищевымъ и К. Н. Соколовымъ. Только въ понедѣльникъ, 2 декабря Главнокомандующій принялъ насъ въ Таганрогѣ и выслушалъ наши соображенія.

Вокругъ всего этого было много шума въ печати и въ обществѣ. Газеты очень интересовались „тезисами Астрова“ и трудами „комиссіи четырехъ“. Политическіе информаторы ловили слухи о томъ, что, собственно, мы „вырабатываемъ“ и строили догадки о направленіи будущаго „курса“. Эти разговоры переплетались съ толками о кандидатахъ въ предсѣдатели Совѣта Начальниковъ Управленій, которыхъ уже называли въ предвидѣніи окончанія переговоровъ съ казаками. Такое сочетаніе „курса“ съ вопросомъ объ „объединенномъ правительствѣ“ было, на первый взглядъ, совершенно естественно. Но и оно не имѣло прочной опоры въ нашихъ политическихъ нравахъ, и мнѣ памятно остроумное замѣчаніе М. М. Федорова, который однажды по пути въ Новочеркасскъ сказалъ въ разговорѣ о шансахъ образованія политически однороднаго министерства, что будущій „премьеръ“ все равно получитъ въ наслѣдство процентовъ 75 нынѣшняго состава правительства. Нельзя поэтому сказать, чтобы и къ совѣщанію 2 декабря мы готовились съ большой вѣрой въ успѣхъ. Мы только однажды втроемъ — В. Н. Челищевъ хворалъ — собрались у Н. В. Савича въ номерѣ Большой Московской Гостинницы и тутъ же убѣдились, что даже среди насъ нѣтъ достаточнаго единомыслія.

Фактически намъ необходимо было, прежде всего, рѣшить одинъ „предварительный“ вопросъ, — нужно ли намъ намѣтить какую то новую правительственную программу или же признать, что такая программа уже изложена въ различныхъ актахъ Главнокомандующаго, освѣжить ее въ собственной памяти и преподать къ непремѣнному руководству подчиненнымъ властямъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Н. И. Астровъ, повидимому, утвердился во второмъ мнѣніи и, повторяя мысли своего ноябрьскаго доклада, полагалъ достаточнымъ подтвердить „по инстанціямъ“ обязательность для всѣхъ властей политическихъ принциповъ Главнаго Командованія и впредь строго взыскивать за всякое отъ нихъ уклоненіе. Мы съ Н. В. Савичемъ сошлись на томъ, что этого было бы слишкомъ мало. Н. В. Савичъ доводами нѣсколько

„марксистскаго“ характера доказывалъ, что коренной порокъ нашей политики заключается въ отсутствіи у насъ поддержки какой либо опредѣленной группы населенія, что, стремясь понемногу удовлетворить всѣхъ, мы всѣхъ понемногу отъ себя оттолкнули. Я начертилъ тутъ же на столѣ свою старую схему и лишній разъ повторилъ мои идеи о твердой власти, опирающейся на консервативные круги, при условіи признанія ими факта земельной революціи. Съ этимъ мы и поѣхали въ Таганрогъ.

Совѣщаніе наше съ генераломъ Деникинымъ состоялось у него въ кабинетѣ въ присутствіи генерала Романовскаго. Н. И. Астровъ прочелъ записку, которая кончалась тезисами, отвѣчавшими его взглядамъ. Н. В. Савичъ изложилъ свои мысли. Я оговорился, что и проведеніе плана Н. И. Астрова было бы нѣкоторымъ шагомъ впередъ, и что въ этомъ смыслѣ систематизированнаго „напоминанія“ о нашемъ „курсѣ“ мною самимъ составленъ вѣдомственный циркуляръ, но указалъ, что, по моему, это дѣло довольно безнадежное, и опять развилъ свою обычную точку зрѣнія. Генералъ Деникинъ естественно склонился къ идеямъ Н. И. Астрова, но не произнесъ никакого окончательнаго рѣшенія. Въ общемъ обмѣнѣ мнѣній интересныя возраженія мнѣ сдѣлалъ покойный И. П. Романовскій. Сказавъ, что по существу онъ со мною согласенъ, онъ добавилъ, однако, что онъ не видитъ въ Россіи тѣхъ консервативныхъ элементовъ, которые готовы были бы честно примириться съ совершившимся земельнымъ передѣломъ. Я отвѣтилъ, что это не колеблетъ моего мнѣнія и что, если генералъ Романовскій правъ, это значитъ только, что въ Россіи еще долго не будетъ устойчиваго соціально-политическаго порядка.

Мы пробыли у Главнокомандующаго до вечера. Генералъ Деникинъ прочелъ намъ, между прочимъ, свое письмо г. Пилсудскому, въ которомъ онъ въ своей обычной прямодушной манерѣ высказывался о двусмысленномъ поведеніи поляковъ по отношенію къ большевикамъ и о тѣхъ тяжелыхъ послѣдствіяхъ, для самаго бытія Польши, которыя не-

избѣжно повлекла бы за собою гибель Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи. Былъ разговоръ и о нашемъ военномъ положеніи, и генералъ Деникинъ со спокойною увѣренностью сказалъ, что самое худшее, что можетъ съ нами быть, это что придется уйти за Донъ. Но и въ этомъ случаѣ борьба только затянется еще на годъ, и все-таки мы побѣдимъ. Это было, конечно, гораздо актуальнѣе „курса". „Курсъ" всплылъ послѣ этого еще разъ въ „Наказѣ", данномъ генераломъ Деникинымъ Особому Совѣщанію 14 декабря. Въ основу этого „Наказа" легли, повидимому, положенія записки Н. И. Астрова. Своеобразную внѣшнюю форму ему придалъ самъ Главнокомандующій.

Передъ отъѣздомъ въ Ростовъ я, вмѣстѣ съ Н. И. Астровымъ, посѣтилъ одного изъ офицеровъ Штаба Главнокомандующаго. Онъ разсказалъ намъ послѣднія новости. Генералъ Май-Маевскій, наконецъ, уволенъ отъ должности командующаго Добровольческой Арміей, ему послано объ этомъ письмо, а на мѣсто его назначенъ генералъ Врангель. По словамъ нашего собесѣдника, штабная молодежь видѣла въ этомъ назначеніи большую свою побѣду надъ „высшими сферами". Они добивались его цѣлый мѣсяцъ.

* * *

Дѣйствительно, генералъ Деникинъ рѣшился, наконецъ, положить предѣлъ харьковскому скандалу, вызывавшему общій ропотъ и въ войскахъ, и въ гражданскомъ населеніи. Уже давно со всѣхъ сторонъ только и говорили, что о командующемъ Добровольческой Арміей, объ его удивительномъ образѣ жизни и дѣйствій. Генералъ Май-Маевскій былъ уволенъ со всѣми почестями, — съ милостивымъ „рескриптомъ" и съ сохраненіемъ содержанія. Съ такимъ же единодушіемъ, съ какимъ добивались его отставки, требовали и назначенія ему преемникомъ именно генерала Врангеля. Но не поздно ли пришла эта перемѣна? Друзья генерала Врангеля передавали, что прежде онъ рвался въ Харьковъ, не

сомнѣваясь, что ему удастся возстановить положеніе. Сейчасъ онъ уже не увѣренъ въ успѣхѣ.

Очень трудно, не имѣя подъ рукой документовъ, датъ и цифръ, установить съ точностью, когда собственно наступилъ роковой для насъ переломъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но мнѣ кажется, что его нужно отнести ко второй половинѣ октября. Въ началѣ ноября положеніе уже было настолько грозное, что генералъ Деникинъ выступилъ въ закрытомъ засѣданіи Донского Круга съ большой рѣчью, въ которой въ еще небывало сильныхъ выраженіяхъ говорилъ о надвигающейся на Югъ Россіи опасности. Фронтъ дрогнулъ. Подъ напоромъ превосходныхъ силъ красныхъ, переброшенныхъ и съ фронта адмирала Колчака, и съ польскаго фронта, наши войска подались, и началось отступленіе. Нѣкоторое время была надежда, что оно постепенно замедлится и даже вовсе остановится, послѣ чего можно будетъ закрѣпиться на какой-нибудь новой линіи къ сѣверу отъ Харькова. Но оно, вмѣсто того, приняло катастрофическій характеръ, когда послѣ прорыва у Купянска конная группа красныхъ, предводимая Буденнымъ, стала угрожать вклиниться между добровольцами и донцами, отрѣзать Добровольческой Арміи путь отступленія къ казачьимъ областямъ и захватить Донецкій бассейнъ. Деморализованныя, утратившія вѣру въ своихъ вождей, страдавшія отъ страшной стужи войска отступали неудержимо, теряя обозы и артиллерію. Казалось, все было противъ насъ. Морозы стояли необычайные, и плохо одѣтые люди мерзли. Желѣзныя дороги работали скверно, сосредоточеніе „кулака“, предназначеннаго парализовать давленіе красныхъ, шло медленно, и въ одномъ изъ засѣданій Особаго Совѣщанія генералъ Деникинъ указывалъ, что состояніе транспорта крайне затрудняетъ сопротивленіе. Къ моменту назначенія генерала Врангеля очищеніе Харькова представлялось уже неизбѣжнымъ. Намѣчалось отступленіе войскъ Харьковской группы на Юго-Востокъ для прикрытія Донецкаго бассейна и казачьихъ земель. Екатеринославскій отрядъ генерала Слащева долженъ былъ отступать на Крымъ. Войска

Юго-Западнаго Края, начальствованіе надъ которыми принадлежало уже всецѣло генералу Шиллингу, должны были дѣйствовать самостоятельно и оттягиваться къ Одесскому району. Отступленіе главныхъ силъ въ юго-восточномъ направленіи подвергалось нѣкоторой критикѣ. Но Главнокомандующій признавалъ необходимымъ сохранять связь съ казачествомъ.

Бѣда никогда не приходитъ одна, и какъ разъ въ то время, когда на насъ обрушились военныя несчастія, пришло извѣстіе о знаменитой наябрьской рѣчи Ллойдъ-Джорджа, явившейся первымъ неоспоримымъ симптомомъ новаго курса англійской политики. Что побудило англійскаго премьера заговорить о Россіи тономъ, который повергъ въ отчаяніе всѣхъ нашихъ антантофиловъ? Размѣры нашей военной неудачи не могли еще ему быть извѣстны. Значитъ, пораженіе адмирала Колчака? Или мотивы англійской внутренней политики? Или все это вмѣстѣ взятое, изъ двухъ тенденцій англійской политики, тенденціи Ллойдъ-Джорджа и тенденціи Черчиля, помогло одержать верхъ первой? Тягостное впечатлѣніе отъ рѣчи Ллойдъ-Джорджа усугублялось еще и тѣмъ, что и закавказскіе англичане стали почему то тверже въ своей игрѣ на расчлененіе Россіи. Ллойдъ Джорджъ не поколебалъ, однако, нашей международной оріентаціи. Вопросы международной политики подробно обсуждались въ Особомъ Совѣщаніи, которое единодушно присоединилось къ убѣжденію генерала Деникина, что „всякая другая комбинація морально недопустима и реально неосуществима". Въ этомъ смыслѣ было рѣшено воздѣйствовать на общество. Члены Особаго Совѣщанія дали соотвѣтствующія интервью. Отъ англійскаго премьера мы апеллировали къ англійскому народу.

Поведеніе Польши подтверждало наше полное одиночество въ борьбѣ съ большевиками. Наши части на юго-западномъ фронтѣ пришли въ соприкосновеніе съ поляками. Но первыя вѣсти о радостныхъ встрѣчахъ и намѣчающемся сотрудничествѣ оказались обманчивыми, отношенія на мѣстѣ были скорѣе враждебныя. Въ центрѣ, въ Таганрогѣ,

генералъ Карницкій мѣсяцами тянулъ переговоры. Генералъ Бриггсъ, пріѣзжавшій на Югъ Россіи въ гости и по собственной иниціативѣ направившійся хлопотать о нашихъ дѣлахъ въ Бухарестъ и Варшаву, слалъ неутѣшительныя сообщенія. Поляки держались противъ большевиковъ пассивно, что позволяло красному командованію перебрасывать войска съ польскаго фронта на фронтъ Добровольческой Арміи. Они переходили въ наступленіе только на тѣхъ участкахъ, гдѣ передъ ними не было противника. Изъ занимаемыхъ ими областей доносились жалобы на безжалостное преслѣдованіе всего русскаго — очевидно, шла подготовка грядущаго „самоопредѣленія народовъ".

* * *

Наша ростовская жизнь уже давно изобиловала явленіями, обычно сопутствовавшими у насъ военнымъ неудачамъ.

Съ начала октября было введено обязательное военное обученіе всѣхъ служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ Особаго Совѣщанія. Еще въ Екатеринодарѣ весной, когда опасались большевистскаго выступленія, изъ офицеровъ — служащихъ центральныхъ установленій формировались особые отряды. Теперь эти мѣропріятія проводились въ болѣе грандіозномъ масштабѣ. Военное обученіе сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ безъ исключенія чиновниковъ. Учрежденія съ многолюднымъ персоналомъ образовывали каждое отдѣльную роту; такъ, Отдѣлъ Пропаганды выставилъ 27-ую роту. Мелкія учрежденія сводились по нѣсколько въ одну роту, — чины Отдѣла Законовъ ходили упражняться въ Управленіе Главнаго Начальника Снабженій. Н. И. Астровъ, по неимѣнію портфеля, былъ „влитъ" въ ряды Канцеляріи Особаго Совѣщанія. Служащіе вообще не долюбливали этихъ экзерцицій и жаловались, что онѣ портятъ драгоцѣнную обувь. Но военное начальство, которое, повидимому, серьезно разсчитывало на чиновничьи роты для караульной службы, „подтягивало" усердно. Въ кругахъ Особаго Совѣщанія говорили о нашей „игрѣ въ солдатики" даже съ

умиленіемъ. Государственный контролеръ подвергается муштрѣ подъ командой своего личнаго секретаря! Начальникъ Управленія Внутреннихъ Дѣлъ обучается метанію ручныхъ гранатъ! 26 ноября, въ Георгіевскій праздникъ, былъ парадъ ростовской „оборонѣ". Вслѣдъ за Ростовомъ „роты порядка" были сформированы и въ другихъ нашихъ городахъ. Обывателю все это отнюдь не придавало бодрости. Глядя на чиновничье воинство, марширующее по улицамъ Ростова въ потрепаномъ платьѣ и въ стоптанныхъ сапогахъ, онъ заключалъ, что дѣло плохо. Въ ноябрѣ, кромѣ того, стали въ тысячу первый разъ вылавливать изъ Управленій офицеровъ. Ихъ отправляли въ Харьковъ въ распоряженіе дежурнаго генерала Добровольческой Арміи.

Для того, кто пережилъ въ Ростовѣ мартовскую панику, не было большой новизны и въ другихъ нервозныхъ мѣропріятіяхъ начала зимы. Когда обнаружилась невозможность нормальнымъ порядкомъ снабдить армію теплыми вещами, пошли толки о необходимости „по примѣру большевиковъ" реквизировать теплую одежду у буржуевъ. Опыты принудительныхъ сборовъ платья и бѣлья дѣлались и раньше неоднократно, но теперь находили неизбѣжнымъ произвести реквизицію съ безжалостной энергіей. Приводили на справку, что генералъ Май-Маевскій будто бы очень удачно „реквизнулъ" и кого то одѣлъ. Въ Особомъ Совѣщаніи многіе энергично взывали къ „большевистскимъ методамъ". Я пробовалъ возражать, указывая, что вѣдь наши методы принципіально должны разниться отъ большевистскихъ, что главный „буржуй" — крестьянинъ для насъ недосягаемъ, и что, наконецъ, если ужъ перенимать большевистскіе методы, то полностью, включая и угрозу „къ стѣнкѣ"; нѣсколько голосовъ твердо сказали, что да, надо примѣнять въ крайнемъ случаѣ и „стѣнку". На Дону хозяиномъ было донское правительство, которое и объявило реквизицію. Проведена она была à grand spectacle. Въ Таганрогѣ, Ростовѣ и Новочеркасскѣ жителямъ было даже запрещено въ теченіе трехъ дней выходить на улицу. Потомъ это мудрое распоряженіе было смягчено,

вслѣдствіе настояній нашихъ властей. Не знаю, сколько оно дало теплаго платья донскому фронту. Но паники и раздраженія оно вызвало очень много.

Кромѣ платья, въ ноябрѣ реквизировали еще и помѣщенія. Изъ близкихъ къ фронту мѣстностей начинали прибывать раненые и больные. Потомъ стали насѣдать эвакуируемыя учрежденія и бѣженцы изъ сѣверныхъ округовъ области и изъ малорусскихъ губерній. Надо было развертывать лазареты и давать пріютъ несчастнымъ бѣглецамъ — позднѣе потокъ эвакуаціи и бѣженства отвели отъ Ростова и направили дальше на Кубань. А городъ былъ и такъ забитъ. Конечно, закрыли кинематографы и кафе и принялись даже „уплотнять“ правительственныя учрежденія. Помню, въ Отдѣлъ Пропаганды прибылъ старый генералъ-отъ-артиллеріи Н. — намъ, видно, везло на артиллеристовъ — посмотрѣть, нельзя ли къ намъ вселить кого-нибудь: ему сообщили, будто мы живемъ очень „широко“. Я увѣрилъ генерала, что, несмотря на большое помѣщеніе, мы живемъ „тѣсно“, благодаря многочисленному персоналу, но предложилъ ему, лучше всего, обойти зданіе и лично убѣдиться. Генералъ обошелъ Отдѣлъ въ сопровожденіи начальника части общихъ дѣлъ и, прощаясь со мной, удостовѣрилъ, что наши служащіе, дѣйствительно, очень стѣснены мѣстомъ. Сопровождавшему же его чиновнику онъ добавилъ, что ему говорили еще про нашихъ „евреевъ“, но что при обходѣ онъ евреевъ не замѣтилъ.

* * *

Въ нездоровой атмосферѣ усталости, разочарованія и озлобленія у насъ стали множиться личныя недоразумѣнія и интриги. Лично мнѣ пришлось много натерпѣться отъ нихъ. Я разскажу только о двухъ направленныхъ противъ меня кампаніяхъ, потому что онѣ имѣли и общеполитическій интересъ.

Осенью 1919 года ростовская печать обогатилась двумя новыми органами. Къ „Парусу“, выражавшему взгляды Со-

юза Возрожденія присоединилась широко поставленная газета вліятельныхъ донскихъ круговъ — „Донская Рѣчь". Обѣ газеты, каждая съ своей точки зрѣнія, были въ корректной оппозиціи къ Особому Совѣщанію. Обѣ насчитывали среди своихъ сотрудниковъ опытныхъ журналистовъ столичнаго типа, внесшихъ въ нашъ южно-русскій газетный обиходъ извѣстное оживленіе, которое, вообще говоря, можно было только привѣтствовать. Подъ ихъ вліяніемъ стали „подтягиваться" и старыя газеты, и, прежде всего, конечно, „Приазовскій Край". Въ поискахъ „оригинальной" информаціи сотрудники газетъ обратили особенное вниманіе на засѣданія Особаго Совѣщанія, происходившія подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго. Засѣданія эти почитались строго секретными, и до той поры никакихъ свѣдѣній о нихъ въ печать не проникало. Но, какъ извѣстно, для искуснаго газетнаго информатора секретовъ не существуетъ, и понемногу въ газетахъ стали появляться „отчеты" о нашихъ „вторникахъ", „средахъ" и „четвергахъ", составлявшіеся, очевидно, на основаніи обрывковъ бесѣдъ съ отдѣльными членами Особаго Совѣщанія, „кулуарныхъ" и канцелярскихъ слуховъ. Часто весьма близкія къ истинѣ, эти сообщенія иногда отъ нея уклонялись, и въ виду чрезвычайной деликатности вопросовъ, которые затрагивались въ нихъ, это представляло свои неудобства. Я предложилъ поэтому генералу Лукомскому давать о такихъ засѣданіяхъ офиціальныя сообщенія черезъ „Прессъ-Бюро". Предсѣдатель Особаго Совѣщанія расширилъ мое предложеніе, запретилъ канцеляріи выдавать газетчикамъ свѣдѣнія о всѣхъ засѣданіяхъ вообще и просилъ нашихъ сочленовъ соблюдать возможную сдержанность передъ настойчивыми интервьюерами. Но дѣловыми засѣданіями Особаго Совѣщанія мало кто интересовался, и все дѣло свелось къ засѣданіямъ политическимъ. Практически я самъ писалъ текстъ сообщенія, оно поступало на просмотръ къ генералу Лукомскому и затѣмъ распространялось черезъ „Прессъ-Бюро". Такъ какъ распоряженіе предсѣдателя Особаго Совѣщанія было лишено санкціи, то

и послѣ этого въ газетахъ появлялись собственные, „оригинальные“ и болѣе или менѣе достовѣрные отчеты. Но въ видѣ нашего сообщенія печаталась и официальная версія того, что происходило въ Особомъ Совѣщаніи въ присутствіи генерала Деникина, и это было все, о чемъ я хлопоталъ.

Кажется, это было достаточно невинно, и тѣмъ не менѣе изъ за этого начались въ газетахъ яростныя нападки на меня за то, что я будто бы борюсь съ печатью и возрождаю практику Гурлянда. Мои петроградскіе коллеги вспоминали, какъ я предсѣдательствовалъ въ собраніяхъ Общества Журналистовъ, на которыхъ выносились протесты противъ стѣсненія газетной информаціи, и противопоставляли журналиста Соколова — Соколову, члену Особаго Совѣщанія. Эти нападки покоились на явномъ недоразумѣніи. „Прессъ-Бюро“, дѣйствительно, стремилось монополизировать официальную информацію, то есть добивалось, чтобы свѣдѣнія о правительственныхъ распоряженіяхъ, законопроектахъ и т. п. передавались въ печать черезъ него. Это было совершенно естественное стремленіе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, незачѣмъ было бы и существовать официальному информаціонному органу. Но затѣмъ я не имѣлъ, конечно, ни права, ни возможности „запрещать“ кому бы то ни было бесѣдовать съ журналистами и давать имъ какія либо свѣдѣнія. Правда, нѣкоторые начальники Управленій — одинъ изъ нихъ самъ мнѣ объ этомъ говорилъ — отсылали газетныхъ информаторовъ ко мнѣ просто, чтобы отъ нихъ избавиться, но я ужъ тутъ былъ рѣшительно не причемъ. Въ поднятой противъ меня травлѣ играли нѣкоторую роль и раздраженіе отдѣльныхъ служащихъ, по разнымъ мотивамъ цѣнившихъ „общеніе съ печатью“, и просто происки моихъ политическихъ „доброжелателей“, справа и слѣва. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ я тщетно доказывалъ необходимость политической опредѣленности, но, не имѣя успѣха, считалъ себя обязаннымъ подчиняться существующей системѣ „коалиціонной“ неопредѣленности. Кругомъ насъ были все люди опредѣленные, правые и лѣвые, а „средніе“ оказывались, что называется, „ни въ сихъ, ни въ оныхъ“.

* * *

Для полноты картины нашему политическому тылу недоставало только сенсаціоннаго „тенденціознаго" процесса. Въ началѣ декабря у насъ возникъ и такой процессъ.

6 декабря рано утромъ меня разбудили и передали мнѣ бумагу изъ Гражданской Части Государственной Стражи, извѣщавшую о томъ, что въ одномъ изъ помѣщеній Отдѣла Пропаганды будетъ произведенъ обыскъ въ связи съ дознаніемъ по обвиненію одного изъ служащихъ Отдѣла въ принадлежности къ преступному сообществу, поставившему себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго строя. Я поспѣшилъ въ Отдѣлъ. Какъ я сразу и предположилъ, рѣчь шла объ Отдѣленіи секретной информаціи. Чины Государственной Стражи обыскали кабинетъ начальника и канцелярію Отдѣленія и произвели выемку нѣкоторыхъ документовъ, прихвативъ заодно и два тома нашихъ особо секретныхъ сводокъ. Послѣднее уже превышало всякія границы, я сдѣлалъ соотвѣтствующую помѣтку на протоколѣ и при содѣйствіи генерала Лукомскаго вытребовалъ эти казенныя „дѣла" обратно. Мы получили ихъ на другой день, и у насъ ходили разные толки о томъ, какъ были тѣмъ временемъ использованы эти сводки, чтеніе которыхъ для многихъ было, вѣроятно, не лишено занимательности. Кромѣ того, Государственная Стража появилась въ другомъ зданіи Отдѣла, гдѣ помѣщалось Театрально-Музыкальное Отдѣленіе, и почему то интересовалась В. Э. Мейерхольдомъ, который подозрѣвался въ большевизмѣ, но къ Отдѣлу не имѣлъ никакого отношенія. Было произведено нѣсколько арестовъ. Въ Ростовѣ арестовали начальника секретнаго отдѣленія, штабсъ-капитана П. и нѣсколькихъ лицъ, съ которыми у него были сношенія. Въ Таганрогѣ былъ арестованъ корреспондентъ информаціонной части при Ставкѣ.

Я вспомнилъ, что въ октябрѣ и ноябрѣ ко мнѣ и къ моимъ помощникамъ являлся одинъ изъ чиновъ Отдѣла, перемѣщенный „для пользы службы" съ одной должности на другую, и говорилъ о непорядкахъ въ Секретномъ Отдѣле-

ніи. Онъ обвинялъ П. въ прикосновенности къ разнымъ кружкамъ, которые, по его словамъ, интриговали противъ Главнаго Командованія и чуть ли не готовили покушеніе на жизнь генераловъ Деникина и Романовскаго, и припутывалъ къ своимъ навѣтамъ достаточно высокопоставленныхъ лицъ. Онъ рвался въ Таганрогъ „донести“ и „предупредить“. Я охладилъ пылъ этого добровольца-охранника, сказавъ, что о связяхъ П. мнѣ извѣстно, что онъ по роду своихъ служебныхъ занятій долженъ ихъ имѣть, что въ результатѣ Главное Командованіе получаетъ обширную информацію, а что вообще въ „кружкахъ“ болтаютъ много лишняго. Послѣ одного такого разговора, доносчикъ поѣхалъ въ Таганрогъ и сдѣлалъ свое дѣло. Доносъ упалъ тамъ на благодарную почву болѣзненно возбужденной подозрительности, и было рѣшено назначить дознаніе. За личную безопасность генерала Деникина вообще очень опасались. Съ конца октября Главнокомандующій мѣнялъ даже дни своихъ пріѣздовъ въ Ростовъ, и „среды“ бывали у насъ и по вторникамъ, и по четвергамъ. Гражданская Часть Государственной Стражи, у которой информація Отдѣла Пропаганды всегда была бѣльмомъ на глазу, взялась за работу со всѣмъ пыломъ долго дремавшей энергіи.

Рѣшивъ дѣйствовать „по командѣ“, я въ тотъ же день поѣхалъ переговорить съ генераломъ Лукомскимъ. Въ пріемной у него я столнулся съ милѣйшимъ В. П. Носовичемъ, который зажалъ мнѣ ротъ указаніемъ, что П. хотѣлъ примѣнять „терроръ“. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія сказалъ, что онъ самъ стѣсненъ тѣмъ, что къ дѣлу П. дознаніе припутываетъ лицъ его непосредственнаго антуража, но обѣщалъ обратить вниманіе Главнокомандующаго на допущенныя вѣдомственныя неприличія и по окончаніи дознанія затребовать всѣ документы. Начатое на очень высокихъ нотахъ разслѣдованіе вскорѣ съ „террора“ перескочило на „слѣжку“, будто бы установленную П. за высшими чинами военнаго и гражданскаго управленія и потерялось гдѣ то въ трясинѣ злостныхъ сплетенъ о борьбѣ „лагерей“ и отдѣльныхъ лицъ.

Я еще нѣсколько разъ объяснялся съ генераломъ Лукомскимъ и поручилъ полковнику Энгельгардту объясниться съ генераломъ Романовскимъ, указывая на то, что это дѣло, которое получало характеръ сведенія счетовъ между двумя нашими „направленіями", можетъ вырости въ грандіозный скандалъ. Но, постепенно затихая, дознаніе тянулось еще двѣ недѣли. Передъ моимъ уходомъ изъ Ростова мнѣ доставили резолюцію генерала Деникина объ освобожденіи арестованныхъ и о воспрещеніи имъ находиться на службѣ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи. Кромѣ того, значительно позднѣе я слышалъ отъ полковника Энгельгардта, которому генералъ Деникинъ показалъ матеріалы по дѣлу П., что отъ первоначальнаго грознаго обвиненія осталась „чушь". Признаки „слѣжки", сколько я понимаю, были усмотрѣны въ безобидныхъ сообщеніяхъ о жизни Главнокомандующаго въ Таганрогѣ, которыя получалъ П. Въ январѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ арестованныхъ по этому дѣлу былъ уже снова на службѣ Вооруженныхъ Силъ. Но и доносчикъ не остался безъ награды за усердіе. Покойный Начальникъ Штаба Главнокомандующаго приблизилъ его къ себѣ, въ качествѣ информатора.

Я очень жалѣлъ, что трагическія событія, на фонѣ которыхъ развертывались эти низкопробныя интриги, помѣшали мнѣ съ должной энергіей вступиться за своихъ служащихъ и за самого себя. Для меня не было никакихъ сомнѣній, что игра въ данномъ случаѣ велась опять-таки противъ меня, я зналъ, кѣмъ она велась, и я давно былъ готовъ къ своему скорому пораженію. Въ концѣ ноября въ объясненіи на отчетъ генерала Шведова я писалъ генералу Деникину, что я нахожусь „на ущербѣ моей правительственной карьеры" при немъ. Эта фраза вызвала улыбку у моего секретаря, замѣтившаго, что она отдаетъ „кокетствомъ". Нѣтъ, я просто слишкомъ хорошо зналъ среду, въ которой работалъ, и нравы, съ которыми приходилось считаться. Но какое значеніе могла имѣть „карьера" отдѣльнаго человѣка въ сравненіи съ потрясающимъ зрѣлищемъ печальнаго конца

самаго цѣлостнаго, продуманнаго и „органическаго“ изъ русскихъ анти-большевистскихъ движеній, начавшагося такимъ блистательнымъ подвигомъ долга и самоотверженія, какимъ была эпопея корниловской Арміи?

10 декабря, во вторникъ, въ тотъ драматическій вторникъ, когда Особое Совѣщаніе трепетно ждало Главнокомандующаго, а Главнокомандующій спѣшно уѣхалъ обратно въ Таганрогъ по вызову генерала Врангеля, я пришелъ къ генералу Деникину съ вѣдомственнымъ докладомъ и съ прошеніемъ объ отставкѣ въ портфелѣ. Но, войдя въ кабинетъ предсѣдателя Особаго Совѣщанія, я не узналъ нашего Главнокомандующаго. Глаза его потухли, лицо выражало усталость и каемка сѣдыхъ волосъ вокругъ голаго черепа, какъ будто, еще больше побѣлѣла. Мнѣ показалось, что досаждать претензіями и протестами этому человѣку, несшему на себѣ тяжесть всѣхъ нашихъ ошибокъ и неудачъ, было бы непозволительно.

Прошеніе осталось у меня въ портфелѣ, и я терпѣливо дотянулъ свою лямку до самаго упраздненія Особаго Совѣщанія.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

КАТАСТРОФА.

Когда въ Николинъ день я былъ у предсѣдателя Особаго Совѣщанія по дѣлу штабсъ-капитана П., генералъ Лукомскій, внезапно мѣняя разговоръ, сказалъ мнѣ: „Теперь поговоримъ о болѣе серьезныхъ вещахъ. Намъ надо уѣзжать." Генералъ Лукомскій только что былъ извѣщенъ начальникомъ штаба о необходимости готовиться къ „разгрузкѣ" Ростова отъ правительственныхъ учрежденій. Намѣчается переѣздъ большей части Управленій на Кубань, нѣсколькихъ — дальше, въ Черноморскую губернію. Екатеринодаръ переполненъ, и придется селиться по станицамъ. Для Отдѣла Законовъ назначается станица Георгіе-Афипская. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія будетъ жить въ Екатеринодарѣ. Члены Особаго Совѣщанія будутъ пріѣзжать къ нему на засѣданія. Относительно Отдѣла Пропаганды мы условились, что, въ виду громоздкости его техническаго оборудованія, онъ до послѣдней минуты будетъ работать въ Ростовѣ. Я тоже останусь въ Ростовѣ, и въ станицу Афипскую поѣдетъ А. С. Щетининъ.

Вечеромъ генералъ Лукомскій поставилъ Особое Совѣщаніе въ извѣстность о предстоящей эвакуаціи. Члены правительства, естественно, были потрясены. Состояніе фронта считалось очень тяжелымъ, но не исчезла еще надежда, что генералу Врангелю удастся сколотить безпорядочно отступавшую армію, и что дѣло ограничится уступкой краснымъ части Донецкаго бассейна. Кромѣ того, въ этомъ бѣгствѣ правительства было нѣчто унизительное. Раздались взволнованные голоса о томъ, что члены Особаго Совѣщанія должны до конца оставаться при Ставкѣ. — „Мы вѣдь теперь

умѣемъ стрѣлять", замѣтилъ Н. И. Астровъ, намекая, очевидно, на наши военныя упражненія. — „Если второй ледяной походъ, то что же — мы готовы", сказалъ направо отъ меня М. В. Бернацкій. Главный начальникъ военныхъ сообщеній, генералъ Тихменевъ, ссылаясь на то, что при всякой эвакуаціи больше всего замѣшательства вызываютъ женщины и дѣти, предложилъ поставить на очередь вопросъ о вывозѣ въ первую голову семействъ служащихъ и офицеровъ. Предложеніе вызвало общее сочувствіе. Я, съ своей стороны, упомянулъ, что эвакуація, связанная съ разсѣяніемъ учрежденій по нѣсколькимъ пунктамъ, приведетъ правительственный механизмъ въ полное разстройство и что если ужъ невозможна коренная реформа правительства, то надо установить, по крайней мѣрѣ, упрощенный порядокъ законодательства и денежныхъ ассигнованій. Генералъ Лукомскій обѣщалъ доложить Главнокомандующему о всѣхъ нашихъ проектахъ и пожеланіяхъ. Но все же квартирьеровъ на Кубань было рѣшено послать немедленно.

Съ тѣхъ поръ мы не могли больше освободиться отъ эвакуаціоннаго кошмара. Положеніе запутывалось съ каждымъ днемъ. Правда, насъ утѣшали насчетъ Ростова. Говорилось, что противникъ выдыхается, и что наступаетъ собственно только небольшая конная группа Буденнаго, у котораго лошади измотались. Красная пѣхота еще далеко подъ Харьковомъ, и подтянуть ее въ короткій срокъ невозможно. Ростовскій районъ укрѣпляется. Но вовсе отмѣнить эвакуацію невозможно. Съ приближеніемъ фронта штабъ генерала Врангеля перейдетъ въ Ростовъ, а двумъ штабамъ здѣсь не размѣститься и не ужиться. Только эвакуироваться на Кубань намъ не суждено. Кубанцы насъ не принимаютъ. Узнавъ о намѣреніи генерала Деникина жить въ поѣздѣ на Тихорѣцкой, они прислали къ нему делегацію съ хлѣбомъ-солью просить его пожаловать въ Екатеринодаръ. Военные органы Главнаго Командованія тоже могутъ размѣститься въ Екатеринодарѣ и ближайшихъ станицахъ. Но для Особаго Совѣщанія, какъ телеграфируетъ Ф. С. Сушковъ, мѣста на Кубани нѣтъ.

Дѣлать нечего. Намѣчается новый планъ. Мы ѣдемъ въ Черноморскую губернію, и въ Новороссійскъ уже посланы квартирьеры. Была еще рѣчь о Крымѣ и о Минераловодскомъ районѣ, но всѣмъ было ясно, что эти предложенія не реальны. Крымъ годился бы, если бы съ самаго начала было принято рѣшеніе перенести нашу базу изъ казачьихъ областей въ Таврическую губернію. Въ Крымъ будутъ направлены бѣженцы и семьи. Группы же и такъ переполнены ранеными и больными, да и географическое положеніе ихъ неудобно. Такъ что выбора нѣтъ, и наша резиденція переносится въ Новороссійскъ, благо тамъ мы у себя дома. Небольшія управленія, — народнаго просвѣщенія, земледѣлія — поселятся въ Туапсе. Остальныя вѣдомства тоже должны, по возможности, перенести большую часть своихъ центральныхъ органовъ въ Крымъ, къ бѣженцамъ и семьямъ, а въ Новороссійскѣ будутъ начальники Управленій съ небольшими при нихъ „ячейками". Кромѣ того, всѣ вѣдомства подвергаются значительному сокращенію. Въ Отдѣлѣ Пропаганды, въ виду многочисленнаго состава, двѣ трети служащихъ должны быть уволены. Въ другихъ Управленіяхъ половина служащихъ увольняется въ отпускъ — на случай новаго развертыванія въ будущемъ. Всѣмъ выдается двухмѣсячное содержаніе, семейные получаютъ еще двухмѣсячную выдачу на эвакуацію. Изъ увольняемыхъ всѣ военнослужащіе и военнообязанные передаются въ распоряженіе военнаго начальства, другимъ предлагается поступить въ распоряженіе Главнаго Начальника Санитарной Части, остальные эвакуируются наравнѣ съ женщинами и дѣтьми черезъ Бѣженскую Часть Управленія Внутреннихъ Дѣлъ.

Такова была схема „разгрузки" Ростова, какъ она сложилась примѣрно къ 14 декабря. Особое Совѣщаніе не переставало настаивать на необходимости преобразованія правительства и на своемъ желаніи въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, начальниковъ вѣдомствъ быть до конца при Ставкѣ. Я написалъ и провелъ черезъ Особое Совѣщаніе проектъ приказа Главнокомандующаго о новомъ порядкѣ осуществленія

нѣкоторыхъ правительственныхъ функцій. Приказъ — послѣдній конституціонный документъ, написанный мною на службѣ Добровольческой Арміи, — предусматривалъ право предсѣдателя Особаго Совѣщанія утверждать его постановленія за Главнокомандующаго, предоставлялъ начальникамъ вѣдомствъ временно назначать на должности, замѣщаемыя обычно приказами Главнокомандующаго, и, перефразируя извѣстную статью Учрежденія Министерствъ, уполномачивалъ ихъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать всѣми средствами, донося Главнокомандующему и поставляя въ извѣстность предсѣдателя Особаго Совѣщанія. В. А. Степановъ выработалъ правила объ ассигнованіи начальникамъ Управленій авансовъ въ круглыхъ суммахъ, которые разассигновывались бы по статьямъ внутри-вѣдомственными распоряженіями.

Параллельно съ этими официальными трудами шла въ теченіе недѣли 7—14 декабря оживленная политическая работа за кулисами. Сознаніе, что „такъ дальше жить нельзя", было всеобщимъ, и всѣ раздѣляли убѣжденіе, что хоть въ этотъ критическій моментъ надо сломать нашу расхлябанную правительственную машину и создать небольшой однородный и сосредоточенный органъ власти. По этому вопросу происходили многочисленныя групповыя совѣщанія, въ которыхъ участвовали и лица, не принадлежавшія къ составу правительства. Я лично былъ на нѣсколькихъ такихъ собраніяхъ, гдѣ присутствовали видные дѣятели Совѣта Государственнаго Объединенія. Обсуждался проектъ представленія Главнокомандующему о необходимости преобразованія правительства. Предполагалось объединить на почвѣ такого представленія всѣхъ гражданскихъ членовъ Особаго Совѣщанія, „лѣвыхъ" и „правыхъ", и сдѣлать его въ ближайшемъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ генерала Деникина.

* * *

Въ субботу, 14 декабря генералъ Лукомскій поѣхалъ въ Таганрогъ за окончательными инструкціями, и въ воскресеніе у насъ было дневное засѣданіе Особаго Совѣщанія.

Послѣднія распоряженія генерала Деникина были ясны и категоричны. По вопросу объ эвакуаціи Главнокомандующій благодарилъ членовъ Особаго Совѣщанія за желаніе до послѣдней возможности находиться при немъ и, въ связи съ улучшеніемъ положенія, соглашался на то, чтобы главы вѣдомствъ съ небольшими „ячейками" оставались въ Ростовѣ. Немедленно, согласно предложенію генерала Тихменева, должны были эвакуироваться семьи, затѣмъ въ опредѣленномъ порядкѣ центральныя правительственныя учрежденія. По вопросу о преобразованіи правительства, Главнокомандующій призналъ всякое измѣненіе правительственнаго аппарата несвоевременнымъ. Онъ подписалъ мой приказъ, получившій № 175, но внесъ въ мой текстъ двѣ удивительныхъ поправки. Тамъ, гдѣ говорилось о правѣ предсѣдателя утверждать постановленія Особаго Совѣщанія, было вставлено „по вопросамъ текущаго законодательства" или что-то въ этомъ родѣ, въ чемъ нельзя было не усмотрѣть страннаго недовѣрія къ чуткости и осторожности главы правительства. Тамъ, гдѣ упоминалось о правѣ начальниковъ Управленій въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать всѣми средствами, было добавлено только одно слово—„законными", которое, конечно, лишало цѣлый параграфъ всякаго смысла.

Наконецъ, генералъ Лукомскій огласилъ „Наказъ", который Главнокомандующій давалъ Особому Совѣщанію въ связи съ приказомъ № 175. Въ присущемъ ему лапидарномъ стилѣ генералъ Деникинъ еще разъ излагалъ въ немъ свою завѣтную политическую программу.

Вотъ нѣсколько тезисовъ Наказа:

1). Единая, Великая, Недѣлимая Россія. Защита вѣры. Установленіе порядка. Возстановленіе производительныхъ силъ страны и народнаго хозяйства. Поднятіе производительности труда.

2). Борьба съ большевизмомъ до конца.

3). Военная диктатура. Всякое давленіе политическихъ партій отметать. Всякое противодѣйствіе власти — справа и слѣва карать.

Вопросъ о формѣ правленія — дѣло будущаго. Русскій народъ создастъ верховную власть безъ давленія и безъ навязыванія.

Единеніе съ народомъ.

Скорѣйшее соединеніе съ казачествомъ путемъ созданія южно-русской власти, отнюдь не растрачивая при этомъ правъ обще — государственной власти.

Привлеченіе къ русской государственности Закавказья.

4). Внѣшняя политика — только національная, русская. Не взирая на возникающія иногда колебанія въ русскомъ вопросѣ у союзниковъ — идти съ ними. Ибо другая комбинація морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единеніе.

„За помощь — ни пяди русской земли".

Въ самомъ концѣ была стрѣла по адресу Отдѣла Пропаганды, пущенная, очевидно, въ связи съ дѣломъ П.

11). Пропагандѣ служить исключительно прямому назначенію — популяризаціи идей, проводимыхъ властью, разоблаченію сущности большевизма, поднятію народнаго самосознанія и воли для борьбы съ анархіей.

Отвѣтъ Главнокомандующаго разочаровалъ многихъ изъ насъ. Но, по крайней мѣрѣ, все было, наконецъ, сказано ясно и твердо.

Это было 15 декабря.

* * *

На ближайшіе затѣмъ дни я вышелъ изъ политическаго оборота, такъ какъ срочная работа по расформированію эвакуированныхъ мѣстныхъ учрежденій и сокращенію штатовъ поглощала все мое время. Во вторникъ я не пошелъ даже въ засѣданіе Особаго Совѣщанія.

Въ среду, 18-го, рано утромъ заходитъ ко мнѣ на квартиру А. С. Щетининъ и говоритъ:

— „Ну, насъ упразднили".

Дѣйствительно, наканунѣ Особое Совѣщаніе засѣдало подъ предсѣдательствомъ В. Н. Челищева. Генералъ Лукомъ-

скій уѣхалъ въ Таганрогъ. Отъ него была передана, однако, просьба не расходиться и ждать его возвращенія. Генералъ Лукомскій прибылъ поздно ночью и огласилъ новый приказъ генерала Деникина, которымъ Особое Совѣщаніе упразднялось и образовывалось „Правительство при Главнокомандующемъ". Эта правительственная импровизація, изложенная въ неточныхъ и сбивчивыхъ терминахъ, сводилась къ слѣдующему.

Особое Совѣщаніе, Управленіе Продовольствія и Отдѣлъ Законовъ упразднялись. Управленіе Путей Сообщенія вводилось въ составъ Управленія Главнаго Начальника Военныхъ Сообщеній. Военное и Морское Управленія соединялись въ одно вѣдомство. Главные Начальники Снабженій и Санитарной Части подчинялись новому Главному Начальнику Снабженій, къ которому переходило и завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ. Отдѣлъ Пропаганды подчинялся Начальнику Управленія Внутреннихъ Дѣлъ. Правительство при Главнокомандующемъ образовывалось въ составѣ предсѣдателя и семи членовъ — начальниковъ Управленій Военно-Морского, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Торговли и Промышленности и Юстиціи и Главныхъ Начальниковъ Сообщеній и Снабженій. Начальники Управленій Иностранныхъ Дѣлъ и Государственнаго Контроля должны были, не входя въ составъ Правительства, подчиняться непосредственно Главнокомандующему. Начальники Управленій Земледѣлія, Народнаго Просвѣщенія и Исповѣданій подчинялись Правительству, также не входя въ его составъ. Наконецъ, при Правительствѣ учреждалось „Совѣщаніе по законодательнымъ предположеніямъ".

Такъ, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ достигалось извѣстное упрощеніе правительственнаго аппарата. Вторая задача — установленіе политической однородности — достигнута не была. Практически личныхъ перемѣнъ почти не произошло. Изъ новыхъ людей въ Правительство вошелъ только А. В. Кривошеинъ, въ качествѣ Главнаго Начальника Снабженій. Кандитатура его была выдвинута его политическими противниками слѣва — обстоятельство, вдохновившее ге-

нерала Деникина на очень краткую и сильную резолюцію. Первоначально должность Начальника Снабженій была предложена Н. В. Савичу, который отказался, но потомъ пошелъ въ помощники къ А. В. Кривошеину. Кромѣ того, помощникомъ Главнаго Начальника Сообщеній былъ назначенъ извѣстный инженеръ Чаевъ. Вообще же всѣ остались на своихъ мѣстахъ. В. П. Носовичъ, члены Особаго Совѣщанія „безъ портфелей", а также тѣ, чьи вѣдомства были упразднены или присоединены къ другимъ, получили назначенія въ законодательное „Совѣщаніе". Начальника Управленія Внутреннихъ Дѣлъ въ новомъ правительствѣ не оказалось. Въ исправленіе этой должности вступилъ было командующій Государственной Стражей, Генералъ Мартосъ, но затѣмъ В. П. Носовичъ вернулся къ своимъ обязанностямъ. Единственно, кто ушелъ окончательно изъ Совѣтовъ правительства, былъ я. Упраздненіе Отдѣла Законовъ и деградація Отдѣла Пропаганды возвращали мнѣ, наконецъ, свободу, и я не имѣлъ охоты стѣснять ее принятіемъ великодушно и мнѣ предложеннаго мѣста въ „Совѣщаніи". Я собирался на то время, которое мнѣ предстояло еще пробыть на русской территоріи, вернуться къ публицистикѣ. Я подалъ прошеніе объ отставкѣ и на письмо генерала Лукомскаго съ предложеніемъ новой должности отвѣтилъ отказомъ.

Біографъ генерала Деникина, вѣроятно, выяснитъ детали событій, происшедшихъ въ эти три дня и приведшихъ во вторникъ къ неожиданному преобразованію правительства, рѣшительно отвергнутому въ субботу. Я знаю о случившемся только съ чужихъ словъ. Въ воскресенье вечеромъ на квартирѣ у Н. И. Астрова засѣдали члены центральнаго комитета к.-д. партіи. Въ сосѣдней комнатѣ собралась группа членовъ Особаго Совѣщанія и подписала обращеніе къ генералу Деникину по вопросу о преобразованіи правительства. Ихъ было шесть или семь человѣкъ и среди нихъ несомнѣнно были Н. И. Астровъ, М. В. Бернацкій, В. А. Степановъ, А. И. Фенинъ, В. Н. Челищевъ и М. М. Федоровъ. На другой день ихъ записку отвезъ въ Таганрогъ А. И. Фенинъ,

котораго видѣлъ тамъ Б. А. Энгельгардтъ, ѣздившій къ Главнокомандующему со своимъ земельнымъ проектомъ. Эта группа „шести“ или „семи“ и оказалась тѣмъ „маленькимъ батальономъ, который рѣшилъ исходъ сраженія“. Повидимому, въ понедѣльникъ въ Таганрогѣ созрѣла мысль „прикончить“ Особое Совѣщаніе, и во вторникъ генералъ Лукомскій былъ вызванъ для того, чтобы ее оформить и выяснить персональные вопросы. Мнѣ неизвѣстна руководящая политическая идея, которая при этомъ возобладала, если вообще здѣсь какая-нибудь политическая идея была. Предсѣдателемъ правительства сталъ генералъ Лукомскій, и выборъ Главнокомандующаго совпалъ такимъ образомъ съ „ихъ“ выборомъ; ну, а въ остальномъ „коалиція“ осталась „коаліціей“. Только въ правительство вошелъ А. В. Кривошеинъ, и вышелъ изъ правительства К. Н. Соколовъ.

* * *

Какъ „новое“ правительство было встрѣчено общественнымъ мнѣніемъ? Вѣрнѣе всего, что никакъ: общественное мнѣніе думало не о правительствѣ, а объ эвакуаціи. Публика у насъ была „стрѣлянная“ по части обороны городовъ, и не было возможности убѣдить ее, что принимаемыя мѣры обезпечатъ Ростовъ во всякомъ случаѣ на мѣсяцъ. Тщетно разсказывались чудеса объ укрѣпленной позиціи, вынесенной верстъ на тридцать отъ Ростова, о бронированныхъ поѣздахъ, которые будутъ двинуты по линіямъ Екатерининской и Юго-Восточной желѣзныхъ дорогъ, къ Таганрогу съ одной и къ Новочеркасску съ другой стороны, о множествѣ танковъ, которые должны были быть „выкачены“ въ промежуткѣ. У публики были свои примѣты, и положеніе ей опредѣленно „не нравилось“.

Во первыхъ, почему же это генералъ Врангель покинулъ должность командующаго Добровольческой Арміей и уѣхалъ куда-то на Кубань? Добровольческая Армія, чрезвычайно уменьшившаяся въ составѣ за время отступленія, сво-

дится въ корпусъ и въ оперативномъ отношеніи подчиняется генералу Сидорину, а генералъ Врангель ѣдетъ формировать какія то тамъ новыя казачьи части! Нѣтъ, все это „не нравилось". „Не нравилось" и то, что уже нѣсколько дней подрядъ по Таганрогскому проспекту непрерывной вереницей тянулись къ переправѣ черезъ Донъ группы конныхъ казаковъ, обозы войсковыхъ частей, иногда съ одиночными офицерами и солдатами, повозки съ бѣженцами и ихъ скарбомъ. Дѣло ясное, говорили кругомъ, казаки уходятъ съ фронта, остатки арміи разбѣгаются. Буржуазія Ростова была уже „на ходу", подсчитывала валюту и укладывалась. Но и представители „среднихъ классовъ", люди свободныхъ профессій и „общественные дѣятели" готовились къ отъѣзду или уже уѣзжали, съ боемъ втискиваясь въ послѣдніе пассажирскіе поѣзда, примащиваясь къ бѣженскимъ эшелонамъ или раздобываясь мѣстами въ привилегированныхъ „составахъ" разныхъ военныхъ и гражданскихъ учрежденій. То про того, то про другого изъ знакомыхъ приходилось слышать, что онъ „сѣлъ въ теплушку". Въ теплушкѣ можно было просидѣть и день, и два, потому что надо было еще „достать паровозъ". Послѣ преобразованія правительства, начиная съ 18—19 декабря, эвакуація приняла характеръ бѣгства.

Въ чиновничьемъ мірѣ царилъ тоже совершенный хаосъ. Противорѣчивыя распоряженія послѣдней недѣли сбили всѣхъ съ толку, и лишній разъ оправдывалась знаменитая формула „ordre contre ordre—désordre". Никто по существу не зналъ, что именно, когда и въ какомъ порядкѣ будетъ эвакуироваться, и служащіе центральныхъ учрежденій не имѣли никакой увѣренности въ томъ, что планъ эвакуаціи будетъ соблюденъ и каждое учрежденіе будетъ вывезено въ назначенный для него день. Въ начатую уже было эвакуацію Ростова впуталась спѣшная эвакуація Новочеркасска и Таганрога. Бѣженская часть, заботамъ которой поручались женщины и дѣти, была и такъ перегружена до крайности. Всякій чувствовалъ, что если онъ самъ о себѣ не позаботится

въ послѣдній моментъ о немъ не позаботится никто, и такъ независимо отъ официальной эвакуаціи стала налаживаться эвакуація фактическая, индивидуальная и групповая. Уѣзжали и уходили болѣе или менѣе „самочинно“ отдѣльные чиновники, части учрежденій, цѣлыя учрежденія. Незадолго до моего ухода изъ Ростова одно изъ главныхъ нашихъ гражданскихъ вѣдомствъ прислало въ Отдѣлъ Пропаганды сказать, что оно собирается выступать походнымъ порядкомъ за Донъ и предлагало присоединиться къ нему. 24 декабря изъ Штаба Главнокомандующаго, находившагося уже въ Батайскѣ, была разослана телеграмма о томъ, что „въ теченіе послѣднихъ дней отошли за Донъ масса управленій, учрежденій, небольшихъ частей и отдѣльныхъ чиновъ“. Этотъ самовольный „отходъ за Донъ“ многіе порицали. Но я рѣшаюсь утверждать, что онъ сыгралъ спасительную роль. Если бы его не было, очищеніе Ростова ознаменовалось бы небывалыми еще бѣдствіями.

Положеніе въ Отдѣлѣ Пропаганды было особенно тяжелое. Наши злополучные „осваги“, къ которымъ служащіе другихъ управленій всегда относились свысока, хорошо знали, что послѣ военныхъ чиновъ Арміи они вызывали наибольшую ненависть красныхъ и что имъ пощады отъ совѣтской власти быть не могло. Между тѣмъ, благодаря тому, что при первоначальной разработкѣ плана „разгрузки“ Отдѣлъ былъ предназначенъ къ оставленію въ Ростовѣ, онъ оказался вовсе не включеннымъ въ очередь эвакуируемыхъ учрежденій. Совершенно естественно, что, когда кругомъ все пришло въ движеніе, и наши служащіе взволновались не на шутку. Въ эти тревожные дни я еще разъ былъ почтенъ визитомъ генерала-отъ-артиллеріи Шведова. Согласно новому порядку ассигнованія авансовъ Управленіямъ, въ каждомъ вѣдомствѣ должна была быть образована своя „бюджетная“ комиссія при участіи представителя Государственнаго Контроля, и въ качествѣ такового В. А. Степановъ и прислалъ къ намъ нашего бывшаго ревизора, считая его, очевидно, наиболѣе компетентнымъ въ дѣлахъ вѣдомства.

Генералъ Шведовъ былъ очень привѣтливъ и выразилъ надежду, что теперь наше „сотрудничество“ приметъ тѣсный и постоянный характеръ. Но я твердо сказалъ заслуженному артиллеристу, что считаю долгомъ предупредить его о томъ, что мы не эвакуируемся, и это заявленіе побудило генерала Шведова тотчасъ же отступить. Дѣйствительно, въ моментъ этого разговора — онъ происходилъ еще до упраздненія Особаго Совѣщанія — мы не собирались „отходить“ за Донъ. Мы только задержали въ Батайскѣ и охранили карауломъ второй агитаціонный поѣздъ имени генерала Каледина, чтобы въ случаѣ катастрофы не остаться безъ „средствъ передвиженія“.

Но послѣ преобразованія правительства и у насъ наступилъ переломъ, и было принято рѣшеніе немедленно вывезти большую часть служащихъ и, что можно, изъ нашего имущества. Имущество предполагалось направить въ Новороссійскъ и частью дальше въ Крымъ, служащіе получили командировки въ Екатеринодаръ и Новороссійскъ для усиленія состава мѣстныхъ отдѣленій. Въ такомъ усиленіи была очевидная нужда въ связи съ перемѣщеніемъ центральныхъ правительственныхъ органовъ. Съ отъѣзжающими долженъ былъ слѣдовать Э. Д. Гриммъ; Б. А. Энгельгардтъ оставался въ Ростовѣ во главѣ небольшой группы чиновъ, которые должны были продолжать работу на мѣстѣ до послѣдней минуты. Я ждалъ только приказа объ отставкѣ, чтобы сдать должность и въ обществѣ бывшихъ моихъ подчиненныхъ доѣхать до Тоннельной. Приказа я не дождался, такъ какъ канцелярія правительства сидѣла на ящикахъ, но въ субботу С. В. Безобразовъ сказалъ мнѣ, что приказъ подписанъ. Я могъ двинуться въ путь.

Послѣднею моею мыслью было принять мѣры противъ вѣроятнаго при дальнѣйшихъ передрягахъ оставленія противнику секретныхъ документовъ, которые могли дать краснымъ очень цѣнный матеріалъ для разнаго рода разоблаченій. Распорядившись, чтобы начальникъ части общихъ дѣлъ до послѣдней крайности хранилъ при себѣ секретную

отчетность Отдѣла, я распорядился сжечь нѣсколько бумагъ наиболѣе „деликатнаго“ характера, которыя были мною лично отобраны. При этомъ къ сожалѣнію безвозвратно погибли нѣкоторые документы большого историческаго интереса. Но дальнѣйшее оправдало и нашу „самочинную“ эвакуацію служащихъ, и уничтоженіе части бумагъ. Обстановка, при которой Ростовъ былъ сданъ 27 декабря, была такова, что спасти весь персоналъ Отдѣла, конечно, уже не удалось бы. А при переѣздѣ правительственныхъ учрежденій изъ Новороссійска въ Ѳеодосію главная масса дѣлъ Отдѣла Пропаганды была брошена на пристани.

Въ воскресеніе, 22 декабря, около 1 часу дня мы выступили изъ Ростова. Мы шли на Батайскъ пѣшкомъ, казенный грузъ и частныя вещи везли на саняхъ, подъ охраной вооруженныхъ служащихъ. На Таганрогскомъ проспектѣ нашъ небольшой караванъ влился въ общій бѣженскій потокъ. Хлюпая по мокрому снѣгу, въ холодной, сѣрой мглѣ сырого зимняго дня, тянулись за Донъ воинскіе обозы, одиночныя повозки бѣженцевъ, отдѣльныя группы вса дниковъ. Уходившіе съ фронта кубанцы привѣтствовали насъ ироническими замѣчаніями о „чиновникахъ, бѣгущихъ на Кубань“. Было досадно, больно и стыдно.

Въ Батайскѣ вечеромъ мы погрузились въ агитаціонный поѣздъ, который черезъ день, въ сочельникъ, отошелъ, держа курсъ на Новороссійскъ черезъ Тихорѣцкую. Во время нашей стоянки мы получили послѣднія вѣсти изъ Ростова. Городъ явно умиралъ. Уже начинались обычныя судороги власти. Выѣздъ мужчинамъ призывного возраста воспрещенъ; на 27 декабря назначена мобилизація; дезертировъ, грабителей и спекулянтовъ вѣшаютъ на улицахъ.

* * *

Агитаціонный поѣздъ стоялъ у Екатеринодара. Поздно ночью на 28 декабря я вышелъ погулять между загромоздившими всѣ пути „составами“, когда къ одному изъ нашихъ

вагоновъ подошла темная группа вооруженныхъ винтовками людей съ мѣшками и чемоданами. То были чины Отдѣла Пропаганды, пріѣхавшіе изъ Ростова вмѣстѣ съ Б. А. Энгельгардтомъ въ поѣздѣ генерала Лукомскаго.

26 декабря днемъ предсѣдатель Правительства сказалъ полковнику Энгельгардту, что надо уѣзжать, и предложилъ ему грузиться въ правительственный поѣздъ. Мой преемникъ едва успѣлъ собрать своихъ сотрудниковъ. Другія Управленія были счастливѣе: ихъ предупредили значительно раньше, и они съ утра размѣстились по теплушкамъ. Въ десять часовъ вечера поѣздъ при соблюденіи всѣхъ мѣръ предосторожности отошелъ на Батайскъ. Въ городѣ шла стрѣльба. Пылали военные склады.

Прибывшіе сообщили намъ и политическія новости. 27 декабря въ Тихорѣцкой, гдѣ была Ставка, состоялось совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ генерала Деникина. Рѣшена отставка правительства генерала Лукомскаго. Предсѣдателемъ правительства назначенъ донской атаманъ, генералъ Богаевскій. Расчитываютъ, что это усилитъ позицію Главнаго Командованія и парализуетъ происки собирающагося въ Екатеринодарѣ въ началѣ января казачьяго Круга.

28 вечеромъ мы поѣхали дальше. Ночью была тревога: передъ нами у ст. Сѣверской потерпѣлъ крушеніе почтовый поѣздъ. Зеленые разобрали путь и обстрѣляли вагоны. Дѣло ясное, — они дѣйствуютъ противъ единственной коммуникаціонной линіи Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи. Мы выѣзжали на паровозѣ подавать помощь раненымъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ.

Въ началѣ января 1920 года Новороссійскъ являлъ собою зрѣлище необыкновенное.

Городъ, до краевъ переполненный эвакуированными учрежденіями и бѣженцами, изобиловалъ всевозможными властями и страдалъ больше всего отъ безвластія. На голову мѣстному начальству свалилось ростовское начальство, и получился невообразимый переплетъ инстанцій и полномочій, высшихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ. Все это распоряжалось, писало приказы, угрожало, и окончательно потерявшій голову обыватель не зналъ, что ему дѣлать — регистрироваться, отправляться на окопныя работы, мобилизоваться или эвакуироваться дальше. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, управомоченныя и неуправомоченныя лица охотились за „буржуями", провѣряли документы и гнали безъ разбора на работы по укрѣпленію Новороссіскаго района. Возникавшіе конфликты суверенно разрѣшались въ поѣздѣ генерала Корвинъ-Круковскаго, стоявшемъ у вокзала. Проѣздомъ черезъ Тоннельную я видѣлъ группу въ четыреста „окопниковъ", пригнанныхъ изъ Новороссійска. Они валялись на полу въ станціонномъ зданіи. У нихъ не было даже лопатъ, и никто не заботился объ ихъ продовольствіи. Нѣкоторый порядокъ началъ отстаиваться только тогда, когда со вступленіемъ генерала Лукомскаго въ должность Главноначальствующаго образовался одинъ достаточно авторитетный центръ власти.

Зайдя по дѣлу къ генералу Лукомскому, я былъ немало пораженъ тѣмъ, что въ его пріемной на Воронцовской

улицѣ оказались въ сборѣ всѣ мои бывшіе коллеги по Особому Совѣщанію. Мнѣ объяснили, что здѣсь ежедневно въ 1 часъ дня происходятъ засѣданія правительства. Дѣйствительно, новое правительство генерала Богаевскаго состояло пока только изъ одного предсѣдателя, и силою вещей продолжало дѣйствовать старое правительство. Говорили, что генералъ Богаевскій прислалъ В. Н. Челищеву телеграмму съ просьбой быть его замѣстителемъ въ Новороссійскѣ. Въ дѣйствительности, въ новороссійскомъ правительствѣ предсѣдательствовалъ попрежнему генералъ Лукомскій. При этомъ обнаружилась удивительная живучесть Особаго Совѣщанія. Въ отступленіе отъ приказа 17 декабря въ засѣданіяхъ новороссійскаго правительства принимали участіе всѣ безъ исключенія начальники Управленій и всѣ члены комиссіи законодательныхъ предположеній, но принимаемыя постановленія подписывались только полноправными членами правительства.

Если Новороссійскъ дѣлалъ добросовѣстныя попытки управлять тѣмъ, что еще оставалось отъ областей, непосредственно подчиненныхъ Главнокомандующему, то Екатеринодаръ дѣлалъ „высокую политику". Въ кубанской столицѣ сосредоточились всѣ корифеи казачьяго политическаго міра, тамъ засѣдали Верховный Кругъ, обѣ Кубанскія Рады и Донской Кругъ, туда же переселилось Донское правительство. Екатеринодаръ былъ очень гордъ своею политической значительностью и третировалъ en canaille нашъ провинціальный, „реакціонный" Новороссійскъ. Ненависть къ Особому Совѣщанію и къ отдѣльнымъ его дѣятелямъ сказывалась съ дѣтски-наивнымъ азартомъ.

Ближе всѣхъ къ фронту, на ст. Тихорѣцкой жилъ въ своемъ поѣздѣ генералъ Деникинъ. Онъ былъ политически изолированъ. Оторвавшись отъ своихъ сотрудниковъ ростовскаго періода и оріентируясь отнынѣ на казачество, Главнокомандующій, конечно, не сталъ поэтому ближе къ политическимъ кругамъ Екатеринодара. Кромѣ чиновъ штаба, къ нему имѣли теперь доступъ по преимуществу казачьи вое-

начальники и, преже всего, представители донского командованія, энергично поддерживавшіе его въ своей казачьей средѣ. Въ Новороссійскѣ болѣзненно ощущалось это состояніе отчужденія отъ Ставки, рождавшее взаимное непониманіе и раздраженіе. Наша „общественность" снарядила даже въ Тихорѣцкую особую делегацію для установленія „контакта". Въ делегацію вошли по два представителя отъ Національнаго Центра и Совѣта Государственнаго Объединенія — Н. И. Астровъ и В. Н. Челищевъ, Н. В. Савичъ и П. Б. Струве. Они вернулись обезкураженные.

* * *

Ростовскій періодъ правленія генерала Деникина закончился острой постановкой задачи образованія на Югѣ Россіи сосредоточеннаго, сильнаго правительства. Попытка разрѣшить ее путемъ сформированія кабинета генерала Лукомскаго на основѣ приказа 17 декабря была признана недостаточной уже десять дней спустя. Назначеніе генерала Богаевскаго снова подняло вопросъ о созданіи Южно-Русской власти: казалось очевиднымъ, что стоять во главѣ правительства только для неказачьихъ областей донскому атаману было бы безсмысленно и даже неприлично. Значитъ, надо было подъ правительство генерала Богаевскаго спѣшно подвести фундаментъ соглашенія съ казаками. Упрочившееся военное положеніе обезпечивало нужную для этого „передышку".

5 января въ Екатеринодарѣ открылись засѣданія Верховнаго Казачьяго Круга. О созывѣ обще-казачьяго парламента — „Казачьей Думы", какъ тогда выражались, — мы слышали еще во время нашихъ совѣщаній съ представителями Южно-Русской Конференціи. Тогда въ этотъ проектъ не вкладывалось никакого острія противъ Главнаго Командованія, и „Казачья Дума" мыслилась входящей въ общій строй Южно-Русскаго объединенія. Теперь дѣло ставилось иначе. Верховный Кругъ вырабатывалъ конституцію союзнаго „казачьяго государства", и если одни хотѣли строить „незамкну-

тое" государство, оставляя открытою дверь для соглашенія съ генераломъ Деникинымъ, то другіе предполагали замкнуться въ казачьей средѣ и порвать съ Главнымъ Командованіемъ. Большинство изъ тѣхъ, которые проповѣдывали такую казачью исключительность, видѣли въ Главномъ Командованіи основное препятствіе для сговора съ большевиками. Идея прекращенія гражданской войны на почвѣ признанія совѣтскою властью независимаго казачьяго государства имѣла своихъ сторонниковъ преимущественно среди кубанцевъ, но къ ней склонялись и немногіе донцы.

Верховный Кругъ состоялъ изъ 150 членовъ, раздѣленныхъ между тремя фракціями, донской, кубанской и терской, по 50 человѣкъ каждая. Терцы не обладали большою реальной силой. Ихъ вліяніе въ казачьихъ совѣтахъ опредѣлялось ихъ сплоченностью и послѣдовательной „русской" оріентаціей. На Кругѣ они выступали въ привычной для нихъ роли посредниковъ. Наиболѣе внушительную силу представляли собою, конечно, донцы. Донская армія отступила въ хорошемъ состояніи и храбро сражалась, прикрывая вмѣстѣ съ добровольцами границы Кубанской области. Ея командиры имѣли право и возможность говорить въ Екатеринодарѣ громко и авторитетно. Но собственно донская фракція Круга получилась довольно блѣдной. Благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ, на выборахъ провалился руководящій умѣренный центръ во главѣ съ В. А. Харламовымъ, и на Кругъ попали представители фланговъ — лѣваго, агѣевскаго, и праваго, красновскаго. Вожакомъ и ораторомъ донцовъ былъ самъ П. М. Агѣевъ.

Силою вещей впередъ опять выдвигались кубанцы. Во первыхъ, они были хозяева. Во вторыхъ, хотя кубанскіе казаки упорно не шли на фронтъ, оставляя незащищенными нѣсколько важныхъ направленій, вліяніе кубанскихъ лидеровъ отъ этого не понижалось, а повышалось. Казалось, что они знаютъ какое то „слово" и что, сумѣвъ разложить фронтъ травлей Главнаго Командованія и дискредитированіемъ цѣлей борьбы, они смогутъ, если захотятъ, возстановить его. Ку-

банцы заставляли себя просить и, хотя донское командованіе иногда угрожало имъ даже карательными экспедиціями, держались хозяевами положенія. Для ихъ настроеній было характерно поведеніе Краевой Рады. Собравшись подъ Новый Годъ, Рада спѣшила раздѣлать все то, что она сдѣлала въ ноябрьскіе дни. Она снова пересмотрѣла конституцію и возстановила Законодательную Раду. Она смѣнила свой президіумъ, избранный въ ноябрѣ и окрещенный „президіумомъ генерала Покровскаго", и на мѣсто Д. Е. Скобцова поставила черноморца И. П. Тимошенко. Атаманомъ былъ выбранъ генералъ Букретовъ, единственнымъ достоинствомъ котораго являлось, кажется, то, что онъ былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ генераломъ Деникинымъ. Предсѣдателемъ правительства сталъ тоже черноморецъ, инженеръ Иванисъ. И. Л. Макаренко вышелъ изъ подполья. Сформированіе Кубанской Арміи, на которое пошелъ, наконецъ, генералъ Деникинъ, уже не удовлетворяло Раду. „Поздно, поздно"! кричали члены Рады командующему арміей, генералу Шкуро при его появленіи на трибунѣ. Недавній „народный герой" былъ тоже слишкомъ плохъ для кубанскихъ политиковъ. Онъ принялъ назначеніе отъ Главнаго Командованія!

Международная конъюнктура не благопріятствовала Главнокомандующему въ его мирной борьбѣ съ крайними казачьими группами. Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи политика союзниковъ все дальше и дальше отклонялась отъ національно-государственной программы генерала Деникина. Союзники смягчались по отношенію къ большевикамъ и преисполнялись усиленными симпатіями къ окраиннымъ сепаратистамъ. Признаніе Верховнымъ Совѣтомъ правительствъ Грузіи и Азербейджана совпало съ миссіей мистера Маккиндера, долго жданнаго англійскаго комиссара. Англійскій комиссаръ отъ имени своего правительства гарантировалъ Главнокомандующему продолженіе матеріальной помощи и эвакуацію раненыхъ, больныхъ и офицерскихъ семействъ, но связалъ эти обѣщанія съ предложеніемъ опредѣлить отношеніе Главнаго Командованія къ окраиннымъ образованіямъ.

Союзниковъ интересовало, чтобы генералъ Деникинъ призналъ фактически существующія окраинныя правительства и заявилъ, что установленіе въ будущемъ отношеній между Россіей и окраинами должно послѣдовать путемъ соглашенія между обще-русскимъ правительствомъ и правительствами окраинъ при посредничествѣ союзныхъ державъ. Въ Новороссійскѣ говорили, что Главнокомандующій запросилъ заключеніе правительства, которое единогласно высказалось за принятіе „совѣтовъ“ мистера Маккиндера, и генералъ Деникинъ сдѣлалъ требуемыя заявленія. Правда, когда въ Азербейджанѣ и Грузіи стали „фактическую самостоятельность“ толковать какъ „юридическую независимость“, генералъ Деникинъ протестовалъ и получилъ успокоительныя завѣренія. Но принятіе второго маккиндеровскаго „совѣта“ никакъ нельзя было ни истолковать, ни смягчить. Принятіе идеи соглашенія между Россіей и окраинными образованіями было въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ незыблемымъ до тѣхъ поръ у насъ догматомъ цѣлокупной русской государственности. Оно — это почему то ускользало отъ вниманія екатеринодарскихъ сторонниковъ „широкаго народоправства“ — противорѣчило и принципу полновластія Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Екатеринодарскіе политики понимали только, что международная позиція Главнаго Командованія поколебалась. Протестъ Америки пришелъ слишкомъ поздно и былъ слишкомъ академиченъ, чтобы произвести отрезвляющее впечатлѣніе, и если что и возымѣло сдерживающее дѣйствіе, то единственно категорическое предупрежденіе начальника англійской миссіи, генерала Хольмана, что никто помимо генерала Деникина не получитъ отъ него военнаго снабженія.

Къ срединѣ января выяснилось, что подъ перекрещивающимся вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ Верховный Кругъ пойдетъ на соглашеніе съ Главнокомандующимъ, но что это соглашеніе будетъ заключено на новыхъ основаніяхъ. Даже терцы требовали „широкаго народоправства“.

Несмотря на близость Новороссійска и Екатеринодара, связь между ними работала изъ рукъ вонъ плохо. Телеграфъ едва справлялся съ казенной корреспонденціей, желѣзнодорожное движеніе было крайне нерегулярно и часто вовсе прерывалось. Не хватало не только паровозовъ, но и вагоновъ, огромное множество которыхъ было „иммобилизировано". За отсутствіемъ квартиръ чиновники и бѣженцы массами жили въ вагонахъ, и крупныя станціи превратились такимъ образомъ въ цѣлые городки. Иногда начальство энергично бралось за расчистку путей, выселяло вагонныхъ жильцовъ и спускало даже вагоны подъ откосъ. Но это, конечно, не мѣняло дѣла, и параличъ желѣзныхъ дорогъ сопровождался параличомъ почты. Екатеринодарскія газеты попадали къ намъ съ большимъ опозданіемъ, и слѣдить за событіями, развертывавшимися въ кубанской столицѣ, въ нашемъ захолустьѣ было нелегко. Одной изъ завидныхъ привилегій участниковъ совѣщаній у генерала Лукомскаго было то, что они ежедневно выслушивали информацію, которую Главноначальствующій получалъ изъ Штаба.

Съ большимъ волненіемъ Новороссійскъ ожидалъ выступленія генерала Деникина на Верховномъ Кругѣ. Высказывались опасенія насчетъ возможности какихъ либо безтактныхъ выходокъ со стороны казачьихъ депутатовъ. Но все обошлось мирно. Главнокомандующій говорилъ на Кругѣ 16 января, и, по свидѣтельству очевидцевъ, казачество устроило ему сдержанный, но вполнѣ корректный пріемъ.

Заклеймивъ преступную пропаганду противъ Главнаго Командованія и нездоровую екатеринодарскую атмосферу, генералъ Деникинъ очень твердо формулировалъ свою схему соглашенія. Онъ возражалъ противъ умаленія полноты власти Главнокомандующаго и предлагалъ образованіе законосовѣщательной палаты и назначеніе правительства изъ „честныхъ" людей, не принадлежащихъ къ крайнимъ воззрѣніямъ, со включеніемъ въ него казачьихъ представителей. Главнокомандующій съ полною откровенностью предупредилъ Кругъ, что, въ случаѣ созданія чисто казачьяго государства съ соб-

ственной вооруженной силой, онъ уйдетъ вмѣстѣ съ добровольцами и нарисовалъ отчетливую картину неизбѣжнаго затѣмъ крушенія фронта. Въ заключеніе генералъ Деникинъ просто и задушевно коснулся „самаго интимнаго мѣста“ политическаго положенія и сказалъ, что онъ работаетъ надъ возсозданіемъ Россіи, что форма правленія для него вопросъ второстепенный, и что если борьба будетъ вестись за ту или иную форму правленія, то онъ въ ней участія не приметъ. — Рѣчью Главнокомандующаго ледъ былъ сломанъ, и въ тотъ же день вечеромъ въ Екатеринодарѣ завязались переговоры между сторонами объ основахъ новой организаціи власти.

Не нужно было быть въ Екатеринодарѣ, чтобы понимать, что основной пунктъ въ схемѣ генерала Деникина вызоветъ рѣзкія возраженія казачества, и что соглашеніе можетъ состояться только цѣною отказа Главнаго Командованія отъ принципа диктатуры. Такъ оно и случилось. Черезъ день генералъ Деникинъ согласился на образованіе законодательной палаты и на отвѣтственное министерство. Позиція диктатуры была сдана, и послѣ этого шелъ уже простой торгъ о деталяхъ, не имѣвшихъ принципіальнаго характера. Переговоры тянулись затѣмъ еще дней десять. Генералъ Деникинъ вызвалъ изъ Новороссійска Н. В. Савича и В. Н. Челищева, которые нѣсколько разъ участвовали въ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Екатеринодарѣ и въ Тихорѣцкой. Нужно отдать справедливость тактическому искусству казачьихъ представителей. Они и на этотъ разъ были рѣшительны и настойчивы и сумѣли послѣдовательно вырвать у Главнаго Командованія цѣлый рядъ уступокъ. Дольше другихъ спорными оставались вопросы объ устраненіи отвѣтственности передъ палатой для нѣсколькихъ министровъ, объ органѣ, который долженъ былъ осуществлять законодательныя функціи впредь до образованія представительной палаты, и о предѣлахъ права вето Главнокомандующаго. Генералъ Деникинъ добивался первоначально, чтобы были признаны неотвѣтственными передъ палатой министры военно-морской,

путей сообщенія и продовольствія, казаки же требовали отвѣтственности министерства въ цѣломъ его составѣ; компромиссъ былъ достигнутъ на томъ, что независимымъ отъ парламента былъ объявленъ только одинъ военно-морской министръ. Генералъ Деникинъ возражалъ противъ того, чтобы законодательныя функціи до созыва представителей палаты осуществлялись чисто казачьимъ по составу Кругомъ и въ этомъ пунктѣ одержалъ верхъ: было рѣшено созвать нѣкій „предпарламентъ" изъ представителей казачьихъ земель и областей, подчиненныхъ Главнокомандующему. Зато по вопросу о вето побѣдила казачья точка зрѣнія, и за генераломъ Деникинымъ осталось только право относительнаго вето. Этотъ послѣдній вопросъ — какъ мнѣ кажется — по недоразумѣнію ставился одно время такъ остро, что на совѣщаніи въ Тихорѣцкой 21 января изъ за него едва не произошло разрыва. Но, поговоривъ со своими уполномоченными, Генералъ Деникинъ еще разъ уступилъ, и 22 января Верховный Кругъ санкціонировалъ почти единогласно пріемлемую для обѣихъ сторонъ схему организаціи власти. Донцы и кубанцы завѣряли, что они дѣлаютъ это „со смятеннымъ сердцемъ".

Можно было удивляться ихъ требовательности. Въ дѣйствительности, когда нѣсколько дней спустя соглашеніе было окончательно средактировано и одобрено сторонами, отъ „диктатуры" не осталось и слѣда. Генералъ Деникинъ былъ признанъ первымъ главою Южно-Русской власти; въ дальнѣйшемъ порядокъ преемства власти долженъ былъ быть опредѣленъ особымъ закономъ. Сохраняя въ области военной всю полноту командной власти, генералъ Деникинъ въ области гражданской ставился въ положеніе парламентарнаго монарха или президента, — королевы Викторіи, какъ позволилъ себѣ выразиться я. Въ Екатеринодарѣ по этому поводу очень радовались, и радикальный острословъ, д-ръ Фрикенъ, изъ „Утра Юга" въ бойкихъ виршахъ пѣлъ о томъ, какъ „крамольные лозунги" входятъ въ моду и совершается „потрясеніе основъ".

Земля, Билимовичъ, дается народу.
И нѣтъ диктатуры у насъ, Соколовъ.

Да, диктатуры больше не было, но вскорѣ же выяснилось, что сломать ее было легче, чѣмъ воздвигнуть на ея мѣстѣ нѣчто новое. Соглашеніе между Верховнымъ Кругомъ и Главнымъ Командованіемъ было оформлено, если не ошибаюсь, 23 или 24 января. Генералъ Богаевскій сложилъ свои правительственныя полномочія, и генералъ Деникинъ поручилъ сформированіе министерства предсѣдателю Совѣта Управляющихъ Отдѣлами Донского Правительства, Н. М. Мельникову. Президіумъ Верховнаго Круга выдвигалъ еще кандидатуры И.П. Тимошенко и П. М. Агѣева. Н. М. Мельниковъ тотчасъ же принялся за работу и даже съѣздилъ въ Новороссійскъ, что было ему серьезно поставлено въ вину екатеринодарскою печатью. Но къ 7 февраля, когда было назначено первое совѣщаніе новаго правительства въ Екатеринодарѣ, оно было готово только вчернѣ и явно неработоспособно. Только 21—22 февраля въ Новороссійскѣ новые министры приняли дѣла отъ начальниковъ Управленій „стараго режима". Періодъ безвластія продолжался такимъ образомъ ровно два мѣсяца, два мѣсяца интригъ, борьбы честолюбій, игры въ парламентскія бирюльки, два мѣсяца послѣдней, героической страды на фронтѣ добровольцевъ и донцовъ. Къ моменту фактическаго вступленія во власть правительства, образованнаго на началахъ „широкаго народоправства", ничего для дѣйствительной организаціи новаго порядка управленія не было сдѣлано. Не было не только „предпарламента", но и положенія о немъ. Не было даже распредѣленія предметовъ вѣдѣнія между Южно-Русской властью и краевыми правительствами, и кубанцы по существу совершенно правильно заявляли, что впредь до разграниченія компентенціи они не допустятъ дѣятельности новой власти на своей территоріи.

Еще въ декабрѣ въ Ростовѣ мы съ розовымъ и веселымъ, такъ заразительно по дѣтски хохотавшимъ И. П. Ши-

повымъ, котораго сразилъ потомъ въ Екатеринодарѣ сыпной тифъ, составляли шутя списки министровъ „на разные случаи жизни". Былъ у насъ между прочимъ и проектъ „министерства мѣстныхъ талантовъ". Правительство Н. М. Мельникова почти цѣликомъ отвѣчало этому проекту. Въ большинствѣ оно составилось изъ мѣстныхъ дѣятелей, казаковъ и не казаковъ. Особое мѣсто занималъ въ немъ министръ иностранныхъ дѣлъ, генералъ-отъ-кавалеріи Н. Н. Баратовъ, лишившійся ноги послѣ тифлисскаго покушенія на него и пріѣхавшій изъ Батума. Изъ россійскихъ людей въ правительство вошли М. В. Бернацкій, въ качествѣ министра финансовъ, и Н. В. Чайковскій. Н. В. Чайковскій прибылъ въ Новороссійскъ изъ Польши и былъ первоначально назначенъ членомъ Совѣта Министровъ безъ портфеля. Затѣмъ ему поручили Отдѣлъ Пропаганды, который находился одно время въ непосредственномъ подчиненіи предсѣдателю Совѣта Министровъ. Отдѣлъ переименовали въ Отдѣлъ Политическаго Образованія, и на его горизонтѣ снова мелькнулъ С. Г. Сватиковъ.

Новое начальство стремилось вообще и въ смыслѣ направленія, и въ отношеніи подбора лицъ рѣзко отмежеваться отъ режима Особаго Совѣщанія. Въ одной вѣдомственной инструкціи эта тенденція нашла себѣ поэтическое выраженіе, въ формѣ предписанія „не допускать никакихъ тѣней прошлаго".

* * *

Тѣни прошлаго слѣдили за событіями и внимали „казачьимъ варьяціямъ на темы Союза Возрожденія" съ нѣкоторымъ лойяльнымъ скептицизмомъ. Дѣло тутъ было, конечно, не въ отвращеніи къ принципамъ „широкаго народоправства", а въ болѣе трезвомъ и реальномъ отношеніи къ вещамъ, основанномъ все же на извѣстномъ опытѣ. Достойно вниманія, что на этомъ сходились и „правые", и „лѣвые", и что въ оцѣнкѣ положенія разногласій почти не было.

Для насъ было ясно, что только на бумагѣ такъ гладко и просто удавалась „парламентаризація“ гражданской власти Главнокомандующаго. Практически же представлялось совершенно фантастическимъ это сочетаніе полноты высшей командной власти съ узко ограниченными прерогативами главы парламентарнаго государства. За краткостью времени эта безпримѣрная политическая система испытана не была, но она несомнѣнно таила въ себѣ зачатки недопустимыхъ въ боевой обстановкѣ конфликтовъ. Организація военной диктатуры была, въ концѣ концовъ, воспринята всѣми нами не въ силу особаго пристрастія къ личному режиму, недостатки котораго для всѣхъ очевидны, а въ силу желѣзной необходимости сосредоточенія власти въ условіяхъ гражданской войны. Если задача борьбы съ большевиками была прежде всего военная задача, то преобладаніе командной власти становилось логически неизбѣжнымъ. Если надо было обезпечить дѣйствительную полноту военной власти Главнаго Командованія, то слѣдовало снабдить его верховными полномочіями и въ области гражданской.

А затѣмъ — и это было самое главное — очевидна была политическая безнадежность того опыта, который съ такой затратой громкихъ словъ дѣлался въ Екатеринодарѣ. Цѣль заключалась въ томъ, чтобы укрѣпить фронтъ и заставить кубанскихъ казаковъ идти сражаться. Средства къ тому хотѣли найти въ „широкомъ народоправствѣ“ и въ агитаціонномъ воздѣйствіи на массы екатеринодарской словесности. То, что претенціозно именовалось „широкимъ народоправствомъ“, запоздало изъ за фракціонной грызни и политической безтолковщины. Ждать же „подъема духа“ отъ безчисленныхъ воззваній и декларацій казачьихъ политиковъ было бы просто наивно. Мы вступили въ полосу „уговариванія“. Уговоры могутъ дѣйствовать, если уговаривающіе пользуются высокимъ морально-политическимъ авторитетомъ. Но ни Кругъ вообще, ни тѣмъ болѣе представители крайнихъ казачьихъ теченій, которымъ теперь принадлежало первое слово, такимъ авторитетомъ не обладали. У этихъ

людей хватало вліянія, чтобы дѣлать въ усталой казачьей массѣ отрицательную работу разрушенія вѣры въ необходимость борьбы и въ ея руководителя. Для положительнаго дѣла возсозданія разрушеннаго, хотя бы и на новыхъ началахъ, они уже не годились. Несмотря на исчезновеніе Особаго Совѣщанія и уничтоженіе диктатуры, несмотря на то, что П. М. Агѣевъ сталъ министромъ земледѣлія, а Н. С. Долгополовъ министромъ здравоохраненія,—кубанцы на фронтъ не пошли. Не поднявъ духа въ казачьей средѣ, екатеринодарскій опытъ въ то же время неблагопріятно отразился на настроеніи самой крѣпкой части Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи. До Новороссійска доходили глухіе толки о недовольствѣ добровольцевъ новымъ курсомъ политики, о нежеланіи ихъ „умирать за казачью власть". Заранѣе было несомнѣнно, что новая организація власти будетъ просто ни къ чему, если обстоятельства заставятъ перенести центръ борьбы въ Крымъ.

Однако, несмотря на глубокое разногласіе между Новороссійскомъ и Екатеринодаромъ, у насъ не наблюдалось никакихъ слѣдовъ „саботажа" новаго режима, въ которомъ иногда насъ обвиняли. Напротивъ, и въ составѣ стараго правительства, и въ общественныхъ организаціяхъ былъ принятъ лозунгъ оказанія новой власти всяческаго содѣйствія. Поэтому когда Н. М. Мельниковъ предложилъ портфели юстиціи и финансовъ В. Н. Челищеву и М. В. Бернацкому, и коллеги ихъ по правительству, и политическіе ихъ единомышленники всячески ихъ уговаривали согласиться. Если М. В. Бернацкій принялъ предложеніе, а В. Н. Челищевъ отказался, то это было дѣломъ личнаго ихъ разумѣнія. Кажется, я одинъ до конца отстаивалъ мысль о томъ, что никто изъ членовъ стараго правительства не долженъ входить въ новую комбинацію. Я тоже былъ далекъ отъ „саботажа" и аргументировалъ извѣстной фразой, сказанной старикомъ Дюфоромъ, когда онъ вручалъ свое прошеніе объ отставкѣ преемнику маршала Макъ-Магона на посту президента республики, Жюлю Грэви: „Pour une situation nouvelle il faut des

hommes nouveaux". Новое положеніе, по моему, и у насъ требовало новыхъ людей.

Къ сожалѣнію, „новые люди" не платили намъ взаимностью. Въ нѣдрахъ Верховнаго Круга было, между прочимъ, рѣшено выпустить обращеніе къ населенію, въ которомъ истолковывался смыслъ происшедшихъ политическихъ перемѣнъ. Повидимому, существовало нѣсколько варьянтовъ такого обращенія, и одинъ изъ нихъ, принадлежавшій перу П. М. Агѣева, былъ опубликованъ въ екатеринодарскихъ газетахъ. Наряду съ другими демагогическими выкриками въ этомъ документѣ было много грубыхъ нападокъ на членовъ Особаго Совѣщанія, которые трактовались въ немъ, какъ „безотвѣтственные честолюбцы". Члены Особаго Совѣщанія естественно возмутились и отвѣтили печатнымъ заявленіемъ, въ которомъ заклеймили разсужденія П. М. Агѣева — не помню уже точно — не то презрѣнною, не то низкою „ложью". Вмѣстѣ со всѣми подписался и М. В. Бернацкій. Этотъ обмѣнъ любезностей происходилъ „подъ занавѣсъ" въ тѣ дни, когда Совѣтъ Министровъ in corpore прибылъ въ Новороссійскъ для принятія дѣлъ. Узнавъ о заявленіи членовъ Особаго Совѣщанія, Н. М. Мельниковъ очень обезпокоился и даже просилъ В. Н. Челищева задержать его напечатаніе: предсѣдатель Совѣта Министровъ опасался, что М. В. Бернацкій и П. М. Агѣевъ могутъ, пожалуй, отказаться засѣдать за однимъ столомъ и что вся, съ трудомъ налаженная, правительственная комбинація окажется взорванной. Но заявленіе было уже сдано въ печать, и это не помѣшало встрѣчѣ обоихъ министровъ.

М. В. Бернацкій могъ, конечно, не безъ основанія считать, что послѣднее слово осталось за нимъ, и что обижаться должно было министру земледѣлія.

* * *

Весь январь и февраль этого года въ Новороссійскѣ стояли жестокіе холода. Свирѣпый нордъ-остъ дулъ почти безъ перерыва, проникалъ сквозь тонкія рамы въ легкіе,

южной стройки, дома, гулялъ по вагонамъ и теплушкамъ у вокзала. Огромная масса людей, скопившихся въ городѣ, не оставила буквально ни одного квадратнаго вершка пустого пространства. Высшіе военные и гражданскіе чины и лица, имѣвшія связи среди новороссійской буржуазіи, кое какъ размѣстились, по реквизиціи или по знакомству. Но уже среднее и низшее чиновничество жило въ невѣроятной тѣснотѣ. Я зналъ чиновниковъ на возрастѣ и съ положеніемъ, которые ютились по 10 — 12 человѣкъ въ одной комнатѣ, и я помню, какъ одинъ мой бывшій подчиненный разсказывалъ, что онъ нѣсколько недѣль не имѣлъ возможности раздѣться на ночь и ограничивался тѣмъ, что расшнуровывалъ ботинки. Въ большомъ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на Димитріевской стоялъ настоящій таборъ вѣдомственныхъ бѣженцевъ. Въ просторныхъ залахъ казеннаго зданія въ „углахъ", отдѣленныхъ развѣшенными простынями или шкапами съ бумагами, жили семьи эвакуированныхъ служащихъ, образуя огромный муравейникъ хлопочущихъ по хозяйству женщинъ и копошащихся на полу дѣтей. Про простыхъ обывателей и говорить нечего. Рѣдкія, спасенныя отъ реквизиціи меблированныя комнаты шли поденно за 200 — 300 рублей, и въ нихъ тоже въѣзжали цѣлыми семьями, вперемежку здоровые и больные. Санитарное состояніе населенія было, конечно, ужасающее. Сыпной тифъ и легочныя заболѣванія уносили жертву за жертвой. Ихъ уже перестали считать, и только отъ времени до времени кокое-нибудь знакомое имя заставляло остановиться и задуматься. Умеръ В. М. Пуришкевичъ, какъ всегда, энергично занимавшійся, кромѣ политики, помощью раненымъ и больнымъ. Умеръ князь Е. Н. Трубецкой, принадлежавшій къ группѣ Совѣта Государственнаго Объединенія и писавшій въ „Великой Россіи". Умеръ А. А. Раевскій, нашъ милый спутникъ по прошлогодней заграничной поѣздкѣ. Еще на дняхъ онъ такъ бодро бѣжалъ по Серебряковской записывать семью на англійскую эвакуацію, а вотъ уже его отнесли въ метель и стужу на покрытое снѣгомъ кладбище... Продовольствія въ городѣ было достаточно, на базарѣ и въ

лавкахъ можно было найти въ изобиліи и мѣстный, и заграничный товаръ. Но цѣны на все стояли неприступныя и росли онѣ неудержимо. Денежныхъ знаковъ въ обращеніи было несмѣтное множество, ставки чиновничьихъ окладовъ автоматически увеличивались, но никакое повышеніе содержанія не могло угнаться за бѣшеной скачкой цѣнъ. Офицерскій обѣдъ былъ нормированъ и отпускался по довольно низкой расцѣнкѣ. Зато рестораторы отыгрывались на „вольныхъ". Въ февралѣ обѣдъ въ ресторанѣ обходился въ 250 — 300 рублей. Популярностью пользовалась Чехо-Словацкая столовая, гдѣ можно было пообѣдать за 120 — 150 рублей. Побриться въ парикмахерской стоило 80 — 100 рублей. Всюду были переполненіе и очереди.

Вся эта огромная масса людей жила по преимуществу праздною жизнью. Работали мѣстныя учрежденія, у центральныхъ же органовъ, если не считать Управленія Финансовъ, почти не было дѣла. Служащіе, уволенные еще въ Ростовѣ при сокращеніи штатовъ, понемногу разбрелись, кто куда могъ. Но оставалась еще внушительная бюрократическая армія, не знавшая, что съ собою дѣлать. Чиновники пересчитывали „добровольческія" бумажки и гадали о своей судьбѣ при новомъ режимѣ.

Политическая жизнь тоже замирала. Нашли себѣ примѣненіе и въ новой обстановкѣ тѣ „общественныя организаціи", которыя, какъ союзы земскій и городской, ставили себѣ практическія задачи. Они устраивали общежитія и лазареты, отпускали дешевые обѣды и хоронили умершихъ. Но собственно политическія организаціи какъ то сразу и окончательно притихли и свернулись. Нѣсколько разъ засѣдали и Національный Центръ, и Совѣтъ Государственнаго Объединенія; бывали и совмѣстныя совѣщанія, но духъ живой отлетѣлъ отъ этихъ политическихъ группировокъ, и стало ясно, что съ крушеніемъ режима, который онѣ обслуживали, окончилось ихъ историческое поприще. По воскресеньямъ въ комнатѣ у Н. И. Астрова въ домѣ Азовско-Донского Банка собирались наличные члены центральнаго комитета к.-д. пар-

тіи. Насъ было немного, 4—5 человѣкъ. Мы добросовѣстно старались разобраться въ смыслѣ происшедшей катастрофы, безпристрастно опредѣляли свою долю отвѣтственности за нее и пытались намѣчать пути ближайшаго будущаго. Формулы, способной объединить всѣхъ, классической кадетской „резолюціи" найти не удавалось. Проще всѣхъ смотрѣлъ на вещи и бодрѣе всѣхъ держался, конечно, князь П. Д. Долгоруковъ. У него было очень ясное и твердое рѣшеніе, несмотря ни на что, до конца идти съ Добровольческой Арміей.

Эвакуація Ростова привела въ Новороссійскъ немало безработныхъ журналистовъ и редакціонныя „ячейки" трехъ газетъ — „Великой Россіи", „Вечерняго Времени" и „Свободной Рѣчи". Мѣстная печать была представлена „Черноморской Газетой", „Маякомъ" и „Русскимъ Временемъ", въ которомъ нашли себѣ пріютъ многіе пріѣзжіе работники. „Бѣженскія" газеты жили кое какъ „на бивуакахъ". Лучше другихъ было оборудовано „Вечернее Время". „Великая Россія" примостилась сначала на оборотной сторонѣ телеграфнаго бюллетеня „Прессъ-Бюро", потомъ нѣкоторое время она фигурировала въ роли „Губернскихъ Вѣдомостей". „Свободная Рѣчь" съ трудомъ печаталась два раза въ недѣлю въ типографіи „Черноморской Газеты". Несмотря на скромный видъ и сдержанный тонъ этихъ трехъ газетъ, ихъ возобновленіе еще болѣе усилило толки екатеринодарскихъ „сферъ" о „реакціи", свившей себѣ гнѣздо въ Новороссійскѣ. Мы оказались понемногу втянутыми въ довольно звонкую полемику.

Подозрѣнія насчетъ новороссійскихъ „интригъ" были вообще распространены въ Екатеринодарѣ, да и въ Тихорѣцкой. Я думаю, что въ этихъ подозрѣніяхъ было много преувеличенія. Но смѣшно было бы отрицать, что въ Новороссійскѣ сосредоточилось достаточно чиновничества и офицерства, разочарованнаго и озлобленнаго. Взоры этихъ элементовъ, не вѣрившихъ въ новый, казачій курсъ и недовольныхъ имъ, сами собой обращались къ Крыму и, пока она не была сдана, къ Одессѣ, какъ къ возможнымъ базамъ

дальнѣйшей борьбы. Въ то же время они искали для этой борьбы новыхъ именъ и вождей.

У Каботажной пристани въ своемъ поѣздѣ жилъ генералъ Врангель. Оставшись не у дѣлъ, послѣ того какъ съ образованіемъ Кубанской Арміи отпало данное ему въ декабрѣ порученіе формировать новыя казачьи части, онъ получилъ какія то расплывчатыя полномочія по укрѣпленію, оборонѣ и эвакуаціи Новороссійскаго района. Въ вагонъ къ генералу Врангелю ходили правые и лѣвые, должностныя лица и общественные дѣятели. Съ ихъ словъ въ городѣ передавали, что популярный военачальникъ томится вынужденнымъ бездѣйствіемъ, что онъ мечтаетъ о созданіи на западѣ новаго сплошного анти-большевистскаго фронта отъ Чернаго моря до Балтійскаго и потому стремится въ Новороссію. Дѣйствительно, было извѣстно, что генералъ Врангель просился въ Одессу къ генералу Шиллингу, но что Ставка упорно сопротивлялась новому его назначенію. Наконецъ, согласіе Ставки было получено, и генералъ Врангель въ двадцатыхъ числахъ января уѣхалъ въ Крымъ. Тѣмъ временемъ Одесса пала, и назначеніе было тотчасъ же взято обратно. Въ Крыму какъ разъ вспыхнула „орловщина“ — руководимое капитаномъ Орловымъ офицерское движеніе протеста противъ тылового развала и нѣкоторыхъ особенно непопулярныхъ генераловъ. Орловъ сталъ выдвигать имя генерала Врангеля, и хотя самъ генералъ Врангель публично приглашалъ мятежнаго капитана къ повиновенію, и „орловщина“ была ему поставлена на счетъ. Въ началѣ февраля генералъ Лукомскій, уѣхавшій по семейнымъ дѣламъ въ Севастополь, генералъ Врангель и бывшій начальнихъ его штаба, генералъ Шатиловъ, а также адмиралы Ненюковъ и Бубновъ получили отставку. Отставка была немилостивая, „въ чистую“, безъ зачисленія въ распоряженіе Главнокомандующаго. У насъ въ Новороссійскѣ объясняли опалу, постигшую бывшаго помощника Главнокомандующаго и предсѣдателя правительства, тѣмъ, что и онъ изъ Крыма настаивалъ передъ Ставкой на замѣнѣ генерала Шиллинга генераломъ Врангелемъ.

Судьбу опальныхъ генераловъ сравнивали съ почестями, которыя выпали на долю генерала Май-Маевскаго, и качали головами.

* * *

Въ теченіе всего января положеніе на фронтѣ крѣпло. Добровольцы и донцы, занимая въ общемъ линію нижняго теченія Дона и Маныча, не только успѣшно отбивали красныхъ, но и неоднократно сами переходили въ наступленіе. Въ то же время изъ-за краснаго фронта доходили свѣдѣнія, что большевистскія части, попавъ въ Ростовъ, увлеклись грабежомъ и стали разлагаться. Все это подымало духъ и поддерживало надежды на близкое перенесеніе борьбы обратно въ Донскую область. Донскіе казаки рвались на родную землю и не стѣсняясь поносили кубанцевъ за „предательство". Донцы-бѣженцы тоже не были въ восторгѣ отъ кубанскаго гостепріимства и мечтали о возвращеніи въ свои станицы. Въ Новороссійскѣ пріѣзжая публика, воспитанная долгимъ бѣженскимъ опытомъ въ большой подвижности, нѣсколько разъ переходила отъ мысли объ англійской эвакуаціи къ мысли о поѣздкѣ въ освобожденный Ростовъ. Н. М. Мельниковъ будто бы сказалъ, что, „какъ только Ростовъ будетъ взятъ", Южно-Русское правительство, конечно, переѣдетъ туда. Смущали только неясные слухи о слабости Кубанской Арміи, прикрывавшей направленія на Тихорѣцкую и Кавказскую, и о томъ, что Буденный куда-то исчезъ.

Въ пятницу, 7 февраля я поѣхалъ въ Ставку для бесѣды съ генераломъ Деникинымъ по личному дѣлу. По условіямъ желѣзнодорожнаго движенія, выгоднѣе было ѣхать кружнымъ путемъ, въ минераловодскомъ поѣздѣ до Кавказской, а оттуда съ какимъ-нибудь эшелономъ до Тихорѣцкой. Въ вагонѣ скораго поѣзда было темно, какъ въ погребѣ, и холодно, какъ въ степи. Но — остатки былого комфорта — мѣста были нумерованныя, и можно было лежать.

На станціи Кавказской мы купили газеты. Официальное сообщеніе Штаба Главнокомандующаго говорило о вступле-

ніи доблестныхъ добровольцевъ въ Ростовъ. Послѣ этого пустяками показалось безконечно долгое путешествіе въ теплушкѣ воинскаго поѣзда, въ которую вмѣсто традиціонныхъ „40 человѣкъ“ набилось по крайней мѣрѣ двойное количество, и гдѣ вѣтеръ хозяйничалъ, какъ хотѣлъ. Въ Тихорѣцкую мы пріѣхали поздно ночью съ субботы на воскресенье. Я остановился въ первомъ агитаціонномъ поѣздѣ, руководимомъ А. И. Ксюнинымъ. Это былъ лучшій по оборудованію и самый дѣятельный изъ агито-поѣздовъ Отдѣла Пропаганды. Послѣднее время Ставка держала его при себѣ.

Утромъ, 9 февраля, въ станичной церкви былъ молебенъ по случаю второй годовщины ухода Добровольческой Арміи изъ Ростова. Я не слыхалъ рѣчи Главнокомандующаго къ войскамъ, но въ публикѣ передавали, что генералъ Деникинъ въ гнѣвныхъ выраженіяхъ характеризовалъ поведеніе кубанцевъ.

Къ своему изумленію, я не нашелъ въ Тихорѣцкой того подъема, котораго можно было ожидать. Напротивъ, настроеніе было пониженное, эвакуаціонное. Опредѣленныхъ указаній изъ штаба еще не поступало, но эвакуаціи ожидали къ вечеру. Объясняли этотъ оборотъ событій слѣдующимъ образомъ. Уже съ недѣлю какъ конная группа Буденнаго, съ середины января перекинувшаяся изъ ростовскаго района дальше на востокъ, оперируетъ въ направленіи на Тихорѣцкую, слѣдуя своей всегдашней тактикѣ глубокихъ обходовъ. Кубанскія части распыляются, и Тихорѣцкая — важный желѣзнодорожный узелъ и резиденція Главнаго Командованія — въ сущности беззащитна. Противъ Буденнаго двинутъ донской корпусъ, б. Мамонтова, подъ командой генерала Павлова, который долженъ былъ ударить по красной конницѣ съ фланга и съ тыла. Но несчастное стеченіе обстоятельствъ — лютые морозы въ степи и неудачныя распоряженія начальства — помѣшали выполненію маневра. Донцы перемерзли и масса ихъ выбыла изъ строя.

День былъ веселый, солнечный. Съ однимъ изъ служащихъ агито-поѣзда мы гуляли по путямъ по талому снѣгу.

— Какъ хотите, а пахнетъ эвакуаціей, сказалъ мой спутникъ. Я человѣкъ опытный. Англичане мнѣ рѣшительно не нравятся.

Мы проходили какъ разъ мимо теплушекъ какой то англійской команды, кажется радіотелеграфной. Мой спутникъ покричалъ англійскому солдату, и тотъ, скаля зубы и угловато жестикулируя, объяснилъ, что они, дѣйствительно, сворачиваются и уходятъ въ Екатеринодаръ.

Днемъ я былъ у начальника штаба. Персоналъ агитопоѣзда просилъ меня выяснить, точно ли Ставка уходитъ, и будутъ ли указанія насчетъ поѣзда. Генералъ Романовскій сказалъ, что вечеромъ Ставка отправляется въ Екатеринодаръ и что агито-поѣздъ долженъ позаботиться о паровозѣ. Меня, помню, поразилъ этотъ тонъ совѣта, а не распоряженія. Получалось впечатлѣніе, что никакого плана эвакуаціи нѣтъ. Мы говорили недолго, такъ какъ генералъ Романовскій былъ очень озабоченъ военнымъ положеніемъ. Онъ успѣлъ, однако, опредѣленно и сухо высказаться о новой конструкціи власти и объ отношеніи къ ней нашихъ „старыхъ“ политическихъ круговъ. Старыя общественныя организаціи, по его словамъ, доказали на дѣлѣ свою несостоятельность. Онѣ поддерживали диктатуру, но силы отъ этого генералу Деникину не прибавилось. Теперь Главное Командованіе опирается на другія общественныя группы. Въ связи съ этимъ ему, конечно, пришлось кое чѣмъ поступиться. Но зато есть надежда, что власть Главнокомандующаго, формально ограниченная, вырастетъ въ своей внутренней силѣ.

Съ генераломъ Деникинымъ я видѣлся вечеромъ, въ 6 часовъ. Въ тотъ моментъ, когда я входилъ въ салонъ Главнокомандующаго, генералъ Романовскій собирался уходить къ себѣ. Послѣднія его слова были: „Такъ какъ-же, Ваше Превосходительство, — прикажете вызвать дивизію?“ Генералъ Деникинъ отвѣтилъ согласіемъ. Я понялъ, что это значитъ. На станціи уже говорили о томъ, что для обороны Тихорѣцкой предположено вызвать марковскую дивизію изъ резерва генерала Кутепова.

У генерала Деникина, несмотря на военную выдержку, былъ очень утомленный видъ. Онъ весь сталъ какъ будто меньше. Лицо было блѣдно и носило слѣды напряженной умственной работы. Бесѣда наша не клеилась. Я не встрѣчался съ Главнокомандующимъ два мѣсяца, и за это время накопилось много вопросовъ, о которыхъ на прощанье хотѣлось поговорить „по душѣ". Но надо было спѣшить, и разговоръ, перескакивавшій съ одной темы на другую, имѣлъ отрывочный, безпорядочный характеръ. Генералъ Деникинъ съ горечью говорилъ о томъ, что никогда никакой Главнокомандующій не бывалъ въ такомъ тяжеломъ положеніи, какъ онъ. Стратегическая обстановка блестящая. Противникъ слабъ. Добровольцы и донцы сражаются прекрасно. Стоило бы только кубанцамъ держаться на второстепенныхъ участкахъ фронта, и успѣхъ обезпеченъ. Но кубанцы просто уходятъ. Разлагающая пропаганда самостійниковъ дала свои неизбѣжные плоды. Кубанскіе вожаки теперь сами понимаютъ, до чего они довели Армію. Къ сожалѣнію, уже поздно. Рѣчь зашла о Новороссійскѣ и его „интригахъ". Главнокомандующій, примирительно отозвавшись о своихъ бывшихъ гражданскихъ сотрудникахъ, рѣзко обрушился на генеральскую оппозицію. Да, недовольные генералы интригуютъ противъ него, и всѣ нити интриги сходятся въ Крыму. Туда изъ Новороссійска всячески заманиваютъ офицеровъ, которые нужны здѣсь на фронтѣ. Орловщина подавлена, но усиленно ведется кампанія за назначеніе генерала Врангеля на мѣсто генерала Шиллинга. Одинъ генералъ Лукомскій прислалъ объ этомъ въ Ставку чуть не двадцать телеграммъ. Съ большимъ волненіемъ Главнокомандующій вспоминалъ объ упрекахъ, которыми его осыпаютъ за „соглашательство" съ казаками и нежеланіе уйти съ русскими частями на „русскую" территорію. Это легко говорить — уйти съ добровольцами. Въ крайнемъ случаѣ, конечно, можно уйти: добровольцы всюду пробьются, будутъ бить и большевиковъ, и самостійниковъ. Но вѣдь надо же понимать, что вслѣдъ за

нами потянутся караваны офицерскихъ семействъ и бѣженцевъ, что такой исходъ будетъ сплошнымъ ужасомъ. Вотъ пусть англичане исполнятъ свое обѣщаніе и эвакуируютъ этихъ несчастныхъ людей; тогда мы будемъ чувствовать себя свободнѣе.

Около 7 часовъ въ вагонъ вошелъ начальникъ штаба и пригласилъ Главнокомандующаго къ себѣ на совѣщаніе, предупредивъ, что задержитъ его надолго. Мы торопливо попрощались и я вышелъ на платформу. Кругомъ было темно. Не знаю почему, но сразу припомнивъ то, что я видѣлъ и слышалъ въ этотъ день, я въ эту минуту почувствовалъ, что дѣло Главнаго Командованія кончено, и что этотъ поѣздъ не надолго задержится въ Екатеринодарѣ.

Вскорѣ намъ принесли бумажку съ приказаніемъ Главнокомандующаго предоставить всѣ свободныя помѣщенія агито-поѣзда для погрузки больныхъ и офицерскихъ семействъ. Распоряженіе это носило довольно платоническій характеръ, такъ какъ вывозъ самаго поѣзда вовсе не былъ обезпеченъ. Въ результатѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ о полученіи паровоза удалось наладить только слѣдующую комбинацію. Первымъ долженъ былъ отойти на Екатеринодаръ бронепоѣздъ. База бронепоѣзда оставалась въ Тихорѣцкой до утра и соглашалась захватить два вагона агито-поѣзда. Предполагалось такимъ образомъ спасти, по крайней мѣрѣ, большую часть персонала. Нѣсколько служащихъ должны были попытаться затѣмъ вывезти весь поѣздъ. Вагонъ-столовую, однако, очистили отъ мебели и туда внесли на носилкахъ одного сыпно-тифознаго.

Къ ночи эвакуировались привилегированные поѣзда. Ушелъ бронепоѣздъ, ушелъ поѣздъ англійской миссіи. Ушелъ и поѣздъ Главнокомандующаго. Съ отбытіемъ Ставки станція погрузилась во мракъ. Желѣзнодорожники расходились или прятались и на всѣ вопросы отзывались незнаніемъ. На мѣстѣ былъ только какой то военный чинъ, задерганный, изнервничавшійся и безсильный что либо сдѣлать. Всякая связь была порвана, и населеніе станціи и станицы находи-

лось во власти слуховъ. Кто говорилъ, что Буденный въ 40 верстахъ, кто сокращалъ это разстояніе еще больше. Съ часу на часъ можно было ожидать налета красныхъ. Тревожно спалось въ эту ночь въ агито-поѣздѣ № 1.

Подъ-утро насъ стали возить по путямъ, и мнѣ показалось, что вагонъ, въ которомъ я дремалъ, прицѣпляютъ къ базѣ. Но утромъ по корридору забѣгали люди и кричали, что база нашихъ вагоновъ взять не можетъ, что намъ предоставляютъ половину теплушки, что надо брать вещи и скорѣе бѣжать, такъ какъ база сейчасъ отходитъ. Схвативъ чемоданы, мы кинулись на платформу. Но было уже поздно. Въ теплушку успѣлъ вскочить только одинъ изъ служащихъ. Оставшіеся начали, кто какъ могъ, промышлять о себѣ. Одни просто вернулись въ поѣздъ ждать своей участи, другіе начали „разсасываться“ по составамъ, имѣвшимъ паровозы или шансы на ихъ полученіе. Цѣлая куча людей облѣпила открытыя площадки поѣзда командующаго Кубанской Арміей, генерала Шкуро. Поѣздъ этотъ двинулся въ направленіи на Кавказскую, но тамъ вспыхнулъ пожаръ, и генералъ Шкуро вернулся обратно и, постоявъ опять у Тихорѣцкой, ушелъ въ Екатеринодаръ. Меня съ моимъ секретаремъ приняли въ поѣздъ штаба Кубанской Арміи. Въ генералъ-квартирмейстерскомъ вагонѣ нашли себѣ пріютъ нѣсколько бѣженцевъ. Было здѣсь, между прочимъ, и одно офицерское семейство. Взволнованная офицерская теща безъ умолку тарахтѣла о томъ, какъ ея зять состоялъ въ одномъ изъ отдѣленій штаба Главнокомандующаго, какъ они обжились въ станицѣ и какъ вотъ вдругъ вчера прибѣжалъ зять и сказалъ, что надо готовиться къ эвакуаціи, и самъ сейчасъ же ушелъ въ штабъ.

Между тѣмъ на станціи появилось, наконецъ, начальство въ лицѣ кубанца-генерала Шифнеръ-Маркевича, которому была поручена оборона Тихорѣцкаго района. Онъ энергично наводилъ порядокъ. Образовался „штабъ“, заработали телефоны, начали устанавливать связь, поджидали доблестныхъ Марковцевъ. Военнослужащихъ стали собирать въ отрядъ,

была назначена провѣрка документовъ. Пошли и мы за разрѣшеніемъ на выѣздъ.

Въ маленькой комнатѣ станціоннаго зданія офицеры принимали телефонограммы, просматривали бумаги, выдавали пропуска. Какой то старый-престарый полковникъ требовалъ, чтобы его пустили въ Ростовъ. Офицеръ отговаривалъ его отъ такого рискованнаго предпріятія. Полковникъ сердился, упорствовалъ и говорилъ, что въ Ростовѣ у него имущество.

— „Господинъ полковникъ, взмолился, наконецъ, офицеръ, Ростовъ очищенъ нашими войсками, а вы хотите туда ѣхать!“

Это было утромъ 10 февраля. Ростовъ находился въ рукахъ добровольцевъ два дня.

Вскорѣ штабной поѣздъ тронулся. Въ нашемъ вагонѣ говорили, что теперь придется весь фронтъ осадить назадъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ЭВАКУАЦІЯ.

Въ Новороссійскѣ, гдѣ взятіе Ростова было ознаменовано уличными манифестаціями, событія, разыгравшіяся въ районѣ Тихорѣцкой, вызвали крайній упадокъ духа. Можно смѣло утверждать, что эта новая неудача, опять связанная съ дезертирствомъ кубанскихъ частей, была всѣми воспринята, какъ признакъ начала конца. Никто уже больше не вѣрилъ въ возможность удержаться на Кубани, и на Серебряковскую, 33 потянулись вереницы будущихъ „гостей англійскаго короля".

Съ первыхъ чиселъ января, если говорить о массѣ бѣженцевъ, не имѣвшихъ средствъ, чтобы позволить себѣ роскошь дорогого „вольнаго" проѣзда на пароходахъ „Тріестинскаго Ллойда", эвакуація изъ Новороссійска совершалась въ двухъ главныхъ формахъ. Была эвакуація „англійская" и была эвакуація „сербская". Кто соблазнялся англійскимъ или точнѣе союзническимъ „пайкомъ" на Принцевыхъ островахъ, или на Лемносѣ, или въ Египтѣ, тотъ шелъ къ англичанамъ. Кто расчитывалъ съ помощью „льготнаго размѣна" „переждать" и „осмотрѣться" въ славянской Сербіи, тотъ записывался въ Комитетѣ С. Д. Тверского. Если не ошибаюсь, свой первый пароходъ съ гражданскими бѣженцами — раненые и больные офицеры эвакуировались отдѣльно — англичане отправили 13 января. То былъ „Ганноверъ", шедшій на Принкипо. Нѣсколькими днями позднѣе отошелъ „Иртышъ", направлявшійся въ Варну или въ Салоники, откуда бѣженцы должны были слѣдовать дальше въ Сербію. Выборъ между этими двумя „направленіями" дѣлался, въ

сущности, „интуитивно", такъ какъ въ точности никто не представлялъ себѣ, что его ожидаетъ тамъ и здѣсь. Въ пользу Сербіи говорили соображенія моральнаго порядка и, прежде всего, перспектива жить въ дружественной славянской странѣ; въ пользу англичанъ — совершенно безплатный проѣздъ и обезпеченное на шесть мѣсяцевъ содержаніе. Это были немаловажныя преимущества англійской эвакуаціи, особенно для тѣхъ, которые эвакуировали свои семьи, а сами оставались на русской территоріи, и на Серебряковской, 33 было всегда много народу.

Расположенное въ центрѣ города помѣщеніе, гдѣ шла запись на англійскую эвакуацію, играло роль своего рода клуба. Здѣсь можно было всегда встрѣтить знакомыхъ, узнать новости и, потолкавшись у длинныхъ „хвостовъ", попробовать изъ противорѣчивыхъ слуховъ и толковъ извлечь недостающія данныя для собственнаго, болѣе или менѣе осмысленнаго рѣшенія. Тотъ, кто рѣшался ѣхать „съ англичанами", долженъ былъ сначала за „русскимъ" столомъ установить свое право на эвакуацію, а потомъ уже у „англійскаго" стола получить необходимые документы. Англичанами дирижировалъ все тотъ же „другъ Россіи", генералъ Кійзъ. Съ русской стороны во главѣ дѣла стоялъ представитель генерала Врангеля, полковникъ Артифексовъ. Хлопотъ и недоразумѣній у нихъ была масса, такъ какъ „право на эвакуацію" опредѣлялось часто противорѣчивыми распоряженіями русскихъ и англійскихъ властей. Особенно много путаницы было съ „возрастнымъ цензомъ" мужчинъ. Въ концѣ февраля англичане стали вовсе отказывать въ эвакуаціи лицамъ мужского пола. Вообще же право на эвакуацію они толковали скорѣе распространительно. Сначала рѣчь шла только о семьяхъ офицеровъ, которымъ, какъ трогательно было сказано въ одномъ англійскомъ сообщеніи, хотѣли дать возможность спокойно продолжать борьбу на фронтѣ. Потомъ къ семьямъ офицеровъ прибавили семьи всѣхъ вообще служащихъ въ учрежденіяхъ Главнаго Командованія, наконецъ, право на эвакуацію было признано за всѣми лицами, такъ

или иначе связанными съ Добровольческой Арміей и слѣдовательно скомпрометированными въ глазахъ большевиковъ. Это либеральное толкованіе было широко использовано людьми, имѣвшими очень мало общаго съ добровольческимъ движеніемъ и иногда — это, къ стыду нашему, нужно признать — вполнѣ обезпеченными. На Серебряковской, 33 можно было наблюдать тѣхъ „привилегированныхъ бѣженцевъ“ и „бѣженокъ“, которые впослѣдствіи въ мѣхахъ и брилліантахъ украшали собой лучшіе отели Принкипо.

Довольно долго было принято относиться къ эвакуирующимся съ осужденіемъ и насмѣшкой. Появленіе каждаго сколько-нибудь извѣстнаго имени въ хроникерской замѣткѣ объ эвакуаціи обязательно вызывало дружное улюлюканье въ печати и обществѣ. Остававшіеся — часто только до слѣдующаго парохода — со строгими лицами сурово осуждали „дезертировъ“. Между тѣмъ, что было дѣлать толпѣ тѣхъ подозрительныхъ по „бѣлогвардейщинѣ“ и „контръ-революціи“ людей, которые не могли оставаться подъ большевиками, если бы даже и хотѣли? Что было дѣлать чиновникамъ, уволеннымъ по случаю сокращенія штатовъ или перемѣны правительства? Что было дѣлать профессорамъ, лишившимся кафедръ, журналистамъ, не имѣвшимъ газетъ? Ждать, какъ декламировали нѣкоторые, до послѣдней минуты? Эта „послѣдняя минута эвакуаціи“, когда вступаетъ въ силу лозунгъ „спасайся, кто можетъ“ и „право на эвакуацію“ завоевывается кулаками, была многимъ изъ нихъ знакома по опыту. Идти съ Арміей туда, гдѣ будетъ ея новая база, то есть въ Крымъ? Но сейчасъ въѣздъ въ Крымъ былъ воспрещенъ, расчитывать же на то, что въ „послѣднюю минуту“ никакія воспрещенія не дѣйствуютъ, значило опять таки подвергать себя самымъ „ирраціональнымъ“ случайностямъ, да и нужно было при этомъ, очевидно, быть очень высокаго мнѣнія о своей полезности для Арміи. Ну, а за „дезертирами“ пока еще достаточно бдительно слѣдило законное начальство. Заграничные паспорта выдавались только лицамъ непризывного возраста. Какъ всегда, были учреждены ко-

миссіи для всякихъ переосвидѣтельствованій. Нѣкоторыя послабленія допускались только для отдѣльныхъ представителей научнаго и литературнаго міра.

Англичане лучшіе свидѣтели тому, что эвакуирующіеся уѣзжали съ болью въ сердцѣ и подчиняясь крайней необходимости. Рѣдко когда пароходы уходили съ полнымъ комплектомъ пассажировъ — малѣйшее улучшеніе на фронтѣ, малѣйшая надежда на успѣхъ, и записавшіеся во множествѣ не являлись къ погрузкѣ. Руководители эвакуаціи сочли себя вынужденными принять мѣры и объявили, что всѣ, не использовавшіе своей очереди, лишаются вовсе права на эвакуацію.

Сколько было волненій и слезъ въ городѣ, когда англичане объявили, что 11-го начинается погрузка на „Ганноверъ".

* * *

Случайно или нѣтъ, но только въ Новороссійскѣ повторилась исторія Ростова, и рѣшительный переломъ въ развитіи событій на фронтѣ и въ настроеніи тыла совпалъ съ моментомъ образованія новаго правительства. Благодаря неясностямъ соглашенія между Главнокомандующимъ и Верховнымъ Кругомъ и вообще запутанному политическому положенію, формированіе кабинета Н. М. Мельникова тянулось, какъ я уже упоминалъ, недѣли три. 10 февраля въ Тихорѣцкой генералъ Деникинъ говорилъ мнѣ, что онъ получилъ телеграмму отъ В. Н. Челищева, доносившаго, что въ виду сформированія новаго правительства новороссійское правительство слагаетъ свои полномочія. Главнокомандующій находилъ это преждевременнымъ и отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что начальники вѣдомствъ должны оставаться на мѣстахъ до фактической сдачи дѣлъ. Фактическая сдача была совершена въ Новороссійскѣ за три недѣли до занятія его красными, среди грозныхъ явленій всеобщаго разложенія.

Кабинетъ Н. М. Мельникова находился у власти такой короткій срокъ и наслѣдство ему досталось такое тяжелое,

что серьезно обсуждать его дѣятельность было бы просто несправедливо. Но все же нужно сказать, что въ немногихъ предпринятыхъ имъ шагахъ обнаружилось поразительное отсутствіе всякаго „чувства реальности". При томъ, какъ сложилась обстановка въ первой половинѣ февраля, правильнѣе всего, конечно, было бы вовсе отказаться отъ претенціознаго опыта образованія объединеннаго правительства и предоставить людямъ „стараго режима" донести до конца незавидное бремя власти. Но разъ ужъ новое правительство образовалось, обстоятельства предуказывали ему осторожность и безшумность. Напротивъ, правительство Н. М. Мельникова начало свою дѣятельность при громкихъ „демократическихъ" фанфарахъ, которыя только рѣзче подчеркивали его политическую ненужность и фактическое безсиліе.

Къ намъ въ Новороссійскъ послѣ отставки генерала Лукомскаго назначили Главноначальствующимъ генерала Макѣева, бывшаго начальника гарнизона Царицына. При этомъ „въ сферахъ" давали понять, что эта „перемѣна лицъ" должна была означать и „перемѣну системы": съ назначеніемъ генерала Макѣева должна была открыться эра „либерализма" во „внутреннемъ управленіи". Дѣло не ограничилось поэтому отставкой помощника Главноначальствующаго по гражданской части С. Д. Тверского, признаннаго слишкомъ „реакціоннымъ". Спѣшно была произведена перестройка самой организаціи управленія губерніей. За генераломъ Макѣевымъ были сохранены только военныя полномочія, всѣ же гражданскія функціи были сосредоточены въ рукахъ новаго начальника губерніи. На эту должность былъ назначенъ небезызвѣстный харьковскій адвокатъ Н. С. Каринскій, сдѣлавшій судейскую карьеру при А. Ф. Керенскомъ. Какъ это ни странно звучитъ, но Н. С. Каринскаго предполагали одновременно назначить товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и предоставить ему право дѣйствовать въ губерніи „за министра".

Реформа эта была, конечно, совершенно излишнею роскошью, такъ какъ Черноморская губернія вся находилась

въ состояніи возстанія, и блѣдный призракъ умиравшей власти виталъ развѣ только надъ Новороссійскомъ и его пригородами, — дальше хозяевами положенія были „зеленые", дерзость которыхъ увеличивалась съ каждымъ днемъ. Правительство капитулировало передъ ними еще въ концѣ января, когда генералъ Лукомскій издалъ приказъ объявлявшій объ отмѣнѣ мобилизаціи и трудовой повинности для постоянныхъ жителей Черноморской губерніи и приглашавшій бѣжавшихъ въ горы безбоязненно вернуться обратно; въ качествѣ мотивовъ приводились отсутствіе топлива и недостатокъ рабочихъ рукъ. Съ тѣхъ поръ положеніе замѣтно ухудшилось, и „либерализмъ" оказался не сильнѣе „реакціи". Старая власть пробовала еще пострѣливать по „зеленымъ", новая стала и въ отношеніи къ нимъ на путь „уговариванія". Съ „зелеными" были завязаны переговоры, въ расчетѣ на мнимую популярность наиболѣе „демократическихъ" изъ новыхъ министровъ. Конечно, расчетъ оказался наивнымъ. Да и въ самомъ Новороссійскѣ власть понемногу пасовала передъ стихіей тылового развала. Въ городѣ скопилась, между прочимъ, масса бродячаго военнаго элемента. Не думаю, чтобы здѣсь играли роль тѣ „интриги", о которыхъ говорилъ мнѣ въ Тихорѣцкой генералъ Деникинъ. Дезорганизація Арміи и упадокъ дисциплины естественно вели къ тому, что въ тылъ уходили или въ тылу задерживались усталые и озлобленные люди въ офицерской формѣ. Ихъ озлобленіе противъ Главнаго Командованія, противъ стараго правительства — за его неумѣлость, противъ новаго правительства — за то, что оно „не русское, а казачье", выливалось въ разныя самочинныя выступленія. Часть ихъ съ большимъ трудомъ удалось собрать въ отрядъ и дисциплинировать. Многіе вовсе уклонялись, другіе, вмѣсто того чтобы идти въ отрядъ, несшій большой трудъ по охранѣ города, предпочитали заниматься „реквизиціями" и травить „буржуевъ". Излюбленнымъ объектомъ ихъ негодованія были „буржуи", эвакуирующіеся за-границу, и послѣ нѣсколькихъ случаевъ самочинной „провѣрки документовъ" на пароходахъ и ссажи-

ванія отдѣльныхъ пассажировъ власть оказалась вынужденной пойти на уступки и признать за представителями офицерства право участія въ контролѣ отъѣзжающихъ. Не только для тылового спекулянта, но и для отставного чиновника и безработнаго журналиста эта легализація произвола сулила лишнія огорченія и униженія.

* * *

Со вступленіемъ новыхъ министровъ въ управленіе вѣдомствами опредѣлилась, наконецъ, судьба значительной части нашего чиновничества.

Довольно долго было неизвѣстно, гдѣ будетъ имѣть пребываніе Южно-Русское правительство, въ Екатеринодарѣ или въ Новороссійскѣ, и какъ въ связи съ этимъ будутъ размѣщены центральныя учрежденія. Новые министры выразили намѣреніе жить въ Екатеринодарѣ и имѣть при себѣ небольшія вѣдомственныя „ячейки“ съ самымъ ограниченнымъ количествомъ служащихъ. Въ Новороссійскѣ же должны были быть сохранены „техническіе аппараты“, конечно, тоже уменьшеннаго состава. Многіе изъ отвѣтственныхъ служащихъ старыхъ Управленій поспѣшили подать въ отставку. Съ своей стороны, и новое начальство внимательно просматривало списки чиновниковъ, обращая особое вниманіе на должностныхъ лицъ пяти старшихъ классовъ. Чиновники очень интересовались вопросомъ, гарантируетъ ли имъ новое правительство, въ случаѣ катастрофы, эвакуацію, и получали неутѣшительные отвѣты. Благодаря этому снова окрѣпло эвакуаціонное настроеніе, и на сербскую эвакуацію — англійская фактически кончалась — стали усиленно записываться представители бюрократическаго міра.

Среди нихъ все еще сплоченной группой держались бывшіе члены Особаго Совѣщанія. Они продолжали собираться, чтобы обмѣняться новостями и потолковать объ эвакуаціи. Такъ какъ съ момента отставки генерала Лукомскаго собранія эти пріобрѣли совершенно частный характеръ, то

и я сталъ бывать на нихъ. Изъ помѣщенія Главноначальствующаго, послѣ пріѣзда генерала Макѣева, мы перешли въ Канцелярію правительства къ С. В. Безобразову, который торопился со сдачей дѣлъ. Многіе изъ нашей среды уже отсутствовали. А. Д. Билимовичъ отпросился въ отставку и уѣхалъ еще въ январѣ. Тяжело больного С. Н. Маслова увезли въ Египетъ. Д. И. Никифоровъ и кн. Г. Н. Трубецкой получили назначенія въ Сербію. А. И. Фенинъ былъ записанъ на англійскую эвакуацію вмѣстѣ съ семьей; въ одинъ изъ своихъ припадковъ неожиданной суровости англичане отказались было принимать вообще мужчинъ, но потомъ смягчились, и А. И. Фенинъ послѣ нѣкоторыхъ мытарствъ уѣхалъ. А. А. Нератовъ и М. В. Бернацкій были при новомъ правительствѣ. Насъ, „бывшихъ людей", оставалось человѣкъ десять.

Глубокою меланхоліей были проникнуты наши послѣднія совѣщанія. Каждому изъ насъ хотѣлось, конечно, всячески отдалить срокъ отъѣзда, неизбѣжность котораго была очевидна. Но „послѣдняя минута эвакуаціи" была отнынѣ для насъ такою же грозной и азартной, какъ и для всякаго обывателя. Новому правительству было, конечно, не до его неудачныхъ предшественниковъ. Англичане, съ которыми мы попробовали вступить въ сношенія, отнеслись къ намъ съ ледянымъ равнодушіемъ. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній и консультаціи съ С. Д. Тверскимъ, который продолжалъ завѣдывать эвакуаціей изъ портовъ Чернаго моря, для насъ выяснилась необходимость немедленно самимъ позаботиться о себѣ. Въ большинствѣ мы записались на два послѣднихъ парохода по сербской эвакуаціи — „Константинъ" и „Николай".

Личная моя участь опредѣлилась уже довольно давно. Въ числѣ другихъ я не вѣрилъ въ прочность новаго правительства. Но для меня было ясно, что и въ томъ случаѣ, если опытъ казачьяго парламентаризма окончится неудачей, а вооруженная борьба съ большевиками будетъ продолжаться, намъ, дѣятелямъ деникинскаго періода, придется на вре-

мя отойти въ сторону. Достаточно было послушать разсказы офицеровъ, пріѣзжавшихъ съ фронта, или замѣчанія новороссійскаго офицерства по поводу расклееннаго на улицахъ воззванія Главнокомандующаго, чтобы убѣдиться, что наступалъ конецъ деникинской эпохѣ вообще. Надо было пока что не мѣшать новой казачье-демократической „оріентаціи“ Главнаго Командованія и надо было понимать, что на смѣну ея дѣятелямъ придемъ не мы, а придутъ какіе то другіе люди, формально, по крайней мѣрѣ, не такъ скомпрометированные нашими неудачами. Богъ вѣсть, откуда они придутъ, эти новые люди, справа или слѣва, но это будутъ, надо думать, люди съ политикой опредѣленной и ясной, а не такой нейтральной и средней, какъ наша. При такомъ умонастроеніи меня естественно тяготило мое положеніе „оппозиціоннаго“ журналиста. Я рѣшилъ, что мнѣ — „централисту“ и „главному идеологу диктатуры“ — надо уѣзжать, и откровенно подѣлился своими мыслями съ генераломъ Лукомскимъ. Главное Командованіе признало мои мотивы убѣдительными, и, по приказанію генерала Деникина, мнѣ было оказано всяческое содѣйствіе къ выѣзду за-границу. Однако, я, какъ и всѣ, медлилъ съ осуществленіемъ своего рѣшенія, и, кромѣ того, мой отъѣздъ задержался изъ за возникшаго было предположенія объ офиціальномъ моемъ назначеніи въ одну изъ балканскихъ странъ. Я погрузился на пароходъ „Константинъ“ въ четвергъ, 27 февраля, и на другой день, 28-го утромъ мы отчалили отъ пристани.

Было очень рано, дулъ суровый, холодный вѣтеръ. Только небольшая кучка пассажировъ на палубѣ послала послѣдній прощальный привѣтъ покидаемой родинѣ.

* * *

Нашъ „Константинъ“ ушелъ во время и потому благополучно. Уже „Николай“, отходившій три дня спустя, едва не претерпѣлъ серьезныхъ непріятностей. У насъ только вечеромъ провѣрили документы какія то личности сомнительнаго военнаго вида, и насъ отпустили съ миромъ.

Но Новороссійскъ мы оставили въ состояніи близкомъ къ агоніи. Бѣженская публика была охвачена эвакуаціонной лихорадкой, добывала заграничные паспорта, брала барьеры контръ-развѣдки, продавала вещи и покупала валюту, всякую валюту: англійскіе и турецкіе фунты, итальянскія лиры и германскія марки, французскіе франки и шведскія кроны. Пароходы увозили тысячи людей, но плотность населенія не уменьшалась, такъ какъ на смѣну отъѣзжавшимъ прибывали все новыя и новыя массы гонимыхъ краснымъ ужасомъ людей. Ставка и правительство были еще въ Екатеринодарѣ, но фронтъ неудержимо откатывался назадъ и при этомъ разлагался. Передъ нашимъ отъѣздомъ въ городѣ говорили, что добровольческія части окончательно вышли изъ повиновенія Ставкѣ и самостоятельно прокладываютъ себѣ путь къ морю. Отдѣльные офицеры и солдаты уже стали появляться на улицахъ Новороссійска. „Зеленые“ еще больше осмѣлѣли. Однажды ночью стоявшія на рейдѣ союзныя военныя суда открыли огонь. То „зеленые“ выпустили изъ тюрьмы нѣсколько сотъ каторжанъ; съ гауптвахты скрылось нѣсколько заключенныхъ. Газеты сообщали, что бѣжавшіе направились къ Абрау — Дюрсо, въ районѣ котораго тоже хозяйничали „зеленые“. Въ другой разъ „зеленые“ совершили налетъ на портъ.

А Южно-Русское правительство тѣмъ временемъ составляло свою „декларацію“, пространную и „демократическую“.

* * *

15 марта новаго стиля публику „Константина“ мыли въ „Тузлѣ“, что на азіатскомъ берегу къ югу отъ Принцевыхъ острововъ, и пароходъ поверхностно дезинфецировали. На другой день насъ отвели на константинопольскій рейдъ и запретили всякія сношенія съ берегомъ. Отъ офиціальныхъ лицъ, подходившихъ къ нашему борту на катерахъ, мы узнали, что союзники какъ разъ занимали городъ, что турки объявили забастовку протеста, и что возможны всякія случайности.

Союзныя военныя суда направили дула своихъ орудій на азіатскій берегъ. Кто то раздобылъ газету, которая ходила по рукамъ; въ ней разсказывалось о выступленіи Каппа — Лютвица въ Берлинѣ. Понемногу, однако, всякими правдами и неправдами нѣкоторые изъ пассажировъ добивались спуска на берегъ. Среди нихъ я замѣтилъ суетившагося графа К.. у котораго, какъ и въ прошломъ году, было множество командировокъ отъ разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Въ четвергъ, 18 марта и мнѣ удалось, наконецъ, высадиться въ Константинополѣ. Надо было осмотрѣться и выбрать дальнѣйшій маршрутъ. Это оказалось нелегкимъ дѣломъ. Только въ Константинополѣ мы, на собственномъ опытѣ, узнали, что такое безправное состояніе русскаго бѣженца. Эвакуація групповая въ общей массѣ зарегистрированныхъ бѣженцевъ имѣетъ все же свои преимущества организованности и опредѣленности. Конечно, вами потакаютъ, съ вами обращаются безцеремонно и порою грубо, но все же регистраціонная карточка обезпечиваетъ доставку въ извѣстное мѣсто на „размѣнъ“ или на „паекъ“. Если вы пытаетесь устроиться своимъ умомъ, на собственный страхъ и рискъ, передъ вами тотчасъ же воздвигаются несмѣтныя препятствія, для преодолѣнія которыхъ нужны и незаурядная энергія, и просто физическая выносливость.

Вы расчитываете, что найдете дѣло и заработокъ во Франціи? Не думайте, что это такъ просто. Нужно, чтобы вы были „желательны“ для французовъ и безъ телеграфнаго распоряженія изъ Парижа визы вы не получите. Конечно, при этомъ достаточно пушинки симпатій къ Германіи на самыхъ бѣлоснѣжныхъ политическихъ одеждахъ, чтобы васъ заперли въ Константинополѣ. Но, можетъ быть, вы и въ самомъ дѣлѣ стремитесь въ Германію? Тогда тѣмъ хуже для васъ: ваше „германофильство“ почитается доказаннымъ, и вамъ ни за что не получить тѣхъ безчисленныхъ промежуточныхъ визъ, которыя нужны для проѣзда въ Германію. Даже для того, чтобы ѣхать въ Сербію или Болгарію, нужно

соизволеніе французской секціи междусоюзническаго контрольнаго бюро, и вы его не добьетесь, если почему либо попадете въ списки „нежелательныхъ". Вѣдь не пускали же въ Сербію генерала-отъ-кавалеріи, заслуженнаго донского дѣятеля, вѣдь отказывали въ визѣ на Болгарію одному русскому профессору. Доносы какихъ то малограмотныхъ филеровъ сдѣлали имъ репутацію „германофиловъ". Во всякомъ случаѣ, куда бы вы ни ѣхали, каково бы ни было ваше прошлое, какія бы ни числились за вами заслуги передъ тѣми же союзниками, вамъ нужно было, прежде всего, пройти черезъ тѣснины междусоюзническаго бюро, которое я называлъ междусоюзнической „Ходынкой" и память о которомъ надолго сохранится у всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло.

Это замѣчательное учрежденіе, раздѣлявшееся на нѣсколько „секцій", находилось внизу, въ Галатѣ. Конечно, только при совершенномъ равнодушіи къ интересамъ публики и полной административной безпомощности можно было размѣстить его въ нѣсколькихъ этажахъ неуютнаго грязнаго зданія съ однимъ входомъ и узкой, темной лѣстницей. Кажется, потомъ это зданіе „разгрузили", оставивъ въ немъ секціи французскую и итальянскую. Но въ мартѣ, утромъ и послѣ обѣда, каждодневно его осаждала огромная, шумная толпа. Въ ней было очень много „восточныхъ людей", — турокъ, грековъ, армянъ, такъ какъ турецкіе подданные нуждались въ пропускѣ уже для выѣзда въ ближайшія къ столицѣ мѣстности; иностранцы были представлены почти исключительно русскими.

Бѣдствія начинались еще внизу. Восточная толпа не признаетъ очередей, а рвется впередъ безформенною лавиной, и русскіе, большіе спеціалисты по части всякихъ „хвостовъ", напрасно пытались строиться „въ затылокъ" и соблюдать порядокъ. Порядокъ наводили англійскіе солдаты, конные и пѣшіе, „осаживая" публику отъ завѣтныхъ дверей. Дѣлалось это, впрочемъ, довольно добродушно. Здѣсь, у наружнаго входа, можно было протолкаться нѣсколько дней подрядъ.

Кто силою или хитростью проникалъ внутрь, тотъ по лѣстницѣ подымался во второй этажъ, гдѣ была французская секція, и въ маленькомъ корридорчикѣ у запертой двери, охраняемой сенегальцемъ, долженъ былъ снова ждать. Уже здѣсь часто наступала катастрофа. Если публика слишкомъ волновалась и напирала, случалось, что двери съ шумомъ отворялись, оттуда выскакивали французскіе жандармы и сенегальцы и, крича „Jusqu'en bas! Jusqu'en bas!" и колотя стэками по головамъ, гнали внизъ и „восточныхъ человѣковъ", и русскихъ рыцарей „союзнической оріентаціи". Я разсказываю о томъ, что самъ видѣлъ и испыталъ. Меня тоже стэками гнали jusqu'en bas, и вокругъ меня мелкимъ горохомъ сыпались по лѣстницѣ мои товарищи по несчастью. У „восточныхъ человѣковъ" нравъ особый, — оправившись, они снова ползли наверхъ; русскіе часто не выдерживали и, рискуя результатами долгихъ усилій, уходили домой, чтобы назавтра опять начать съ самаго начала.

Но, даже втиснувшись въ дверь, слегка пріоткрытую для васъ сенегальцемъ, вы еще не были у цѣли. Вы оказывались теперь въ другомъ, свѣтломъ корридорѣ, изъ котораго нѣсколько дверей вело въ „святая святыхъ" — въ Бюро. Здѣсь вы тоже простаивали часами и часто безплодно, и здѣсь васъ тоже то заставляли безъ всякаго смысла шарахаться слѣва направо или справа налѣво, то вовсе гнали прочь. Иногда здѣсь появлялся „самъ лейтенантъ", маленькій и раздражительный, и злобнымъ голосомъ кричалъ: „Faites moi circuler ce public-là!", и клялся, что закроетъ бюро, пока этотъ „public" не станетъ „сознательнымъ и дисциплинированнымъ" . . .

Постепенно выработались пріемы, при помощи которыхъ можно было облегчать себѣ эти мытарства. Помогалъ въ нѣкоторыхъ стадіяхъ „бакшишъ", помогали болѣе или менѣе фантастическія рекомендательныя письма; выходило недурно, если съ англичанами говорить по французски, а съ французами по англійски. Наконецъ, дѣйствовало „страшное лицо". У французскаго стража вышло столкновеніе съ рус-

скимъ офицеромъ, и тотъ сдѣлалъ страшное лицо и пригрозилъ, что будетъ стрѣлять. Одинъ бывшій кубанскій министръ разсказывалъ мнѣ, что этотъ пріемъ прекрасно ему удавался.

— „Иду, говорилъ онъ, въ черкесскѣ, берусь за рукоятку кинжала и дѣлаю страшное лицо. Ничего — пропускаютъ".

* * *

Между тѣмъ, каждый новый пароходъ, приходившій въ Константинополь изъ портовъ Чернаго моря, выбрасывалъ на берегъ все новыя и новыя партіи русскихъ. Столица Калифа подвергалась, при дружественномъ попустительствѣ турецкихъ чиновниковъ и при активномъ содѣйствіи турецкихъ лодочниковъ, мирному русскому завоеванію. На Большой улицѣ Перы, гдѣ непрерывно открывались русскіе рестораны и комиссіонные магазины, только и слышалась—что русская рѣчь. Во дворѣ русскаго посольства, у русскаго консульства и у Бюро русской печати, что на площади Туннеля, были сборные пункты, гдѣ день за днемъ, часъ за часомъ сообщались послѣднія новости изъ Россіи.

Однажды въ витринѣ Бюро печати исчезла карта новороссійскаго района, на которой шнурокъ, изображавшій фронтъ, вплотную приблизился къ морю, и появилась карта Крымскаго полуострова съ фронтомъ у перешейковъ. Отъ пассажировъ послѣднихъ новороссійскихъ пароходовъ мы выслушали печальную повѣсть о предсмертныхъ дняхъ города. Скоро начали прибывать пароходы уже изъ Севастополя и Ѳеодосіи. Стало извѣстно, что при переѣздѣ изъ Новороссійска въ Крымъ генералъ Деникинъ принялъ, наконецъ, отставку своего начальника штаба, издавъ при этомъ приказъ рѣзко полемическаго тона. Но вотъ уже и члены Южно-Русскаго правительства прохаживаются по Большой улицѣ Перы. Кабинетъ Н. М. Мельникова вышелъ въ отставку? Нѣтъ, больше того: Южно-Русское правительство упразднено и М. В. Бернацкому поручено составить новое „дѣловое учрежденіе". Такъ, въ отраженіяхъ бѣженскихъ слуховъ и

пересудовъ воспринимали мы перипетіи переходного новороссійско-крымскаго періода гражданской войны. У всѣхъ при этомъ было одно общее чувство — происшедшими перемѣнами дѣло ограничиться не можетъ, должно случиться еще что то неизмѣримо болѣе серьезное, и это „что то" естественно связывалось съ именемъ генерала Врангеля.

Генералъ Врангель, покинувшій Крымъ по предложенію Главнокомандующаго, проживалъ пока что въ Константинополѣ, въ зданіи драгоманата у военнаго представителя, генерала Агапѣева. Онъ появлялся на улицѣ Перы то въ форменной шинели, то въ черкесскѣ, большею частью въ сопровожденіи своего бывшаго начальника штаба, генерала Шатилова. Лица, близкія къ генералу Врангелю, передавали, что онъ ѣдетъ въ Сербію, гдѣ будетъ писать мемуары. Онъ уже прошелъ черезъ союзническую Ходынку, и билеты для него уже заказаны. Какъ то разнесся слухъ, что отъ генерала Деникина пришла къ генералу Врангелю радіотелеграмма съ просьбой задержаться отъѣздомъ и выждать прибытія офицера, который идетъ на миноносцѣ съ чрезвычайной важности сообщеніемъ. Офицеръ прибылъ, но важное сообщеніе оказалось всего только отвѣтомъ генерала Деникина на извѣстное письмо генерала Врангеля, которое ходило по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ. Генералъ Врангель, какъ говорили, окончательно намѣтилъ день отъѣзда. Его видѣли уже въ штатскомъ платьѣ.

Внезапно темпъ извѣстій изъ Севастополя измѣнился, дѣло пошло къ развязкѣ. Генералъ Деникинъ рѣшилъ отказаться отъ власти. Генералъ Врангель вызванъ въ Севастополь на военное совѣщаніе, которое должно намѣтить новаго Главнокомандующаго. Генералъ Врангель, имѣвшій передъ тѣмъ продолжительное свиданіе съ англійскимъ адмираломъ де-Робеккомъ, отбылъ въ Крымъ. Генералъ Деникинъ подписалъ приказъ о назначеніи генерала Врангеля Главнокомандующимъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи. Генералъ Деникинъ выѣхалъ въ Константинополь, чтобы, захвативъ семью, плыть дальше, въ Англію.

Стоустая молва разукрашивала эти сухія фактическія сообщенія всевозможными измышленіями.

— Вы знаете, что англійскій король пригласилъ Деникина къ себѣ въ гости, пожаловалъ ему званіе лорда и пожизненную пенсію и подарилъ дворецъ?

На дворѣ русскаго посольства иные передавали эти нелѣпицы съ наивнымъ восторгомъ: молодцы англичане, умѣютъ цѣнить людей! другіе — съ мелкимъ злорадствомъ: выслужилъ себѣ пенсію у англичанъ!

* * *

6 апрѣля утромъ я узналъ, что наканунѣ генералъ Деникинъ въ сопровожденіи генераловъ Романовскаго и Холмана прибылъ въ Константинополь и проѣхалъ въ зданіе посольства, гдѣ жила его семья. Послѣ общей бесѣды, генералъ Романовскій прошелъ въ билліардную. Раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, и вбѣжавшіе увидѣли на полу неподвижное тѣло генерала. Убійцѣ удалось скрыться.

Англичане подняли большой шумъ вокругъ убійства генерала Романовскаго. Въ посольство были введены войска и полиція, генералъ Деникинъ вышелъ на первую панихиду по своемъ вѣрномъ сподвижникѣ подъ англійской охраной.

Потомъ по городу развѣсили распоряженіе о сдачѣ русскими офицерами оружія и еще очень страннаго содержанія бумажку съ приглашеніемъ оказывать всяческое содѣйствіе къ розыску убійцъ и съ угрозой, если убійцы не будутъ найдены, выселить всѣхъ русскихъ изъ района Константинополя. Генералъ Деникинъ переѣхалъ на англійское военное судно и продолжалъ свой путь.

* * *

У меня хранится вырѣзка изъ „Matin" съ фотографическимъ снимкомъ встрѣчи генерала Деникина въ Лондонѣ.

На вокзалѣ, среди небольшой группы русскихъ стоитъ нашъ бывшій диктаторъ. Онъ въ непромокаемомъ плащѣ и дорожномъ кэпи.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Побѣдителей, какъ извѣстно, не судятъ. Напротивъ, побѣжденныхъ всѣ критикуютъ охотно и строго. Мы потерпѣли пораженіе, и совершенно естественно, что и насъ, дѣятелей деникинскаго періода гражданской войны, подвергаютъ съ разныхъ сторонъ безпощадному осужденію. Этотъ гипнозъ пораженія настолько могущественъ, что я боюсь, не погрѣшилъ ли и я противъ исторической истины и, въ поискахъ объясненій нашей неудачи, не остановился ли исключительно на нашихъ ошибкахъ и промахахъ, упустивъ изъ виду положительныя стороны нашихъ, во всякомъ случаѣ, добросовѣстныхъ усилій?

Я оставлю безъ отвѣта тѣ выпады по нашему адресу, которые диктуются отрицаніемъ самыхъ основъ нашего южно-русскаго дѣла. Кто отрицалъ и отрицаетъ вообще возможность и цѣлесообразность вооруженной борьбы съ большевиками, какъ хирургическаго метода лѣченія постигшей Россію болѣзни, тотъ не можетъ, конечно, не расцѣнивать отрицательно всего добровольческаго движенія. Кто „не принималъ“ и „не пріемлетъ“ военной диктатуры, которой вѣдь никто не „выдумывалъ“, которая сама собою установилась на всѣхъ фронтахъ гражданской войны, тотъ по своему послѣдователенъ, когда видитъ роковую причину всѣхъ нашихъ несчастій въ усвоеніи нами именно этого организаціоннаго принципа. Съ людьми, которые держатся этихъ взглядовъ, мы говорили и говоримъ на разныхъ языкахъ. Понять насъ могутъ тѣ, что признавали вооруженную борьбу и мирились съ ея неизбѣжной спутницей — диктатурой, каковы бы ни были недостатки этой своеобразной формы абсолютизма. Недостатки режима единоличной военной власти были и намъ

хорошо извѣстны, и, въ частности, я въ своемъ изложеніи часто указывалъ на связанное съ военной диктатурой подавленіе въ управленіи гражданскаго начала военнымъ. Мы мирились съ нимъ диктатуры ради, какъ мы признавали и защищали диктатуру, во имя успѣшнаго веденія вооруженной борьбы.

Есть, какъ будто, одинъ возможный для насъ способъ вообще „отвести" всѣ обвиненія и отклонить отъ себя всякую отвѣтственность. Для этого, какъ будто, достаточно сослаться на то, что мы дѣйствовали въ то время, когда процессъ разложенія соціально—политической ткани народнаго организма еще продолжался, и что слѣдовательно всѣ наши попытки побороть анти-государственныя теченія и возстановить русскую государственность были заранѣе обречены на плачевную неудачу. Я не сомнѣваюсь, что именно въ такомъ видѣ представимся мы черезъ сто—двѣсти лѣтъ историку второй русской смуты — какъ бѣдные, слабые люди, безнадежно силившіеся овладѣть бунтующей революціонной стихіей. Но все же мы эти усилія дѣлали, мы что то обѣщали людямъ, которые намъ вѣрили и за нами шли, мы считали себя призванными распоряжаться, приказывать и руководить, и за это мы подлежимъ отвѣтственности. Условія соціально-политической среды, съ которой мы имѣли дѣло, могутъ для насъ служить только смягчающими тяжесть нашей отвѣтственности обстоятельствами. Къ числу такихъ, отъ нашей воли независѣвшихъ, обстоятельствъ надо отнести, конечно, и неблагопріятную международную конъюнктуру.

Съ этими обстоятельствами, во всякомъ случаѣ, необходимо считаться, и большая ошибка нашихъ критиковъ заключается въ томъ, что они, по добросовѣстному невѣдѣнію или въ силу завѣдомаго пристрастія, не принимаютъ во вниманіе реальной обстановки, въ которой протекала наша дѣятельность. Съ недоумѣніемъ поэтому встрѣчаю я среди нашихъ судей дѣятелей и апологетовъ эпохи Временнаго Правительства. Вотъ люди, которыхъ недавній печальный опытъ, повидимому, обязывалъ бы къ осторожности и скромности! Мы не

сумѣли вырвать власть изъ рукъ большевиковъ, несмотря на весь героизмъ Арміи, на которую мы опирались. Они эту власть большевикамъ сдали, почти безъ сопротивленія. А у нихъ вѣдь было въ рукахъ государство, которое мы должны были создавать изъ ничего; у нихъ въ распоряженіи былъ правительственный аппаратъ, который мы „импровизировали“! Таковы чары минувшаго: при насъ находились люди, съ тоскою вспоминавшіе о времени, когда на Украйнѣ и въ Крыму были нѣмцы; теперь многіе готовы тосковать по 1917 годѣ, по тому сумасшедшему дому, въ какой превратилась Россія при благодушномъ управленіи князя Г. Е. Львова и подъ неврастенической „диктатурой“ А. Ф. Керенскаго.

Есть затѣмъ и въ конкретныхъ обвиненіяхъ противъ насъ такія, которыя тоже основаны либо на незнаніи, либо на извращеніи фактовъ. Къ числу ихъ относится, прежде всего, указаніе на неправильную нашу окраинную политику. Мы были, говорятъ, „фанатиками“ идеи русскаго государственнаго единства и не могли поэтому привлечь на свою сторону окраинныя „государственныя образованія“. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ союзу и сотрудничеству со всѣми анти-большевистскими силами, генералъ Деникинъ, говорятъ, „воевалъ“ съ окраинами и тѣмъ самымъ распылялъ собственныя свои силы. Это частью неточно, частью просто невѣрно. Съ Финляндіей и Эстоніей, Латвіей и Литвой генералъ Деникинъ не воевалъ уже просто за дальностью разстоянія. Съ такъ называемымъ Азербейджаномъ мы поладили еще весной 1919 года, когда генералъ Деникинъ обѣщалъ уважать фактическую самостоятельность бакинскаго правительства и, при условіи взаимности, не переступать установленной разграничительной линіи. Такое же соглашеніе могло бы быть легко достигнуто и съ Грузіей, если бы не вызывающая политика Тифлиса, вынуждавшая генерала Деникина держать небольшія силы въ южной части Черноморской губерніи. Во второй половинѣ 1919 года наступило, впрочемъ, нѣкоторое улучшеніе и въ нашихъ отношеніяхъ съ Грузіей. Въ концѣ ноября былъ совершенно практически поставленъ на очередь во-

просъ о переговорахъ съ делегаціями обѣихъ закавказскихъ „республикъ". Однако, закавказскія „республики" никогда не обнаруживали желанія активно принимать участіе въ вооруженной борьбѣ съ большевиками, предпочитая за спиной Добровольческой Арміи утверждать свою „независимость".

Съ кѣмъ, дѣйствительно, мы были въ открытой и постоянной враждѣ, такъ это съ украинскими политическими группировками петлюровско-самостійнаго толка. Но въ этомъ случаѣ рѣчь шла уже объ одномъ изъ коренныхъ началъ нашей политической идеологіи, о принципѣ русскаго единства, и тутъ компромиссъ былъ для насъ невозможенъ. Правда, насъ укоряютъ за то, что слишкомъ прямолинейной политикой въ малорусскомъ вопросѣ мы оттолкнули отъ себя и умѣренные круги малорусскаго общества, стоящіе на почвѣ федераціи съ Россіей. Но не надо преувеличивать ни численности, ни вліянія этихъ промежуточныхъ группъ украинофильствующей интеллигенціи. Путемъ сближенія съ ними мы въ лучшемъ случаѣ пріобрѣли бы сотрудничество нѣсколькихъ дѣятелей гетманскаго режима, и только всего. Конечно, и на Украйнѣ мы „провалились" не на національной политикѣ, а, какъ вездѣ, на безсиліи совладать съ соціальной смутой и организовать технически удовлетворительное управленіе.

Для меня неясно, хотѣли ли бы наши критики, чтобы мы пошли дальше допущенія временно — до Учредительнаго Собранія — самостоятельнаго существованія окраинныхъ „образованій" и, ради общей борьбы съ большевизмомъ, признали ихъ de jure. Въ этомъ пунктѣ генералъ Деникинъ былъ, дѣйствительно, непоколебимъ и даже въ своей рѣчи на Верховномъ Казачьемъ Кругѣ 16 января 1920 года заявилъ торжественный протестъ противъ „юридическаго" расчлененія Россіи. Но я думаю, что этимъ своимъ „фанатическимъ" служеніемъ идеѣ Единой Россіи генералъ Деникинъ, утративъ, быть можетъ, симпатіи политическихъ гутаперчевыхъ мальчиковъ, пріобрѣлъ неоспоримое право на уваженіе со стороны всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые пони-

мають, что во всякомъ политическомъ дѣйствіи необходимо должны быть, кромѣ измѣнчивыхъ тактическихъ пріемовъ, и честно усвоенные и свято хранимые принципы.

Признаніе, до установленія законной обще-россійской власти, фактической самостоятельности окраинныхъ „образованій“ было, конечно, рѣшеніемъ временнымъ. Но и въ примѣненіи къ тому, какъ мы представляли себѣ будущій „окончательный“ строй Россіи, едва ли правильно говорить о нашемъ „централизмѣ“. Мы не были федералистами, и лично я, несмотря на всѣ пережитыя потрясенія и разочарованія — я не могу, очевидно, говорить за своихъ бывшихъ товарищей по правительству генерала Деникина — остаюсь при убѣжденіи, что цѣлымъ рядомъ факторовъ историческаго, этнографическаго и географическаго характера исключается возможность установленія въ Россіи федеративнаго строя. Но между „федерализмомъ“ и „централизмомъ“ есть еще множество оттѣнковъ „автономизма“ или „областничества“, и если я вѣрно понималъ генерала Деникина, онъ всегда казался мнѣ убѣжденнымъ децентрализаторомъ — областникомъ. Онъ неоднократно излагалъ свою программу устроенія Россіи на началахъ областной автономіи и широкаго мѣстнаго самоуправленія, и въ то время, когда мы могли еще думать, что намъ придется участвовать въ строительствѣ Россіи, у насъ принимались мѣры къ подготовкѣ отвѣчающихъ этой программѣ законопроектовъ. Образованіе трехъ областей Южной Россіи мыслилось нами, какъ часть обширнаго плана областного устройства всего государства. Въ этомъ направленіи работала лѣтомъ и осенью 1919 года спеціальная комиссія, труды которой прервались въ связи съ нашими военными неудачами. По условіямъ нашего смутнаго времени области должны были первоначально получать только административное устройство, но въ дальнѣйшемъ предусматривалось введеніе въ нихъ и представительныхъ областныхъ органовъ.

Мнѣ могутъ, пожалуй, сказать, что это все, въ концѣ концовъ, теорія, а что на практикѣ мы не сумѣли столко-

ваться даже съ казачьими областями, въ то время какъ за ничтожными исключеніями среди казачьихъ политиковъ не было сепаратистовъ, и казаки поставляли арміямъ генерала Деникина значительную часть бойцовъ. Я очень предостерегалъ бы нашихъ критиковъ отъ поспѣшныхъ и упрощенныхъ сужденій по казачьему вопросу, какъ онъ ставился при генералѣ Деникинѣ. Это былъ очень сложный вопросъ или, вѣрнѣе, рядъ вопросовъ, такъ какъ онъ слагался и изъ вопроса объ иногородныхъ, и изъ земельнаго вопроса, и изъ вопроса о федераціи въ казачьей ея трактовкѣ. Формально мы расходились съ казачьими лидерами въ пониманіи будущаго строя Россіи, потому что имъ мы тоже говорили „автономія", а они большею частью отвѣчали намъ: „федерація". Практически же мы не могли договориться потому, что мы стояли на почвѣ диктатуры, ограниченной, какъ выражался генералъ Деникинъ, признаніемъ за казачьими областями правъ широкой автономіи, а они требовали немедленнаго переустройства высшаго органа военной и гражданской власти въ духѣ „народоправства"; я напомню, что даже на соглашеніе, заключенное въ январѣ 1920 года, казачьи политики пошли „со смятеннымъ сердцемъ". Чѣмъ оправдывалась, однако, эта позиція военной диктатуры въ отношеніи къ казачьимъ войскамъ, только что сбросившимъ съ себя диктатуру царскую и создавшимъ себѣ свободныя выборныя учрежденія? Да тѣмъ же, чѣмъ и въ отношеніи другихъ мѣстностей, подпавшихъ подъ „власть и вліяніе Добровольческой Арміи", необходимостью полнаго сосредоточенія власти, военной и гражданской, въ условіяхъ междоусобной борьбы. Не надо забывать, кромѣ того, что всѣмъ ходомъ гражданской войны на Югѣ Россіи предопредѣлялось во взаимоотношеніяхъ между „добровольчествомъ" и казачествомъ организаціонное преобладаніе „добровольчества". Никто не посмѣетъ отрицать высокой доблести казачества, донского, кубанскаго, терскаго, астраханскаго. Но всякій разъ, когда казачья сила изнемогала и колебалась, ей помогала оправиться и снова найти себя Добровольческая Армія. Даже тогда, когда казаки

численно преобладали надъ добровольцами, добровольческая организація была тѣмъ крѣпкимъ остовомъ, который сообщалъ „форму“ опиравшимся на него казачьимъ элементамъ Арміи. Дрогнула эта организація и въ своемъ паденіи увлекла за собой и казачество.

Мнѣ кажется, иными словами, что программа нашей казачьей политики принципіально была правильна, тѣмъ болѣе что подчиненіе диктатурѣ генерала Деникина отнюдь не угрожало бы казакамъ обезличеніемъ и обезкровленіемъ ихъ автономныхъ правительствъ, которымъ всѣ наши конституціонные проекты отводили очень широкую сферу самодѣятельности. Но тактика наша въ отношеніи казачества была, несомнѣнно, ошибочна, и основной ея порокъ заключался въ отсутствіи въ ней смѣлости и послѣдовательности. Мнѣ кажется, что большая твердость съ нашей стороны во время безконечныхъ переговоровъ осенью 1919 года оказала бы самое благотворное вліяніе на ихъ теченіе, и что во многихъ другихъ случаяхъ наши отдѣльные энергичные жесты только дразнили казачество, а наша неожиданная иногда уступчивость только поощряла несговорчивость его политическихъ вождей. Впрочемъ, этотъ порокъ былъ свойственъ, по моему, нашему политическому дѣйствію вообще, и если насъ порицаютъ за угловатость, рѣзкость и прямолинейность нашей политики, то я рѣшаюсь утверждать, что она, напротивъ, страдала избыткомъ осторожной мягкости и преувеличенной щепетильности. Мы дѣйствовали въ революціонное время, и задача наша по существу была революціонная. Съ революціонной стихіей мы пытались справиться пріемами, заимствованными изъ обихода урегулированной государственности, и революціонному напряженію воли нашихъ враговъ мы противопоставляли изысканную и часто, увы, бумажную, бюрократическую — петроградскихъ канцелярій и генеральнаго штаба — традицію.

Не нужно съ этой точки зрѣнія болѣе убѣдительнаго примѣра, чѣмъ наше безсиліе справиться съ земельнымъ вопросомъ. Было только одно возможное революціонное,

экономически безсмысленное, морально предосудительное зато политически цѣлесообразное рѣшеніе его — легализовать земельные захваты. Оно не гарантировало бы намъ безпроигрышнаго успѣха, хотя бы уже потому, что крестьяне могли и не повѣрить нашей „легальности", но оно дало бы намъ большой, очень большой козырь въ игрѣ на „психологію массъ". Мы этого рѣшенія не приняли. Изъ за пристрастія къ „помѣщичьимъ шарабанамъ", какъ утверждаютъ наши критики? Конечно, нѣтъ! А все изъ за того же отвращенія къ революціоннымъ методамъ дѣйствія, изъ за юридической корректности и размѣренной солидности. „Помѣщичьи вожделѣнія" не имѣли опредѣляющаго вліянія на наши правительственные верхи. Когда „помѣщичій духъ" сказался въ земельномъ проектѣ В. Г. Колокольцова, генералъ Деникинъ его не утвердилъ и разстался съ главою вѣдомства земледѣлія. Я разсказалъ уже дальнѣйшую печальную судьбу нашего земельнаго законодательствованія и думаю, что мы испытывали такое пристрастіе къ земельному „законодательству" именно потому, что хотѣли и земельный вопросъ разрѣшить по хорошему, по праву, чести и справедливости. 24 марта 1919 года въ программномъ письмѣ генерала Деникина по аграрному вопросу говорилось въ первую голову о „сохраненіи за собственниками ихъ правъ на земли". Мы несли такимъ образомъ съ собой возстановленіе правъ помѣщиковъ. „Юридическое" возстановленіе, подчеркивалъ всегда генералъ Деникинъ. Это „юридическое возстановленіе" было нужно, чтобы дать удовлетвореніе нарушенному праву и обосновать притязанія землевладѣльцевъ на вознагражденіе за послѣдующее отчужденіе „юридически" возвращенныхъ имъ земель. На практикѣ дѣло иногда доходило до фактическаго, насильственнаго возстановленія помѣщиковъ. Въ корнѣ пресѣчь такія злоупотребленія можно было бы только открытымъ и смѣлымъ признаніемъ противоправнаго фактическаго положенія вещей.

Эти отличительныя черты нашей политики, можетъ быть, были связаны съ особенностями характера и темперамента

тѣхъ или иныхъ дѣятелей деникинскаго періода. Но, по моему, такое персональное объясненіе недостаточно. Чтобы вполнѣ понять причины нашей политической, совсѣмъ не контръреволюціонной вялости, надо принять въ расчетъ, прежде всего, нашъ „политическій курсъ", нашу злополучную „коалицію". Программа генерала Деникина предуказывала намъ слѣдованіе по нѣкоторой „средней линіи". Но генералъ Деникинъ былъ совершенно правъ, когда скорбѣлъ о томъ, что исполнители его предначертаній не понимаютъ или ихъ искажаютъ. Да, мы должны были дѣлать политику „juste milieu", а кругомъ насъ не было людей „среднихъ", а были все люди „правые" и „лѣвые". Еще на самомъ верху правительственной іерархіи, въ руководящемъ центрѣ нашей государственной жизни можно было ждать отъ отвѣтственныхъ политическихъ дѣятелей сознательнаго подчиненія личныхъ взглядовъ и вкусовъ однажды принятой „компромиссной" программѣ. Если уже здѣсь это плохо удавалось и коалиція приводила къ взаимной нейтрализаціи двухъ механически соединенныхъ „направленій", то что должно было происходить внизу, въ гущѣ чиновничьихъ и обывательскихъ отношеній? И дѣйствительно, чѣмъ дальше отъ центра къ периферіи, отъ Ставки къ фронту, отъ правительства къ мѣстному управленію, тѣмъ откровеннѣе раскрывались у насъ противорѣчія, тѣмъ рѣзче звучали диссонансы двухъ политическихъ идеологій. О другой коалиціи, о коалиціи 1917 года говорили, что она была въ правительствѣ и что ея не было въ странѣ. Въ иныхъ масштабахъ и формахъ, въ ухудшенной во много разъ соціально-политической обстановкѣ, мы повторили этотъ печальный опытъ, и если наша коалиція все же была болѣе естественной и „государственной", то, какъ мнѣ кажется, потому, что она была коалиціей не отъ кадетовъ налѣво, а отъ кадетовъ направо.

Въ концѣ 1917 года, когда большевики начали преслѣдовать партію народной свободы, Ленинъ обмолвился однимъ любопытнымъ афоризмомъ. Въ Россіи, сказалъ онъ, есть только двѣ серьезныя партіи — большевики и кадеты; все,

что „болтается посрединѣ", не имѣетъ значенія. Ленинъ сдѣлалъ, конечно, очень большой комплиментъ партіи народной свободы. Но слово „кадеты" имѣетъ не только буквально-партійный смыслъ. У насъ, на Югѣ Россіи, большевики называли „кадетами" всѣхъ вообще активныхъ участниковъ добровольческаго движенія, по тѣмъ юнымъ героямъ въ коротенькихъ мундирчикахъ съ золотыми галунами, которыхъ было немало въ первыхъ формированіяхъ Алексѣева и Корнилова. Вотъ если взять это „кадетство", которое значительно шире кадетства партійнаго и которое объемлетъ совокупность найболѣе стойкихъ національно государственныхъ русскихъ силъ, то придется сказать, что большевики не случайно и не напрасно видѣли въ немъ своего самаго опаснаго врага. Я предлагалъ осознать этотъ фактъ и, чтобы выйти изъ нашего коалиціоннаго, неустойчиваго равновѣсія, „транспонировать" весь нашъ политическій строй направо. Меня за это достаточно смѣшивали съ грязью. Я считалъ бы безплоднымъ послѣ 1917 года разговаривать на тему о томъ, точно ли „лѣвая" среда могла бы поставить намъ технически подготовленный персоналъ, нужный для налаживанія жизни и „хорошаго управленія". Но мнѣ думается, что политически для насъ вопросъ о выборѣ между „правизной" и „лѣвизной" очень упрощался характеромъ того дѣла, которое мы дѣлали. Мы вели вооруженную борьбу съ большевиками. Для веденія вооруженной борьбы нужна армія. Наша Армія — по крайней мѣрѣ, ея самое крѣпкое ядро, — не будучи реакціонной, была „правѣе" Ставки и правительства. Равняясь налѣво, въ сторону „болтающихся посрединѣ", мы, быть можетъ, увлекли бы за собой нѣсколько демократическихъ думъ и культурно-просвѣтительныхъ организацій, но еще больше оторвались бы отъ Арміи. А „думы" и „организаціи", конечно, превосходны, каждая въ своей области; только онѣ самой своей природой предназначены къ мирному труду.

Политика средней линіи, или, на практикѣ, мертвой точки, кажется мнѣ важнѣйшимъ изъ политическихъ факторовъ нашей неудачи, изъ которой поэтому могутъ и должны

быть извлечены цѣнные политическіе же уроки. Но только одной „политикой" наше пораженіе объяснить нельзя, и въ немъ, конечно, сыграли свою роль и ошибки стратегіи, и оплошности военной администраціи. Объ этихъ военныхъ причинахъ пораженія генерала Деникина писали и будутъ еще писать „оппозиціонные" генералы и „революціонно-демократическіе" генеральнаго штаба полковники. Имъ и книги въ руки. Это, во всякомъ случаѣ, область спеціалистовъ.

* * *

Правленіе генерала Деникина, длившееся полтора года безъ трехъ дней (командовалъ Арміей генералъ Деникинъ почти два года), образуетъ въ исторіи второй русской смуты цѣлостную, законченную эпоху.

Не время сейчасъ подводить ей окончательные итоги, но несомнѣнно, что несмотря на печальный финалъ, несмотря на многія мрачныя явленія, ее характеризовавшія, несмотря на многочисленныя ошибки и заблужденія ея дѣятелей, эта эпоха полна интереса и поучительности. Она протекала подъ знакомъ „фанатически" убѣжденной, страстной борьбы за Единую Россію, и въ этомъ ея нравственно-политическое значеніе. Нѣтъ, не напрасенъ былъ самоотверженный подвигъ офицеровъ и солдатъ генерала Деникина. Въ дѣлѣ утвержденія въ русскомъ народномъ сознаніи немногихъ національно-государственныхъ идей, которыя кажутся иногда очень элементарными, но безъ которыхъ немыслимо возрожденіе Россіи, онъ уже сыгралъ огромную воспитательную роль.

И какими бы путями ни пошла дальше русская исторія, въ какихъ бы формахъ ни возродилась національно-русская государственность, въ лѣтописяхъ борьбы за нее въ ряду прочихъ „добрыхъ" русскихъ людей найдется почетное мѣсто для генерала Деникина, благороднаго рыцаря Прекрасной Дамы — Великой, Единой Россіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ III

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.
На Дону и на Кубани въ 1917—1918 г. г. 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Зачатки правительства при Добровольческой Арміи. 26

ГЛАВА ВТОРАЯ.
Правительство организуется 43

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.
Вооруженныя Силы на Югѣ Россіи. 61

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.
Особое Совѣщаніе при Главнокомандующемъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи. 73

ГЛАВА ПЯТАЯ.
Отдѣлъ Пропаганды 93

ГЛАВА ШЕСТАЯ.
Тревоги и колебанія 116

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.
Заграницей. 141

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.
Опять на родинѣ 160

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.
Facies hyppocratica 175

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.
Кубанское дѣйство. 199

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.
Въ поискахъ выхода 200

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.
Катастрофа. 225

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.
На развалинахъ 239

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.
Эвакуація 264

ПОСЛѢСЛОВІЕ. 280

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
28	6 сверху	замѣщавшаго	замѣщавшимъ
31	3 „ „	дѣйсвій	дѣйствій
102	7 „ „	1918	1919
121	10 „ „	отстояться. Въ	отстояться. На дѣлѣ порядка въ нихъ не было. Новые организаціонные законы пришли слишкомъ поздно и проводились въ жизнь слишкомъ медленно. Въ
127	9 „ „	позволяла	позволяло
155	11 снизу	анлгичанахъ	англичанахъ

150

MONOLIT COMPANY
6 East 97th Street
NEW YORK, N. Y.
U. S. A.

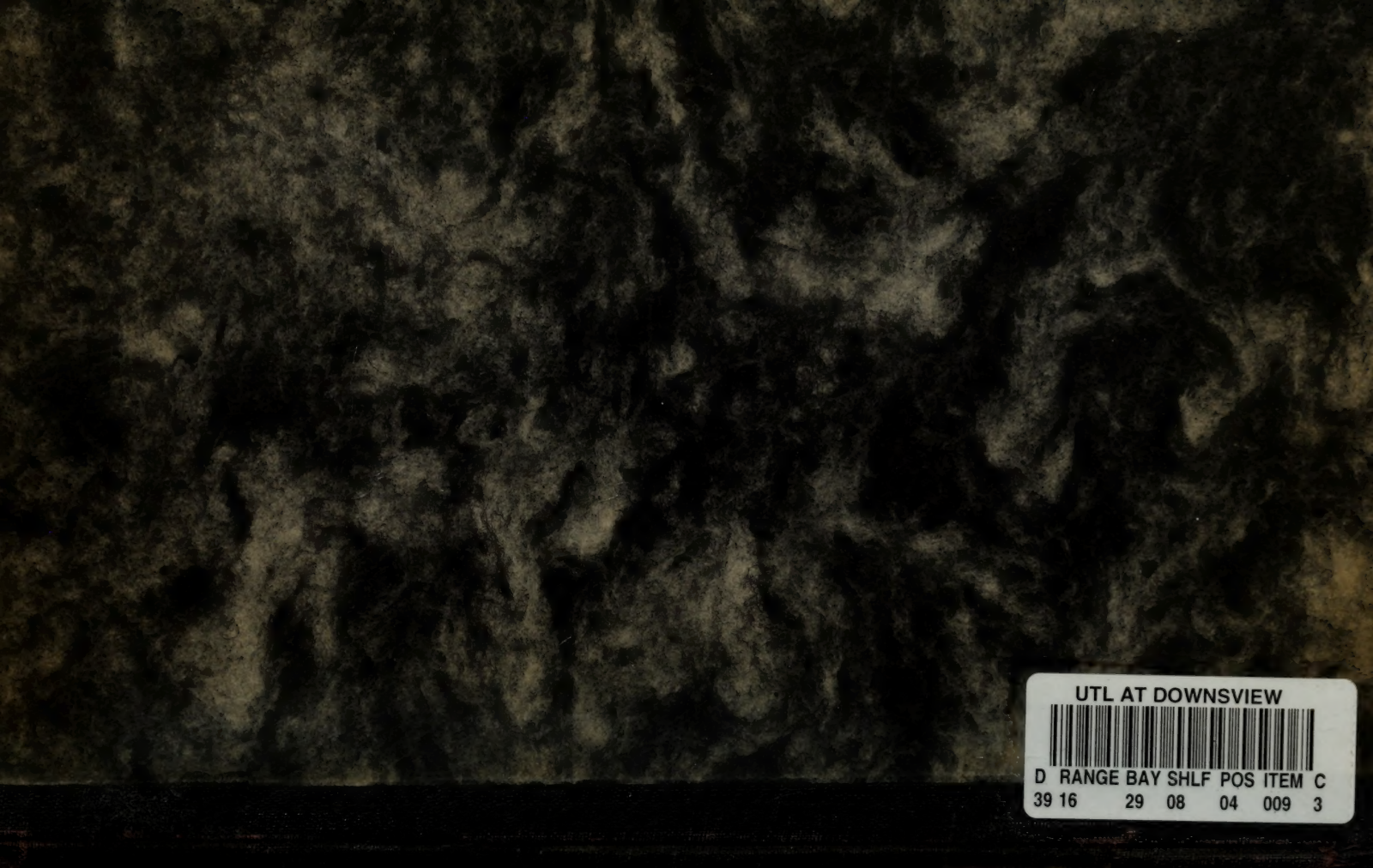
HRus
S6833p

496751
Sokolov, Konstantin Nikolaevich
Правленіе генерала Деникина.
[Transliter.: Pravlenie generala Denikina]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED


UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 29 08 04 009 3